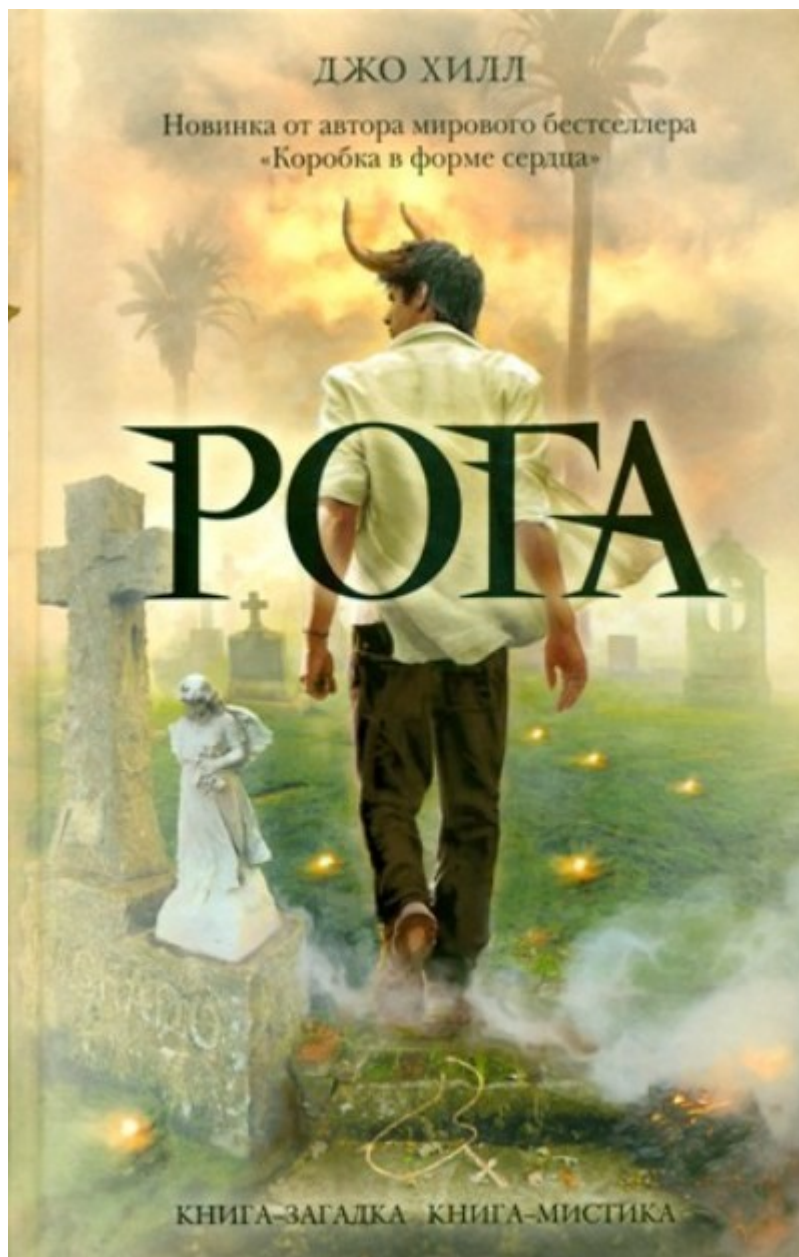

Джо Хилл Рога

Аннотация

В годовщину смерти его любимой девушки у Ига Перриша выросли рога. И это не единственный обретенный им дьявольский атрибут — теперь Иг безотчетно, одним своим присутствием, понуждает людей выкладывать самые заветные, самые постыдные тайны, поддаваться самым греховным соблазнам. Сможет ли Иг, пока все вокруг пляшут под дьявольскую музыку рогов, найти настоящего убийцу Меррин Уильямс (все в городе уверены, что он ее сам и убил), постичь евангелие от Мика Джаггера и Кита Ричардса и вернуться в Древесную Хижину Разума?

Джо Хилл
Рога

Леоноре — как всегда, с любовью

Сатана — это один из нас, значительно больше, чем Адам или Ева.

Майкл Чабон. О демонах и прахе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ад

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Игнациус¹ Мартин Перриш целую ночь бухал и занимался всяким непотребством. Он проснулся наутро с дикой головной болью, приложил руки к вискам и нащупал что-то незнакомое, пару заостренных шишек. Ему было настолько плохо — слабость, и глаза слезились, — что сперва он почти не обратил на эти шишки внимания. Похмелье не оставляло места для иных беспокойств.

Но когда, уже в туалете, он взглянул на свое отражение в зеркале, висевшем над раковиной, то увидел, что за время сна у него выросли рога. От удивления он пошатнулся и вторично за двенадцать часов намочил себе на ноги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Он натянул шорты цвета хаки — вся одежда была еще вчерашняя — и наклонился над раковиной, чтобы рассмотреть эту новость получше. Рога-то, в общем, были не слишком роскошные, длиною каждый с мизинец, толстые у основания, заостренные на концах и чуть изогнутые кверху. Их плотно обтягивала его собственная, ненормально светлая кожа, кроме самых кончиков, которые были воспаленно-красными, словно совсем уже собрались проколоть кожу. Боязливо потрогав один из них, он обнаружил, что кончики чувствительны, даже немного болезненны. Проведя пальцами по каждому из рогов, он ощутил под туго натянутой кожей плотную кость.

Он сразу подумал, что каким-то образом сам навлек на себя эту напасть. Вчерашней ночью он забрел в лес аж за старую литейную мастерскую, к тому месту, где была убита Меррин Уильямс. Об этом напоминало черное полусохшее вишневое дерево, кора на котором кое-где облупилась, обнажая древесную плоть. Вот в таком виде была тогда и Меррин: из-под сорванной одежды виднелась плоть. Тут были ее фотографии, деликатно развешанные по веткам вишни, а также памятные карточки, покореженные дождем, испятнанные и выгоревшие. Кто-то — наверное, ее мамаша — оставил декоративный крест с привязанными к нему желтыми нейлоновыми розами и пластиковой Пречистой Девой, улыбавшейся блаженной придурочной улыбкой.

Его бесила эта улыбочка. Его бесил и этот крест, установленный на месте, где Меррин умерла от кровотечения из расшибленной головы. Крест с желтыми розочками, долби его конем. Это вроде как электрический стул с подушками в цветочек, дурная шутка. Его смутно тревожило, что кто-то обеспокоился ввязать в это дело и Христа. Христос появился здесь на год позже, чем следовало бы. Когда Меррин в нем нуждалась, его тут что-то не было.

Иг сорвал декоративный крест и злобно его растоптал. А тут, кстати, и поссать захотелось, что он и сделал, стараясь попасть на Деву, но попутно с пьяных глаз обмочив и свою ногу. Возможно, уже это было достаточно святотатственно, чтобы навлечь на себя такое преображение. Но нет, он чувствовал: здесь есть что-то большее. Что именно — он был не в силах сообразить. Ему нужно было о многом подумать.

Он покрутил голову туда-сюда, изучая себя перед зеркалом, раз за разом трогая

¹ Ignatius (лат.) — огненный.

пальцами рога. Сколько тут этой кости? И нет ли у рогов корней, прорастающих в мозг? При этой мысли в ванной потемнело, словно висевшая над головой лампочка почти перестала светить. Но это продолжалось недолго, тьма была не в лампочке, а у него в глазах, у него в голове. Иг крепко вцепился в раковину и стал терпеливо ждать, пока слабость пройдет.

И тут он все понял. Он умирает. Ну, конечно же, он умирает. Что-то вторглось ему в мозг, наверное, опухоль. Никаких рогов в действительности не было — просто метафора, воображение. Его мозговые клетки пожирает опухоль, вот ему и мерещится всякое. И если он дошел уже до того, что видит видения, то спастись, пожалуй, уже невозможно.

Мысль о том, что он, возможно, вскоре умрет, принесла с собой волну облегчения, родственную тем чувствам, которые испытываешь, выныривая на поверхность после излишне долгого пребывания под водой. Иг однажды почти утонул и с самого детства задыхался от астмы, для него это облегчение было простым и понятным, как возможность дышать.

— Я болен, — выдохнул он. — Я умираю.

Сказав это вслух, он улучшил себе настроение.

Он снова изучил себя в зеркале, почти ожидая, что рога исчезнут, ведь он же знает, что они — галлюцинация, но ничего не вышло. Рога остались. Он поворошил свои волосы, пытаясь разобраться, нельзя ли хоть как-нибудь скрыть их, хотя бы до визита к врачу, но затем бросил это занятие, сообразив, до чего же это глупо — прятать то, чего не видит, кроме него, никто.

Еле переставляя трясущиеся ноги, он вернулся в спальню. С обеих сторон кровати постельное белье было отброшено, и нижняя простыня еще хранила скомканный отпечаток Гленны Николсон. В его памяти не сохранилось, как он ложился с ней в постель, и даже то, как он вообще вернулся домой, — еще одна исчезнувшая часть этой ночи. До этого момента он искренне считал, что спал один и что Гленна провела эту ночь где-то еще. *С кем-то* еще.

Прошлой ночью они с ней вышли в город вместе, но, приняв на грудь несколько рюмок, Иг, естественно, начал думать о Меррин, ведь через несколько дней была годовщина ее смерти. И чем больше он пил, тем больше тосковал по ней — и тем яснее осознавал, насколько Гленна от нее отлична. Со своими татуировками и приклеенными ногтями, своей полочкой, полной романов Дина Кунца, своими сигаретами и длинным списком приводов в полицию, Гленна была воплощенной не-Меррин. Ига раздражало, что она сидит с ним за одним столиком, это казалось ему предательством, хотя было не совсем ясно, кого это он предает — Меррин или себя. В конце концов, он решил смыться, Гленна раз за разом поглаживала пальцем косточки его кулака — жест, задуманный как нежный, но почему-то доводивший его до бешенства. Он пошел в туалет, спрятался там минут на двадцать, а вернувшись за столик, никого за ним не нашел. Он сидел и пил еще примерно час и, наконец, сообразил, что она не вернется и что он об этом не жалеет. И вот оказывается, что где-то ночью они с ней оказались в одной кровати — кровати, на которой спали вместе уже три последних месяца.

В соседней комнате балаболил телевизор. Значит, Гленна еще была дома, не ушла в свою парикмахерскую. Он попросит ее довести его до врача. Облегчение, нахлынувшее при мысли о смерти, быстро прошло, и он уже страшился неизбежного будущего: как отец будет мужественно стараться не плакать, а мать будет надевать маску деланой жизнерадостности, и все эти капельницы, процедуры, радиация, постоянная тошнота, больничная еда.

Иг прошел в соседнюю комнату, где сидела на кушетке Гленна в топе с надписью «Guns N' Roses» и вылинявших пижамных штанах. Поставив локти на кофейный столик, она подалась всем телом вперед и запихивала в широко открытый рот остатки пончика. На столике стояли коробки с трехдневными магазинными пончиками и двухлитровая бутылка диетической кока-колы. Она смотрела дневное ток-шоу.

Услышав, как он вошел, Гленна бросила на него укоризненный взгляд и снова уставилась в телевизор. Сегодняшняя программа называлась «Мой лучший друг — социопат». Вислобрюхие деревенские мужики готовились швыряться друг в друга стульями.

Рогов Гленна не заметила.

— Кажется, я болен, — начал Иг.

— Не канючь, — сказала Гленна. — У меня у самой с похмелья голова трещит.

— Нет. Я в смысле... взгляни на меня. Я нормально выгляжу?

Он спрашивал потому, что хотел быть уверенным.

Гленна медленно повернула голову и взглянула на него исподлобья. На ней все еще был вчерашний грим, немного размазанный. У Гленны было гладкое, приятное округлое лицо и гладкое, приятных форм тело. Она почти могла бы работать моделью, если бы надо было рекламировать и фасоны, и размер. Она весила больше Ига фунтов на пятьдесят. И дело тут было не в ее толщине, а в его дурацкой костлявости. Она любила жариться из верхнего положения и, поставив локти Игу на грудь, выдавливала из него практически весь воздух, бездумный акт эротической асфиксии. Иг, которому и так часто не хватало дыхания, знал весьма знаменитых людей, погибших от эротической асфиксии. Как ни странно, это были по преимуществу музыканты. Кевин Гилберт. Хидэто Мацумото, по всей вероятности. О Майкле Хатченсе, конечно же, в данный момент вспоминать не хотелось. Дьявол внутри. Внутри каждого из нас.¹

— Ты еще не очухался? — спросила Гленна.

Когда Иг не ответил, она покачала головой и снова уставилась на экран.

Так что все было ясно. Если бы она их видела, то вскочила бы на ноги и заорала. Но она их не видела просто потому, что их не было. Они существовали только в Иговом мозгу. Возможно, взгляни Иг сейчас на себя в зеркало, он бы тоже их не увидел. Но когда Иг взглянул на свое отражение в оконном стекле, рога оказались на прежнем месте. Из глубины стекла на него таранилась блестящая полупрозрачная фигура, некий демонический дух.

— Думаю, мне нужно к врачу, — сказал он Гленне.

— А ты знаешь, что нужно *мне*? — спросила она.

— Что?

— Еще один пончик, — сказала Гленна, заглянув в открытую коробку. — Как ты думаешь, еще один пончик будет о'кей?

— А что тебя держит? — спросил Иг ровным незнакомым голосом.

— Я уже съела один и совсем не голодна. Я просто хочу его съесть. — Гленна повернула голову и взглянула на него перепуганно-жалко и умоляюще. — А я бы хотела съесть всю коробку.

— Всю коробку, — повторил Иг.

— Я не хочу даже пользоваться руками. Мне хочется просто залезть в коробку мордой и жевать. Я знаю, что это грубо и некрасиво. — Она пересчитала пончики, трогая их поочередно пальцем. — Шесть. Думаешь, это будет о'кей, если я съем еще шесть пончиков?

Игу с трудом думалось о чем-либо, кроме собственной тревоги и ощущения тяжести в висках. То, что она сейчас сказала, не имело никакого смысла, было еще одной частью противоестественного, похожего на дурной сон утра.

— Если ты сейчас треплешься, так лучше кончай. Я же сказал тебе, что плохо себя чувствую.

— Я хочу еще один пончик, — сказала Гленна.

— Ну и с богом, вперед. Это ничуть меня не колышет.

— Ладно, так я и сделаю. Если ты думаешь, что это нормально.

Гленна вытряхнула из коробки пончик, разорвала его на три части и начала жевать, засовывая в рот кусок за куском и даже не глотая.

Вскоре у Гленны во рту оказался весь пончик, ее щеки надулись. Она негромко поперхнулась, глубоко втянула воздух носом и начала глотать. Иг взирал на это с отвращением. Прежде он ни разу не видел, чтобы она делала что-нибудь подобное, да и вообще не видел, чтобы кто-нибудь делал что-нибудь подобное с того времени, как они

¹ Аллюзия на песню «Devil Inside» австралийской группы *INXS*, лидер которой, Майкл Хатченс, повесился в 1997 г.

младшеклассниками дурачились в школьной столовой. Покончив с пончиком, Гленна несколько раз судорожно вздохнула, обернулась и бросила на него тревожный, озабоченный взгляд.

— Мне это даже не нравится, — сказала она. — Живот заболел. Как ты думаешь, съесть мне еще один?

— Зачем тебе есть этот пончик, если у тебя живот болит?

— Чтобы растолстеть по-настоящему. Не так, как сейчас. Растолстеть так, чтобы ты не хотел иметь со мной никакого дела. — Кончик ее языка высунулся и потрогал верхнюю губу, это был признак крайней задумчивости. — Прошлой ночью я сделала нечто отвратительное. Я хочу тебе об этом рассказать.

У Ига снова промелькнула мысль, что в действительности ничего этого не происходит. У него своего рода горячечный бред, навязчивый и настоятельный, убедительный в мельчайших деталях. По экрану телевизора пробежала муха. За окном по улице прошуршала машина. Один момент естественным образом следовал за другим, все это складывалось в реальность. Иг был спец по сложению. В школе математика давалась ему лучше всего, после этики, которую и за предмет-то трудно считать.

— Пожалуй, мне не хочется знать, что ты там натворила.

— Потому-то я и хочу рассказать. Чтобы тебя затошнило. Чтобы дать тебе предлог уйти. Меня буквально бесит то, что тебе пришлось пережить и что о тебе говорят, но я уже не в силах просыпаться по утрам с тобой под боком. Я просто хочу, чтобы ты ушел, и если рассказать тебе, что я сделала, рассказать эту мерзость, то ты уйдешь, и я снова буду свободна.

— А что обо мне говорят люди?

Иг задал этот глупый вопрос, ответ на который был ему слишком известен.

— Про то, что ты сделал с Меррин. Про то, что ты сдвинутый сексуальный маньяк и всякое в этом роде.

Иг смотрел на нее как зачарованный. Каждая ее новая реплика была кошмарнее предыдущей — и с какой легкостью она ему все это выкладывала. Без малейшего стыда или неловкости.

— Так что же ты хотела мне сказать?

— Прошлой ночью, когда ты куда-то исчез, я наткнулась на Ли Турно. Помнишь Ли, с которым я гуляла в старших классах?

— Помню, — кивнул Иг.

Они с Ли были в другой его жизни друзьями, но все это осталось в прошлом, умерло вместе с Меррин. Весьма затруднительно поддерживать с кем-то близкую дружбу, когда тебя подозревают в том, что ты сексуальный маньяк и убийца.

— Прошлой ночью он был там же, в «Стейшн-хаусе», и, когда ты исчез, он мне поставил. Я не общалась с Ли уже целую вечность и совсем забыла, как легко с ним говорить. Ты же знаешь Ли, он ни на кого не смотрит свысока. Он был со мной очень мил. Ты все не шел и не шел, и через какое-то время он сказал, что посмотрим тебя снаружи, а если тебя там нет, то он отвезет меня домой. Но когда вышли, мы стали целоваться, целоваться вовсю, как в те времена, когда мы с ним гуляли, и у меня голова пошла кругом, и я отсосала ему, прямо там, на глазах у парней. Я в жизни не делала ничего такого психованного, разве что когда была девчонкой и сильно под кайфом.

Игу нужна была помощь. Ему нужно было уйти из этой квартиры. Здесь было слишком душно, невидимая рука стискивала ему грудь.

Гленна вновь наклонилась над коробкой с пончиками, лицо ее было совершенно безмятежным, словно она ему рассказала нечто не слишком важное: что у них кончилось молоко или не течет горячая вода.

— Думаешь, ничего, если я съем еще один? — спросила она. — Живот вроде бы получше.

— Делай что хочешь.

Гленна повернула голову и взглянула на него. Ее светло-серые глаза блестели неестественным возбуждением.

— Ты это серьезно?

— Мне по хрену, — сказал Иг. — Жри, трескай, хавай.

Гленна улыбнулась, на ее щеках обозначились очаровательные ямочки, — а затем наклонилась над столом, придерживая одной рукой коробку, сунулась в коробку лицом и начала есть. Она ела шумно, прищелпывая губами и натужно дыша. Вскоре она снова поперхнулась, ее плечи дернулись, но она продолжала есть, проталкивая в рот все новые и новые пончики, хотя ее щеки уже надулись пузырем. Над ее головой возбужденно жужжала муха.

Иг проскользнул мимо кушетки по направлению к двери. Гленна перестала жевать и скосила глаза в его сторону. В ее взгляде был панический ужас, ее щеки и влажный рот были измазаны сахарной пудрой.

— Мм, — промычала она. — Ммм.

Было не разобрать, стонет она страдальчески или в экстазе.

На уголок ее рта опустилась муха. Иг видел ее буквально секунду — затем язык Гленны выскочил наружу, и она поймала муху рукой и языком одновременно. Когда она отвела руку, мухи уже не было. Ее челюсти ритмично работали, перетирая все, что попало к ней в рот.

Иг открыл дверь и выскользнул наружу. Когда он закрывал за собой дверь, Гленна снова тыкалась лицом в коробку... ныряльщик, наполнивший легкие воздухом и вновь бросающийся в пучину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Иг доехал до «Современной клиники», где обслуживали без предварительной записи. Маленькая приемная была набита почти битком, чересчур натоплена и все время оглашалась детским визгом. Визг исходил от маленькой девочки, лежавшей посреди комнаты, которая попеременно то громко всхлипывала, то визжала, то хватала воздух ртом. Ее мать, сидевшая на приставленном к стене стулу, склонилась над ней, яростно изливая на нее поток угроз, проклятий и советов умолкнуть сейчас же, пока не поздно. Она попыталась схватить дочку за лодыжку, но та пинком отшвырнула ее руку.

Остальные пациенты подчеркнуто игнорировали эту сцену, глядя в какие-то журналы или в телевизор с выключенным звуком, висевший в углу. Здесь тоже шла передача «Мой лучший друг — социопат!». Когда вошел Иг, некоторые из пациентов взглянули на него с надеждой, решив, что это пришел папаша девочки и сейчас он уведет ее наружу, чтобы хорошенько выпороть. Но, приглядевшись к Игу получше, они сразу поняли, что тут помощи не дождешься.

Иг жалел, что ничего не надел на голову. Он приставил ко лбу ладонь, словно чтобы защитить глаза от яркого света, но в действительности надеясь скрыть рога. Если кто-нибудь их и заметил, то виду никто не подал.

В дальнем конце приемной было окошко в стене, за которым сидела женщина с компьютером. Секретарша неприязненно смотрела на мать орущей девочки, но когда перед ней появился Иг, она вскинула глаза и губы ее изогнулись в улыбке.

— Здравствуйте. Вам что? — спросила она, заранее пододвигая к себе какие-то бланки.

— Я хочу, чтобы доктор кое на что взглянул, — сказал Иг, слегка приподняв руку, чтобы показать рога.

Секретарша, сощурившись, оглядела их и сочувственно поджала губы.

— Да, тут что-то не то, — сказала она и повернулась к компьютеру.

Иг мог ожидать любую реакцию, но уж всяко не такую. Она среагировала на рога, словно он показал ей сломанный палец или небольшое воспаление, — но главное, она на них среагировала. Она их увидела. Только если секретарша их действительно увидела, можно было понять, почему она поджала губы и отвела глаза.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Имя?

— Игнациус Перриш.

— Возраст?

— Двадцать шесть.

— Вы обращались к врачу по месту жительства?

— Я не был у врача уже не знаю сколько лет.

Секретарша подняла голову, задумчиво взглянула на Ига и нахмурилась, он даже подумал, что сейчас она устроит ему нагоняй за то, что он пренебрегает регулярными осмотрами. Девчонка вопила еще громче, чем прежде Иг оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ударила мать по колену красной пластиковой пожарной машиной, одной из игрушек, сложенных в углу для развлечения скучающих детей. Мать выхватила игрушку у нее из рук, тогда девчонка снова рухнула на спину и начала дергать в воздухе ногами — ни дать ни взять перевернутый таракан, — вопя при этом с новой силой.

— Я хочу сказать ей, чтобы она заткнула эту мерзкую тварь, — заметила секретарша, словно продолжая милую светскую беседу. — А вы что об этом думаете?

— У вас нет ручки? — спросил Иг, у которого вдруг пересохло во рту, и взялся за пюпитр с бланками. — Я сам заполню анкету.

Плечи секретарши поникли, улыбка исчезла.

— Конечно, — сказала она и подсунула Игу ручку.

Иг повернулся к ней спиной, взглянул на бланки, прикрепленные к пюпитру, но не смог сфокусировать глаза.

Секретарша видела рога, но не считала их чем-то необычным. А затем она сказала фразу насчет этой вопящей девчонки и ее беспомощной матери: *Я хочу сказать ей, чтобы она заткнула эту мерзкую тварь.* Она хотела знать, считает ли он, что это будет нормально. То же самое было и с Гленной, спрашивавшей, будет ли нормально залезть мордой в коробку с пончиками и жрать их, как свинья из корыта.

Иг оглянулся в поисках места, где сесть. Пустых стульев было ровно два: слева и справа от матери. Когда Иг подошел, девчонка набрала побольше воздуха и испустила пронзительный вопль, от которого задрожали оконные стекла, а кое-кто из присутствующих непроизвольно дернулся. Приблизиться к источнику этого звука было как идти на ураган.

Когда Иг сел, мать обвисла на стуле, постукивая себя по ноге скрученным в трубку журналом. Иг понимал, что ей сейчас хотелось иметь в руке что-нибудь другое, потяжелее. Маленькая девочка, похоже, выдохлась от этого последнего крика и лежала теперь на спине, по покрасневшему некрасивому лицу градом катились слезы. Ее мать тоже покраснелась. Взглянув на Ига, она на мгновение закатила глаза, словно ища сочувствия. Ее взгляд коснулся его рогов и тут же передвинулся дальше.

— Вы уж простите нам все эти вопли, — сказала она и просительно тронула руку Ига.

И когда она это сделала, когда Ига коснулась ее кожа, он откуда-то узнал, что ее звать Элли Леттеруорт и что четыре последних месяца она регулярно спит со своим инструктором по гольфу, встречаясь с ним в мотеле на обратном пути с поля. В последний раз они уснули после долгого энергичного траханья, и мобильник Элли был отключен, так что она пропустила всё более отчаянные звонки из дневного летнего лагеря, где находилась ее дочка: воспитатели хотели знать, куда она подевалась и думает ли забирать свою девчонку. Когда Элли, в конце концов, примчалась с опозданием на два часа, ее дочка билась в истерике с багровым лицом и соплями, текущими из носа, глаза девочки стали совершенно дикими, и Элли пришлось купить ей шестидесятидолларовую новомодную игрушку и банановый сплит, чтобы успокоилась и перестала вопить, иначе муж Элли догадался бы, что происходит. Знай она заранее, какая это тягомотина — возиться с ребенком, в жизни не стала бы заводить.

Иг инстинктивно от нее отдернулся.

Девочка начала что-то ворчать и топтать ногой по полу. Элли Леттеруорт вздохнула, наклонилась к Игу и сказала:

— Мне бы очень хотелось дать пинка ей в задницу, только я боюсь, что скажут тогда

эти люди. Вы думаете...

— Нет, — сказал Иг.

Он не мог знать все эти вещи про нее, однако знал их так же, как ее адрес и номер телефона. Точно так же он знал с высочайшей уверенностью, что Элли Леттеруорт не стала бы беседовать с посторонним человеком насчет того, чтобы дать пинка своей дочери. Она сказала это так, словно говорила сама с собой.

— Нет, — повторила Элли, открыла свой журнал и тут же дала ему закрыться. — Пожалуй, и правда не стоит. Я вот тут думаю, не стоит ли мне встать и уйти. Просто оставить ее здесь и уехать. Я буду жить у Майкла, прятаться от мира, пить джин и непрерывно трахаться. Мой муж возбудит дело об оставлении супруга и ребенка, но какая мне разница? Вот вы — вы хотели бы получить частичную опеку над этим существом?

— Майкл, — спросил Иг, — это ваш инструктор по гольфу?

Элли кивнула, мечтательно улыбнулась и сказала:

— Самое смешное, знай я, что Майкл — ниггер, в жизни не записалась бы на его уроки. До Тигра Вудса¹ в гольфе не было никаких черножопых, кроме как чтобы подносить клюшки, — только там и можно было от них спрятаться. Вы же знаете, какие эти черномазые, всегда висят на своих мобильниках, и что ни слово — фак это и фак вот это, а как они смотрят на белых женщин! Но Майкл, он образованный и говорит получше другого белого. А что говорят про черные члены, так это все правда. Я пилилась с уймой белых парней, и ни один из них не был оснащен так, как Майкл. — Она улыбнулась, наморщив свой носик, и добавила: — Мы называем это большая клюшка.

Иг вскочил на ноги, подошел к окошку, торопливо нацарапал ответы на немногие вопросы анкеты и протянул поупитр секретарше.

За его спиной раздался истошный детский вопль:

— *Нет!* Нет, я не буду сидеть!

— Пожалуй, я должна что-то сказать матери этой девочки, — сказала секретарша, глядя мимо Ига на женщину с дочерью и не обращая внимания на заполненную анкету. — Конечно, она не виновата, что ее дочь — визгливое дерьмо, но я точно обязана кое-что ей сказать.

Иг взглянул на девочку и Элли Леттеруорт. Элли снова наклонилась над дочкой, тыкала ее свернутым журналом и что-то угрожающе шипела. Иг повернулся к секретарше.

— Конечно, — сказал он, не понимая, о чем разговор.

Секретарша раскрыла было рот, но потом запнулась, озабоченно глядя на Ига.

— Мне бы только не хотелось устраивать тут безобразную сцену.

В кончиках его рогов запульсировал неприятный жар. Что-то в нем до крайности удивилось — а ведь он не носил рога еще и часа — тому, что она медлила воспользоваться полученным от него разрешением.

— Это в каком же смысле вам бы не хотелось устраивать сцену? — спросил Иг, беспокойно подергав себя за бородку, которую сейчас отращивал. Любопытно посмотреть, сможет ли он сломать сопротивление секретарши. — Просто удивительно, как много люди позволяют сейчас детям. Слегка поразмыслив, вы вряд ли станете винить ребенка, чьи родители не могут научить его хорошим манерам.

Секретарша улыбнулась сухо и благодарно. При виде этой улыбки его рога окатило приятным холодом.

Секретарша встала и взглянула мимо него на женщину с девочкой.

— Мадам? — окликнула она. — Можно вас на секунду, мадам?

— Да?

Элли Леттеруорт с надеждой вскинула глаза, возможно ожидая, что ее дочку сейчас позовут к врачу.

— Я понимаю, что ваша дочь очень расстроена, но если вы не в силах ее успокоить, не кажется ли вам, что нужно, на хрен, хоть немножко думать о сидящих здесь людях, и вам бы стоило вытащить свою толстую жопу наружу, где нам не придется слушать эти

¹ Элдрик Тонт Вудс (р. 1975) по кличке Тайгер (Тигр) — знаменитый темнокожий гольфист.

омерзительные визги? — спросила секретарша, улыбаясь пластиковой, словно приклеенной улыбкой.

От лица Элли Леттеруорт отхлынула кровь, оставив на ее восковых щеках только несколько ярко-красных пятен. Она держала девочку за запястье. Лицо у той стало безобразно багровым, она выдергивалась и впивалась в руку Элли своими ноготками.

— Что? Что вы сказали?

— Моя голова! — воскликнула секретарша, перестав улыбаться и с силой постукав себя по правому виску. — Если ваша девчонка не заткнется, моя голова лопнет, и...

— Долбись ты конем! — крикнула Элли Леттеруорт, поднимаясь на ноги.

— ...имей ты хоть немного сочувствия к сидящим здесь людям...

— Засунь это все себе в жопу!

— ...ты схватила бы эту свою визгливую свинью за ее лохмы и вытащила, на хрен...

— Ты, усохшая шахна!

— ...так *нет же*, ты торчишь здесь и драчишься...

— Пошли, Марси, — сказала Элли, дергая дочку за руку.

— Нет! — завизжала девочка.

— Я сказала: пошли! — повторила мать, волоча ее к выходу.

На пороге наружной двери Марси Леттеруорт все-таки вырвалась из материнской хватки и бросилась назад, однако споткнулась о пожарную машину и упала на четвереньки. Она испустила пронзительный вопль, превосходивший все прежние, и перекатилась на бок, держась руками за окровавленную коленку. Ее мать не обращала на дочку никакого внимания, а швырнула свою сумочку на пол и начала орать на секретаршу, отвечавшую ей в том же духе. В рогах Ига запульсировало странно-приятное ощущение тяжести и исполненности.

Иг был ближе к девочке, чем кто-нибудь другой, а мать все не шла ей на помощь. Он взял ее за запястье и поставил на ноги. Когда он коснулся девочки, то сразу узнал, что звать ее Марсия Леттеруорт, что сегодня утром она нарочно вывалила весь свой завтрак матери на колени, потому что мать заставляет ее идти к доктору, чтобы выжечь бородавки, а она не хочет, потому что это будет больно, а мать ее злая и глупая. Марсия взглянула Игу прямо в лицо, ее полные слез глаза были ясного ярко-синего цвета, как пламя паяльной лампы.

— Я ненавижу мамочку, — сказала она Игу. — Мне хочется запалить спичками ее кровать. Мне хочется сжечь ее, чтобы ее не стало.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сестричка, взвешивавшая Ига и измерявшая давление, сообщила ему, что ее бывший муженек встречается с девицей, которая ездит на желтом спортивном «саабе». Сестричка знала, где она паркуется, и хотела сходить туда в обеденный перерыв, чтобы украсить машину длинной глубокой царапиной. А еще она хотела подложить на сиденье водителя собачье дерьмо. Иг сидел на столе для осмотра совершенно неподвижно, сжав руки в кулаки, и ничего не говорил.

Когда сестра снимала манжетку для измерения давления, ее пальцы коснулись голой руки Ига, и тот сразу узнал, что она уже много раз калечила чужие машины: учителя, поймавшего ее со шпаргалкой, подруги, разболтавшей секрет, юриста ее бывшего мужа за то, что он юрист ее бывшего мужа. Иг видел ее в двенадцатилетнем возрасте, как она царапает гвоздем отцовский черный «олдсмобиль», проводя во всю длину машины безобразную белую линию.

В доврачебном кабинете было слишком холодно, кондиционер работал на полную, и к тому времени, как появился доктор Ренальд, Иг уже дрожал — и от холода, и от нервного ожидания. Он наклонил голову и показал свои рога. Он сказал доктору, что не может разобраться, что реально, а что нет. Он сказал, что у него галлюцинации.

— Люди все время мне рассказывают разные вещи, — сказал Иг. — Ужасные вещи.

Говорят мне всякое, что им хотелось бы сделать, такое, что никто бы не признался, что он хочет это сделать. Маленькая девочка только что рассказала мне, что хотела бы сжечь свою мать. Ваша сестричка мне рассказала, что хочет испортить машину какой-то девушки. Я боюсь. Я не знаю, что со мной происходит.

Доктор осмотрел рога и озабоченно нахмурился.

— Это рога, — констатировал он.

— Я знаю, что это рога.

Доктор Ренальд покачал головой.

— Кончики воспалены. Болят?

— Да нет.

— Ха, — сказал доктор и провел себе рукой по губам. — Ну-ка мы их измерим.

Он измерил сантиметровой лентой окружность основания, измерил расстояние от кончика до кончика и нацарапал на рецептурном бланке несколько цифр. Затем он ощупал рога мозолистыми пальцами, лицо его стало серьезным, и Иг узнал нечто, чего бы он знать не хотел. Он узнал, что несколько дней назад доктор Ренальд стоял в своей спальне, глядя в щель между занавесками на подруг своей семнадцатилетней дочери, плескавшихся в бассейне, — и мастурбировал при этом. Доктор отступил на шаг, в его старых серых глазах гнездилась тревога. Похоже, он приходил к решению.

— Вы знаете, что мне хотелось бы сделать?

— Что? — спросил Иг.

— Мне хочется растолочь таблетку оксиконтин и немного занюхать. Я обещал себе, что никогда не буду нюхать на работе, потому что сразу от этого тупею, но вряд ли смогу прождать еще шесть часов.

Иг не сразу, но догадался: доктор хочет услышать, что он об этом думает.

— А нельзя ли просто поговорить об этих штуках на моей голове? — спросил Иг.

Плечи врача уныло опустились, он отвернулся и медленно, прерывисто выдохнул.

— Послушайте, — начал Иг. — Пожалуйста. Мне нужна помощь. Должен же кто-то мне помочь.

Доктор Ренальд с явной неохотой посмотрел на его голову.

— Я не знаю, происходит это или нет, — продолжил Иг. — Мне кажется, я схожу с ума. Но как это получается, что, увидев рога, люди почти не реагируют? Если бы я увидел кого-нибудь с рогами, я бы тут же обоссался.

Что, если правду говорить, и случилось, когда он впервые разглядел себя в зеркале.

— Их трудно запомнить, — объяснил врач. — Как только я взгляну куда-нибудь в сторону, так тут же забываю, что они у вас есть. Не знаю уж почему.

— Но сейчас-то вы их видите.

Доктор Ренальд кивнул.

— И вы никогда еще не видели ничего подобного?

— Вы уверены, что мне не нужно понюхать немного окси? — спросил врач, и его лицо вдруг просветлело. — Я и с вами поделюсь. А что, обдолбаемся вместе.

Иг отрицательно помотал головой.

— Послушайте, пожалуйста.

Врач соорудил обиженную мину и неохотно кивнул.

— Как вышло, что не зовете сюда других врачей? Почему вы не воспринимаете это более серьезно?

— Честно говоря, — признался Ренальд, — мне довольно трудно сосредоточиться на вашей проблеме. Я все время думаю о таблетках, лежащих в портфеле, и об этой девице, с которой гуляет моя дочка, о Ненси Хьюз. Господи, как же мне хочется ее оттрахать! Но когда я так подумаю, то сразу пугаюсь, у нее же еще скобки на зубах.

— Пожалуйста, — сказал Иг. — Я спрашиваю ваше медицинское мнение — прошу о помощи. Что я должен сделать?

— Долбаные пациенты, — сказал доктор. — Все вы только и думаете, что о себе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Иг вел машину. Он не думал куда, и пока что это не имело значения. Достаточно было двигаться.

Если и осталось на свете место, которое Иг мог называть своим, то разве что эта машина «гремлин» 1972 года. Квартира принадлежала Гленне. Она жила здесь до него и будет жить, после того как они разбегутся, что, видимо, уже случилось. Когда была убита Меррин, он на какое-то время вернулся к родителям, но так и не почувствовал себя там дома, он уже был не отсюда. Так что ему остался только автомобиль, бывший не только средством передвижения, но и местом обитания, пространством, где проживалась в основном его жизнь — и хорошая часть, и плохая.

Хорошая: заниматься здесь любовью с Меррин Уильямс, стучаться головой о крышу, и коленом о коробку скоростей. Задние амортизаторы были очень тугие и скрипели, когда машина дергалась вверх-вниз, звук, заставлявший Меррин прикусывать губу, чтобы не рассмеяться, когда Иг двигался между ее ногами. Плохая: в ночь, когда Меррин была изнасилована и убита там, рядом со старой литейной, он, пьяный как свинья, спал в этой машине, спал и во сне ее ненавидел.

В машине можно было находиться, когда деваться было некуда и делать было нечего, кроме как кружить по Гидеону, страстно желая, чтобы что-нибудь случилось. Теми ночами, когда Меррин работала или занималась, Иг ездил кругами вместе со своим лучшим другом, высоким худощавым полуслепым Ли Турно. Они съезжали вниз к песчаной косе, где иногда их знакомые жгли костры, на берегу парковалось несколько грузовиков и всегда был холодильник, полный пива. Они сидели на капоте автомобиля, глядя, как взлетают и исчезают искры костра и на огонь, отражавшийся в черной, быстро текущей воде. Они рассуждали о плохих способах умереть — предмет довольно естественный, если ты припарковался рядом с Ноулз-ривер. Иг говорил, что хуже всего утонуть, и он мог поддержать эту точку зрения своим личным опытом. Эта река однажды его поглотила, держала его под водой, силой лезла ему в горло. И как раз этот самый Ли Турно поплыл за ним и вытащил его на сушу. Ли сказал, что есть участи куда худшие, чем утонуть, что у Ига просто нет воображения. Ли сказал, что сгореть куда хуже, чем утонуть, но что же можно было от него ожидать, ведь у него был неприятный инцидент с горящей машиной. Оба они знали то, что они знали.

А лучше всего были ночи в машине в компании Ли и Меррин. Ли складывался на заднем сиденье — галантный от природы, он всегда давал Меррин возможность сидеть с Игом, — а затем вытягивался во всю длину, закинув ладонь тыльной стороной на лоб, Оскар Уайльд, застывший в отчаянии на своей кушетке. Они ездили в драйвин «Парадайз» и пили там пиво, в то время как психи в хоккейных масках гонялись за полуголыми девчонками, которые падали под цепную пилу под всеобщие крики и гудение клаксонов. Меррин называла это «двойные свидания», Иг всегда был при ней, и Ли тоже всегда был при ней, по левую руку. Для Меррин половина удовольствия от таких прогулок заключалась в том, чтобы дразнить Ли, но тем утром, когда у Ли умерла мама, Меррин первая к нему примчалась, чтобы поддержать его, когда он рыдал взахлеб.

На какое-то мгновение Иг подумал, не навестить ли сейчас Ли, тот уже однажды вытащил Ига из пучины, может быть, так выйдет и сейчас. Но затем он вспомнил, что сказала Гленна ему час назад, этот жуткий бред, в котором она призналась над своими пончиками: *И у меня голова пошла кругом, и я отсосала ему, прямо там, на глазах у парней.* Иг попытался ощутить то, что ему полагалось ощутить, попытался ненавидеть их обоих, но не смог из себя выдать даже паршивенькое презрение. Сейчас ему хватало других забот. Они росли из его долбаной башки.

И в любом случае нельзя было сказать, что Ли ударил его в спину, вытащил из-под него любимую девушку. Иг не был влюблен в Гленну и не думал, чтобы так было когда-нибудь

прежде, — в то время как отношения Ли и Гленны имели свою историю. Когда-то, в далеком прошлом, они были любящей парочкой.

Конечно, в общем-то, друзья такого друг другу не делают, но Иг и Ли уже не были друзьями. После смерти Меррин Ли Турно как-то непринужденно, без открытой жестокости вычеркнул Ига из своей жизни. После того как нашли тело Меррин, были некоторые проявления спокойного искреннего сочувствия, но никаких заверений в поддержке, никаких предложений встретиться. Затем, по мере того как тянулись недели и месяцы, Иг обратил внимание, что только он иногда звонит Ли, никогда не наоборот, и что Ли не слишком-то старается поддерживать беседу. Ли всегда проявлял определенную эмоциональную отстраненность, и потому вполне возможно, что Иг не сразу и разобрал, насколько полностью он откинут. Но постепенно предлоги, выдвигаемые Ли для того, чтобы не прийти, чтобы не встретиться, сложились в ясную картину. Иг не слишком разбирался в людях, но всегда был силен в математике. Ли работал помощником у нью-гэмпширского конгрессмена и не мог иметь никаких отношений с главным подозреваемым в сексуальном убийстве. Между ними не было никаких ссор, никаких неприятных моментов. Иг воспринял это все безо всяких обид. Перед Ли — бедным, покалеченным, прилежным одиноким Ли — открывалось будущее. У Ига никакого будущего не было.

Может быть, потому, что Иг вспомнил песчаную косу, он припарковался на берегу Ноулз-ривер перед старым ярмарочным мостом. Если искать, где бы утопиться, лучшего места было и не придумать. Коса растянулась на добрую сотню футов, а потом спадала обрывом в глубокий быстрый синий поток. Можно было набить карманы камнями и просто войти поглубже, а можно было взобраться на мост и прыгнуть, тут было достаточно высоко. Для полной уверенности стараться попасть не в воду, а на камни. Сама уже мысль об ударе заставила его поморщиться. Он вышел из машины, сел, прислонившись к капоту, и начал слушать рев грузовиков, проносившихся высоко над ним и сплошь почему-то в южном направлении.

Он бывал здесь очень много раз. Как и старая литейная на Семнадцатом шоссе, эта коса тянула к себе молодежь, слишком молодую для того, чтобы куда-нибудь осмысленно тянуться. Он вспомнил, как они с Меррин однажды попали под дождь и спрятались под этим мостом. Они еще учились в школе, и никто из них не умел водить машину, да и машин у них не было. Сидя на склоне, на поросших травой булыжниках, они по-братски разделили вымокшую корзинку жареных ракушек. Было так холодно, что их дыхание обозначалось облачками пара, и он держал ее мокрые замерзшие руки в своих.

Иг нашел грязную позавчерашнюю газету, и они попробовали ее читать, а когда ничего из этого не вышло, Меррин сказала, что нужно сделать что-нибудь духоподъемное. Что-нибудь, что улучшит настроение любому, кто посмотрит на реку под дождем. Плюнув на морозящий дождь, они взбежали по склону, купили в придорожном магазинчике свечи для именинного пирога и тут же сбежали вниз. Меррин научила его делать из газеты кораблики, они стали зажигать свечи, ставить их в кораблики и отпускать по воде — длинная цепочка маленьких огоньков, медленно уплывающая в пропитанную влагой темноту.

— Вместе мы способны на великие дела, — сказала Меррин, ее холодные губы были так близко от ее уха, что Иг зябко вздрогнул, ее дыхание пахло ракушками. Она все время дрожала, борясь с приступом хохота — Игги Перриш и Меррин Уильямс делают мир лучше и привлекательнее, по бумажному кораблику за раз.

Она либо не замечала, либо притворялась, что не замечает, как кораблики наполняются водой и тонут, отплыв от берега не больше чем на сотню ярдов, свечи гаснут одна за другой.

Воспоминание, как все это было и каким он был, когда они были вместе, остановило бешеный, неудержимый вихрь мыслей в его голове. Впервые, пожалуй, после пробуждения Иг смог сделать серьезную попытку разобраться, что же это с ним происходит.

Он вновь рассмотрел возможность полного разрыва с реальностью: что все испытанное им за этот день — чистейший плод воображения. Это был бы не первый раз, когда Иг путал фантазию с реальностью, и он знал, что весьма подвержен фантастическим религиозным

галлюцинациям. Он не забывал вечер, проведенный в Древесной Хижине Разума. За последние восемь лет не было, пожалуй, и дня, когда бы он о ней не вспомнил. Конечно же, если эта хижина была фантазией — а все прочие объяснения не имеют смысла, — это была общая фантазия на двоих. Они с Меррин нашли домик на дереве вместе, и то, что там приключилось, стало одним из тайных узлов, привязывавших их друг к другу, давало пищу для размышлений, когда ночью вести машину становилось скучно или когда они оба просыпались от раскатов грома и не могли снова уснуть. «Я знаю, что это возможно, когда у нескольких людей одна и та же галлюцинация, — сказала как-то Меррин. — Я только не думала, что такое возможно и со мной».

Но если считать рога всего лишь особо навязчивой пугающей иллюзией, давно назревавшим прыжком в безумие, возникала проблема: все равно же он имел дело с той реальностью, которую видел. Если события все равно происходили, не было смысла убеждать себя, что они происходят только в его голове. Его веры здесь не требовалось, его неверие не влекло за собой никаких последствий. Сколько бы он ни трогал свою голову, рога никуда не девались. И даже если он их не трогал, то все равно ощущал их болезненно чувствительные кончики, обдуваемые прохладным ветром. В рогах ощущалась твердая убедительная плотность кости.

Погруженный в размышления, Иг даже не услышал, как по склону съехала патрульная машина, съехала, закрипела гравием и остановилась чуть позади «гремлины», ее сирена коротко взвыла. Сердце Ига болезненно дернулось, и он повернулся на звук сирены. Один из полицейских успел уже высунуться из окошка своей машины.

— В чем дело, Иг? — спросил коп, который был не просто копом, а копом по фамилии Штурц.

На Штурце была туго облегающая рубашка с короткими рукавами, из которых выглядывали руки, обожженные солнцем до золотисто-коричневого цвета. Со своими выгоревшими, пшеничного цвета, волосами и зеркальными очками он вполне годился на рекламу сигарет.

Его напарник, сидевший за баранкой, — Посада — пытался выдерживать тот же стиль, но далеко недотягивал. Он был слишком крупного телосложения, и кадык его заметно торчал. У них у обоих имелись усы, но на Посаде усы смотрелись изящно и чуть комично, словно у французского метрдотеля из какой-нибудь комедии с Кэри Грантом.

Штурц ухмыльнулся. Штурц всегда радовался встречам. Ига совсем не радовали встречи с полицией, и особенно он предпочитал избегать Штурца и Посаду, которые со времени смерти Меррин повадились изводить Ига, задерживая его за превышение скорости на какие-нибудь пять миль, обыскивая его машину, выписывая штрафы за подозрительное поведение, за то, что он вообще живет.

— А ни в чем, — ответил Иг. — Просто остановился.

— Ты стоишь здесь уже полчаса, — сказал Посада и следом за своим напарником вылез из машины. — Женщина, живущая рядом, даже забрала своих детей домой, потому что ты ее пугаешь.

— А как бы она испугалась, — добавил Штурц, — если бы знала, кто ты такой. У нас появился забавный сосед, сексуальный извращенец, подозреваемый в убийстве.

— Но если говорить о более веселом, он никогда не убивал детей.

— *Пока* не убивал, — добавил Штурц.

Посада расхохотался.

— Положи ладони на крышу машины! — скомандовал Штурц. — Я хочу тут посмотреть.

Иг был рад отвернуться от него и от вони его подмышек. Он прижался лбом к стеклу окошка с водительской стороны. Стекло приятно холодило.

Штурц обогнул машину и подошел к багажнику. Посада стоял прямо за Игом.

— Мне нужны ключи, — сказал Штурц.

Иг убрал правую руку с крыши и полез уже было в карман.

— Руки на крышу! — скомандовал Посада. — Я сам достану. В каком кармане?

— В правом, — ответил Иг.

Посада засунул руку в передний карман Ига и подцепил согнутым пальцем кольцо с ключами. Немного ими позвякав, он перебросил их Штурцу. Штурц ловко поймал ключи и открыл багажник.

— Мне бы хотелось, — сказал Посада, — снова сунуть руку тебе в карман и задержать ее там подольше. Знал бы ты, как мне трудно не использовать свое положение копа, для того чтобы немного пощупать. Безо всяких шуток. Коп. Ха! Я в жизни не мог себе представить, какая значительная часть моей работы связана с надеванием наручников на мощных полуголых мужиков. Должен признаться, я не всегда веду себя с ними так уж корректно.

— Посада, — сказал Иг, — чего бы тебе не намекнуть Штурцу, какие чувства ты к нему испытываешь.

Когда он это говорил, в его рогах запульсировала кровь.

— Ты думаешь? — спросил Посада. В его голосе не звучало большого удивления, только любопытство. — Я тоже иногда так думал — но ведь он же, наверное, двинет меня в нос.

— Ни в коем разе. Спорю на что угодно: он давно уже ждет, чтобы ты так сделал. А почему, ты думаешь, он оставляет расстегнутой верхнюю пуговицу рубашки?

— Да, я заметил, что он никогда не застегивает эту пуговицу.

— Просто расстегни молнию на его ширинке — и вперед. Удиви его, застань врасплох. Он небось давно уже ждет, чтобы ты начал первым. Только не делай ничего такого, пока я не уеду, ладно? Такие поступки совершаются приватно.

Посада приложил руки лодочкой ко рту и выдохнул, пробуя на запах свое дыхание.

— Вот же черт, — сказал он, — я не чистил сегодня зубы. — И тут же прищелкнул пальцами. — Да, в бардачке есть бутылка «Биг ред».

Он повернулся и пошел к патрульной машине, что-то бормоча себе под нос.

Багажник громко захлопнулся, и Штурц с важным видом подошел к Игу.

— Мне бы хотелось иметь причину тебя арестовать. Мне бы хотелось, чтобы ты распустил руки. Я могу соврать, что ты до меня дотронулся. Сделал мне предложение. Со своими манерными разговорчиками и глазами вечно на мокром месте ты сильно смахиваешь на пидора. Я не верю, что Меррин Уильямс хоть раз допускала тебя в свои джинсы. Кто бы там ее ни изнасиловал, это был, наверно, первый порядочный трах во всей ее жизни.

У Ига было ощущение, будто он проглотил горячий уголь и тот застрял где-то в районе его груди.

— А что бы ты сделал с парнем, который бы тебя тронул?

— Я бы засунул свою дубинку ему в жопу. И спросил бы мистера Гомо, как ему это нравится. — Штурц поразмыслил секунду, а потом добавил — Если бы только я не был пьяный. Пьяный, я, наверно, дал бы ему у меня отсосать. — Он помолчал еще секунду и спросил с надеждой в голосе: — Так ты будешь меня трогать, чтобы я мог засунуть...

— Нет, — мотнул головой Иг. — Но ты, Штурц, пожалуй, прав насчет геев. Тут нужно проводить четкую линию. Если позволить мистеру Гомо тебя лапать, все подумают, что ты тоже гомо.

— Я знаю, что я прав и безо всяких твоих разговоров. Ладно, мы тут с этим делом покончили. Поезжай. Я не хочу, чтобы ты и дальше ошивался под этим мостом. Ты меня понял?

— Да.

— Правду говоря, я *хотел бы*, чтобы ты тут ошивался. С наркотиками в бардачке — а тут и мы. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Ну и ладушки. Я тебе объяснил, ты меня понял. А теперь чеши отсюда.

Штурц уронил Иговы ключи на землю.

Иг подождал, пока он отойдет, а затем нагнулся, подобрал ключи и сел за баранку

«гремлина». Потом взглянул в зеркальце заднего обзора на патрульную машину. Штурц уже сидел на пассажирском месте с блокнотом в руках, явно раздумывая, что бы такое написать. Посада повернулся на своем сиденье и глядел на напарника со смесью тоски и желания. В тот момент, когда Иг тронул машину с места, Посада быстро облизнулся и нырнул под приборную панель.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Иг проехал вниз по реке, стараясь придумать какой-нибудь план, но и после долгих размышлений в голове его была такая же каша, как и час назад. Он подумал было о родителях и даже проехал пару кварталов в направлении их дома, но затем нервно крутнул баранку, свернув на боковую дорогу. Он нуждался в помощи, но почти не надеялся получить эту помощь от них. Ему страшно было даже подумать, на что он может там напороться... какие у них могут быть тайные желания. Что, если его мать страстно желает трахаться с маленькими мальчиками? А если отец?

И вообще после смерти Меррин все между ними изменилось. Им было больно видеть, каким он стал после этого убийства. Они не желали знать, как он сейчас живет, ни разу не были у Гленны дома. Гленна спрашивала, почему бы им не пообедать как-нибудь вместе, и почти уже прямо обвиняла Ига, что он ее стесняется, как, собственно, и было. Кроме того, они болезненно воспринимали тень, ложившуюся на них, ведь было прекрасно известно, что Иг изнасиловал и убил Меррин Уильямс и вышел сухим из воды, потому что его богатенькие, имеющие связи родители сразу же стали дергать за веревочки и выкручивать руки, всю мешая следствию.

Его отец был какое-то время мелкомасштабной знаменитостью. Он играл вместе с Синатрой и Дином Мартином, записывался вместе с ними. Он записывал и свои пластинки, для лейбла «Блю тон», в конце шестидесятых — начале семидесятых, четыре штуки, и даже попал в «Топ 100» с мечтательным куловым инструменталом «Fishin' with Pogo». Он женился на танцовщице из Вегаса, появлялся на экранах телевизора и в конце концов осел в Нью-Гэмпшире, чтобы Игова мамаша могла находиться поближе к своей семье. Позднее он стал почетным профессором Берклиевского музыкального колледжа и иногда играл с оркестром легкой симфонической музыки «Бостон-попс».

Игу всегда нравилось слушать отца, смотреть на него, когда он играет. Было не совсем верно говорить, что его отец играет. Иногда казалось наоборот: это труба на нем играет. Его щеки надувались, а затем опадали, словно он выдыхал в трубу весь воздух, золотые клапаны словно хватали его пальцы маленькими магнитами, заставляя их плясать неожиданными поразительными порывами. Он зажмуривался, пригибал голову и начинал раскачиваться, как будто его тело было буравом, вгрызавшимся все глубже и глубже в самый центр его существа, извлекая музыку откуда-то из глубин живота.

Старший брат Ига пошел по той же самой линии и добился даже больших, пожалуй, успехов. Терренс был в телевизоре ежедневно, вел собственную музыкально-комическую ночную программу «Хотхаус», нагло потеснив акул вечернего эфира. Терри играл на трубе в самых фантастических смертельных ситуациях. Исполнял вместе с Аланом Джексоном «Ring of Fire» в самом натуральном кольце огня, исполнял вместе с Норой Джонс «High and Dry», когда оба они сидели в баке, наполнявшемся водой. Звучало все это паршивенько, но картинка была роскошная. Терри теперь греб деньги лопатой.

Он тоже имел свою манеру играть, отличную от папашиной. Его грудь так надувалась, что начинало казаться, будто сейчас от рубашки отлетят все пуговицы. Его глаза выпучивались, придавая ему постоянно удивленный вид. Он дергался в поясе подобно метроному. Его лицо сияло неземным счастьем, и иногда начинало казаться, что труба его захлебывается от хохота. Он унаследовал от их отца драгоценнейший дар: чем больше он что-нибудь репетировал, тем менее отрепетированным казался этот номер, тем более естественно он звучал.

Когда они были тинейджерами, Иг ненавидел слушать, как играет брат, и цеплялся за любой доступный повод, лишь бы не идти с родителями на концерт с его участием. Он страдал животом от зависти, не мог уснуть перед большим представлением, устроенным Терри у них в школе. Особенно он ненавидел, когда за игрой Терри наблюдала Меррин, его доводил до бешенства восторг на ее лице, ее зачарованность его музыкой. Когда она раскачивалась под свинг, исполняемый Терри, Игу представлялось, что брат хватается ее за бедра невидимыми руками. Но все это осталось в прошлом. Он давным-давно пережил все это и, правду говоря, имел теперь единственную радость: смотреть «Хотхаус», когда играет Терри.

Иг бы тоже играл — если бы не астма. Он не мог набрать в грудь воздуха достаточно, чтобы труба звучала как надо. Он знал, что отец хочет, чтобы он играл, но при каждой попытке себя заставить ему не хватало воздуха, грудь болезненно сжималась и глаза начинало застилать пеленой. Порой в таких случаях он даже терял сознание.

Когда окончательно прояснилось, что с трубой у него ничего не выйдет, Иг попробовал пианино, но тут дело как-то не пошло. Преподавателем был дружок отца, пьяница с налитыми кровью глазами, от которого воняло трубочным дымом, он сажал Ига самостоятельно разучивать какой-нибудь безнадежно сложный этюд, а сам шел в соседнюю комнату соснуть. Потом мама предложила Игу попробовать виолончель, но этот инструмент не вызвал у него никакого интереса. Он уже интересовался Меррин. Как только он в нее влюбился, никакие семейные трубы не были больше ему нужны.

Он собирался как-нибудь их навестить: отца, мать, да и Терри тоже. Его брат уже находился сейчас в городе, прилетел вчера ночным рейсом на бабушкино восьмидесятилетие, которое будет завтра, у «Хотхауса» были сейчас летние каникулы. После смерти Меррин это был первый визит Терри в Гидеон, и он не собирался здесь долго засиживаться, улетал уже послезавтра. Иг ничуть не осуждал его за такой быстрый отъезд. Этот скандал разразился как раз тогда, когда программа пошла на подъем, и мог обойтись ему очень дорого, поговаривали, что Терри вообще не стоило возвращаться в Гидеон, в место, где он рисковал быть сфотографированным вместе с братом — сексуальным убийцей. За такую картинку журнал типа «Энкуайрера» заплатит не меньше тысячи. Но с другой стороны, ведь Терри никогда не верил, что Иг в чем-то там виноват. Терри был самым громким, самым яростным защитником Ига, и это в такое время, когда все средства массовой информации предпочитали говорить «без комментариев» и переходить к другой теме.

Иг мог какое-то время избегать журналистов, но в конце концов придется с ними встретиться. Может быть, думал он, с домашними все будет иначе. Может быть, они окажутся невосприимчивы к его теперешним способностям и все их тайны останутся тайнами. Они ведь его любят, и он тоже их любит. Все-таки любовь что-то да значит. Может быть, он научится контролировать это, чем бы «это» ни было. Может быть, его рога попросту исчезнут. Они появились ни с того ни с сего, так почему бы им не исчезнуть тем же самым манером?

Он провел пальцем между влажных редящих волос — редящих уже в двадцать шесть! — а затем стиснул голову ладонями. Он ненавидел беспорядочное мелькание своих мыслей, когда одна мысль тут же сменяла другую. Его пальцы коснулись рогов, и он испуганно вскрикнул. Его губы собирались произнести: «Пожалуйста, Господи, убери их отсюда», но затем он осекся и ничего не сказал.

Руки его неприятно зазудели. Если он был теперь дьяволом, мог ли он говорить о Боге? Не поразит ли его белая вспышка молнии? Не сгорит ли он тут же, на этом самом месте?

— Бог, — прошептал он.

Ничего такого не случилось.

— Бог, Бог, Бог.

Он наклонил голову набок, прислушиваясь, ожидая ответа.

— Пожалуйста, Господи, сделай, чтобы они исчезли, — сказал Иг. — Извини меня, если прошлой ночью я сделал что-то такое, что Тебя разозлило. Я был пьяный. Я злился.

Он задержал дыхание, поднял глаза и взглянул на себя в зеркало заднего обзора. Рога оставались на прежнем месте. Он уже привыкал к их виду. Они становились частью его лица. Его передернуло от отвращения.

Краем глаза, справа, он увидел что-то ярко-белое и крутнул баранку, съезжая на обочину. Иг ехал бездумно, не думая, куда он едет, и приехал, безо всяких намерений, к церкви Священного Сердца Марии, куда он ходил вместе со своей семьей свыше двух третей своей жизни и где впервые увидел Меррин Уильямс.

С неожиданно пересохшим ртом он смотрел на Священное Сердце. С того времени, как убили Меррин, он ни разу не был ни здесь, ни в какой-либо другой церкви, не хотел мешаться с толпой, не хотел, чтобы на него пялились другие прихожане. Не хотелось оправдываться перед Богом, он чувствовал, что это Богу нужно перед ним оправдаться.

Может, если он войдет сюда и помолится Богу, рога исчезнут. А может быть — может быть, отец Моулд подскажет, что нужно делать. У самого Ига не было никаких мыслей. Отец Моулд мог быть невосприимчив к действию рогов. Если хоть кто-нибудь мог противостоять их силе, то кто, как не человек в сутане? На его стороне Господь, его защищает Божий дом. Может быть, устроить экзорсизм? Отец Моулд должен знать людей, к которым обращаются в подобных случаях. Покропить святой водой, прочитать несколько раз «Отче наш», и можно вернуться в нормальное состояние.

Иг оставил «гремлина» на обочине и направился по бетонной дорожке в церковь Священного Сердца. Подойдя к ее двери и уже собираясь взяться за ручку, он испуганно отдернул руку. А что, если, стоит ему тронуть запор, рука его загорится? Что, если ему нельзя входить? Что, если, стоит ему шагнуть через порог, некая темная сила отшвырнет его прочь, бросит на землю задницей? Он представил себе, как бредет по церкви, с дымом, вьющимся из-за воротника рубашки, с глазами, по-мультиашному выпученными, представил себе удушье и жгучую боль.

Он заставил себя поднять руку и тронуть запор. Створка двери открылась — и руку его не сожгло, не ужалило, он вообще ничего не почувствовал. Перед ним в полутьме нефа стояли ряды темных, покрытых лаком скамеек. В помещении пахло старым деревом и старыми псалтырями с их выцветшими на солнце кожаными переплетами и хрупкими страницами. Иг всегда любил этот запах и был несколько удивлен, что любит его и сейчас, что ничуть от него не задыхается.

Иг шагнул через порог, раскинул руки и начал ждать. Он взглянул на одну свою ладонь, затем на другую, ожидая увидеть, как из рукавов рубашки пробиваются струйки дыма. Ничего такого не замечалось. Он поднял руку к своему правому рогу. Тот находился на прежнем месте. Он ожидал, что рога будут пощипывать, что в них ощутятся пульсации, однако — ничего. Церковь была омутом тишины и полутьмы, освещенным только пастельным сиянием витражей. Мария у ног своего сына, умершего на кресте. Иоанн, крестящий Иисуса в реке.

Он думал, что нужно подойти к алтарю, опуститься на колени и просить Господа о милости. На его губах уже складывалась молитва: *Пожалуйста, Господи, если Ты заставишь эти рога исчезнуть, я буду Тебе верно служить, я вернусь в церковь, я стану священником, я буду нести Твое слово, я понесу Твое слово в страны третьего мира, где все болеют проказой, если, конечно, в наше время еще болеют проказой, только, пожалуйста, убери их, пусть они исчезнут, сделай меня таким, каким я был прежде*. Однако он так ничего такого и не сказал. Прежде чем Иг шагнул к алтарю, он услышал негромкое железное клацанье и повернул голову.

Он все еще был у входа в атриум, и слева находилась чуть раскрытая дверь, выходившая на лестницу. Там внизу был небольшой гимнастический зал, доступный для прихожан по разным надобностям. Снова негромко звякнуло железо. Иг слегка толкнул дверь, и она приоткрылась пошире, выпустив в церковь звуки музыки кантри.

— Хелло? — окликнул он, все еще стоя у двери.

Новое клацанье и звук глубокого вдоха.

— Да? — откликнулся отец Моулд. — Кто это?

— Иг Перриш, сэр.

Пауза. Очень уж долгая.

— Спускайся сюда, — сказал Моулд.

Иг спустился по лестнице.

В дальнем конце подвала флуоресцентные лампы освещали пухлый мат, огромные надувные мячи и гимнастическое бревно — стандартное оборудование детского физкультурного класса. Здесь, у выхода на лестницу, некоторые лампы не горели и было чуть-чуть потемнее. Вдоль стен выстроился полный набор тренажеров. Ближе к двери стояла скамейка для работы со штангой, на скамейке лежал лицом вверх отец Моулд.

Сорок лет назад Моулд играл в хоккей за Сиракузы, а потом морским пехотинцем отслужил свой срок в Железном Треугольнике,¹ в нем все еще ощущалась мощь хоккеиста и уверенность в себе опытного солдата. Ходил он неторопливо, стискивал в объятиях нравившихся ему людей и вообще напоминал доброго старого сенбернара, который любил спать на мебели, пусть даже ему это и не полагалось. Он был одет в серый тренировочный костюм и старые потрепанные кроссовки. Его крест свисал с конца штанги и чуть покачивался, когда он ее со стуком бросал и вновь поднимал.

Около скамейки стояла сестра Беннет. Она и сама сильно смахивала на хоккеиста — широкие плечи, тяжелое лицо, лишенное всякой женственности, короткие вьющиеся волосы, подобранные лиловым хайратником. Для полного комплекта на ней был пурпурный тренировочный костюм. Сестра Беннет вела в школе Святого Иуды уроки этики и любила рисовать мелом на доске диаграммы, показывавшие, как одни решения неизбежно ведут к спасению (прямоугольник, наполненный пухлыми облаками), а другие столь же неизбежно приводят в ад (квадратик, наполненный языками пламени).

Игов брат Терри неустанно над ней измывался, рисуя на радость товарищам свои собственные диаграммы, показывавшие, как после целой серии гротескных лесбийских эпизодов сестра Беннет сама попадет в ад, где с восторгом займется сексом с самим дьяволом. Эти диаграммы сделали Терри звездой школьной столовки — первый запах славы. Они же подмешали к этой славе элемент скандала, неизвестный стукач (так и оставшийся неизвестным по сию пору) в конце концов о них разболтал. Терри был приглашен в кабинет отца Моулда. Их встреча произошла за закрытыми дверями, но этого было недостаточно, чтобы заглушить звуки ударов моулдовской деревянной лопатки по заднице Терри, а после двадцатого удара и крики Терри. Их слышала вся школа. По каналам допотопной отопительной системы звуки проникали в каждый класс. От сочувствия к брату Иг буквально корчился на стуле, а затем, чтобы не слышать, заткнул пальцами уши. Терри не дали участвовать в концерте по случаю окончания учебного года — к чему он готовился месяцами — и поставили незачет по этике.

Отец Моулд сел, вытирая лицо полотенцем. В этой части зала было особенно темно, и Иг подумал, что Моулд и вправду не разглядит его рога.

— Здравствуйте, отец, — сказал он.

— Игнациус. Давненько мы тебя не видели. Где это ты прячешься?

— Да так, живу себе в городе, — сказал Иг внезапно охрипшим голосом. Он не был готов к сочувственному тону отца Моулда, к его легкой отеческой манере говорить. — Даже не очень далеко. Я все собирался забежать, но...

— Иг? С тобой все в порядке?

— Не знаю. Я не знаю, что со мной происходит. Это все моя голова. Взгляните, отец, на мою голову.

Иг шагнул вперед и чуть наклонил голову, выставляя ее на свет. Он видел на бетонном полу тень своей головы, рога. Два маленьких кривых острия, торчавшие из висков. Он почти боялся реакции Моулда и смотрел на него из-под припущенных ресниц. На лице

¹ Железный Треугольник — место в Южном Вьетнаме, удерживавшееся партизанами на всем протяжении войны.

священника еще оставалась тень приветливой улыбки, но когда он удивленно изучил глазами рога, то задумчиво нахмурился.

— Прошлой ночью я напился и делал всякие непотребства, — сказал Иг. — А сегодня я проснулся вот таким и теперь не знаю, что делать. Я не понимаю, во что я превращаюсь, и думал, что вы мне скажете, что теперь делать.

Несколько секунд отец Моулд смотрел на него с отвалившейся от удивления челюстью.

— Ну что же, мальчик, — сказал он наконец, — ты хочешь, чтобы я сказал, что тебе делать? Думаю, ты должен вернуться домой и повеситься. Это, пожалуй, будет самое лучшее и для тебя, и для твоей семьи — да, в общем-то, и для всех. В церковной кладовой есть хорошая веревка. Я бы сходил и принес ее тебе, если бы думал, что это подвигнет тебя в нужном направлении.

— Почему... — начал Иг и был вынужден прокашляться, прежде чем продолжил: — Почему вы хотите, чтобы я себя убил?

— Потому что ты убил Меррин Уильямс, и этот важный еврей, юрист твоего папаша, помог тебе уйти от ответственности. Такая хорошая Меррин Уильямс, я ее очень любил. Не шибко хороший каркас, но очень миленькая задница. Тебе полагалось сесть в тюрьму. Я хотел, чтобы ты сел в тюрьму. Сестра, последите за мной.

Он вытянулся на спине для очередной серии упражнений.

— Но послушайте, отец, я же этого не делал. Я ее не убивал.

— О, ты большой шутник, — сказал Моулд, кладя руки на штангу, сестра Беннет заняла позицию у него в головах скамейки. — Все же знают, что ты это сделал. Так что можешь смело убить заодно и себя. Все равно ты попадешь в ад.

— Я и так уже в аду.

Моулд хрюкнул, поднимая штангу, и снова ее опустил. Сестра Беннет смотрела на Ига.

— Я бы не осудила вас за самоубийство, — сказала она безо всяких предисловий. — Мне самой почти каждый день уже к обеду хочется себя убить. Я ненавижу, как люди на меня смотрят. Ненавижу лесбийские шуточки, которые они отпускают за моей спиной. Если ты не хочешь эту веревку из кладовки, она могла бы пригодиться мне.

Моулд поднял штангу и тяжело выдохнул.

— Я, — сказал он, — все время думаю о Меррин Уильямс. Особенно когда трахаю ее мамашу. Ты, наверное, не знаешь, но ее мамаша делает теперь для церкви уйму работы. Все буквально держится на ней. — Он помолчал и улыбнулся какой-то мысли. — Бедная женщина! Мы почти ежедневно молимся вместе. Чаще всего о твоей смерти.

— Вы... вы дали обет безбрачия, — сказал Иг.

— Безбрачие-хреначие. Я думаю, Господь рад уже тому, что я не кидаюсь на алтарных служек. Как мне видится, эта леди нуждается в утешении, и она уж точно не получит его от этого тюфяка-очкарика, за которым она замужем. Во всяком случае — нужного утешения.

— Я хочу быть какой-нибудь другой, — сказала сестра Беннет. — Я хочу убежать на свободу. Я хочу, чтобы я кому-нибудь нравилась. Игги, я когда-нибудь тебе нравилась?

— Ну... — смущенно сглотнул Иг. — Пожалуй, что да. В каком-то смысле.

— Я хочу с кем-нибудь спать, — продолжила сестра Беннет так, словно он ничего не сказал. — Я хочу, чтобы кто-нибудь обнимал меня ночью в постели. Мне все равно, будет это мужчина или женщина. Мне все равно. Я больше не хочу быть одинокой. Я могу выписывать чеки от имени церкви. Иногда мне хочется снять все деньги с церковного счета и сбежать. Иногда мне этого очень хочется.

— Меня удивляет, — сказал Моулд, — что никто в нашем городе не подумал примерно наказать тебя за то, что ты сделал с Меррин Уильямс. Чтобы ты своей шкурой почувствовал, что ты с ней сделал. Можно бы ожидать, что несколько неравнодушных граждан навестят тебя как-нибудь ночью и поведут прогуляться в лес. Прямо к тому дереву, где ты убил Меррин. Чтобы вздернуть тебя на нем. Если уж ты не хочешь вести себя прилично и повеситься сам, так надо сделать хотя бы это.

К своему собственному изумлению, Иг заметно расслабился, разжал кулаки, стал

дышать ровнее. Моулд начал качать пресс Иг поймал взгляд сестры Беннет и спросил:

— Так что же вас удерживает?

— От чего? — спросила сестра Беннет.

— От того, чтобы забрать все деньги и улизнуть.

— Бог, — сказала сестра Беннет. — Я люблю Бога.

— А что Он в жизни сделал для вас хорошего? — спросил ее Иг. — Сделал ли Он хотя бы, чтобы вам было не так больно, когда люди смеются за вашей спиной? Или Он сделал, чтобы вам было больнее — потому что ради Него вы одиноки в мире? Сколько вам лет?

— Шестьдесят один.

— Шестьдесят один — это старость. Это почти слишком поздно. *Почти*. Вы можете позволить себе ждать хотя бы еще один день?

Сестра Беннет тронула свое горло, глаза ее тревожно расширились. Затем она сказала «Я лучше пойду», повернулась и заспешила к лестнице.

Отец Моулд вроде даже и не заметил ее ухода. Теперь он сидел, положив руки на колени.

— Вы закончили упражнения? — спросил Иг.

— Остался еще один заход.

— Давайте я помогу, — сказал Иг, огибая скамейку.

Когда он подкатывал Моулду штангу, его пальцы коснулись пальцев Моулда, и Иг узнал, что, когда Моулду было двадцать, он и другие парни из хоккейной команды натянули лыжные маски, сели в машину и увязались за другой машиной, битком набитой парнями из «Нации Ислама»,¹ приехавшими в Сиракузы из Нью-Йорка поговорить о гражданских правах. Моулд и его дружки прижали этих ребят к обочине и погнали их бейсбольными битами в лес. Они поймали самого из них неповоротливого и раздробили ему ноги в восьми местах. Потребовалось целых два года, чтобы парень смог хотя бы ходить без костылей.

— Вы и мама Меррин — вы действительно молились о моей смерти?

— Более-менее, — пожал плечами Моулд. — Честно говоря, она чаще всего взывала к Богу, сидя на моем члене.

— А вы знаете, почему Он не поразил меня молнией? — спросил Иг. — Вы знаете, почему Он не откликнулся на ваши молитвы?

— Почему?

— Потому что Бога нет. Все ваши молитвы — это шепот в пустой комнате.

Моулд снова поднял штангу — с большими усилиями, — опустил ее и сказал:

— Бреешь ты как собака.

— Все это наглое вранье. Никого там никогда не было. Это вам бы стоило воспользоваться этой веревкой.

— Нет, — сказал Моулд. — Ты никогда меня к этому не принудишь. Я не хочу умирать. Я люблю свою жизнь.

Так что ясно. Он может заставить людей делать только то, чего они сами в глубине души хотят.

Моулд дико скривился, хрюкнул, но не смог больше поднять штангу. Иг отвернулся от скамейки и направился к лестнице.

— Эй! — крикнул Моулд. — Мне же тут нужна помощь.

Иг сунул руки в карманы и начал насвистывать «Когда святые маршируют», впервые за все это утро у него поднялось настроение. За его спиной копошился и тяжело дышал Моулд, но Иг даже не оглянулся и быстро взбежал по лестнице.

У выхода в атриум его обогнала сестра Беннет, на ней были красные рейтузы и блузка без рукавов, разукрашенная ромашками, она даже успела причесаться. Заметив Ига, она чуть не уронила сумочку.

— Отбываете? — спросил ее Иг.

¹ «Нация Ислама» — довольно умеренная негритянская организация, боровшаяся за гражданские права и продвижение в народ исламской веры.

— У меня... у меня же нет машины, — сказала, запинаясь, сестра Беннет. — Я хотела взять церковную машину, но боюсь, что меня поймают.

— Вы же очищаете церковный счет. Что тут значит какая-то машина?

Она секунду смотрела на Ига, а потом наклонилась и поцеловала его в уголок рта. При прикосновении ее губ Иг узнал про ужасную ложь, сказанную ею матери в возрасте девяти лет, и про тот ужасный день, когда ее импульсивно поцеловал один из ее учеников, хорошенький шестнадцатилетний мальчишка по имени Бритт, и о тайной, полной отчаяния капитуляции всех ее духовных твердынь. Иг видел все это и понимал, и ему это было безразлично.

— Благослови тебя Господи, — сказала сестра Беннет.

Иг не мог не рассмеяться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Теперь ему не оставалось ничего, кроме как съездить домой и повидаться с родителями. Он свернул к родительскому дому.

Тишина в машине делала Ига нервным и беспокойным. Он попробовал включить приемник, но звуки били его по нервам и были даже хуже тишины. Его родители жили в пятнадцати минутах езды за городом, и это оставляло ему слишком много времени, чтобы подумать. Он, в общем-то, знал, чего можно ожидать от них, знал еще с той ночи, которую провел в тюрьме, задержанный для допроса относительно изнасилования и убийства Меррин.

Следователь по фамилии Картер начал допрос с того, что положил перед ним ее фотографию. Позднее, когда Иг остался в камере один, этот снимок непрерывно стоял у него перед глазами. Белая Меррин лежала на спине на фоне побуревших листьев, ее ноги были сжаты, руки раскинуты, волосы рассыпались по земле. Ее лицо было темнее земли, рот полон листьев, из-под волос на скулу вытекала струйка крови. На ней все еще был его галстук, широкая полоска ткани скромно прикрывала грудь. Иг не мог изгнать эту картину из своего воображения. Она была ему по нервам, крутила схватками желудок, пока в какой-то момент — неизвестно когда, часов в камере не было — Иг не упал на колени перед унитазом из нержавеющей стали и его не вырвало.

На следующий день он боялся встретиться с матерью. Он пережил худшую ночь в своей жизни, и нетрудно было догадаться, что и для нее это тоже была худшая ночь. Он никогда еще не попадал ни в какие неприятности. Она наверняка не могла уснуть, он представлял себе ее сидящей на кухне в ночной рубашке с чашкой остывшего травяного чая, с красными глазами и бледной как смерть. Отец тоже наверняка не спал, а сидел вместе с ней. Иг не был уверен, сидел ли отец подобно ей тихо как мышка, не видя никаких перспектив, кроме как ждать, или он, злой и возбужденный, расхаживал по кухне, рассказывая ей, что они теперь сделают, и как они все устроят, и на кого он завтра обрушится, как мешок долбанных шлакоблоков.

Иг заранее твердо решил не плакать при встрече с матерью, и он не плакал. И она тоже не плакала. Его мать подготовилась к этой встрече, как к обеду с членами попечительского совета, и ее узкое живое лицо светилось спокойствием. А вот отец, тот, похоже, недавно плакал. Деррик с трудом фокусировал взгляд, изо рта его дурно пахло.

— Не говори ни с кем, кроме адвоката, — сказала мать. Это были первые слова, сошедшие с ее губ. Она сказала: — Ничего не признавай.

— Ничего не признавай, — повторил отец, стиснул его в объятиях и начал плакать.

В паузах между всхлипываниями Деррик бормотал: «Мне все равно, что там случилось», и тут впервые Иг осознал: они верят, что он это сделал. Такая мысль даже у него не появлялась. Даже если бы он это *сделал* — даже если бы его поймали на месте преступления, — родители, казалось Игу, будут верить в его невиновность.

К вечеру Иг уже вышел из участка, глаза ему резал сильный косой свет октябрьского

солнца. Ему не предъявили обвинений. Его так ни в чем и не обвинили. Но и не оправдали. Он до сегодняшнего дня считался «личностью, представляющей интерес».

На месте преступления были собраны улики, возможно, и образцы ДНК — Иг точно не знал, ведь полиция не разглашала подробностей, — и он всем своим сердцем надеялся, что, когда вещественные доказательства будут проанализированы, его очистят от всяких подозрений. Но в лаборатории штата, находившейся в Конкорде, случился пожар, и все образцы, собранные около тела Меррин, погибли. Эта новость ошарашила Ига, словно обухом по голове. Тут уж трудно было не стать суеверным, не решить, что против него сплотились темные силы. Это надо ж такое невезение! Единственной уцелевшей уликой был отпечаток чьей-то покрывки «гудьер». Игов «гремлин» был обут в «мишлены». Но ничто из этого не являлось твердым указанием ни в одну ни в другую сторону, и, если не было серьезных улик, что Иг совершил преступление, не было и ничего, что бы полностью освобождало его от подозрений. Его алиби — что он провел эту ночь в пьяном одиночестве, отключившись в своей машине на задах какой-то дурацкой пышечной, — даже ему самому казалось жалкой, отчаянной ложью.

В первые месяцы после этого события об Иге заботились, словно о ребенке, вернувшемся домой с тяжелым гриппом, родители старались помочь ему справиться с болезнью, кормя его куриным бульоном и снабжая книжками. Они буквально крались по собственному дому, словно боясь, что шум повседневной жизни может его побеспокоить. Было забавно, что они так о нем заботятся, хотя при этом считали возможным, что он жутко поступил с девушкой, которую и они тоже любили.

Но после того, как дело против Ига развалилось и непосредственная угроза исчезла, родители как-то отошли от него, убрались в свою скорлупу. Они любили Ига и готовы были защищать от обвинения в убийстве всеми доступными способами, но, похоже, были бы рады, если бы он ушел, когда стало окончательно ясно, что тюрьма ему не грозит.

Он прожил у них девять месяцев, но ни на секунду не задумался, когда Гленна предложила ему разделить ее квартплату пополам. После переезда к ней он встречался с родителями, только когда навещал их дома. Они не встречались в городе, чтобы перекусить, сходить в кино или магазин, и они никогда к нему не заходили. Случалось, что Иг, забегая в свой старый дом, узнавал, что отец в отъезде — во Франции на джазовом фестивале или в Лос-Анджелесе работает над саундтреком. Он никогда не знал отцовских планов заранее, и отец никогда не звонил ему сказать, что будет в отъезде.

Иг невинно болтал на крыльце со своей матерью о всякой ерунде. Когда Меррин убили, он как раз собирался ехать работать в Англию, но после того, что случилось, всем этим планам пришел конец. Он говорил матери, что хочет вернуться в университет, что написал заявление в Брауновский и Колумбийский. И он действительно их написал, они лежали на микроволновке в квартире Гленны. Одно из них использовалось в качестве бумажной тарелки для пиццы, а другое было сплошь испятнано коричневыми серпиками от кофейной чашки. Мать охотно ему подыгрывала, одобряя и ободряя, и никогда не задавала неудобных вопросов, вроде когда же его вызовут на собеседование или собирается ли он подыскать себе какую-нибудь работу, чтобы не сидеть без дела до поступления. Ни один из них не хотел нарушать хрупкую иллюзию, что все возвращается в нормальное русло, что у Ига все еще впереди, что его жизнь продолжится.

При своих нерегулярных набегах на дом он чувствовал себя относительно легко только с Верой, своей бабушкой, жившей там же. Он не был уверен даже в том, помнит ли она, что его когда-то арестовывали по подозрению в сексуальном убийстве. По большей части она сидела в инвалидном кресле, операция по замене тазобедренного сустава как-то ей не очень помогла. Иг возил ее прогуляться по усыпанной гравием дорожке через лес к северу от родительского дома, к тому месту, откуда открывался вид на Королевино Кручу — высокий скалистый обрыв, с которого прыгали дельтапланеристы. Теплыми ветренными июльскими днями их набиралось человек пять-шесть, они катались на восходящих потоках, далекие ярко раскрашенные воздушные змеи, носящиеся в воздухе. Когда Иг был со своей бабушкой и они

смотрели на дельтапланеристов, бросающих вызов свежему ветру, он почти чувствовал себя тем человеком, которым был до смерти Меррин, человеком со щедрой душой, любившим запах вольного воздуха.

Въезжая по склону к дому, он сразу увидел Веру во дворе, во всегдашнем инвалидном кресле, с кружкой охлажденного чая на откидном столике. Ее голова свисала под немислимым углом, она сладко спала, дремала на солнце. Мать Ига находилась где-то рядом — на траве был расстелен помятый плед. Солнце светило в кружку с чаем и превращало ее ободок в сияющий обруч, в серебряный нимб. До невозможности мирная сцена, но как только Иг заглушил машину, его желудок начал протестовать. Это было вроде как в церкви. Теперь ему не хотелось выходить из машины. Он боялся встретиться с людьми, встретиться с которыми приехал.

И все-таки он вышел. Деваться было некуда.

У края проезда был припаркован черный «мерседес» с номерными знаками Аламо. Арендванная машина Терри. Иг предложил встретиться ему в аэропорту, но Терри сказал, что нет никакого смысла, он прилетает поздно и вообще хочет иметь собственную машину, так что лучше встретиться завтра. Вот Иг и пошел вместо этого с Гленной и в конце концов напился и оказался в одиночестве в старой литейной.

Из всех членов своего семейства меньше всего Иг боялся встретиться с Терри. В чем бы там Терри ни признавался, какие бы постыдные тайны ни таил, Иг был всегда готов ему простить. Он считал это своим долгом. Может быть, в каком-то смысле он приехал сюда именно для встречи с Терри. Когда Иг был в самой худшей беде, заявления Терри появлялись в газетах ежедневно, заявления, что все это дело против его брата — чистейшая липа, шито белыми нитками, что его брат абсолютно неспособен сделать хоть что-нибудь плохое тому, кого он любит. Иг думал, что если кто-нибудь и может сейчас ему помочь, так это только Терри.

Иг тихо подошел к Вере. Мать оставила ее повернутой лицом к длинному травянистому склону, спускавшемуся к старой бревенчатой ограде внизу холма. Ухо Веры было прижато к плечу, глаза закрыты, она тихо посапывала. От этой мирной картины напряжение немного оставило Ига. Ему не придется с ней беседовать, во всяком случае, не придется слушать о ее тайных, самых жутких порывах. Он смотрел на ее старое морщинистое лицо, ощущая почти болезненную нежность, вспоминая, как они с ней проводили вместе утреннее время за чаем с булочками, намазанными арахисовым маслом, пока по телевизору шла «Верная цена». Ее волосы были собраны на затылке, но кое-где выбивались из-под заколок, так что по щекам рассыпались длинные пряди цвета лунного сияния. Иг ласково взял ее за руку — на мгновение забыв, чем чревато прикосновение.

И тут же узнал, что у нее нет особых трудностей с суставами, но она любит, чтобы ее сюда привозили в кресле и исполняли все ее капризы. Ей было восемьдесят лет, что давало определенные права. Ей особенно нравилось понукать своей дочерью, которая считала, что ее говно не воняет, потому что она достаточно богата, чтобы подтираться двадцатками, понукать женой этого бывшего и мамашей этой пустышки из шоу-бизнеса и растленного сексуального убийцы. И все же Вера считала, что это всяко лучше, чем то, чем была Лидия, грошовая проститутка которой удалось захомутать мелкую знаменитость, имевшую сопливо-сентиментальный уклон. Веру до сих пор удивляло, что ее дочь вернулась после нескольких лет, проведенных в Лас-Вегасе, с мужем и сумочкой, полной кредитных карточек, а не с десятью годами каталажки и неизлечимой венерической болезнью. Вера про себя считала, что Иг прекрасно знал, кем была его мать — грошовой шлюхой, — и что это породило в нем патологическую ненависть к женщинам и стало истинной причиной, почему он изнасиловал и убил Меррин Уильямс. Эти штуки, они всегда фрейдистские. А говоря об этой Уильямсовой девице, та была явной охотницей за богатством, с первого дня крутила жопкой, лишь бы получить обручальное кольцо и деньги Иговой семьи. По мнению Веры, сама Меррин Уильямс в ее коротких юбчонках и туго обтягивающих топах не слишком отличалась от проститутки.

Иг отпустил ее руку, словно голый провод, дернувший его тысячью вольт, вскрикнул и, запинаясь, попятился. Его бабушка зашевелилась и приоткрыла один глаз.

— О! — сказала она. — Ты.

— Извини, пожалуйста. Я не хотел тебя будить.

— И очень жаль, что разбудил. Я хотела спать. Во сне я счастливее. Или ты думаешь, я хотела видеть *тебя*?

Иг почувствовал, как в его груди собирается холодок. Бабушка отвернула от него лицо.

— Когда я смотрю на тебя, мне хочется умереть.

— Правда? — спросил Иг.

— Я не могу встречаться с подругами, я не могу ходить в церковь, все на меня плятся. Все они знают, что ты сделал. Из-за этого мне хочется умереть. А затем ты приезжаешь сюда и выводишь меня на прогулку. Я ненавижу эти прогулки, потому что люди видят нас вместе. Ты себе даже не представляешь, как это трудно — притворяться, что я тебя не ненавижу. Я всегда считала, что с тобой что-то не так. Как шумно ты дышишь, когда куда-нибудь пробежался. Ты всегда дышал ртом, как собака особенно в присутствии хорошеньких девочек. И ты всегда был тупой. Гораздо тупее своего брата. Я пыталась сказать об этом Лидии. Я говорила ей не знаю сколько раз, что с тобой что-то не так. Но она не хотела меня слушать, и посмотри, чем все это кончилось. Нам придется теперь с этим жить.

Вера закрыла глаза ладонью, ее подбородок задрожал. Тихо пятась, Иг услышал, как она начала всхлипывать.

Иг миновал крыльцо и через открытую дверь вошел в пещерную тьму прихожей. У него мелькнула мысль пойти в свою старую спальню и полежать. Ему хотелось уделить какое-то время самому себе, побыть в прохладной полутьме, в окружении концертных постеров и детских книг. Но затем, проходя мимо кабинета матери, он услышал шорох перекладываемых бумаг и машинально развернулся, чтобы взглянуть на нее.

Его мать склонилась над письменным столом, водя пальцем по каким-то бумагам, время от времени выхватывая одну из них и кладя ее в кожаную папку. Когда она вот так наклонялась, ее юбка в полоску туго обтягивала ягодицы. Отец познакомился с ней, когда она танцевала в Вегасе, и у нее до сих пор сохранился упругий кордебалетный зад. Игу снова вспомнилось то, что он ненароком узнал из Верининой головы, бабушкину святую уверенность, что Лидия была шлюхой и даже хуже, но тут же отбросил все это как сенильную фантазию. Его мать служила в Совете Нью-Гэмпшира по делам искусства и читала русские романы, и даже когда она танцевала в Вегасе, то, по крайней мере, прикрывала некоторые места страусиными перьями.

Когда Лидия заметила Ига, смотревшего на нее с порога, ее папка соскользнула с колена. Она ее поймала, но было уже поздно, бумаги веером рассыпались по полу. Некоторые из них закачались в воздухе в бесцельной, неторопливой манере снежинок, и Иг снова подумал о дельтапланеристах. Иногда люди прыгали с Королевиной Кручи и без всяких крыльев. Это место облюбовали самоубийцы. Может быть, стоит и ему туда съездить.

— Игги, — сказала мать, — я не знала, что ты сегодня придешь.

— Я знаю. Я тут все ездил туда-сюда. Я не знаю, куда мне податься. Это утро стало настоящим адом.

— Бедный мой мальчик, — сказала Лидия. Ее лоб сочувственно наморщился.

Иг уже очень давно не видел на лицах людей сочувственного выражения и так хотел хоть чьего-нибудь сочувствия, что, встретив его, как-то сразу обмяк.

— Мама, со мной происходит нечто ужасное, — сказал он срывающимся голосом.

Впервые за все это утро он был близок к тому, чтобы расплакаться.

— Бедный мой мальчик, — повторила мать. — Ну почему ты не мог пойти к кому-нибудь другому?

— Извини?

— Я не хочу больше слышать о твоих проблемах.

Жгучее ощущение в его глазах слабело, порыв заплакать стихал так же быстро, как и

пришел. Рога запульсировали саднящей болью, даже не совсем неприятной.

— Я вляпался в неприятности.

— Я не желаю этого слушать. Не хочу этого знать.

Мать присела на корточки, собирая свои бумаги и засовывая их в папку.

— Мама, — сказал Иг.

— Когда ты говоришь, мне хочется петь! — крикнула она и закрыла уши ладонями, — *Лалала-ла-ла-ла!* Я не хочу слушать. Я хочу задержать дыхание, пока ты не уйдешь.

Она глубоко вдохнула и задержала дыхание. Ее щеки надулись.

Иг пересек комнату и опустился на корточки в таком месте, где ей не приходилось на него смотреть. Она так и сидела, закрыв ладонями уши и плотно сжав губы. Иг взял ее папку и стал запихивать в нее бумаги.

— И вот так, значит, ты всегда себя чувствуешь, когда видишь меня?

Лидия яростно закивала, ее глаза блеснули.

— Ты только не задохнись, мамочка.

Мать взирала на него еще секунду, а затем открыла рот и глубоко, с присвистом вдохнула. Она молча наблюдала, как он кладет ее бумаги в ее папку.

Когда она снова заговорила, голос ее был тихий и визгливый, слова сыпались очень быстро, собираясь в подобие цепочек.

— Я хочу написать тебе письмо очень милое письмо очень хорошим почерком на своей специальной бумаге чтобы сказать тебе как мы с папой тебя любим и как нам жаль что ты несчастлив и как для всех было бы лучше, чтобы ты просто ушел.

Иг засунул последнюю бумагу в папку и уселся на корточки, держа ее на коленях.

— Ушел — куда?

— Ведь ты же вроде хотел отправиться автостопом на Аляску?

— Вместе с Меррин.

— Или посмотреть Вену?

— Вместе с Меррин.

— Или учиться китайскому? В Пекине?

— Мы с Меррин говорили, не поехать ли во Вьетнам преподавать английский. Но я не думаю, чтобы мы и вправду так сделали.

— Мне все равно, куда ты отправишься, лишь бы только не видеть тебя каждую неделю. Лишь бы только не слышать, как ты говоришь о себе, словно все в полном порядке, потому что ничто не в порядке и никогда уже не будет в порядке. Видеть тебя для меня сплошное несчастье. А я просто хочу снова стать счастливой.

Иг отдал ей папку.

— Я не хочу, чтобы ты больше был моим ребенком, — сказала Лидия. — Это слишком тяжело. Я хочу, чтоб у меня был один Терри.

Иг наклонился и чмокнул ее в щеку. И когда он это сделал, то увидел, как она тихо ненавидела его все эти годы за то, что у нее из-за него рубцы на животе. Он лично изувечил ее фигуру, а ведь та была хоть на разворот «Плейбоя». Терри был хорошим, внимательным мальчиком и оставил неповрежденными ее фигуру и кожу, а Иг все на хрен изуродовал. Однажды в Вегасе ей предложили пять косых за единственную ночь с каким-то нефтяным шейхом, конечно, тогда детей у нее еще не было. Вот это были денечки. Самые легкие деньги в ее жизни.

— Уж и не знаю, почему я говорю тебе все это, — сказала Лидия. — Я сама себя ненавижу. Я никогда не была хорошей матерью. — Затем она, похоже, осознала, что ее поцеловали, тронула свою щеку, провела по ней ладонью. Она смагивала слезы, но когда осознала поцелуй, то улыбнулась. — Ты меня поцеловал. Ты думаешь... ты думаешь сейчас уйти?

В ее голосе дрожала надежда.

— Меня здесь и не было, — сказал Иг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вернувшись в прихожую, Иг взглянул через дверь, выходившую на крыльцо, на залитый солнцем внешний мир и подумал, что надо, пожалуй, смыться, смыться поскорее, пока не наткнулся на кого-нибудь еще, на отца или брата. Он уже передумал встречаться с Терри, решил обойтись по возможности без этого. После всего, что ему наговорила мать, Иг уже не хотел подвергать испытаниям свою любовь еще к кому-нибудь.

И все же он не покинул дом через парадную дверь, повернулся и начал взбираться по лестнице. Если уж он здесь, то можно хотя бы заглянуть в свою комнату и посмотреть, не стоит ли чего-нибудь оттуда забрать, уходя из дома. Уходя куда? Он еще не знал. Но в нем не было и уверенности, что он когда-нибудь сюда вернется.

Под ногами у Ига столетние ступени скрипели и бормотали. Как только он ступил на последнюю из них, правая дверь, выходившая в коридор, распахнулась и из нее высунулся отец. Иг видел такую картину уже сотни раз. Его отец был очень любопытен и не мог пропустить, чтобы кто-нибудь поднялся по лестнице, не взглянув, кто же это.

— О! — сказал он. — Иг. А я подумал, что это... — Фраза как-то сама собой заглохла.

Его взгляд переместился с Иговых глаз на рога. Отец стоял босиком в белой майке и полосатых подтяжках.

— Ты просто скажи мне, — сказал Иг. — Это глава, где ты говоришь мне нечто ужасное, что хотел сохранить в тайне. Возможно, что-то насчет меня. Так скажи, и не будем больше об этом.

— Я хотел притвориться, что занят в своем кабинете важными делами, чтобы не пришлось с тобой говорить.

— Для начала неплохо.

— Встречаться с тобой мне очень тяжело.

— Понятно. Мы только что говорили об этом с мамашей.

— Я все думаю о Меррин. О том, какая она была хорошая девочка. Я же любил ее, в некотором роде. И завидовал тебе. Я никогда не любил никого так, как вы с ней любили друг друга. И уж конечно, не твою мать — мелкую шлюху со сдвигом на статусе. Худшая ошибка, какую я когда-либо сделал. Все плохое, что было в моей жизни, произошло из-за этого брака. Но Меррин... Она же была чудесная. Нельзя было слышать, как она смеется, чтобы самому не улыбнуться. Когда я думаю, как ты ее оттрахал и убил, меня начинает рвать.

— Я ее не убивал, — выговорил Иг пересохшим ртом.

— И хуже всего, — продолжил Деррик Перриш, — что она была моим другом и заботилась обо мне, а я помог тебе уйти безнаказанным.

Иг воззрился на него в полном недоумении.

— Это все мужик, который заведует криминалистической лабораторией, Джин Ли. Его сын умер несколько лет тому назад, но перед тем я помог ему достать билеты на Пола Маккартни и устроил, что Джин и его сын встретились с Полом за кулисами и всякое прочее. Когда тебя арестовали, Джин сразу со мной связался. Он спросил меня, ты ли это сделал, и я сказал, что не могу ему дать честного ответа. Через два дня случился этот пожар в Конкорде, в лаборатории штата. Конечно, Джин там не начальник, он работает в Манчестере, но я всегда считал...

Ига буквально вывернуло наизнанку. Если бы улики, собранные на месте преступления, не были уничтожены, скорее всего, они помогли бы установить его невиновность. Но они исчезли в дыму и пламени, как и надежды, гнездившиеся в сердце Ига, как все хорошее в его жизни. Иногда в приступах мании преследования он представлял себе некий сложный заговор, тайно составленный с единственной целью — его погубить. И он был почти прав: тут действительно работали тайные силы, только это был сговор людей, пожелавших его защитить.

— Как ты мог это сделать? Как ты мог быть таким дураком? — спросил, задыхаясь, Иг, сейчас он был на грани ненависти к отцу.

— Вот и я то же самое себя спрашиваю. Каждый день. Конечно же, когда весь мир бросается на твоих детей с ножами, ты обязан их заслонить. Это каждому понятно. Но здесь-то... Здесь Меррин тоже была одним из моих детей. Она десять лет ежедневно бывала в нашем доме. Она мне *доверяла*. Я покупал ей попкорн в кино, ходил посмотреть, когда она играла в лакросс,¹ играл с ней в криббидж,² и она была просто прелесть, и любила тебя, а ты вышиб ей долбанные мозги. Покрывать тебя было совершенно неправильно, не тот это случай. Ты должен был отправиться в тюрьму. Когда я вижу тебя в доме, мне хочется дать тебе по морде, чтобы сбить это глупое выражение с твоего глупого лица. Вроде как тебе не о чем жалеть. Убил — и вышел сухим из воды. В самом буквальном смысле. И меня еще в это дело втянул. Из-за тебя я все время чувствую себя грязным. Мне хочется помыться, оттереть себя стальной мочалкой. Когда ты говоришь со мной, по мне начинают бегать мурашки. Ну как ты мог с ней такое сделать? Она была одним из лучших людей, каких я когда-либо знал. И наверняка самым любимым человеком.

— И моим тоже, — согласился Иг.

— Я хочу вернуться в свой кабинет, — сказал отец. Он тяжело дышал открытым ртом. — Когда я тебя вижу, мне хочется спрятаться. В свой кабинет. В Лас-Вегас. Или в Париж. Куда угодно. Я хочу уйти и никогда не возвращаться.

— И ты действительно думаешь, что я ее убил. А ты никогда не задумывался: вдруг улики, которые ты сказал Джину сжечь, могли меня спасти? Сколько раз я тебе говорил, что не делал этого, так неужели тебе ни разу не подумалось, а может быть, просто может быть, я ни в чем не виноват?

Отец молча на него воззрился, немного сбитый с толку, а затем сказал:

— Нет, такого я не думал. Правду говоря, меня удивляло, что ты не сделал с ней что-нибудь еще раньше. Я всегда считал, что ты мелкий говеный извращенец.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Иг стоял в дверях своей спальни и все не входил, не ложился, как было задумано. Его голову снова саднило — виски, у оснований рогов. Было такое чувство, словно за ними нарастает давление. На краю его поля зрения, в такт ударам пульса, мелькала непроглядная тьма.

Ему хотелось отдохнуть, хотелось больше всего остального, и не хотелось больше никакого сумасшествия. Он хотел ощутить на лбу чью-нибудь прохладную руку. Он хотел, чтобы Меррин вернулась, хотел плакать, зарыв лицо в ее колени, и чтобы ее пальцы гладили его по затылку. Любые его мысли о мире и спокойствии были связаны с ней, она входила обязательной частью во все его мирные воспоминания. Ветреный июльский день, они лежат в траве над рекой. Дождливый октябрь, они с ней пьют сидр в ее комнате, плотно прижавшись друг к другу под вязаным покрывалом, холодный нос Меррин прикасается к его уху.

Иг окинул взглядом комнату, осмысливая обломки жизни, прожитой им здесь. Из-под кровати высовывался старый футляр трубы, он вытащил его и положил на матрас. Внутри лежала серебристая труба. Она заметно потемнела, клапаны стерлись, словно трубой активно пользовались.

Как оно, собственно, и было. Даже когда Иг узнал, что слабые легкие никогда не позволят ему играть на трубе, он, по причинам, уже не понятным ему самому, продолжал репетировать. После того как родители отсылали его в постель, он играл в темноте, под одеялом, летая пальцами по клапанам. Он играл Майлза Дэвиса, Уинтона Марсалиса и Луиса Армстронга. Но музыка звучала только в его голове, когда он прикладывал мундштук ко рту, то не решался дуть из страха, что накатит волна головокружения и замелькает черная метель.

¹ Лакросс — довольно распространенная в Америке командная спортивная игра с маленьким мячом, который нужно закинуть в чужие ворота при помощи своего рода ракеток.

² Криббидж — карточная игра для двух человек, может играть и вдвоем или вчетвером.

Это казалось теперь бессмысленной тратой времени, все эти тренировки, заранее обреченные не дать никакого результата.

В приступе неожиданной ярости он вытряхнул содержимое футляра на пол маленькие трубки, масло для клапанов, запасной мундштук и все прочее. Последнее, что ему попало под руку, была сурдина «Том Краун», похожая на большую рождественскую игрушку из полированной меди. Он хотел швырнуть ее через комнату, даже замахнулся уже, но пальцы его не разжались, не выпустили сурдину. Это была очень красивая металлическая игрушка, но он удержал ее не поэтому. Он и сам не мог понять, почему он ее удержал.

«Тома Крауна» засовываешь в раструб трубы, чтобы приглушить громкость, при правильном использовании звук получается непристойный, похотливый. Иг глядел на сурдину и хмурился, ощущая, как что-то тревожит его сознание. Это не было сложившейся мыслью, еще не было. Это не было даже половинкой мысли — так, мимолетная смутная догадка. Что-то насчет труб и рогов, что-то насчет того, как на них играют.

В конце концов Иг отложил сурдину в сторону и снова обратился к футляру. Он вырвал из него пенопластовую подкладку, положил свежую смену одежды и начал искать свой паспорт. Не потому, что собирался уехать из страны, а потому что хотел взять с собой все важное, чтобы никогда не пришлось возвращаться.

Его паспорт был засунут в роскошную Библию, лежавшую в верхнем ящике комода, перевод короля Иакова, в белой коже со словами Иисуса, напечатанными золотом Терри называл эту книгу его Библией Нила Даймонда,¹ Иг выиграл ее ребенком в библейскую «викторину навыворот» в воскресной школе: когда давались ответы из Библии, Иг всегда угадывал правильные вопросы. Иг вынул из книги свой паспорт и ненадолго замер, глядя на колонку точек и черточек, накорябанную карандашом на форзаце. Это была азбука Морзе, Иг сам вписал ее в Библию Нила Даймонда десять с лишним лет тому назад. Он когда-то решил, что Меррин послала ему сообщение азбукой Морзе, и потратил целых две недели, составляя аналогичный ответ. Получившийся у него ответ был все еще записан тут цепочкой точек и черточек, его любимая молитва в этой книге.

Он покачал Библию в руке и тоже забросил ее в футляр. Что-то там все-таки должно было быть, какие-нибудь полезные подсказки для его положения, некое гомеопатическое средство, которое может пригодиться при прямом столкновении с дьяволом.

Нужно было сматываться, пока не попался кто-нибудь еще, однако, спустившись по лестнице, Иг заметил, как сухо и липко у него во рту, как больно ему глотать. Он свернул на кухню и попил из-под крана. Составил ладони лодочкой и плеснул воду себе на лицо, а затем окунул лицо в воду и отряхнулся по-собачьи. Вытерся досуха посудным полотенцем, с наслаждением ощущая его грубое прикосновение к оглушенной холодной водой коже. В конце концов Иг откинул полотенце, повернулся и увидел своего брата.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Терри привалился к стене, сразу же у входа. Вид у него был довольно аховый — возможно, последствия дальнего перелета. Ему пора было побриться, глаза воспалились, как это бывало при аллергии. Терри страдал аллергией ко всему цветочной пыльце, арахисовому маслу, однажды он чуть не умер от укуса пчелы. Прекрасная шелковая рубашка и твидовые штаны болтались на нем, как на вешалке, словно он неожиданно скинул вес.

Братья смотрели друг на друга. Иг и Терри не бывали в одной и той же комнате с того уик-энда, когда убили Меррин, и тогда Терри выглядел не многим лучше: запинался и путался в словах из-за жалости к ней, а заодно и к Игу. Вскоре после этого Терри улетел на Западное побережье — якобы для репетиций, хотя Иг подозревал, что его вызвали для поправки ситуации администраторы «Фокса», — и так с того времени не возвращался. Терри не слишком-то любил Гидеон даже и до убийства.

¹ Нил Даймонд (р. 1941) — популярный в США автор-исполнитель, суммарный тираж его пластинок превысил 100 миллионов экземпляров.

— Я не знал, что ты здесь, — сказал Терри. — Я не слышал, как ты вошел. Ты что, оттрастил рога? Пока я был в отъезде?

— Я решил, что самое время поменять имидж. Нравятся?

Терри помотал головой.

— Я хочу кое-что тебе сказать, — сказал он, и его кадык несколько раз дернулся вверх-вниз.

— Много вас таких.

— Я хочу кое-что тебе сказать, но я *не хочу* тебе это говорить. Я боюсь.

— Давай сыпь все сразу. Возможно, все не так уж и плохо. Вряд ли что-нибудь из того, что ты можешь мне сказать, слишком уж меня взволнует. Мама только что сказала, что не хотела бы никогда больше меня видеть. А папа хочет, чтобы меня посадили в тюрьму пожизненно.

— Не может быть.

— Очень даже может.

— О Иг! — сказал Терри, и глаза его наполнились слезами. — Я очень виноват. Во всем. В том, как для тебя обернулось дело. Я знаю, что ты очень ее любил. Знаешь, а я ведь тоже ее любил Меррин. Она была потрясающая девчонка.

Иг кивнул.

— Я хочу, чтобы ты знал... — сказал Терри и запнулся.

— Давай, давай, — подбодрил его Иг.

— Я ее не убивал.

Иг молча воззрился на брата, в груди у него закололо. Мысль, что Терри изнасиловал Меррин, а потом убил, никогда не приходила ему в голову, принадлежала к области невозможного.

— Конечно же нет, — сказал. Иг.

— Я любил вас двоих и желал вам счастья. Я никогда бы не сделал ей ничего плохого.

— Знаю, — сказал Иг.

— Если бы мне только в голову пришло, что Ли Турно ее убьет, я бы постарался ему помешать, — сказал Терри. — Я думал, что Ли ее друг. Мне очень хотелось тебе рассказать, но Ли принудил меня к молчанию. Принудил.

— ИИИИИИИИИИ! — закричал Иг.

— Он ужасен, Иг, — сказал Терри. — Ты его просто не знаешь. Ты думаешь, что знаешь, но не имеешь никакого представления.

— ИИИИИИИИИИ! — продолжал Иг.

— Ли подставил и тебя и меня. Я с того времени как в аду, — сказал Терри.

Иг выскочил в коридор, пробежал в полумраке к парадной двери, вылетел в ослепительное сияние дня с глазами, полными слез, не попал ногой на ступеньку и свалился во двор. Плача и задыхаясь, он кое-как поднялся. При падении Иг выронил футляр от трубы — он даже и не осознавал, что тот еще при нем, — и теперь подобрал его с травы.

Он бросился через лужайку, почти не понимая, куда направляется. Уголки его глаз были мокрыми, и он подумал, что плачет, но когда тронул лицо пальцами, на пальцах оказалась кровь. Он поднял руки к рогам. Кончики рогов продырявили кожу, и по лицу его стекала кровь. Он ощущал в рогах размеренную пульсацию, и, хотя виски сильно саднило, от них исходило нервное ощущение, чем-то сходное с оргазмом. Он побежал, спотыкаясь, вперед, испуская поток проклятий и непристойностей. Он ненавидел, как трудно ему дышать, ненавидел липкую кровь на щеках и руках, ненавидел слишком уж яркое синее небо, ненавидел свой собственный запах, ненавидел, ненавидел, *ненавидел*.

Заблудившись в своих собственных мыслях, он не видел Вериной каталки, пока чуть в нее не врезался. Он остановился буквально в шаге от бабушки и уставился на нее. Она снова задремала и тихонько похрапывала. Она слегка улыбалась, словно какой-то приятной мысли, и ее мирное счастливое лицо привело Ига в полнейшую ярость. Он ударил ногой по тормозу коляски и с силой ее толкнул.

— Сука, — сказал он вслед коляске, покотившейся по склону.

Вера приподняла голову с плеча, положила ее обратно, снова подняла и слабо пошевелилась. Каталка летела по зеленой ухоженной траве, ударилась одним колесом о булыжник, перескочила его и помчалась дальше, а Иг вспомнил себя пятнадцатилетнего и спуск на магазинной тележке по тропе Ивела Нивела,¹ ставший, если разобраться, поворотной точкой всей его жизни. Он что, летел так же быстро? Ничего себе — как каталка набирает скорость, как жизнь человека набирает скорость, как эта жизнь становится пулей, нацеленной в конечную мишень, пулей, которую не замедлить и не сбить с пути, и здесь, подобно той же пуле, не знаешь, обо что ударишься, да и вообще ничего не знаешь, кроме свиста воздуха и удара. Вера ударилась внизу о забор со скоростью миль сорок.

Когда Иг подошел к машине, он уже снова дышал легко, стесненное ощущение в груди прошло так же быстро, как и появилось. Воздух пах свежей травой, нагретой августовским солнцем, и зеленью листьев. Иг не знал, куда он дальше пойдет, знал только, что уходит. За его спиной проскользнул болотный уж, черно-белый и влажный с виду. К нему присоединился второй, затем третий, он их не замечал.

Сев за баранку «гремлина», Иг начал посвистывать. Это действительно был хороший день. Он развернул «гремлин» на подъездной дорожке и начал спускаться с холма. Шоссе его терпеливо ждало, в том самом месте, где он его оставил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Вишенка

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Она ему что-то говорила. Сперва он не понимал, что это она, не знал, кто это делает. Он даже не знал, что это послание. *Это* началось минут через десять после начала службы: всплеск золотого света на периферии его зрения, всплеск настолько яркий, что он даже зажмурился. Иг провел пару раз рукой по глазу, пытаясь стереть пятно, плававшее перед ним. Когда его зрение немножко прояснилось, он посмотрел по сторонам, но не смог найти источник света.

Девочка сидела по ту сторону прохода, одним рядом впереди, на ней было белое летнее платье, и он никогда ее прежде не видел. Он все время на нее посматривал, не потому, что подумал, будто она как-то связана со светом, а потому что смотреть на нее было приятно. И он не один так думал. Худощавый парень с волосами, белыми почти как кукурузные рыльца, сидевший прямо за ней, заглядывал ей через плечо в вырез ее платья. Иг никогда не видел эту девочку, но смутно узнал парня по школе, тот был вроде бы годом старше.

Игнациус Мартин Перриш поискал глазами часы или браслет, способный бросить зайчик ему в глаз. Он украдкой осмотрел людей в очках с металлической оправой, женщин с обручами в ушах, но так и не смог найти источника вспышки. Впрочем, больше всего он смотрел на девочку с рыжими волосами и белыми голыми руками. В белизне этих рук было что-то такое, что делало их более голыми, чем руки всех других женщин, присутствовавших в церкви. Веснушки есть у очень многих рыжих, но эта выглядела так, словно ее вырезали из куска мыла.

Как только он переставал искать источник света и поворачивался лицом вперед, ослепительная вспышка повторялась. Они выводили его из себя, эти блики в уголке левого глаза, словно световая мошка, настойчиво кружившая над ним, трепетавшая перед лицом. Однажды он даже отмахнулся. Вот тут-то она себя и выдала, негромко фыркнув, дрожа от усилий сдержать смех. Затем она на него взглянула — медленный взгляд искоса, в котором были удовольствие и веселье. Она поняла, что попалась и что больше нет смысла

¹ Роберт Крейг Нивел, известный как Ивел Нивел (1938–2007) — знаменитый американский каскадер, выполнявший рискованные трюки на мотоцикле.

притворяться. А Иг, кроме того, понимал, что она *планировала* погостить, продолжать, пока не попадется, от этой мысли в нем сильнее забились кровь. Она была очень хорошенькая, примерно его возраста, ее волосы были заплетены в шелковистую косу вишневого цвета. Она крутила в пальцах тоненький золотой крестик, висевший у нее на шее, поворачивала его то так, то сяд, и солнечный свет превращал его в крестообразное пламя. Она задержала его в таком положении, что было чем-то вроде признания, а затем отвернула в сторону.

После этого Иг уже не мог уделять никакого внимания тому, что говорил с амвона отец Моулд. Больше всего ему хотелось, чтобы она снова взглянула в его сторону, но она долго этого не делала, такое милое кокетство. Но потом она снова покосилась на него, долго и осторожно. Глядя прямо на него, она бросила крестиком ему в глаза две короткие вспышки и длинную. Через пару секунд она промигала уже другую последовательность, на этот раз три короткие вспышки. Мигая крестиком, она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась немного мечтательно, словно забыла, чему улыбается. Напряженность ее взгляда прямо говорила: она *хочет*, чтобы он нечто понял, и то, что она делает крестиком, очень важно.

— Думаю, это азбука Морзе, — прошептал уголком рта Игов отец: разговор заключенных во время прогулки.

Иг нервно дернулся. За последние несколько минут Священное Сердце Марии превратилось в телепрограмму, играющую где-то на заднем фоне, со звуком, прикрученным до еле слышного бормотания. Но когда отец заговорил, он вернул Ига к осознанию, где они находятся. Кроме того, Иг с тревогой обнаружил, что его член немного затвердел и стал горячим. Было крайне важно, чтобы тот вернулся в прежнее положение. В любой момент мог начаться заключительный гимн, и тогда нужно будет встать, и в штанах недвусмысленно выпрет.

— Что? — спросил он у отца.

— Она говорит: «Перестань пялиться на мои ноги. — Деррик Перриш снова шептал уголком рта, на манер остряка из кино. — Или я поддобью тебе глаз».

Иг издал забавный звук, словно пытаюсь прокашляться. Теперь и Терри пытался ее увидеть. Иг сидел прямо у прохода, отец — справа от него, затем их мать и лишь потом Терри. Так что, чтобы увидеть девочку, Терри нужно было вытягивать шею. Он оценил ее внешность — она снова повернулась к ним лицом, — а затем громко прошептал:

— Ты уж извини, Иг, но никаких шансов.

Лидия стукнула его псалтырем по голове.

— Кой черт, мама? — сказал Терри и снова получил по голове.

— Не говори здесь этого слова, — прошептала она.

— Почему ты не ударила Ига? — прошептал Терри. — Это же он пялится на рыжую. Думает похотливые мысли. Он алкает. Ты на него только посмотри. Это же у него на лице написано. Ты только посмотри на это алкающее выражение.

— Алчущее, — поправил Деррик.

Лидия взглянула на Ига, и его щеки вспыхнули. Затем она переместила взгляд на девочку, которая не смотрела на них, притворяясь, что слушает отца Моулда. Через секунду Лидия фыркнула и стала смотреть вперед.

— Это ничего, — сказала она. — А то я уже начинала бояться, не гей ли наш Иг.

А затем настало время петь, и все они встали. Иг снова посмотрел на девочку, и в тот момент, когда она поднималась на ноги, на нее упал сноп солнечного света, и ее волосы вспыхнули красным огнем. Она повернулась и снова взглянула на него, открыв рот, чтобы запеть, но издала вместо этого нечто вроде негромкого, но пронзительного крика. Она собиралась было снова мигнуть ему крестиком, но тонкая цепочка оборвалась и струйкой стекла в ее руку.

Иг смотрел, как она наклонила голову и пыталась починить цепочку. Затем произошло нечто для него неприятное. Симпатичный блондин, стоявший за ней, наклонился вперед и неловко, неуверенно коснулся ее затылка. Он пытался помочь ей с крестиком. Девочка вздрогнула, наградив его удивленным, не слишком дружелюбным взглядом. Блондин не

покраснел и даже ничуть не смутился. Прямо не мальчик, а античная статуя. Суровые, неестественно спокойные черты юного Цезаря, который может простым поворотом большого пальца спровадить компанию окровавленных христиан на пищу львам. Годы спустя прическа в таком стиле, коротко подстриженная щетка светлых волос, будет распуляризирована Маршаллом Мэтерсом,¹ но сейчас она смотрелась ничуть не примечательно. Кроме того, он был в галстук — высший класс. Он что-то сказал девочке, но та покачала головой. Ее отец наклонился, улыбнулся мальчику и начал сам возиться с крестиком.

Иг расслабился. Цезарь сделал тактическую ошибку, тронул девочку, когда она этого не ожидала, и тем ее рассердил, вместо того чтобы очаровать. Отец девочки какое-то время повозился с цепочкой, но затем рассмеялся и потряс головой, потому что ничего не получалось, и она тоже рассмеялась и забрала у него крестик. Ее мать строго на них воззрилась, и тогда девочка и ее отец снова начали петь.

Служба закончилась, и шум голосов возрос, как вода, заполняющая заданный объем, сразу сменив собой присущую церкви тишину. Из школьных предметов Игу всегда лучше давалась математика, и он автоматически думал в терминах емкости, объема, инвариантов и превыше всего абсолютных величин. Позднее это очень пригодилось на логической этике, но это, пожалуй, был единственный выигрыш от его математических талантов.

Ему хотелось поговорить с девочкой, но он не знал, что сказать, и мгновенно упустил свой шанс. Выйдя в проход, она на него взглянула, застенчиво, но улыбаясь, и тут же над ней навис юный Цезарь, что-то ей говоривший. Отец девочки снова вмешался, подтолкнув ее вперед и как-то втиснувшись между ней и юным императором. Отец приветливо улыбнулся мальчику — однако, когда тот заговорил, подтолкнул свою дочку вперед, увеличивая дистанцию между ними. Цезарь этим ничуть не обеспокоился и не попытался заговорить с ней снова, но спокойно кивнул и даже отступил в сторону, позволяя матери девочки и каким-то еще пожилым женщинам — тетушкам? — пройти мимо него. При папаше девочки, подталкивавшей ее вперед, не было никаких шансов с ней заговорить. Иг проводил ее глазами, страстно желая, чтобы она повернулась и махнула ему рукой, но она этого не сделала — конечно же, не сделала. К этому времени проход был забит уходящими прихожанами. Отец Ига положил руку ему на плечо, показывая, что они подождут, пока люди не разойдутся. Иг смотрел, как мимо проходит юный Цезарь. Вместе с ним был его отец мужчина с густыми пшеничными усами, переходившими прямо в бакенбарды, придавая ему сходство с каким-нибудь плохим парнем из вестерна Клинта Иствуда, парнем, который стоит слева от Ли Ван Клифа и будет подстрелен первым же выстрелом в заключительной разборке.

В конце концов людской поток в проходе стал тоненькой струйкой, и отец Ига снял руку с плеча сына, давая ему понять, что теперь они могут идти. Иг встал со своего места и, как обычно, пропустил родителей вперед, чтобы самому идти вместе с Терри. На прощание он взглянул на то место, где сидела девочка, словно она могла снова там появиться, и, когда он это сделал, в глаза ему снова сверкнул золотой зайчик. Иг непроизвольно зажмурился, а затем открыл глаза и подошел к ее месту.

Девочка оставила свой золотой крестик лежащим на скомканной золотой цепочке прямо в квадратике света из окна. Наверное, она положила все это, а потом забыла, когда отец уводил ее от того блондинистого мальчишки. Иг поднял крестик, думая, что он будет холодным, но тот был теплым, восхитительно теплым, как монетка, пролежавшая весь день на солнце.

— Игги! — окликнула его мать. — Так ты идешь?

Иг сомкнул кулак вокруг крестика и цепочки и торопливо пошел по проходу. Было очень важно ее догнать. Она предоставила ему шанс произвести хорошее впечатление, найти потерянную вещь, показать свою наблюдательность и заботливость. Но когда он дошел до двери, ее уже не было. Он лишь на мгновение увидел ее в обшитом деревом микроавтобусе, как раз выворачивавшем на дорогу. Она сидела сзади в компании с одной из тетушек, а ее

¹ Маршалл Брюс Мэтерс III — настоящее имя рэпера Эминема (р. 1972).

родители — впереди.

Ну что же, ничего страшного. Будет и следующее воскресенье, и когда Иг вернет ей цепочку, та уже не будет порвана, и будет окончательно понятно, что же говорить, когда он будет представляться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

За три дня до того, как Иг и Меррин встретились впервые, отставной военный моряк, живший на северной стороне Лужи, проснулся как-то утром от оглушительного взрыва. На мгновение, не совсем еще проснувшись, он решил, что снова находится на авианосце «Эйзенхауэр» и кто-то только что запустил противосамолетную ракету. Затем он услышал визг покрышек и хохот. Поднявшись с пола — он свалился с кровати и оцарапал себе бедро, — он откинул занавеску и увидел, как отъезжает чей-то говеный «роудраннер». Его почтовый ящик был сбит взрывом со столбика и валялся теперь на земле. Он дымился и был весь в дырках, словно словил заряд из дробовика.

Тем же днем, но позднее прозвучал еще один взрыв, на свалке за универмагом «Вулворт». Бомба взорвалась с оглушительным грохотом и подкинула клочья горячего мусора в воздух футов на тридцать. Плавающие газеты и упаковочный материал посыпались огненным градом, и несколько припаркованных машин получили повреждения.

В воскресенье, когда Иг почувствовал любовь или, по меньшей мере, похоть к незнакомой девочке, сидевшей через проход от него в церкви Священного Сердца Марии, в Гидеоне произошел еще один взрыв. Так называемая вишенка — петарда со взрывной силой примерно в четверть палочки тринитротолуола — взорвалась в туалете «Макдоналдса» на Харпер-стрит. Она сорвала сиденье, разбила унитаз и бачок, залила водой пол и наполнила мужской туалет жирным черным дымом. Весь персонал и посетители были эвакуированы, пока пожарные не решили, что можно возвращаться. Об этом инциденте было написано в понедельничном номере газеты «Гидеон леджер», в статье, которая заканчивалась просьбой главного пожарного прекратить это хулиганство, пока кто-нибудь не лишился пальцев или глаза.

Взрывы гремели по городу несколько недель. Это началось за пару дней до Четвертого июля и продолжалось и после праздников со все нарастающей частотой. Терренс Перриш и его дружок Эрик Хеннити не были главными виновниками. Они никогда не уничтожали ничью собственность, кроме своей, и были оба слишком молоды, чтобы развлекаться в час ночи взрыванием каких-то почтовых ящиков.

И все же. И все же Эрик и Терри *находились* на пляже в Сибруке, когда двоюродный брат Эрика, Джереми Ригг, вошел на склад пиротехники и вышел оттуда с коробкой старых петард «вишенка», сорок восемь штук, изготовленных, если ему верить, в старые добрые времена, до того как мощность таких взрывных устройств была ограничена законами об охране детей. Джереми отдал шесть из них Эрику, по его словам — как запоздалый подарок ко дню рождения, хотя его истинным мотивом было сострадание. Отец Эрика уже больше года сидел без работы и вообще серьезно болел.

Возможно, Джереми Ригг был возбудителем этой эпидемии взрывов и все многочисленные бомбы, взорвавшиеся тем летом, так или иначе связаны с ним. А возможно, Ригг купил петарды потому, что их покупали другие ребята, что это было модно. Возможно, эта зараза имела много источников, в этом Иг так и не разобрался, да это и не имело значения — все равно что спрашивать, как в мир пришло зло или что происходит с человеком после смерти, сии философические упражнения весьма любопытны, но вместе с тем и совершенно бессмысленны, ибо зло в мире есть и смерти происходят безотносительно того, что все это значит. Тут имеет значение только то, что в начале августа Эрик и Терри, подобно всем гидеонским тинейджерам мужского пола, лихорадочно занимались взрывами. Петарды, называвшиеся «вишенки Евы», были размером с китайское яблочко, имели текстуру кирпича и были украшены изображением почти что голой женщины — лихой красотки с задорно

торчащими грудями и невероятными пропорциями девицы из порнографического журнала: эти самые груди были размером с футбольный мяч, а осиная талия в два раза тоньше бедер. Как некий намек на скромность ее пах был прикрыт чем-то вроде кленового листа, это привело Эрика Хеннити к заключению, что она болельщица «Торонто мейпл ливс» и, значит, долбаная канадская шлюха, которая буквально напрашивается, чтобы ей подпалили титьки.

Для начала Эрик и Терри опробовали петарду у Эрика в гараже. Они подкинули «вишенку» в ящик для мусора и дали деру. Последовавший взрыв уронил бак на бок, закрутил его на бетонном полу и подкинул крышку к самым стропилам. Упавшая на пол крышка дымилась и была согнута посередине, словно кто-то пытался ее сломать. Иг при этом не присутствовал, но Терри потом ему все рассказал, а в частности то, что в ушах у них с Эриком так звенело, что они даже не слышали, как друг другу кричат. Далее последовала целая цепочка объектов разрушения: кукла Барби в человеческий рост, старая крышка, которую они пустили по склону с петардой, приклеенной внутри. И наконец, арбуз. Иг не присутствовал ни при одном из упомянутых взрывов, но брат всегда рассказывал ему в больших подробностях, какую забаву он пропустил. Иг знал, к примеру, что от Барби не осталось ничего, кроме почерневшей ноги, которая шлепнулась с неба на дорожку к Эриковому дому, шлепнулась и начала подпрыгивать, словно исполняя какой-то дикий танец. Что от вонь загоревшейся крышки всем становилось плохо и что Эрик Хеннити встал слишком близко к взорвавшемуся арбузу и ему пришлось спешно принимать душ. Эти рассказы переполняли Ига завистью, и в середине августа ему уже отчаянно хотелось и самому взглянуть, как что-нибудь уничтожается.

Так что, когда утром Иг зашел на кухню и увидел, как Терри пытается запихнуть в свой школьный рюкзак двадцативосьмифунтовую индейку, он сразу догадался, зачем это. Он не стал канючить, чтобы брат его взял, и не стал прибегать к угрозам типа «возьми меня с собой, или я расскажу маме». Вместо этого он поглядел, как Терри борется со своим рюкзаком, а потом сказал, что лучше понести индейку вдвоем. Он достал из кладовки свой дождевик, они закатали в него индейку, и каждый взял по рукаву. Нести ее таким образом было совсем незатруднительно, и само собой вышло, что Иг идет вместе с братом.

Так они дотащили индейку до опушки пригородного леса, а там, в болоте, чуть в стороне от тропы к старой заброшенной литейной мастерской, Иг обнаружил магазинную тележку. Правое переднее колесо дико виляло из стороны в сторону, с тележки сыпалась ржавчина, но с ней было все же лучше, чем тащить индейку в руках добрых полторы мили. Терри поручил тележку заботам Ига.

Старая литейная была строением из темного кирпича с большим изогнутым дымоходом, торчащим из одного конца, и стенами, сплошь испещренными дырами, где были когда-то окна. Она была окружена несколькими акрами древней автостоянки, асфальт на которой растрескался чуть ли не до полного исчезновения и пророс многочисленными ключьями сорняков. Сегодня здесь кипела жизнь: разъезжали на скейтбордах ребята, а в мусорном баке, стоящем чуть поодаль, горел огонь. Вокруг огня собралась группа заброшенного вида тинейджеров: двое мальчишек и какая-то девчонка. У одного из них было наколото на палку нечто вроде вялой сосиски, сосиска почернела и изогнулась, от нее шел голубой сладковатый дым.

— Ты только глянь, — сказала девчонка, пухлая прыщеватая блондинка в низко сидящих джинсах, Иг ее знал, они были ровесниками, Гленна какая-то. — Вот и обед пришел.

— Ну прямо как долбаное Благодарение, — сказал один из ребят, одетый в футболку с надписью «Дорога в ад».¹ — Кидай эту клевою сучару сюда.

Он широким жестом указал на огонь, горевший в мусорном баке.

Иг, которому было только пятнадцать, державшийся очень неуверенно в обществе незнакомых старших ребят, не мог даже говорить, в горле у него пересохло, словно при

¹ «Highway to Hell» — выпущенный в 1979 г. альбом австралийской группы AC/DC (шестой в их дискографии — и последний перед смертью их первоначального вокалиста Бона Скота).

приступе астмы. А вот Терри — другое дело. Двумя годами старше и получивший уже право водить машину, если рядом с ним сидит взрослый, Терри обладал своего рода вкрадчивым изяществом и искусством шоумена забавлять аудиторию. Он заговорил за них обоих. Он всегда говорил за них обоих: такова была его роль.

— Похоже, обед уже готов, — сказал Терри, кивнув на предмет на палке. — Ваш хот-дог скоро совсем сгорит.

— Это не хот-дог! — взвизгнула девушка. — Это говешка! Гари жарит собачью говешку!

И согнулась пополам от визгливого хохота. Джинсы у нее были старые и потертые, слишком тесный лифчик явно пришел с дешевой распродажи, а вот красивая черная кожаная куртка европейского покроя никак не согласовалась ни с остальной ее одеждой, ни с погодой, и Иг сразу подумал, что это краденая.

— Хочешь попробовать? — спросил Дорога В Ад. Он вытащил палку из огня и ткнул ею в направлении Терри. — Прожарена идеально.

— Да брось ты! — отмахнулся Терри. — Я старшеклассный девственник и играю на трубе в оркестре, марширующем по праздникам. Я ем достаточно говна и без вашей помощи.

Гопники повалились от хохота, может быть, в меньшей степени из-за того, что было сказано, чем из-за того, кто это сказал — стройный симпатичный парень с банданой из американского флага, накрученной на голову, чтобы укротить лохматую черную шевелюру, — и как это было сказано, ликующим тоном, словно он измывался над другими, а не над собой. Терри использовал шутки, подобно броскам дзюдо, как способ отвести прочь чужую энергию, и если он не мог найти для своего юмора никакой другой мишени, то стрелял в себя — умение, которое сослужит ему хорошую службу в будущем, когда он будет брать интервью для «Хотхауза», умоляя Клинта Иствуда ударить его по лицу, а потом поставить автограф на сломанный нос.

Дорога В Ад уже глядел мимо Терри через площадку, покрытую растрескавшимся асфальтом, на парня, стоявшего у начала тропы Ивела Нивела.

— Эй, Турно! Твой ланч уже готов.

Новый взрыв хохота — хотя девчонка, Гленна, неожиданно засмущалась. Парень у начала тропы даже не взглянул в их сторону, а продолжал смотреть вниз с холма, держа под мышкой большой горный скейтборд.

— Что ты там делаешь? — крикнул Дорога В Ад, не получив ответа. — Или я должен поджарить тебе пару яиц?

— Давай, Ли! — крикнула девчонка и ободряюще вскинула вверх кулак. — Рвани!

Парень, стоявший у начала тропы, бросил на нее пренебрежительный взгляд, и в этот самый момент Иг его узнал, узнал по церкви. Это был юный Цезарь. В церкви на нем был галстук и сейчас тоже, плюс рубашка с короткими рукавами и пуговицами, шорты цвета хаки и высокие ботинки без носков. Одним уже тем, что у парня был под мышкой горный скейтборд, он придавал своей одежде вид смутно-альтернативный, так что ношение галстука представлялось своего рода иронической аффектацией, словно у лидера какой-нибудь панк-группы.

— Никуда он не поедет, — сказал другой из парней, стоявший у мусорного бака, длинноволосый. — Господи, Гленна, у него шагна больше, чем у тебя.

— В рот я тебя имела, — сказала она.

Компании, собравшейся вокруг мусорного бака, ее уязвленность показалась особенно забавной. Дорога В Ад так затрясся от смеха, что поджаренная говешка упала с его палки в костер.

Терри чуть хлопнул Ига по руке, и они двинулись дальше. Игу не хотелось уходить, в этих ребятах ему виделось нечто почти невыносимо печальное. Им было совершенно нечего делать. Было ужасно, что к этому и сводился весь их летний день. Горелое говно и уязвленные чувства.

Они с Терри подошли к гибкому, как тростинка, белокурому парню — Ли Турно, по всей видимости, — и замедлили шаг, достигнув верхней точки тропы Ивела Нивела. Отсюда

холм круто спускался к реке, темно-синему проблеску, угадывавшемуся между черными стволами сосен. Когда-то это была грунтовая дорога, хотя трудно было себе представить, как кто-нибудь едет тут на машине, такой она была крутой и выветренной, самый идеал, чтобы перевернуться. Из земли выглядывали две полужасыпанные ржавые трубы, а между ними тянулась гладкая, плотная, накатанная колея, углубление, утопанное чуть ли не до блеска тысячами горных велосипедов и десятками тысяч босых ног. Игова бабушка Вера рассказывала ему, что в тридцатые и сороковые, когда люди кидали в реку что попало, литейная мастерская использовала эти трубы, чтобы смывать окалину в воду. Трубы выглядели почти как рельсы, не хватало только паровозика, чтобы ездить по ним. С обеих сторон труб тропа состояла из обожженной солнцем земли вперемешку с камнями и всяким мусором. Укатанная тропа между трубами представляла собой простейший путь вниз, Иг и Терри приостановились, ожидая, что Ли Турно сейчас съедет.

Только он этого не сделал. И явно не собирался делать. Он положил доску на землю — она имела рисунок в виде кобры и большие толстые шишкастые колеса — и покатал ее ногой туда-сюда, словно проверяя, как она катится. Затем присел на корточки и притворился, что проверяет вращение одного из колес. Теперь над ним измывались не только те ребята, которые жарили дерьмо. Внизу у холма стояли Эрик Хеннити и компания еще каких-то парней. Щуря глаза от солнца, они смотрели на него снизу вверх и выкрикивали обидные шутки. Кто-то посоветовал ему засунуть в жопу тряпку, чтобы не обосраться и больше не тянуть. Стоявшая у мусорного бака Гленна снова крикнула.

— Да съезжай же ты, ковбой!

Ее грубая жизнерадостность скрывала нотки отчаяния.

— Ну что же, — сказал Терри, — такие, значит, дела. Ты можешь прожить свою жизнь либо калекой, либо слабаком.

— Что это значит? — удивился Ли.

— Это значит, — вздохнул Терри, — едешь ты или нет?

И тут вмешался Иг, много раз съезжавший по этой тропе на горном велосипеде.

— Не бойся, — сказал он. — Тропа между трубами совершенно гладкая и...

— Ничего я не боюсь, — огрызнулся Ли, словно Иг его обвинял.

— Тогда спускайся, — сказал Терри.

— Одно из колес заедает, — ответил Ли.

Терри рассмеялся. И отнюдь не добродушно.

— Пошли, Иг, — сказал он.

Иг протолкнул тележку мимо Ли Турно в колею между трубами. Ли взглянул на индейку, лоб вопросительно наморщился, но он ничего не сказал.

— Мы ее сейчас взорвем, — сказал Иг. — Пошли посмотрим.

— Если хочешь, чтобы тебя скатили вниз, — сказал Терри, — в этой тележке есть детское сиденье.

Не надо было, конечно же, так говорить. Иг сочувственно улыбнулся Ли, но лицо у того было как у Спока на мостике «Энтерпрайза»,¹ без тени эмоций. Он отшагнул в сторону, прижимая доску к груди, и проводил их глазами.

Ребята что внизу, уже их ждали. Была там и пара девиц, старших, может быть, даже учившихся в колледже. Они не ошивались на берегу вместе с ребятами, загорали на скале. Гроб в предельно миниатюрных топах и обрезанных джинсах. Скала Гроб, широкий белый камень, буквально сверкавший на солнце, располагалась в сорока футах от берега. Их каяки лежали на маленькой песчаной косе, тянувшейся от скалы вверх по течению. Вид этих девушек, лежавших на камне, переполнил Ига любовью к миру. Две брюнетки — они вполне могли быть сестрами, загорелые и длинноногие, — сели и стали негромко переговариваться, поглядывая на парней. Даже повернувшись к Гробу спиной, Иг ощущал их присутствие, словно эти девушки, а не солнце были первоисточником света, падавшего на берег.

Поглядеть на спектакль собралась дюжина или около того парней. С притворным

¹ Спок, «Энтерпрайз» — герой и космический корабль из культового телесериала «Звездный путь».

безразличием они сидели на древесных сучьях, свисавших над водой, или, широко расставив ноги, на своих горных велосипедах, или просто на валунах и все как один старались изображать холодную отстраненность. Это тоже объяснялось присутствием на скале девушек. Каждый из этих мальчишек хотел выглядеть старше всех остальных, слишком взрослым, если разобраться, чтобы вообще сюда ходить. И если они могли кислым видом и высокомерной позой как-нибудь намекнуть, что находятся здесь только потому, что их заботам поручены младшие братья или сестры, — тем лучше.

Может быть, потому, что он действительно должен был присматривать за младшим братом, Терри позволял себе быть радостным и довольным. Он вытащил из магазинной тележки замороженную индейку и подошел к Эрику Хеннити, который встал ему навстречу, отряхивая мусор со штанов.

— Поджарим-ка эту суку, — сказал Хеннити.

— Чур, мне ножку, — сказал Терри, и некоторые из парней рассмеялись против своего желания.

Эрик Хеннити был того же возраста, что и Терри, грубый диковатый парень с руками, умевшими поймать футбольный мяч, забросить спиннинг, починить моторчик и шлепнуть по заднице. Эрик Хеннити был их супергероем. В дополнение ко всему его отец, бывший местный полицейский, был самым взаправдашным образом ранен, хотя не в перестрелке, а в казарме: на третий день его службы другой полицейский уронил заряженный пистолет, и пуля попала Брету Хеннити в живот. Отец Эрика занимался теперь распространением бейсбольных карточек, хотя Иг, наблюдавший его достаточно долгое время, давно уже думал, что его настоящим бизнесом была борьба со страховой компанией за стотысячедолларовую страховку, которая все никак не могла материализоваться.

Эрик и Терри оттащили мороженую индейку к старому пню, прогнившему настолько, что в середине него была мокрая дыра. Эрик наступил на птицу и вдавил ее в пень. Она засела очень плотно, так что по краям дыры вспучились кожа и жир. Отдельно были втиснуты две ножки — розовые кости, обтянутые сырой плотью.

Эрик достал из кармана две свои последние «вишенки» и отложил одну из них в сторону. Он словно не замечал мальчишку, тут же ее подхватившего, и других мальчишек, собравшихся вокруг, глаза и прищелкивая языками. У Ига мелькнула мысль, что Эрик вытащил свою лишнюю «вишенку» именно для того, чтобы добиться такой реакции. Терри взял другую петарду и засунул ее в индейку. Из заднего прохода несчастной птицы похабно торчал длинный шестидюймовый запал.

— Всем вам очень хочется попрытаться, — сказал Эрик, — а иначе вы будете одеты в индюшатину. И дайте-ка мне эту другую. Если кто-нибудь попытается смыться с моей последней «вишенкой», эта птичка не будет последней, в чью жопу я засуну боеприпас.

Мальчишки расселись, прячась на дне канавы за стволами деревьев. Несмотря на все их усилия выглядеть равнодушно, в воздухе ощущалось нервное ожидание. Девушки на скале тоже проявляли заинтересованность, они видели — что-то сейчас случится. Одна из них встала на колени и заслонила глаза рукой, глядя то на Терри, то на Эрика, Иг испытал укол зависти, что она не глядит вместо них на него.

Эрик поставил ногу на край пня, вытащил зажигалку и щелкнул ею. Запал начал рассыпать белые искры. Эрик и Терри какую-то секунду помедлили, глядя на запал, словно сомневаясь, будет он гореть или нет. Затем начали пятиться, без особой спешки. Это делалось очень красиво, с тщательно продуманным сценическим спокойствием. Эрик велел всем остальным попрытаться, и они беспрекословно подчинились, и только Эрик и Терри выглядели стальными и неустрашимыми и в том, как они поджигали петарду, и в том, как медленно, неторопливо уходили из зоны взрыва. Они отступили на двадцать шагов, но так и не пригнулись, не спрятались за чем-нибудь, а упорно смотрели на пень. Запал шипел приблизительно три секунды и вдруг погас. И ничего не случилось.

— Вот же мать твою! — сказал Терри. — Отсырел, наверное.

И шагнул по направлению к пню.

— Подожди, — схватил его за руку Эрик. — Иногда они...

Но Иг не услышал окончания фразы. Никто не услышал. Двадцативосьмифунтовая индейка Лидии Перриш взорвалась с оглушительным грохотом, звуком настолько громким и неожиданным, что девушки на скале закричали. То же самое сделали многие из ребят. Иг и сам бы закричал, но взрыв словно выбил из его слабых легких весь воздух, и вместо крика получился негромкий визг.

Индейка была разодрана в клочья мощной вспышкой пламени. Взорвался и пень. В воздухе закружились дымящие обломки дерева. Небеса разверзлись, и пошел мясной дождь. Кости с прилипшими к ним огрызками мяса сыпались дождем, сбивая листья с деревьев и подпрыгивая на земле. Куски индейки звучно плюхались в воду. Позднее многие ребята рассказывали, что девушки на Гробе были увешаны кусками сырой индюшатины и сплошь измазаны кровью, как девица в этой долбаной «Кэрри». Но это было злостное искажение истины. Дальше всего отлетевшие куски индейки не долетели до скалы на добрые двадцать футов.

Уши Ига были словно заткнуты ватой. Далеко-далеко кто-то возбужденно вопил — во всяком случае, ему казалось, что далеко. Но когда он оглянулся через плечо, то увидел, что вопящая девушка стоит прямо за ним. Это была Гленна в своей шикарной кожаной куртке и топе, туго обтягивавшем сиськи. Она стояла рядом с Ли Турно, сжимая рукой два или три его пальца. Другая ее рука была сжата в кулак и вскинута высоко в воздух, что является у деревенщины жестом триумфа. Когда Ли заметил, что она делает, он без единого слова высвободил свои пальцы из ее хватки.

Не сразу, но постепенно в тишину ворвались звуки: голоса, крики и смех. Не успел упасть сверху последний кусок останков индейки, как ребята уже повыскакивали из своих укрытий и начали дикий танец. Некоторые из них хватали расщепленные кости, швыряли их вверх и притворялись, что прячутся, заново разыгрывая момент взрыва. Другие мальчишки прыгали на низкие сучья деревьев, притворяясь, что наступили на противопехотные мины и были подброшены взрывом. Они качались на сучьях и вопили. Один из парней приплясывал, почему-то изображая, что играет на гитаре, и, видимо, даже не подозревая, что в волосах у него застрял лоскут индейкиной кожи. Все это выглядело как кадры из документального фильма о дикарях. Производить впечатление на девушек со скалы было в данный момент необязательно, во всяком случае для большинства парней. Когда индейка взорвалась, Иг сразу посмотрел на реку, проверяя, все ли с ними в порядке. И затем он продолжал на них смотреть, как они поднимаются на ноги и весело о чем-то говорят. Одна из них кивнула в направлении по течению, и они дружно пошли по песчаной косе к своим каякам. Скоро они уйдут.

Иг пытался придумать какой-нибудь способ их задержать. У него была магазинная тележка, и он прошел несколько футов по тропе вверх, а затем съехал вниз, стоя на дальнем конце тележки, просто потому, что при движении ему думалось лучше. Он съехал так раз, затем еще раз, настолько глубоко уняв свои мысли, что даже не замечал, что он это делает. Эрик, Терри и другие ребята собрались вокруг дымящихся остатков пня, чтобы посмотреть на произведенные разрушения. Эрик качал в руке последнюю «вишенку».

— А сейчас что взорвете? — спросил кто-то из ребят.

Эрик задумчиво нахмурился, но ничего не ответил.

Мальчишки, толпившиеся рядом, стали сыпать предложениями, и вскоре они все кричали, стараясь перекрыть друг друга. Кто-то предлагал притащить и взорвать окорок, но Эрик покачал головой.

— С мясом мы уже работали, — сказал он.

Кто-то еще сказал, что можно подложить «вишенку» в грязную пеленку его маленькой сестрички. Третий добавил, что только в том случае, если она и сама будет в этой пеленке, чем вызвал всеобщий хохот. Затем вопрос был повторен: а сейчас, мол, что взорвете? И Эрик наконец принял решение.

— Ничего, — сказал он и спрятал «вишенку» в карман.

Вскинулись разочарованные крики, но Терри, понимавший свою роль в этой сцене, одобрительно кивнул.

Затем пошли предложения об обмене. Один мальчишка сказал, что отдаст за «вишенку» порнофильмы своего папаши. Другой сказал, что даст *домашние* папашины порнофильмы.

— Серьезно, моя мамаша трахается как бешеная сука, — сказал он, и парни буквально попадали от хохота.

— Шансов, что я отдам свою последнюю «вишенку», — сказал Эрик, — ровно столько же, сколько на то, что кто-нибудь из вас, педиков, залезет на эту тележку и съедет на ней голышом с вершины холма.

Он указал через плечо большим пальцем на Ига и его тележку.

— Я съеду на ней с вершины холма, — сказал Иг. — Голышом.

Все головы повернулись. Иг стоял в нескольких футах от мальчишек, собравшихся вокруг Эрика и сперва вроде бы никто и не понял, кто это сказал. Затем раздался смех и недоверчивое улюлюканье. Кто-то швырнул в Ига ножку индейки, он увернулся, и та пролетела над ним. Когда Иг выпрямился, он увидел, что Эрик пристально на него смотрит, перекидывая последнюю «вишенку» с руки на руку. Терри стоял прямо за Эриком с окаменевшим лицом, он покачал головой и прошептал одними губами: *Нет, ты этого не сделаешь.*

— Ты это что, правда? — спросил Эрик.

— Ты отдашь ее мне, если я съеду с холма на этой тележке, раздевшись догола?

Эрик Хеннити узко сощурился, разглядывая Ига.

— До самого низа. Голышом. Если тележка не доедет до низа, ты не получишь ничего. И не важно, даже если ты при этом сломаешь свою долбаную шею.

— Пижон! — вмешался Терри. — Я тебе не разрешаю. Какого хрена ты думаешь, я скажу мамаше, когда ты обдерешь всю шкуру со своей костлявой жопы?

Иг подождал, пока стихнут веселые крики, а потом ответил:

— Я съеду безо всяких повреждений.

— Договорились, — сказал Эрик Хеннити. — Я хочу на это посмотреть.

— Подождите, подождите, — сказал Терри, срываясь на хохот, и помахал рукой в воздухе. Он торопливо подошел к Игу, обогнул тележку и взял его за локоть. Когда он нагнулся, чтобы прошептать Игу на ухо, лицо его улыбалось, но голос звучал почти угрожающе. — Какого хрена? Хочешь съехать с этого холма болтая мудями, а мы тут будем хохотать, как дебилы? Ты этого не сделаешь.

— Почему? Мы же купались здесь голышом. Половина этих парней уже видела меня без одежды. А другая половина, — Иг бросил взгляд на собравшихся, — даже себе не представляет, какое зрелище они пропустили.

— Да ну, совершенно ведь без шансов. Иг, это долбаная магазинная тележка. У нее же совсем хреновые колеса.

— Я съеду, — упрямо ответил Иг.

Терри слегка раздвинул губы и ухмыльнулся злой, бессильной улыбкой. Но в его глазах... в его глазах гнезился испуг. В воображении Терри Иг уже содрал большую часть своего лица о склон холма и лежал визжащим куском мяса на полпути вниз. Иг ощутил сочувственное сострадание к Терри. Вообще говоря, Терри был хладнокровен, куда хладнокровнее, чем Иг мог надеяться быть, но Терри боялся. Страх сузил поле его зрения так, что он не видел ничего, кроме того, что мог потерять. Иг был устроен совсем иначе.

И тут заговорил Эрик Хеннити:

— Не мешай, если ему так хочется. Это же он рискует своей жопой, а не ты.

Какую-то секунду Терри продолжал спорить с Игом, не словами, а взглядом. Тем, что заставило Терри отвести глаза, был звук. Тихое презрительное фырканье. Ли Турно заслонил ладонью рот и тихо шептал Гленне, однако по какой-то причине именно в этот момент на холме все стихло и голос Ли был слышен всем, кто находился в десятке футов от него.

— ...нам ни к чему находиться рядом, когда соскребать это говно со склона приедет

«скорая помощь»...

Терри резко развернулся, его лицо исказила гневная гримаса.

— Нет уж, не уходи. Стой здесь с этой своей доской, на которой ты и ездить-то бздишь, и гляди на представление. Тебе будет кстати увидеть такую невидаль, как пара яиц. Веди подробную запись.

Парни так и покатались от хохота. Лицо Ли Турно вспыхнуло, стало таким красным, каким Иг прежде не видал ни одно человеческое лицо, красным, как дьявол в диснеевском мультфильме. Гленна бросила на своего бойфренда сочувственный и немного презрительный взгляд, а затем отошла от него, словно боясь чем-то заразиться.

Под веселые крики всех собравшихся Иг высвободил руку из хватки Терри и покатил тележку вверх по холму. Он толкал ее сквозь траву, которой поросла одна из сторон тропы, потому что не хотел, чтобы ребята, поднимавшиеся следом за ним, знали то, что знал он, видели то, что он видел. Он не хотел давать Эрику Хеннити никакого шанса отступить от обещания. Ребята бежали следом за ним, толкаясь и что-то крича.

Иг поднялся еще не очень высоко, когда маленькие колесики тележки зацепились за какую-то ветку, и тележка стала уходить в сторону. Он изо всех сил пытался поправить положение, чем вызвал у своих спутников новый взрыв веселья. Терри, шедший рядом с Игом, схватил передний конец тележки и как мог ее исправил, тряся при этом головой и сказав еле слышно: «Господи». Иг, пошел дальше, толкая тележку перед собой.

Еще несколько шагов, и Иг оказался на вершине холма. Если уж он решил это сделать, не было никаких причин медлить или смущаться. Он отпустил тележку, схватился за пояс шортов и сдернул их вниз вместе с трусами, продемонстрировав парням, ждавшим внизу, свою тощую белую задницу. Раздались крики удивления и деланого отвращения. Иг распрямился, на его лице играла ухмылка. Пульс его ускорился, но только слегка, как у человека, перешедшего с быстрой ходьбы на легкий бег, торопясь поймать такси, прежде чем его займет кто-нибудь другой. Он откинул ногой шорты, не снимая кроссовок, и стащил через голову рубашку.

— Ну же, — сказал Эрик Хеннити, — не надо быть таким застенчивым.

Терри рассмеялся — как-то слишком пронзительно — и отвел глаза в сторону.

Иг повернулся к парням — пятнадцати лет и в чем мать родила яйца и член наружу, солнце припекает голые плечи. Ветер принес запах дыма от огня в мусорном баке, у которого все еще стояли Дорога В Ад и его хайратый друг.

Дорога В Ад вскинул левую руку с вытянутыми мизинцем и указательным пальцем, всеобщий символ дьявольских рогов, и громко крикнул.

— Давай, миляга, дери тебя в рот! Стриптиз!

По какой-то причине этот выкрик подействовал на парней больше, чем что-либо сказанное раньше, так что некоторые из них схватились за живот и согнулись вдвое, хватая воздух ртом, словно реагируя на какой-нибудь распыленный в воздухе яд. Иг же был даже удивлен, как свободно он себя чувствует, совсем без ничего, не считая кроссовок. Он не боялся быть голым перед другими мальчишками, а девушки с Гроба едва ли успеют увидеть его, прежде чем он шлепнется в воду, — мысли о них совсем его не беспокоили. Зато была другая мысль, приятно щекотавшая его воображение, затаившаяся где-то внизу его живота. Конечно же, *была* одна девушка, смотревшая на него: Гленна. Она стояла на цыпочках позади толпы, ее челюсть отвисла, выражая некую смесь удивления и веселья. Ее бойфренда, Ли, рядом с ней не замечалось. Он не пошел вместе с остальными вверх по склону, видимо не желая увидеть, на что похожи яйца.

Иг откатил тележку вперед и установил ее на нужное место, используя момент всеобщей неразберихи, чтобы подготовиться к спуску. Никто и не заметил, как аккуратно он поставил тележку по отношению к полузасыпанным трубам.

Еще внизу, катая тележку туда-сюда, Иг обнаружил, что две старые ржавые трубы уложены на землю примерно в полутора футах друг от друга и что маленькие задние колеса тележки точно ставятся в этот промежуток. С каждой стороны от колесиков осталось

примерно по четверти дюйма свободного пространства, и, когда одно из передних колес дергалось в сторону и пыталось сбить тележку с курса, оно, как подметил Иг, задевало трубу и возвращалось обратно. Было, конечно же, очень возможно, что на крутом спуске тележка стукнется о камень и перевернется, однако она точно не свернет с курса. *Не может* свернуть с курса. Она будет катиться между двух этих труб, как поезд по рельсам.

Одежки Ига все еще были у него под мышкой, он повернулся и кинул их Терри.

— Никуда с ними не уходи. Все это кончится очень быстро.

— Ну вот, ты сам это сказал, — сказал ему Эрик, что вызвало новую волну смешков, однако не взрыв всеобщего веселья, как можно бы было ожидать.

Теперь, когда настал момент и Иг держал ручку тележки, готовясь столкнуть ее вперед, он увидел на лицах некоторых мальчишек вполне откровенную тревогу. Некоторые ребята, поумнее и постарше, выглядели озабоченно, в их глазах читалось первое осознание, что кто-то, наверное, должен как-нибудь с этими шутками покончить, прекратить их, прежде чем они зайдут чересчур далеко и Иг серьезно пострадает. У Ига мелькнула мысль, что, если он сейчас же не поедет, кто-то может выставить серьезные возражения.

— Пока, — сказал Иг и, прежде чем кто-нибудь смог ему помешать, толкнул тележку вперед и встал на нее сзади.

Это был прямо этюд по перспективе — две трубы, уходящие вниз, равномерно сближаясь к конечной точке, пуля и ствол. Почти сразу с того момента как Иг стал на тележку, он окунулся в эйфорическую почти-тишину единственными звуками были визг колес и стук стальной рамы. Снизу на него мчалась Ноулз-ривер, ее черная поверхность сверкала алмазными вспышками солнца. Колеса со стуком уходили то вправо, то влево, ударялись о трубы и возвращались назад, как Иг и предвидел.

Прошли какие-то секунды, и магазинная тележка уже мчалась слишком быстро, чтобы Иг мог что-нибудь сделать, кроме как просто держаться. Он не мог остановиться, не мог слезть. Он никак не предвидел, насколько быстро она будет ускоряться. Ветер хлестал по его голой коже с такой силой, что она буквально горела, он чувствовал себя вспыхнувшим Икаром. Тележка обо что-то ударилась, о какой-то большой камень, и левая ее сторона оторвалась от земли, и это было, пожалуй, все, он неизбежно должен был перевернуться на этой огромной фатальной скорости, его голое тело пулей улетит вперед, земля обдерет с него всю кожу, его кости будут раздроблены в неожиданном взрывном ударе, как были раздроблены кости индейки. Однако левое переднее колесо зацепилось за верх трубы и вернуло тележку на место. Звук вращения этих колес становился все выше и пронзительнее, дикий сумасшедший визг.

Подняв глаза, Иг увидел конец тропы, место, где трубы сходились в конечной точке, а дальше — грунтовой откос, с которого он полетит в воду. На песчаной косе, рядом со своими каяками, стояли те девушки. Одна из них указывала на него. *Хей-диддл-диддл... Из перепрыгнула луну*.¹

Тележка с визгом сорвалась с труб и взлетела над откосом, как ракета, покидающая пусковую установку. Затем она ударилась об откос, и Иг взмыл в воздух, и небеса для него отверзлись. Солнечный день поймал Ига, словно он был небрежно брошенный мяч, и мгновение держал нежной хваткой, а затем стальная рама тележки ударила его по лицу, и небеса его отпустили, швырнули во мрак.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

У Ига остались обрывки воспоминаний о времени, проведенном им под водой, но позднее он решил, что это ложная память, потому что как бы он мог что-либо помнить, если был без сознания?

А помнил он сплошной мрак, и оглушительный рев, и вихревое движение. Его бросило в гремящий поток душ, оторвало от земли и всякого представления о порядке, приобщило к

¹ Из известной английской детской песенки, только на самом деле в ней «корова перепрыгнула луну».

изначальному хаосу. Иг был в ужасе от этого хаоса, был потрясен мыслью, что, может быть, это ждет его после смерти. Он чувствовал, что его уносит прочь, не просто прочь от жизни, а прочь от Бога, от идеи Бога, от надежды, от разума, от идеи, что вещи имеют смысл, что за причиной следует следствие, и так, чувствовал Иг, не должно быть, смерть не должна быть такой, даже для грешников.

Он что было сил барахтался в этом яростном потоке грохота и пустоты. И мрак вроде бы расступился, отшелушился, как луковая кожура, и смутно показался кусочек неба, но затем мрак снова сомкнулся. Когда он почувствовал, что совсем слабеет и безнадежно тонет, его словно что-то подтолкнуло снизу и куда-то потащило. Затем совершенно неожиданно под его ногами появилось нечто более существенное, вроде бы грязь. Еще через секунду он услышал далекий крик и почувствовал удар в спину.

Сила удара сотрясла его насквозь, выбила из него мрак. Его глаза резко открылись, и он уставился в болезненную яркость. Его вырвало. Из его рта и ноздрей хлынула река. Он повернулся в грязи на бок, прижался к грунту ухом и слышал теперь то ли топот приближающихся ног, то ли стук, собственного сердца. Он был ниже по течению от тропы Ивела Нивела хотя в этот первый, еще смутный, момент сознания не знал точно, насколько ниже. Мимо него, в трех дюймах от носа, по илу скользнул кусок черного пожарного шланга. Только после того как он исчез, Иг догадался, что это была змея, ползшая по берегу.

Листья над ним постепенно начали фокусироваться, выделяясь на фоне яркого неба. Кто-то стоял рядом с ним на коленях, держа руку на его плече. Начали появляться мальчишки, они проламывались через пустырь и резко тормозили, увидев его.

Иг не видел, кто стоит рядом с ним на коленях, но был уверен, что это Терри. Терри вытащил его из воды и вернул ему дыхание. Иг опять перекатился на спину, чтобы взглянуть на своего брата, но на него отстраненно глядело худое бледное лицо мальчишки с поразительно светлыми волосами. Ли Турно машинально разглаживал на груди свой галстук. Его шорты были мокрыми хоть выкручивай, Игу не нужно было спрашивать почему. В этот момент, глядя на лицо Ли, он решил, что тоже будет носить галстук.

Прибежавший сверху Терри резко затормозил. Следовавший за ним Эрик Хеннити бежал так быстро, что чуть не сшиб его с ног. К этому моменту количество набежавших мальчишек достигло, наверное, двух десятков.

Иг сел, подтянув колени к груди. Он снова взглянул на Ли, открыл было рот, чтобы говорить, но при первой же попытке в носу у него что-то болезненно щелкнуло, словно проявился какой-то перелом. Он согнулся и высморкал на землю красный сгусток крови.

— Извините, — сказал Иг. — Вся эта кровь...

— Я думал, что ты уже мертвый, — сказал Ли и передернулся всем телом. — Ты выглядел немножко мертвым. Ты не дышал.

— Ладно, — сказал Иг. — Теперь-то я дышу. Благодаря тебе.

— Что он сделал? — спросил Терри.

— Он меня вытащил, — ответил Иг, махнув рукой на мокрые шорты Ли. — И он вернул мне дыхание.

— Ты сплавал за ним? — спросил Терри.

— Нет, — сказал Ли. Казалось, он находится в полном недоумении, словно Терри спросил его что-то очень трудное: столицу Исландии или цветок какого-нибудь штата. — Когда я его увидел, он уже был на мелком месте. Мне не пришлось за ним плавать... да и вообще ничего. Он уже...

— Он вытащил меня из воды, — сказал Иг, которому не понравились эти заикание и застенчивость Ли. Он же достаточно ясно помнил, что кто-то был в воде вместе с ним, двигался совсем рядом. — Я не дышал.

— И ты сделал ему рот в рот? — с тем же недоверием спросил Эрик Хеннити.

Ли потряс головой, все еще плохо что-нибудь понимая.

— Нет, все было совсем не так. Я только ударил его по спине, когда он, ну, вы знаете... когда он совсем...

Он окончательно увяз во фразе и не знал, что сказать дальше.

— Вот, значит, что заставило меня прокашляться. Я проглотил чуть ли не всю реку. Мои легкие были полны водой, и он выбил ее из меня.

Иг говорил сквозь крепко сжатые зубы. Боль в его носу напоминала последовательность резких электрических ударов. Закрыв глаза, он видел желтые неоновые вспышки.

Собравшиеся мальчишки глядели то на Ига, то на Ли Турно в тихом ошарашенном удивлении. Перед ними только что произошло то, что бывает только в мечтах и по телевизору. Один человек только что должен был погибнуть, а другой его спас, и теперь спасенный и спаситель стали особыми звездами своего собственного фильма, что превращало всех остальных в рядовых статистов. Спасти кому-нибудь жизнь — это значило самому *стать* кем-то. Ты не был уже просто Джо Шмо, ты был Джо Шмо, который вытащил голого Ига Перриша из Ноулз-ривер, когда тот почти утонул. И ты будешь этим человеком весь остаток своей жизни.

Что касается Ига, то, глядя Ли в лицо, он ощутил, как в нем распускается первый бутон одержимости. Он был спасен. Он едва не умер, и этот светловолосый мальчишка с вопросительно глядящими синими глазами вернул его к жизни. В евангелической церкви ты идешь к реке и погружаешься в воду, а затем поднимаешься к новой жизни, и Игу теперь казалось, что Ли его спас и в этом смысле тоже. Игу хотелось купить ему что-нибудь, отдать ему что-нибудь, узнать, что он любит из рока, какая его любимая группа, и сделать так, чтобы она стала его, Ига, любимой группой. Ему хотелось делать за Ли уроки.

В кустах послышался треск, словно кто-то волочил гольфовую тележку. Затем появилась та девушка, Гленна, сбившаяся с дыхания, с лицом, покрытым пятнами. Она согнулась в талии, положила руку на свое округлое бедро и самым натуральным образом ахнула.

— Господи! Вы только взгляните на его лицо!

Затем взгляд Гленны перешел на Ли, и лоб ее вопросительно наморщился.

— Ли? А ты там что делаешь?

— Он вытащил Ига из воды, — сказал Терри.

— Он вернул мне дыхание, — сказал Иг.

— Ли?! — спросила она, состроив гримасу полнейшего недоверия.

— Я ничего не сделал, — сказал Ли, и Иг не мог в него не влюбиться.

Боль, пульсировавшая в переносице Ига, разрасталась, разрасталась, захватывая весь лоб, глубже и глубже проникала в мозг. Он начал видеть неоновую-желтые вспышки даже с открытыми глазами. Терри опустился рядом с ним на колени и положил руку на его плечо.

— Нам, пожалуй, стоит одеться и идти домой, — сказал Терри. Его голос звучал несколько подавленно, словно это он, а не Иг был виновен в идиотской безрассудности. — А нос твой вроде бы сломан. — Он поднял голову на Ли Турно и коротко ему кивнул. — Слышь, там, на горе, я наговорил тебе много всякого и очень теперь об этом жалею. Спасибо, что помог моему брату.

— Да брось ты! — отмахнулся Ли. — Было бы о чем говорить.

Ига поразило спокойствие его тона, его нежелание купаться в признательности окружающих.

— Ты пойдешь с нами? — спросил Иг у Ли, скрипнув зубами от боли. — И ты, и ты, — добавил он, посмотрев на Гленну. — Я хочу рассказать родителям, что сделал Ли.

— Слышь, Иг, — встревожился Терри, — давай мы не скажем, что мы сделали. Лучше бы мама и папа ничего не узнали. Ты упал с дерева ладно? Ну, там скользкая ветка, ты шлепнулся прямо лицом. Так будет... ну вроде как проще.

— Терри, мы *должны* им сказать. Если бы он меня не вытащил, я бы утонул.

Терри открыл было рот, чтобы спорить, но Ли Турно его опередил.

— Нет, — сказал он с неожиданной резкостью и взглянул на Гленну широко открытыми глазами, она кинула на него почти в точности такой же взгляд и почему-то схватилась за свою кожаную куртку. Затем он вскочил на ноги. — Мне сейчас не полагается быть здесь, да и

вообще я ничего не сделал.

Он схватил Гленну за пухлую руку и потащил ее куда-то к деревьям. В другой руке он уносил новехонькую горную доску.

— Подожди, — сказал Иг, поднимаясь на ноги.

Когда он встал, перед его глазами вспыхнул фейерверк неоновых огней, а вместе с ним пришло ощущение, что нос его полон битого стекла.

— Мне нужно идти. Нам обоим нужно идти.

— Ладно, но вы зайдете ко мне как-нибудь в другой раз?

— Как-нибудь.

— А вы знаете, где это? Это на шоссе, прямо за...

— Все знают, где это, — сказал Ли и почти убежал, петляя между деревьями, таща за собой Гленну.

Уходя, она бросила на мальчишек встревоженный взгляд.

Боль в носу Ига усиливалась и накатывала волнами. Он на мгновение приложил к лицу сложенные лодочкой ладони, затем отвел их, и ладони оказались красными.

— Пошли, Иг, — сказал Терри. — Нам надо идти. Ты должен показаться доктору, с этим своим лицом.

— И я, и ты, — добавил Иг.

Терри улыбнулся и вытащил из комка одежды, бывшего у него под мышкой, Игову рубашку. Иг взглянул на нее с удивлением, до этого момента он даже не замечал, что стоит нагишом. Терри натянул ее на Ига, одевая его так, словно ему пять лет, а не пятнадцать.

— Возможно, хирург будет нужен и для того, чтобы вытащить мамашину ногу из моей задницы, — сказал Терри. — Взглянув на тебя, она меня просто убьет. — Когда голова Ига прошла через ворот рубашки, он увидел, что брат смотрит на его лицо с явной тревогой. — Ты же не скажешь им, правда, Иг? Она же зашибет меня за то, что позволил тебе спускаться на этой долбаной тележке. Иногда лучше промолчать или соврать.

— Господи, да я же совсем не умею врать. Мама всегда догадывается. Она все поймет, как только я раскрою рот.

На лице Терренса появилось некоторое облегчение.

— А кто тебе велит раскрывать рот? Тебе очень больно. Ты просто стой и реви, а всю трепотню оставь мне. Уж я-то умею трепаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Через два дня, когда Иг снова увидел Ли Турно, тот был насквозь мокрый и весь дрожал. На нем был тот же самый галстук, те же самые шорты и та же самая горная доска под мышкой. Он словно только что вылез из Ноулз-ривер и не успел обсохнуть.

Неожиданно хлынул ливень, и Ли под него угодил. Его белесые волосы насквозь промокли и прилипли к черепу, он хлюпал носом. Он нес через плечо мокрый брезентовый мешок, придававший ему вид мальчишки-газетчика из старого комикса «Дик Трейси».

Иг был в доме один, необычное обстоятельство. Его родители уехали в Бостон на вечеринку с коктейлями к Джону Уильямсу. У того кончался дирижерский контракт в оркестре «Бостон-попс», и Деррик Перриш должен был играть на прощальном концерте. Следить за домом они оставили Терри. Тот большую часть утра просидел в пижаме перед телевизором или провисел на телефоне, беседуя с такими же скучающими друзьями. Его тон был сперва жизнерадостно-ленивый, затем настороженный и любопытный и, наконец, отрывистый, невыразительный, каковым он выражал крайнюю степень презрения. Проходя мимо его двери, Иг увидел, как он меряет комнату шагами, верный знак возбуждения. В конце концов Терри бросил телефонную трубку и взбежал по лестнице. Когда он снова спустился, то был уже одет и подкидывал на ладони ключи от отцовского «ягуара». Он сказал, что едет к Эрику, сказал, изогнув верхнюю губу, с видом человека, которому приходится выполнять чужую грязную работу, человека, который, вернувшись домой,

увидел, что все мусорные бачки перевернуты и мусор разбросан по всему двору.

— Разве тебе не нужно, чтобы с тобой был кто-нибудь, имеющий права? — спросил Иг. У Терри уже было разрешение.

— Только если меня остановят, — сказал Терри.

Терри вышел во двор, и Иг запер за ним дверь. Через пять минут кто-то в нее забарабанил, и Игу пришлось открывать, он решил, что это Терри что-то забыл и вернулся, но это был не Терри, это был Ли Турно.

— Ну как твой нос? — спросил Ли.

Иг осторожно потрогал пластырь, затягивавший его переносицу, и опустил руку.

— В общем-то, я и так не был красавцем. Ты зайдешь?

Ли шагнул через порог и так и стоял, под его ногами постепенно вырастала лужа.

— Похоже, это *ты* тонул, — улыбнулся Иг.

А Ли не улыбнулся. Он словно не знал, как это делается. Можно было подумать, что сегодня утром он впервые надел свое лицо и еще не научился им пользоваться.

— Красивый галстук, — сказал Ли.

Иг посмотрел на себя и только сейчас вспомнил о галстуке. В субботу утром, когда Иг спустился вниз с синим галстуком на шее, Терри картинно закатил глаза.

— А это что такое? — спросил он издевательским голосом.

Их отец, как раз проходивший через кухню, посмотрел на Ига и сказал:

— Высший класс. Тебе бы, Терри, тоже стоило носить что-нибудь в этом роде.

С этого времени Иг всегда ходил в галстуке, и вопрос больше не обсуждался.

— Чем ты торгуешь? — спросил Иг, кивнув на брезентовый мешок.

— По шесть долларов штука, — сказал Ли, расстегнул мешок и вытащил три разных журнала. — Выбирай, что больше нравится.

Первый назывался попросту «Правда!». На обложке были нарисованы жених и его невеста, преклонившие колени перед алтарем в огромной церкви. Их руки были молитвенно сложены, лица повернуты к свету, косо пробивающемуся через витражные окна. Судя по одинаковому маниакальному восторгу на лицах, они надышались веселящего газа. За ними стоял высокий и голый серокожий инопланетянин. Он возложил на их макушки свои трехпалые ладони — смотрелось это так, словно он собирался стукнуть их головами и убить, к их величайшей радости. Заголовок на обложке гласил: «Обрученные инопланетянами!» Два других журнала были «Налоговая реформа» и «Современное американское ополчение».¹

— Все три за пятнадцать, — сказал Ли. — Это мы собираем деньги на христианский патриотический банк продуктов питания. «Правда!» — он действительно интересный. Там фантастика про всяких великих знаменитостей. Есть рассказ о том, как Стивен Спилберг ездил по настоящей Зоне-пятьдесят пять.² Еще про «Киссов», как они летели на самолете, и в их самолет попала молния, и двигатели заглохли. Они все воззвали к Христу спасти их, а затем Пол Стенли увидел на крыле Иисуса, и через минуту двигатели снова завелись, и пилот смог вывести машину из пике.

— «Киссы» все евреи, — сказал Иг.

Ли ничуть не обеспокоился этой новостью.

— Да. Я и сам думаю, что большая часть тамошних публикаций — дерьмо собачье. Но рассказ все равно хороший.

Это показалось Игу весьма разумным наблюдением.

— Так ты говоришь, пятнадцать за все три? — спросил он.

— Да, — кивнул Ли. — Если продашь достаточно много, тебе полагается премия. Вот так я получил эту доску, прокатиться на которой мне не хватило духу.

— Ты чего! — воскликнул Иг, удивленный спокойствием, с каким Ли признал свою

¹ Американское ополчение — военизированная правозэкстремистская организация, возникшая в США в начале 1990-х гг.

² Зона 55 — участок в Южной Неваде, где испытывают новейшую авиационную технику, с ней связано много легенд о НЛО.

трусость. Слушать, как он сам это говорит, было хуже, чем слушать Терри тогда на холме.

— Нет, — сказал Ли, ничуть не обеспокоившись. — Твой брат понял меня правильно. Я думал впечатлить этой штукой Гленну и ее дружков, но уже на месте, на холме, не смог заставить себя рискнуть. Я только надеюсь, что, если снова встречу с твоим братом, он не будет держать этого против меня.

Иг почувствовал короткую, но мощную вспышку ненависти к своему старшему брату.

— Уж кто бы говорил, но не он. Он чуть не обоссался, когда решил, что дома я расскажу маме, что там у нас случилось. Уж одно про моего братца можно сказать точно — в любой ситуации ты можешь быть уверен, что сперва он прикроет собственную задницу, а потом будет думать о других. Заходи. Деньги у меня наверху.

— Ты хочешь купить журнал?

— Я куплю все три.

Ли прищурился.

— Я еще понимаю, «Современное американское ополчение» — там всякая хрень про винтовки, пистолеты и как отличить шпионский спутник от обычного. Но ты уверен, что хочешь купить «Налоговую реформу»?

— А почему бы нет? Когда-нибудь мне придется платить налоги.

— Обычно люди, читающие «Налоговую реформу», стараются налогов не платить.

Ли последовал за Игом в его комнату, но потом остановился в коридоре, осторожно заглядывая внутрь. Иг никогда не считал свою комнату чем-то особо впечатляющим — она была меньшей из комнат второго этажа, — но сейчас задался вопросом, как она выглядит в глазах такого парня, как Ли, не сочтет ли тот ее слишком богатой. Иг и сам окинул комнату взглядом, пытаясь увидеть ее глазами Ли. Первое, что он заметил, был вид из окна на плавательный бассейн, ярко-голубую поверхность с оспинками от дождевых капель. Над кроватью висел постер Марка Нопфлера, украшенный автографом, Игов отец трубил на последнем альбоме *Dire Straits*.

Собственная труба Ига лежала на кровати в открытом футляре. В футляре находился также полный набор других сокровищ: пачка денег, билеты на концерт Джорджа Харрисона, фотография матери, сделанная на Капри, и крестик той рыжей девочки на порванной цепочке. Иг попытался починить его при помощи швейцарского армейского ножа, но эта попытка ровно ни к чему не привела. В конце концов он отложил крестик в сторону и обратился к другой косвенно связанной с ним задачей. Он притащил от Терри том «Британской энциклопедии» на букву «М» и посмотрел там азбуку Морзе. Он отчетливо запомнил точную последовательность коротких и длинных вспышек, посланную ему рыжей девочкой, но когда перевел их в буквы, первой его мыслью было, что где-то он ошибся. Это было достаточно простое послание из одного короткого слова, но такое неожиданное, что по спине и голове Ига пробежала волна мурашек. Он начал придумывать подходящие ответы, рисуя для этого цепочки точек и черточек на форзацах своей Библии Нила Даймонда. Потому что, конечно же, он не мог заговорить с ней просто так. Она говорила с ним вспышками света, и Игу казалось, что он обязан ответить тем же самым образом.

Ли увидел все это, его взгляд, метавшийся туда-сюда, замер наконец на стоявших у стены четырех хромированных стеллажах-башнях, набитых компакт-дисками.

— У тебя уйма музыки.

— Заходи.

Ли прошаркал внутрь, сгибаясь под весом пропитанного водой брезентового мешка, и сел на краешек Иговой кровати, сразу же промочив покрывало. Повернув голову, он взглянул через плечо на башни с компакт-дисками.

— Никогда не видел столько музыки, разве что в магазине.

— Кого бы ты хотел послушать? — спросил Иг.

Ли равнодушно пожал плечами. Это был необъяснимый ответ. Каждый что-нибудь да слушал.

— Какие у тебя есть альбомы? — спросил Иг.

— Никаких.

— Никаких?

— Наверное, я просто не слишком интересуюсь, — спокойно ответил Ли. — Компакты, они же дорогие, верно?

Ига поразила сама уже мысль, что кто-то может не интересоваться музыкой. Это было вроде как не интересоваться счастьем. Затем он отметил про себя сделанное Ли продолжение — *Компакты, они ж дорогие, верно?* — и впервые у него появилась мысль, что у Ли просто нет денег ни на музыку, ни на что-либо другое. Тут сразу подумалось о бывшей у Ли новехонькой горной доске — но это был приз за благотворительную работу, он сам так сказал. Затем были его галстуки и рубашки с короткими рукавами — но, возможно, это мать заставляла его носить их, когда он продавал свои журналы, чтобы он выглядел аккуратно и серьезно. Бедные ребята часто одеваются себе не по карману. Это богатые ребята одеваются вроде бы кое-как, продуманно подбирая простецкий костюм восьмидесятидолларовые дизайнерские джинсы, профессионально потертые и вылинявшие, и заношенные футболки прямоком с вешалок «Аберкромби и Фитч». А еще знакомство Ли с Гленной и ее друзьями, компания, от которой за милю разило трейлерными поселками. Ребята, которые за неимением других занятий целыми днями ошиваются в старой литейной и поджаривают говешки.

Ли вскинул одну бровь — он точно работал немного под Спока и, похоже, заметил удивление Ига.

— А сам ты что слушаешь? — спросил он.

— Не знаю. Много всякого. Последнее время я торчу на Битлах. — Под «последним временем» Иг имел в виду последние семь лет. — Ты их любишь?

— Я даже толком не знаю. А какие они?

То, что в мире есть люди, не знающие Битлов, потрясло Ига.

— Ну, такие... — сказал он, — ну такие, битловские. Джон Леннон и Пол Маккартни.

— А, эти, — протянул Ли, но Иг сразу понял по его голосу, что он смутился и только притворяется, что знает. Да и притворяется не слишком старательно.

Иг ничего не ответил, но подошел к стеллажу с компактками и стал рассматривать свое собрание «Битлз», пытаясь решить, с чего бы Ли лучше начать. Первым делом он подумал о «Сержанте Пеппере» и вытащил его из стеллажа. Но тут же засомневался, понравится это Ли или его совсем запутают все эти трубы, аккордеоны и ситары, не отвратит ли его эта сумасшедшая смесь стилей, рок-джеммы, переходящие в песенки английских пабов, а затем в мягкий джаз. Пожалуй, ему нужно что-нибудь такое, что легче переварить, собрание ясных запоминающихся мелодий, что-нибудь, в чем легко узнается рок-н-ролл. Тогда «Белый альбом». Вот только слушать «Белый альбом» — это как войти в кинотеатр на последних двадцати минутах фильма. Ты увидишь действие, но не будешь знать, что это за персонажи и почему тебе это должно быть интересно. В общем-то, «Битлз», они вроде рассказа слушать их — все равно что читать книгу. Нужно начинать с «Please Please Me». Иг вытащил целую стопку и положил ее на кровать.

— Тут же слушать не переслушать. Когда тебе их вернуть?

Иг и сам не знал, что отдает диски, до того как Ли задал этот вопрос. Ли вытащил его из ревушего мрака вбил дыхание назад в его грудь и не получил за это ничего. Сотня долларов компакт-дисками — это ничто. Ничто.

— Бери их себе, — сказал Иг.

Ли явно был в некотором замешательстве.

— За журналы? За них нужно платить деньгами.

— Нет. Не за журналы.

— За что же тогда?

— За то, что не дал мне утонуть.

Ли взглянул на стопку компакт-дисков и осторожно положил на них руку.

— Спасибо, — сказал он. — Я даже не знаю, что сказать. Ну разве что то, что ты сбрендил. Это же совсем не обязательно.

Иг открыл рот и тут же его закрыл, слишком пораженный своими чувствами к Ли Турно, чтобы суметь дать простой ответ. Ли снова бросил на него удивленный взгляд и быстро отвел глаза.

— Ты тоже играешь, как и твой папаша? — спросил Ли, вытащив Игову трубу из футляра.

— Мой брат играет. Я, в общем-то, знаю, как это делается, но по-настоящему не играю.

— Почему?

— Я не могу дышать.

Ли нахмурился.

— В смысле, у меня же астма. Когда я пытаюсь играть, мне не хватает дыхания.

— Думаю, ты не будешь знаменитым.

Это не было какой-нибудь шпилькой, просто наблюдение.

— Мой папа, он тоже не знаменитый. Он играет джаз. Нельзя стать знаменитым, играя джаз.

Больше нельзя, добавил про себя Иг.

— Я никогда не слышал записи твоего папаша. Я не очень понимаю в джазе. Это вроде той фигни, которую всегда играют фоном, когда про старых гангстеров, верно?

— Как правило.

— Мне наверняка такое понравится. Музыка для эпизодов с гангстерами и этими девицами в коротких прямых юбках. Которые вроде как шлюхи.

— Верно.

— А затем входят киллеры с автоматами, — сказал Ли, он выглядел возбужденно — впервые с того времени, как Иг его встретил. — Киллеры в низко нахлобученных шляпах. И укладывают всех на месте. Взрываются бутылки шампанского, падают богачи и старые гангстеры. — Говоря все это, Ли изображал, что стреляет из автомата. — Думаю, мне нравится такая музыка. Музыка под которую убивать людей.

— Такое у меня тоже есть. Подожди. — Иг вытащил диск Гленна Миллера, диск Луиса Армстронга и приложил их к Битлам. Затем, потому что Армстронг лежал вместе с AC/DC, Иг спросил: — Тебе нравится «Back in Black»?

— Это альбом?

Иг взял «Back in Black» и присоединил его к растущей стопке Ли.

— Там есть такая песня «Shoot to Thrill». Самое то для всяких перестрелок и ломания мебели.

Но Ли тем временем склонился над открытым футляром от трубы, разглядывая другие сокровища Ига, в частности — взяв в руки крестик той рыжей, на тонкой золотой цепочке. От того, как он трогает крестик, Игу было беспокойно, его охватило мгновенное желание захлопнуть футляр прямо по пальцам Ли, если бы тот отдернул руку слишком медленно. Иг тут же стряхнул этот порыв, словно паука, забравшегося на тыльную сторону его ладони. Ему было неприятно, что он такое почувствовал, пусть даже и на миг. Ли выглядел как ребенок, попавший в наводнение, — холодная вода все еще капала с кончика его носа. Иг жалел, что не зашел на кухню и не сделал ему чашку какао. И еще он хотел дать Ли горячего супа и тосты с маслом. Он хотел бы дать Ли много самого разного. Но только не крестик.

Он спокойно обошел кровать и залез в футляр, чтобы собрать деньги в пачку, повернувшись плечом к Ли, так что тому пришлось положить крестик и убрать руку. Иг достал пятерку и десять долларовых бумажек.

— Это за журналы, — уточнил он.

Ли сложил деньги в четыре раза и засунул их в карман.

— Тебе нравятся картинки со щелью?

— Щель?

— Шахна.

Это было сказано без всякой неловкости — словно они все еще обсуждали музыку. Иг не заметил тут никакого логического перехода, однако ответил:

— Конечно. Кому же не нравится?

— У моего шефа каких только журналов нет. Я у него на складе такое видел — прямо голова кругом. Вот, скажем, целый журнал беременных баб.

— Ух! — воскликнул Иг с радостным отвращением.

— Мы живем в беспокойные времена, — сказал Ли без всякого заметного осуждения. — Там есть еще один со старухами. «Все еще хочется», мощная штука. Это про цыпочек старше шестидесяти, которые дрочат себя пальцами. У тебя есть какая-нибудь порнуха?

Ответ Ига читался на его лице.

— Дай посмотреть, — сказал Ли.

Иг достал из шкафа «Кэнди-ленд», одну из дюжины игр, запихнутых в самую глубь.

— «Кэнди-ленд», — сказал Ли. — Миленько.

Сначала Иг ничего не понял, а потом понял. Он никогда про это не думал и засунул сюда свою дровичную литературу только потому, что никто уже не играет в «Кэнди-ленд», а не потому, что она имеет какое-то символическое значение.

Он положил коробку на кровать, снял крышку, достал доску и вытащил пластиковый поддон, на котором лежали фигуры. Под ним был каталог женского белья и журнал «Роллинг стоун» с голой Деми Мур на обложке.

— Все это довольно невинно, — сказал Ли без малейшего осуждения. — Я даже не уверен, Иг, нужно ли такое прятать.

Ли сдвинул в сторону «Роллинг стоун», и под ним обнаружился выпуск «Людей Икс», тот, где Джин Грей одета в черный корсет. Он мягко улыбнулся.

— Вот это действительно вещь. Потому что Феникс такая милая хорошая и заботливая, а затем вдруг — *бах* — появляется в черной коже. Так ты на этом торчишь? Хорошенькие девушки с чертом внутри?

— Я ни на чем не торчу, — сказал Иг. — Я и не знаю, как это сюда попало.

— Все на чем-нибудь торчат, — сказал Ли, и, конечно же, он был прав. Иг думал практически так же, когда Ли сказал, что не знает музыку, которую любит Иг. — И все же дрович, глядя на картинки... это не здорово. — Он сказал это совершенно спокойно, с полным пониманием. — А для тебя когда-нибудь кто-нибудь это делал? Дрович тебе?

На какое-то мгновение комната вокруг Ига словно расширилась во все стороны, как будто она была внутри воздушного шара. У него мелькнула мысль, что Ли, может быть, собирается предложить ему подрочить, а если это случится — страшно, больно даже подумать, — Игу придется сказать ему, что он ничего не имеет против геев, только сам к ним не относится.

Но Ли продолжил свои рассуждения:

— Помнишь девицу, с которой я был в понедельник? Она мне это делала. Она даже негромко вскрикнула, когда я кончил. Самая забавная штука, какую я только слышал. Жаль, я не записал это на магнитофон.

— Серьезно? — спросил Иг, чувствуя и облегчение, и новое потрясение. — Она уже давно в твоих подружках?

— У нас не такие отношения, не бойфренд — герлфренд. Просто она иногда забегает поговорить о мальчишках и о тех, кто против нее в школе, и о всяком. Она знает, что моя дверь всегда открыта.

Иг чуть не расхохотался, услышав последнее утверждение, показавшееся ему ироничным, но вовремя сдержал себя. Похоже, Ли говорил совершенно серьезно. А тем временем Ли продолжил.

— Те разы, что она мне дровича, были вроде как услуги с ее стороны. И хорошо, что она так делала. Если бы не это, я бы, наверное, зашиб ее до смерти, она же прямо извела меня своей трепотней.

Ли аккуратно положил «Людей Икс» обратно в коробку, Иг разложил по местам «Кэнди-ленд», закрыл коробку и спрятал ее в шкаф. Когда он снова подошел к кровати, Ли

держал в руке крестик, добытый им из футляра трубы. При виде этой картины сердце Ига буквально рухнуло.

— Симпатичная штука, — сказал Ли. — Твоя?

— Нет, — ответил Иг.

— Я так и думал, что не твой. Похоже как девчоночий. Где ты это взял?

Проще всего было сказать, что крестик принадлежит матери. Но когда Иг пытался врать, его язык превращался в глиняную чурку, да и вообще Ли спас ему жизнь.

— В церкви, — сказал Иг, прекрасно зная, что остальное Ли и сам поймет.

Он не знал, почему казалось катастрофической ошибкой правдиво ответить на такой простой вопрос. Ведь всегда нужно говорить правду.

Ли свел концы порванной цепочки на своем указательном пальце, и крестик заболтался на его ладони.

— Здесь порвано, — констатировал он.

— Вот так я его и нашел.

— Он был на этой рыжей? Девочке примерно нашего возраста?

— Она его забыла. Я собирался его починить.

— Этим? — спросил Ли, толкнув пальцем швейцарский армейский нож, которым Иг пытался согнуть и приладить золотые звенья цепочки. — Эта штука здесь не годится. Для такой работы потребуется пинцет с острыми концами. Знаешь, у моего папаши есть кой-какие инструменты для точной работы. Я наверняка смогу починить цепочку за пять минут. У меня это здорово получается: чинить вещи.

В конце концов Ли перевел свой взгляд на Ига. Ему не требовалось даже говорить, чего он хочет. Игу становилось нехорошо от одной уже мысли отдать ему крестик. Его горло вдруг стеснило, как порой бывает при начале приступа астмы. Но был возможен только один ответ, который позволит ему сохранить уважение к себе как к порядочному, не эгоистичному человеку.

— Вот и хорошо, — сказал Иг. — Почему бы тебе не взять его домой и не посмотреть, что с ним можно сделать.

— О'кей, — сказал Ли. — Я починю и отдам ей в воскресенье.

— Да? — спросил Иг.

У него было такое ощущение, что его живот проткнули гладкой деревянной палкой с крючком на конце и кто-то начал поворачивать эту палку, накручивая на нее все внутренности.

Ли кивнул и снова взглянул на крестик.

— Спасибо, я с удовольствием. Я тебя спрашивал, на чем ты торчишь. Теперь я знаю, какие девочки тебе нравятся. Она и в моем духе. В ней есть что-то такое, что можно точно сказать: она никогда не была голой ни перед одним мужиком, кроме своего отца. Ты знаешь, а я ведь видел, как она порвалась. Цепочка. Я стоял в церкви прямо за ней. И я пытался ей помочь. Она хорошенькая, но слишком высокомерная. Я считаю, это совершенно честно, что хорошенькие девушки обычно высокомерны, пока не раздавят их вишню. Ведь это самая ценная вещь, какая у них есть и будет. Это вещь, из-за которой мальчишки крутятся вокруг них и думают о них, стараясь быть тем, кто раздавит. Но потом, после того как кто-нибудь это сделает, они расслабляются и ведут себя как нормальные девицы. В любом случае я очень благодарен, что ты дал мне эту штуку. Теперь у меня будет к ней прекрасный подход.

— Никаких проблем, — сказал Иг, чувствуя, что отдал нечто значительно большее, чем крестик на цепочке.

Это было вполне честно — за спасение Ига Ли заслуживал нечто действительно ценное, а не просто уважение. Иг только удивлялся, почему ему это *не кажется* честным.

Он сказал Ли заходить, когда не будет дождя, и они с ним поплавают, и Ли сказал: хорошо. Иг ощущал некую оторванность от своего голоса, словно тот исходил из какого-то внешнего источника в той же комнате — из радио, может быть.

Ли с мешком через плечо был уже на полпути к двери, когда Иг заметил, что он оставил

свои компактны.

— Диски-то возьми, — сказал он.

Он был рад, что Ли уходит. Ему хотелось полежать на кровати и отдохнуть. В животе болезненно крутило.

Ли посмотрел на диски, посмотрел на Ига и сказал:

— Все равно мне их не на чем слушать.

Иг снова задумался, насколько беден Ли: не живет ли он в трейлере, не просыпается ли от криков и хлопанья дверей, когда копы арестовывают пьяницу из соседнего трейлера за то, что снова избил свою подружку? Еще одна причина не жалеть, что отдал ему крестик. Плохо, что Иг не может порадоваться за Ли, что не может получить удовольствия от того, что делает подарки, ему не получалось быть счастливым, он ревновал.

Стыд развернул его и заставил покопаться в письменном столе. Он распрямился, держа в руках портативный CD-плеер, полученный на Рождество, и наушники.

— Спасибо, — сказал Ли, когда Иг протянул ему плеер. — Ты совсем не должен давать мне все это хозяйство. Я ничего не сделал. Я просто стоял там и... ну, ты знаешь.

Ига удивила его собственная реакция — учащение пульса, вспышка привязанности к этому худому бледному мальчишке с неумелой улыбкой. Он снова вспомнил момент, когда был спасен. Каждая минута его дальнейшей жизни была подарком от Ли. Напряжение покинуло его желудок, и он снова начал легко дышать.

Перед тем как повесить мешок через плечо, Ли засунул в него плеер, наушники и диски. Иг смотрел из окна, как Ли съезжает с холма на своей доске, сквозь все еще накрапывавший дождь, толстые колеса поднимали с блестящего асфальта петушиные хвосты брызг.

Через двадцать минут Иг услышал, как «ягуар» тормозит с визгом шин, словно в каком-нибудь кино. Он снова подошел к окну и взглянул на черный автомобиль, ожидая, что сейчас оттуда вывалятся Терри, Эрик Хеннити и какие-нибудь девушки, в облаке смеха и сигаретного дыма. Но Терри вышел один, он постоял немного у «ягуара» и направился к двери медленно-медленно, словно у него ревматическая спина и он — пожилой человек, ехавший в машине не через маленький город, а несколько часов.

Иг уже наполовину спустился с лестницы, когда Терри вошел в дом. Густая копна его черных волос блестела от дождя. Он увидел Ига, глядящего на него с лестницы, и устало ему улыбнулся.

— Привет, братец, — сказал Терри, — у меня тут кое-что для тебя.

И кинул ему это «кое-что», темный круглый предмет размером с яблоко-дичок.

Иг поймал это двумя руками и взглянул на силуэт голой девицы, чей пах был прикрыт кленовым листом. Петарда была тяжелее, чем ему думалось, ее шершавая поверхность приятно холодила.

— Твой выигрыш, — сказал Терри.

— О! — сказал Иг. — Спасибо. Я-то думал, со всей этой суматохой Эрик забыл, что за ним должок.

В действительности Иг уже несколько дней назад принял как данность, что Эрик Хеннити его кинул и он сломал свой нос за просто так.

— Да, забыл. А я ему напомнил.

— Всё в порядке?

— Теперь — да, — Терри помолчал, держась одной рукой за перила а затем сказал. — Он не желал выкладывать свой проигрыш, потому что ты съезжал с холма обутый в кроссовки, или еще какая-то хрень в этом роде.

— Как-то лажово. Самый лажовый довод, какой я когда-либо слышал, — сказал Иг, Терри не ответил, а просто стоял и водил большим пальцем по столбику перил. — И все же. Неужели вы поругались из-за этой штуки? Это же просто хлопушка.

— Нет, не хлопушка. Ты видел, что эта штука сделала с индейкой?

Иг подумал, что сказано не очень по делу. Терри виновато улыбнулся:

— Ты просто не знаешь, что он хотел сделать. В школе есть один парень, которого Эрик не любит. Парень, которого я довольно прилично знаю. Хороший парень, из нашего оркестра Бен Таунсенд. Так вот, Бенова мать работает в страховой компании. Ну, отвечает на звонки и всякое такое. И поэтому Эрик его ненавидит.

— Просто потому, что его мамаша работает в страховой компании?

— Ты, наверное, знаешь, у Эрикова отца дела идут не слишком хорошо. Ну, он не может ничего поднимать, не может работать, ему даже поспать и то трудно. Все это печально. Ему должны были выплатить страховку, но все не платят и не платят. И я думаю, никогда не заплатят. Вот Эрик и решил с кем-нибудь посчитаться, и он вроде как заикнулся на Бене.

— Только потому, что его мамаша работает в страховой компании, которая делает подлянку Эрикову отцу?

— Нет! — воскликнул Терри. — И это-то самое дикое. Она работает совершенно в другой страховой компании.

— В этом нет никакого смысла.

— Нет. Ровно никакого. И не пытайся что-либо понять, потому что все равно не поймешь. Эрик собирался использовать эту штуку, чтобы взорвать кое-что, принадлежащее Бену Таунсенду, и позвал меня поучаствовать.

— И что же он собирался взорвать?

— Его кошку.

Иг сам будто взорвался — его взорвал ужас, граничащий с удивлением.

— Нет! Может быть, Эрик так и сказал, но он просто вешал тебе лапшу. Да как же это, чтобы... кошку?

— Он пытался сделать вид, что просто пошутил, когда увидел, как я охренел. И он дал мне эту «вишенку», только когда я пригрозил сказать его папаше, какую хрень он задумал. Тогда он швырнул мне ее в голову и сказал убираться на хрен. Я точно знаю, что Эриков папаша неоднократно совершал над Эриковой задницей акты полицейского насилия.

— Даже хотя он не может поспать?

— Поспать он не может, а ремнем размахивать может. Нужно молиться Богу, чтобы Эрик никогда не стал копом. Они с его папашей одной породы. Ты будешь иметь право хранить молчание с его сапогом на твоей глотке.

— Ты бы действительно сказал его папаше о...

— Что? Нет. Ни в коем случае. Ну как я мог проболтаться обо всех этих штуках, которые взорвал Эрик, когда я и сам участвовал?.. Это же первый закон шантажа, — Терри немного помолчал, а затем сказал: — Ты думаешь, что кого-нибудь знаешь. Но по большей части ты просто знаешь то, что тебе хочется знать. — Он взглянул на Ига ясными глазами и продолжил: — Хреновый он парень, этот Эрик. И я сам всегда чувствовал себя хреновым парнем, когда находился в его обществе. Ты, Иг, не из этой компании и потому не знаешь. Очень трудно сделать, чтобы тебя хотели женщины и боялись мужчины, когда твое главное умение — это играть на трубе «Америка прекрасная». Я любил, как люди на нас смотрели, — вот что извлекал из этого я. Не могу сказать, что извлекал из этого он. Ну, разве что ему нравилось, что я за все плачу и что мы вроде как знаменитые люди.

Иг покатал петарду в руке, чувствуя, что нужно бы что-нибудь сказать, но не зная, как это сказать. То, что он в конце концов из себя выдавил, безнадежно не соответствовало ситуации.

— А что бы, ты думаешь, мне этой штукой взорвать?

— Да не знаю я что. Ты просто оставь меня в покое, хорошо? Посиди спокойно несколько недель. Когда я получу нормальные права, мы поедем на Кейп-Код с кучей других парней. Разложим на берегу костер и что-нибудь придумаем.

— Вроде последнего за лето большого взрыва, — сказал Иг.

— Да. В идеале мне хотелось бы устроить разрушение, которое можно видеть с орбиты. А если уж это никак, — добавил Терри, — надо хотя бы попытаться уничтожить что-нибудь ценное и прекрасное, чего потом никак не заменить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

По пути в церковь ладони Ига так вспотели, что стали липкими и какими-то чужими. И желудок его тоже против чего-то протестовал. Он не понимал, против чего, и это было смех да и только — ведь он не знал даже ее имени и никогда не обмолвился с ней ни словом.

Не считая того, что она ему очень нравилась. Полная церковь народу, уйма ее сверстников, а она смотрела прямо на него и послала ему золотым крестиком какое-то послание. Даже теперь он не очень понимал, почему позволил ей уйти, как он мог взять и отдать ее, будто бейсбольную карточку или компакт-диск. Он уговаривал себя, что Ли — одинокий мальчишка из трейлерного поселка, что все идет так, как и полагается. Он пытался ощутить себя делающим добро, но вместо этого внутри его поднималась черная стена ужаса. Он не мог себе представить, почему позволил Ли взять ее крестик. Сегодня крестик будет у Ли. Он отдаст его ей, и она ему скажет спасибо, и они после церкви будут разговаривать. В мыслях Ига они уже шли вместе, и по пути эта рыжая взглянула в сторону Ига, но в ее взгляде не было ни малейших признаков узнавания, в ямке ее шеи блестел починенный крестик.

Конечно же, Ли тоже был в церкви в том же самом ряду, и ее крестик висел у *него* на шее. Это было первое, что Иг заметил, его реакция была простейшей и биохимической. Это было словно он выпил залпом чашку обжигающе-горячего кофе. Его желудок скрутило узлом. Кровь в висках бешено забилась, как после гипердозы кофеина.

Места перед Ли оставались пустыми до самого последнего момента перед началом службы, когда туда, где неделю назад сидела эта девочка, сели три плотного сложения леди. Иг и Ли потратили большую часть первых двадцати минут, вытягивая шею и крутя головой, но ее нигде не было. Эти ее волосы, будто сплетенные из медной проволоки, было просто невозможно не увидеть. В конце концов Ли взглянул через проход на Ига и пожал плечами, а Иг ответил точно таким же жестом, словно они с Ли были в сговоре найти девочку-«морзянку».

Но Иг не был ни в каком сговоре. Когда пришло время читать «Отче наш», он, как и все, склонил голову, но молитва Ига разительно отличалась от стандартной. Он хотел получить крестик назад. Даже не обязательно, чтобы крестик был починен. Он хотел этого больше, чем когда бы то ни было чего бы то ни было, даже больше, чем хотел дышать, когда нахлынул этот фатальный поток черной воды и ревущих душ. Он не знал ее имени, но знал, что вместе с ней хорошо. Те десять минут, когда она посылала ему в лицо солнечных зайчиков, были лучшими минутами, какие он когда-либо провел в церкви. Некоторые вещи просто нельзя отдавать, в каком бы долгу ты ни был.

Когда служба закончилась, Иг встал, как и в тот раз — с отцовской рукой на плече, и стал смотреть, как люди выходят. Его *семья* всегда была среди последних, покидавших какое-нибудь место: церковь, кинотеатр, бейсбольный стадион. Ли Турно прошел мимо и качнул головой Игу, словно говоря: *Иногда ты при выигрыше, а иногда с пустыми руками.*

Как только проход очистился окончательно, Иг подошел к тому месту, где сидела девочка неделю назад, опустился на одно колено и начал делать вид, что завязывает кроссовку. Отец на него оглянулся, но Иг показал кивком, что пусть они идут, а он их догонит. Он продолжал возиться со шнурками, пока все их семейство не покинуло церковь.

Три плотные пожилые леди, сидевшие там, где сидела девочка-«морзянка», собирали свои сумочки и накидывали на плечи легкие летние шали. Глядя на них, Иг осознал, что видел их и раньше. В прошлое воскресенье они вышли тесной кучкой вместе с матерью девочки, Иг тогда еще подумал, что они какие-нибудь тетюшки. И не сидела ли одна из них вместе с девочкой в машине, когда разъезжались после службы? Вот тут Иг не был уверен. Ему хотелось думать, что это она, но он подозревал, что выдает желаемое за действительное.

— Простите, пожалуйста, — начал Иг.

— Да? — спросила ближайшая из женщин, крупная, с волосами, окрашенными в коричневый цвет с металлическим отблеском.

Иг указал на место в ряду и сказал.

— В тот раз тут была девушка. В то воскресенье. Она кое-что тут случайно забыла, и я собирался ей вернуть. Рыжая такая.

Женщина ничего не ответила, но осталась стоять на том же месте, хотя никто уже не мешал ей выйти. В конце концов Иг догадался: она хочет, чтобы он взглянул ей в глаза. Когда он это сделал и увидел ее понимающий взгляд, его пульс участился и стал неровным.

— Меррин Уильямс, — сказала женщина, — и ее родители только в тот уик-энд стали хозяевами своего нового дома. Я это знаю, потому что продала им этот дом, а заодно показала им эту церковь. Сейчас они вернулись на Род-Айленд, собирают вещи. Она будет здесь в следующее воскресенье. Я точно знаю, что увижу их снова, и достаточно скоро. Если хотите, я могу передать Меррин то, что она здесь забыла.

— Нет, — помотал головой Иг. — Не надо.

— Мм... — сказала женщина. — Я так и думала, что вы охотнее отдадите ей сами. У вас такой вид.

— Какой... какой вид? — спросил Иг.

— Я бы сказала, — усмехнулась женщина, — но мы сейчас в церкви.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Когда в следующий раз Ли зашел к Игу, они купались в бассейне и играли в баскетбол на мелком конце, пока не пришла Игова мать с тарелкой поджаренных на гриле сэндвичей с ветчиной и сыром бри. Лидия не могла сделать сэндвичи из ветчины с обычным желтым американским сыром, как все нормальные мамы, — сэндвичи должны были иметь родословную и неким образом отражать ее более изощренное и опытное небо. Иг и Ли перекусывали, сидя в шезлонгах, с водой, плескавшейся прямо под ними. Как-то так выходило, что, встречаясь, они каждый раз были насквозь мокрыми.

Ли был предельно вежлив с матерью Ига, но когда она ушла, он отодрал верхний тост, взглянул на мутно-молочный расплавленный сыр и сказал:

— Кто-то кончил на мой сэндвич.

Иг рассмеялся и чуть не подавился куском, что превратило смех в приступ резкого болезненного кашля. Ли совершенно уже машинально стукнул его по спине, спасая Ига от него самого. Это становилось у них привычкой, обычной составной частью их отношений.

— Для большинства людей это просто ланч, — сказал Ли, прищурившись на солнце. — Для тебя это новый шанс погибнуть. Ты, пожалуй, самый склонный к смерти человек, какого я знаю.

— Меня труднее прикончить, чем могло бы показаться, — сказал Иг. — Я вроде таракана.

— Мне нравятся AC/DC, — сменил тему Ли. — Если ты собрался кого-нибудь пристрелить, лучше всего это сделать, слушая их.

— А как насчет Битлов? Тебе хочется пристрелить кого-нибудь, слушая их?

Ли серьезно задумался, а затем сказал.

— Себя.

Иг снова рассмеялся. Тайна Ли состояла в том, что он никогда не старался никого рассмешить, даже, похоже, никогда не знал, что говорит что-то смешное. В нем ощущался некий сдерживающий фактор, некая аура неколебимого спокойствия, напоминавшая Игу какого-нибудь тайного агента в кино, который обезвреживает боеголовку — или ее программирует. Иногда Ли бывал настолько отстранен — он никогда не смеялся ни над своими шутками, ни над Иговыми, — что почти казался инопланетным ученым, прилетевшим на Землю для изучения человеческих эмоций. Вроде Морка.¹

¹ Морк — инопланетный ученый из американского сериала «Морк и Минди» (1978–1982). Его реплика

Смеясь, Иг в то же самое время был расстроен. Не любить «Битлз» было почти так же плохо, как не знать их совсем.

Ли заметил его озабоченность и сказал,

— Я верну их тебе. Пусть лучше они будут у тебя.

— Нет, — твердо возразил Иг. — Послушай их еще. Может, найдешь что-нибудь, что тебе нравится.

— А мне кое-что уже понравилось, — сказал Ли, но Иг знал, что он врет. — Там была одна штука... — Его голос затих, предоставив Игу догадываться, о какой из шести, пожалуй, десятков песен идет речь.

— «Счастье — это теплый пистолет»? — предположил Иг.

Ли уставил на него указательный палец, взвел большой палец и пристрелил его.

— А как насчет джаза? Он-то тебе хоть немного нравится?

— Ну, вроде как. Не знаю. Я не могу толком слушать джазовые штуки.

— Что ты имеешь в виду?

— Я включаю джаз — и все время забываю, что он играет. Он словно музыка в супермаркете.

Иг зябко поежился.

— Так, значит, когда вырастешь, ты станешь наемным киллером?

— Почему?

— Потому что ты любишь только такую музыку, под которую можно убивать людей.

— Нет, она просто должна выстраивать сцену. Разве не в этом весь смысл любой музыки? Она вроде фона ко всему, что мы делаем.

Иг не собирался спорить с Ли, но слушать такие невежественные рассуждения было для него мучительно.

Оставалось только надеяться, что со временем, при терпеливой помощи Ига, Ли узнает правду про музыку, что она — третий рельс жизни. Ты хватаешься за нее, чтобы выбить себя из тусклого течения времени, чтобы что-нибудь ощутить, чтобы обжечь себя всеми эмоциями, которых никогда не испытаеть в будничной жизни, где школа, телевизор и загрузка после еды посудомоечной машины. Если верна догадка Ига, то, вырастая в трейлерном поселке, Ли пропустил массу хороших вещей. Чтобы все наверстать, ему потребуются годы.

— Так *что* же ты будешь делать, когда вырастешь? — спросил Иг.

Ли затолкал в рот остатки сэндвича и глухо пробубнил,

— Я хочу быть конгрессменом.

— Правда? И что ты будешь там, в Конгрессе, делать?

— Я бы хотел написать закон, говорящий, что безответственных наркоманок нужно стерилизовать, чтобы эти суки не рожали детей, о которых не могут потом заботиться, — сказал Ли без всякого жара.

Иг снова задался вопросом, почему он никогда не говорит о своей матери.

Рука Ли машинально скользнула к кресту, висевшему у него на шее чуть повыше ключиц. Через мгновение он сказал,

— Я тут думал о ней. О нашей девочке из церкви.

— Да уж конечно, — сказал Иг, стараясь говорить шутливо, но даже ему показалось, что вышло как-то резко и раздраженно.

Ли вроде бы ничего не заметил. Он смотрел куда-то в пространство.

— Зуб даю, она нездешняя. Я никогда не видел ее прежде в церкви. Наверное, она кого-нибудь здесь навещала. Можно поспорить, что мы никогда ее больше тут не увидим. — Он помолчал, а потом добавил: — Та, которая от нас ушла.

Это было сказано не мелодраматически, а с некоторым даже юмором.

Правда застряла у Ига в горле, как кусок сэндвича, который не удастся проглотить.

Правда была здесь, на кончике языка — *к воскресенью она вернется*, — но он не мог ее сказать. Но он не мог и соврать, не хватало для этого духу. Он был самый неумелый лгун из всех ему известных.

Вместо этого он сказал:

— Ты починил крестик.

Ли даже не опустил глаза, а лениво подхватил рукой крестик, продолжая смотреть на пятна света, пляшущие по поверхности бассейна.

— Да. И ношу его на себе на случай, если вдруг столкнусь с ней, продавая журналы. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — Я же говорил тебе про похабные журналы, ну, которые есть у моего шефа в кладовке? Там есть такой «Вишенки», со всеми этими девицами, которые вроде как восемнадцатилетние целки. Это мой любимый тип. Девушка из соседнего подъезда. С такой хоть можно представить, что ты у нее первый. Конечно, девицы в «Вишенках», они не настоящие целки. Достаточно посмотреть на них. У них татуировки на бедрах, слишком подкрашенные глаза и имена как в стриптизе. Они просто одеваются на этих снимках под полную невинность. На следующем снимке могут одеться как сексуальные полицейские или еще что, и это все тоже липа. Вот эта девушка в церкви, она взаправдашняя. — Ли приподнял крестик с груди и потер его между большим и указательным пальцами. — Увидеть что-нибудь настоящее — блин, как я торчу с этой мыслью. По-моему, большинство людей ни фига не чувствуют и половину того, что якобы чувствуют. Особенно девицы — они меняют свои точки зрения, как одежду, просто чтобы парням было интересно. Вроде как Гленна — чтобы я не ушел, иногда мне дрожит. Это не потому, что ей нравится мне дрожать. Это потому, что ей не нравится быть одинокой. А вот когда девушка теряет невинность, это ей, может быть, и больно, но это настоящее. Возможно, это самое настоящее, самое личное, что можно увидеть в другом человеке. Тебе интересно, кем она будет в это мгновение, но в конце концов ты преодолеешь всякое притворство. Вот о чем я думаю, когда думаю об этой девушке из церкви.

Иг жалел уже, что съел половину сэндвича. Крестик на шее Ли поблескивал в солнечном свете, и, когда Иг закрывал глаза, он продолжал его видеть, серию остаточных изображений, сигнализировавших какое-то жуткое предупреждение. У него начинала болеть голова.

Открыв глаза, он спросил:

— Так что, если с политикой не получится, ты будешь зарабатывать на жизнь, убивая людей?

— Наверное.

— Как ты будешь это делать? Насколько ты к этому готов?

Иг ломал голову, как он сам убьет Ли, чтобы получить обратно крестик.

— О ком ты говоришь? О какой-нибудь тетке, задолжавшей своему дилеру? Или о президенте?

Иг долго, медленно выдохнул.

— О ком-нибудь, знающем о тебе правду. О ключевом свидетеле. Если он будет жить, ты пойдешь в тюрьму.

— Я бы сжег его прямо в его машине, — сказал Ли. — Подложил бы бомбу. Я стою на обочине через улицу от него и смотрю, как он садится за руль. В тот момент, когда он трогает с места, я нажимаю на пульт кнопки, так что после взрыва машина еще продолжает ехать, большая горящая развалина.

— Секундочку, — вспомнил Иг, — я хочу кое-что тебе показать.

Не обращая внимания на удивленный взгляд Ли, он встал и побежал в дом. Вернулся он минуты через три, сомкнув правую руку в кулак. Ли следил, наморщив лоб, как Иг снова садится в шезлонг.

— Посмотри, — сказал Иг и раскрыл ладонь, демонстрируя «вишенку».

На лице Ли, как на пластиковой маске, не появилось никакого выражения, но это безразличие не обмануло Ига, который уже научился его понимать. Иг разжал руку, и Ли, увидев, что у него там, невольно выпрямился.

— Эрик Хеннити сдержал слово, — сказал Иг. — Это я получил за то, что съехал с холма на тележке. Ты же видел индейку, правда?

— С неба добрый час сыпалось Благодарение.

— А здорово было бы засунуть эту штуку в машину? Ну, скажем, в какую-нибудь дохлую развалину. Зуб даю, она сорвет капот. Терри говорил мне, что они изготовлены до ЗЗД.

— До чего?

— До закона о защите детей. Теперешние петарды — все равно что в лужу пернуть. Эти совсем другое дело.

— Как же их могут продавать, если это против закона?

— Против закона только производить новые, а эти еще из старых запасов.

— Так ты это и хочешь сделать? Найти какую-нибудь рухлядь и взорвать ее?

— Нет. Брат заставляет меня подождать до Дня труда, когда мы поедем на выходные на Кейп-Код. Он как раз получит нормальные водительские права и возьмет меня с собой.

— Конечно, — сказал Ли, — это не мое дело, но я не понимаю, почему его голос так уж важен.

— Я просто обязан подождать. Эрик Хеннити даже не собирался отдавать ее мне, потому что, съезжая с холма, я был в кроссовках. Он сказал, что я не был по-настоящему голый. А Терри сказал, что это дерьмо собачье, и заставил Эрика раскошелиться. Так что я перед ним в долгу. А Терри хочет обождать до Кейп-Кода.

Впервые за краткое время их дружбы Ли выглядел раздраженным. Он скривился и поерзал на своем шезлонге, словно только сейчас обратил внимание на что-то, впившееся ему в спину.

— Глупо как-то, — сказал он, — что они называются «Евины вишенки». Лучше было назвать их «Евины яблочки».

— Почему?

— Из-за Библии.

— В Библии только сказано, что они съели плод дерева познания. Там нигде не сказано, что это яблоко. Могла быть и вишня.

— Я не верю в эту историю.

— Я тоже, — согласился Иг. — Динозавры.

— Ты веришь в Иисуса?

— А почему бы и нет? О Нем пишут не меньше людей, чем про Цезаря.

Иг искоса посмотрел на Ли, настолько похожего на Цезаря, что его профиль можно было чеканить на серебряных динариях, не хватало только лаврового венка.

— А ты веришь, что Он мог творить чудеса? — спросил Ли.

— Может быть. Не знаю. Если все остальное правда, какое это имеет значение?

— Я однажды сотворил чудо.

Игу это не показалось чем-то жутко замечательным. Отец Ига однажды видел в невадской пустыне НЛЮ, это когда они пили с барабанщиком из *Cheap Trick*. Вместо того чтобы спросить, какое чудо Ли сотворил, Иг сказал.

— Здорово было?

Ли кивнул, его очень синие глаза смотрели в никуда.

— Я починил луну. Когда был еще совсем маленьким. И с того самого времени я все хорошо чиню. Это у меня лучше всего получается.

Ли прищурился левым глазом, вскинул правую руку к небу, схватил воображаемую луну большим и указательным пальцами, повернул и негромко прищелкнул языком.

— И все в порядке.

Игу не хотелось говорить о религии, ему хотелось говорить о разрушении.

— Я стану настоящим чудотворцем, когда подожгу запад этой штуки, — сказал он, и Ли перевел взгляд на петарду в Иговой руке. — Я непременно отправлю что-нибудь к Богу. У тебя есть предложения?

То, как Ли смотрел на петарду, напомнило Игу пьяницу, бухающего в баре и параллельно наблюдающего, как девица на сцене снимает трусики. Они дружили не слишком уж долго, но картина их отношений уже установилась — в этот момент Иг должен был сделать ему предложение, как предложил в свое время ему деньги, свои компакты и крестик Меррин Уильямс. Но он ничего не предлагал, а Ли ничего не просил. Иг говорил себе, что не предлагает петарду Ли, потому что смутил его в прошлый раз, подарив ему компакты. Истина была несколько иной: Иг ощущал завистливое желание иметь над Ли какое-нибудь преимущество, носить самому этот крестик. Позднее, когда Ли уйдет, Иг устыдится этого порыва — богатый мальчишка с собственным бассейном хвастается своими сокровищами перед мальчиком, живущим без матери в трейлерном поселке.

— Можешь засунуть ее в тыкву, — сказал Ли.

Но Иг ответил:

— Слишком похоже на индейку.

Так у них и пошло: Ли предлагал всякое, а Иг обдумывал и отвергал. Они обсудили, не стоит ли кинуть петарду в реку и посмотреть, всплывет ли оглушенная рыба, не бросить ли петарду в деревенский туалет, чтобы получился гейзер жидкого дерьма, или выстрелить петардой из рогатки в церковный колокол и послушать, как громко бухнет. У Ли было много идей.

— Ты все хочешь понять, какая музыка мне нравится, — сказал Ли. — Я скажу тебе, что мне нравится. Звуки взрывов и бьющегося стекла. Настоящая музыка для моих ушей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Иг ждал своей очереди в парикмахерское кресло, когда услышал сзади резкий стук, он посмотрел через плечо и увидел на тротуаре Гленну, смотревшую на него, расплющив нос о витринное стекло. Она была так близко, что дышала бы ему прямо в затылок, не оседай ее дыхание на стекле. Выдохнув еще пару раз, Гленна написала пальцем, «Я ВИДЕЛА ТВОЮ П. П.» Под надписью она нарисовала карикатурно болтающийся член.

Сердце Ига упало, и он быстро оглянулся, не стоит ли рядом его мать, не заметила ли она. Но Лидия была в другом конце парикмахерской, давала инструкцию парикмахеру. На Терри, сидевшего уже в кресле, была белая накидка, он терпеливо ждал, чтобы его сделали еще более прекрасным. Подстригать лохмы Ига было все равно, что подрезать неухоженный куст. О красоте тут не могло быть и речи, в лучшем случае можно было сделать что-нибудь терпимое.

Иг снова взглянул на Гленну и яростно затряс головой: *Уходи*. Она тут же протерла стекло рукавом своей потрясно потрясистой кожаной куртки.

Она была не одна. Дорога В Ад тоже был здесь, так же как и еще один член их компании, длинноволосый парень лет восемнадцати. Оба парня находились на дальнем конце парковочной площадки, копались в мусорном баке. Что им понадобилось в мусорном баке?

Гленна постучала в стекло ногтями. Они у нее были цвета льда, длинные и заостренные, ведьмины ногти. Иг снова взглянул на мать, но сразу же понял, что ей не до него. Лидия была полностью поглощена тем, что она говорила, рисуя рукой в воздухе идеальную прическу, а может быть, и воображаемую сферу, хрустальный шар, и в этом шаре угадывалось будущее, в котором девятнадцатилетняя парикмахерша получит большие чаевые, если ей удастся просто стоять и молчать и позволить Лидии объяснять, как ей делать свою работу.

Когда Иг вышел на улицу, Гленна отвернулась от витрины и прижалась к ней своей округлой твердой задницей. Она смотрела на Дорогу В Ад и его длинноволосого друга. Они стояли у мусорного бака и копались теперь в каком-то мусорном мешке. Длинноволосый парень раз за разом поднимал руку и с какой-то почти что нежностью трогал лицо напарника. И каждый раз, когда он это делал, Дорога В Ад разражался громким дурацким хохотом.

— Почему ты дал Ли этот крестик? — спросила Гленна.

Вопрос буквально ошарашил Ига — надо же, чтобы она спросила именно это. Он сам уже вторую неделю задавался этим вопросом.

— Он сказал, что починит цепочку.

— Цепочка уже починена. Так почему он не отдает?

— Это не мой. Это... Это девочка уронила в церкви. Я собирался починить и отдать ей, но не смог. А Ли все сделал отцовскими инструментами, и теперь он его носит на случай, если вдруг наткнется на нее, занимаясь своей благотворительностью.

— Его благотворительность! — фыркнула Гленна. — Ты должен потребовать крестик назад. А заодно и все свои компакт-диски.

— У него нет никакой музыки.

— Он *не хочет* никакой музыки, — сказала Гленна. — Если бы хотел, то как-нибудь раздобыл бы.

— Я не знаю. Компакт-диски довольно дорогие и...

— Да? Ты знаешь, а ведь он совсем не беден, — сказала Гленна. — Он живет в Хармон-Гейтс. Мой отец делает у них всю работу по двору. Вот так-то я с Ли и познакомилась. Однажды папаша послал меня туда сажать пионы. У родителей Ли много денег. Это что, он сам тебе сказал, что ему не по карману компакт-диски?

Ига совершенно ошарашило, что Ли живет в Хармон-Гейтс, что у него есть человек, работающий по двору, и мать. Особенно мать.

— Его родители живут вместе?

— Иногда даже можно усомниться, потому что его мать работает в Эксетеровской больнице, ей очень долго ехать на работу, и поэтому она почти не бывает дома. Но так, пожалуй, и лучше. Ли с матерью не очень ладят.

Иг недоуменно встряхнул головой. Ему казалось, что Гленна говорит о ком-то совершенно другом, о ком-то, кого Иг не знает. У него создалась очень ясная картина жизни Ли Турно: трейлер, в котором он жил вместе со своим отцом, ездящим на полугрузовичке, мать, исчезнувшая еще в его раннем детстве, чтобы курить креп и торговать собой в Бостоне в боевой зоне. Ли никогда не говорил Игги, что он живет в трейлере или что его мать проститутка и наркоманка, но Игу казалось, что это само собой подразумевается взглядами Ли на мир, предметами, никогда ими не обсуждавшимися.

— Он говорил тебе, что у него нет ни на что денег? — снова спросила Гленна.

Иг покачал головой.

— Я так и думала. — Она покрутила носком туфли валявшийся на земле камешек, вскинула глаза и спросила: — Она красивее меня?

— Кто?

— Эта девушка из церкви. Девушка, носившая раньше этот крестик.

Иг хотел придумать ответ, замялся в поисках какой-нибудь изящной и сочувственной лжи, но ложь никогда не была его сильным местом, а само молчание уже являлось в некотором роде ответом.

— Да, — печально сказала Гленна. — Я так и думала.

Иг посмотрел в сторону, слишком расстроенный, чтобы смотреть в глаза Гленна, которая казалась нормальной девкой, прямой и без всякого дерьма.

Дорога В Ад и длинноволосый парень смеялись у мусорного бака — громкие, резкие вороньи крики. Иг не мог понять, чего они смеются.

— Ты не знаешь какую-нибудь машину, которую можно было бы поджечь? — спросил Иг. — И чтобы ничего за это не было? Не чью-нибудь машину, а какую-нибудь старую рухлядь.

— Зачем?

— Ли хочет поджечь машину.

Гленна нахмурилась, пытаясь понять, с какой такой стати Иг перевел разговор на это. Затем взглянула на Дорогу В Ад.

— У папаша Гэри, моего дядюшки, стоит в лесу, за его домом в Дерри, несколько

старых развалюх. У него домашняя торговля запчастями. Во всяком случае, он говорит, что торгует автомобильными запчастями. Только я никогда не видела у него никаких клиентов.

— Ты как-нибудь расскажи об этом Ли, — сказал Иг.

Кто-то за ними постучал в витринное стекло кулаком, они быстро повернулись и увидели Игову мать. Лидия улыбнулась Гленне, сдержанно махнула ей рукой, затем посмотрела на Ига и широко, с нетерпеливым видом раскрыла глаза. Иг кивнул, но, когда мать снова повернулась к ним спиной, он не кинулся тут же в салон.

Гленна вопросительно наклонила голову.

— Так ты что, если будет устраиваться какой-нибудь поджог, хочешь поучаствовать?

— Нет, не очень. А вы, ребята, развлекайтесь.

— «Вы, ребята», — сказала Гленна и широко улыбнулась. — А что ты будешь делать со своими волосами?

— Не знаю. Наверное, то же, что и всегда.

— Тебе нужно сбрить их, — твердо сказала Гленна. — Наголо. Получится очень круто.

— Э-э... Нет. Мне не позволит мама.

— Тогда, по крайней мере, коротко их подстриги и обработай под панка. Осветли кончики или как-то так. Волосы — это же часть того, что ты такое. Неужели ты не хочешь быть чем-нибудь интересным? — Она протянула руку и взъерошила ему волосы. — Ты можешь быть интересным при минимальных усилиях.

— Не думаю, чтобы мой голос что-нибудь тут значил. Мама захочет, чтобы я выглядел нормально.

— Плохо дело, — сказала Гленна. — Сама-то я люблю сумасшедшие прически.

— Да? — спросил Гэри, сиречь Дорога В Ад. — Полюби лучше мою жопу.

Они повернули головы, чтобы взглянуть на Дорогу В Ад и длинноволосого парня, только что вышедших из-за мусорного бака. Те собрали в мусоре обрезки волос и приклеили к лицу Гари, создав клочкастую рыжую бородку вроде той, какая у Ван Гога на автопортретах. Она совершенно не подходила к синеватой щетине на выбритой голове Гари.

Гленна страдальчески поморщилась.

— Ох, господи! Жопа, да кого ты хочешь этим провести?

— Дай мне свою куртку, — сказал Гари. — В твоей куртке я точно сойду, по крайней мере, за двадцатилетнего.

— Ты сойдешь за умственно отсталого, — сказала Гленна. — И нельзя, чтобы тебя задержали в этой куртке.

— А что, хорошая куртка, — сказал Иг.

Гленна взглянула на него с загадочным состраданием.

— Ее дал мне Ли. Такой уж он щедрый.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ли открыл рот, чтобы что-то сказать, но затем передумал и закрыл его.

— Что? — спросил Иг.

Ли снова открыл рот, закрыл его, открыл и сказал:

— Мне нравится эта «ра-та-та» Глена Миллера. Под эту песню и медведь затанцует.

Иг кивнул и ничего не ответил.

Они были в бассейне, потому что вернулся настоящий август. Никакого больше дождя, никакого холода не по сезону. Градусник показывал почти сто градусов,¹ в небе ни облачка, переносица Ли была намазана белым лосьоном от загара. На Иге был спасательный круг, а Ли лежал на надувном матрасе. Оба они плавали в теплой воде, так зверски хлорированной, что хлор ел им глаза. Было слишком жарко, чтобы как-нибудь резвиться.

Крестик все еще висел у Ли на шее. Точнее говоря, лежал на матрасе, натянув цепочку в сторону Ига — словно Игов взгляд обладал магнетизмом. Крестик блестел на солнце,

¹ 100°F = 38°C

посылая Игу в глаза отрывистые сигналы. Игу не требовалось азбуки Морзе, чтобы понять, о чем он сейчас сигналил. Была суббота, а значит, завтра Меррин Уильямс будет в церкви. *Последний шанс*, сигналил крестик. *Последний шанс, последний шанс.*

Губы Ли слегка разошлись. Казалось, он хочет сказать что-то еще, но не знает, как это сделать. В конце концов он выдал из себя:

— Гленнин двоюродный брат Гэри устраивает через пару недель большой костер. Около ихнего дома. Нечто вроде прощания с летом. У него есть бутылочные ракеты и всякое такое. Он говорит, возможно, будет и пиво. Ты как, пойдешь?

— Когда?

— В последнюю субботу этого месяца.

— Не могу. Мой папа играет вместе с Джоном Уильямсом на концерте «Бостон-попс». Это у них премьера сезона. На премьеры сезона мы всегда ходим.

— Да, я понимаю, — кивнул Ли.

Он положил крестик в рот, пососал и задумался. Затем уронил его и сказал наконец то, что хотел сказать:

— А ты ее не продашь?

— Что продать?

— «Евину вишенку». Петарду. Там у Гэри стоит одна древняя развалюха. Гэри говорит, что, если мы ее взорвем, никого это не побеспокоит. Мы можем облить ее жидкостью для зажигалок, а затем взорвать... — Он осекся и добавил. — Только я совсем не потому спросил тебя, сможешь ли ты прийти. Я спросил потому, что с тобой было бы интереснее.

— Да, я понимаю, — кивнул Иг. — Только мне кажется, было бы неправильно продавать ее тебе.

— Ну что ж. Нельзя, чтобы ты все время давал и давал мне всякие вещи. А если бы ты ее продавал, сколько бы ты запросил? У меня есть небольшая сумма, сэкономленная на чаевых от торговли журналами.

«Или ты можешь прихватить у мамы двадцатку», — подумал Иг ехидным бархатным голосом, в котором едва распознал свой.

— Мне не нужны твои деньги, — сказал Иг. — Но я могу с тобой обменяться.

— На что?

— Вот на это, — сказал Иг и кивнул на крестик.

Ну вот. Это было сказано. Следующий вдох Ига задержался в легких: горячая, пахнувшая хлором порция кислорода, химического и странного. Ли спас ему жизнь, вытащил его, потерявшего сознание из реки, вбил в него дыхание, и Иг был готов его вознаградить, чувствовал, что он должен Ли все, что угодно, — все, кроме этого. Она сигналила ему, а не Ли. Иг понимал, что не имеет права торговаться с Ли таким образом, что его позиция морально беззащитна, нельзя было никак себя убедить, что это поступок честного человека. Запросив крестик назад, Иг сразу как-то внутренне съежился, а он-то всегда считал себя хорошим парнем своей собственной истории, героем без страха и упрека. Но хорошие парни такого не делают. Возможно, есть вещи и поважнее, чем быть хорошим парнем.

Ли смотрел на Ига, в уголках его рта собиралась полуулыбка. Лицо Ига обожгло жаром, но он был даже рад смутиться из-за нее.

— Пожалуй, это как-то неожиданно, но я, наверное, ею увлекся. Я сказал бы об этом и раньше, но не хотел заступать тебе путь.

Без всяких раздумий и промедлений Ли закинул руку назад и расстегнул застёжку.

— Тебе только и нужно было сказать. Крестик твой. Он всегда был твой. Это ты нашел его, не я. Все, что я сделал, — это починил цепочку. И я рад, если он поможет тебе познакомиться с ней, рад, что и тут вроде как починил.

— Но мне казалось, что она в твоём духе. Ты не...

— Неужели я буду соревноваться с другом за внимание какой-то девчонки, которую даже не знаю, как звать? — отмахнулся Ли. — А все эти вещи, которые ты мне давал? Все эти компакты, даже если они по большей части тощица зеленая? Я очень за них благодарен.

Я, Иг, не какой-нибудь неблагодарный тип. Если ты когда увидишь ее снова, ты выиграл. Я поддержу тебя в чем угодно и как угодно. Впрочем, я не думаю, что она снова появится.

— Появится, — негромко сказал Иг.

Ли резко взглянул на него.

Истина вышла наружу, прежде чем Иг сумел себя удержать. Ему нужно было знать, что это для Ли не имеет значения, потому что они теперь друзья. И будут друзьями всю остальную жизнь.

Когда Ли ничего не ответил — просто сидел и смотрел с этой полуулыбкой на длинном узком лице, — Иг продолжил сам:

— Я встретился с человеком, который ее знает. Ее не было в то воскресенье, потому что они переезжают сюда из Род-Айленда и поехали туда забрать свои вещи.

Ли снял крестик и легонько кинул Игу, поймавшему тот у самой воды.

— Жри ее, тигр, — сказал он. — Это же ты нашел, и по какой-то причине она, похоже, мной не увлеклась. Кроме того, сейчас мне более чем хватает женского внимания. Вчера заходила Гленна рассказать мне про эту машину у Гэри. И пока она была у меня — взяла в рот. Только на минуту, но взяла, — Ли расплылся в широкой улыбке ребенка, получившего новый воздушный шарик. — Вот же бладища, правда?

— Жуткое дело, — сказал Иг и слабо улыбнулся.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Иг увидел Меррин Уильямс и притворился, что не видит. Задача весьма нелегкая, когда сердце прыгало внутри его, бросаясь на клетку ребер, как разъяренный пьяница — на решетку полицейского участка. С того времени, как она ему встретилась, он думал об этом моменте не просто ежедневно, а почти что каждый час каждого дня. И это было слишком уж много для его нервной системы, это ее перегружало. На ней были кремовые льняные брюки и белая блузка с закатанными рукавами, волосы распущены, когда он вместе со своей семьей шел по проходу, она смотрела прямо на него, но он притворился, что ее не видит.

Ли со своим отцом пришли за несколько минут до начала службы и уселись на скамейку с той же стороны от прохода, что и Иг, но поближе вперед. Ли повернул голову и окинул ее с ног до головы долгим взглядом. Она, похоже, этого не заметила, а пристально смотрела на Ига. После того как Ли кончил ее рассматривать, он оглянулся на Ига и, прежде чем снова посмотреть вперед, покачал головой в деланом неодобрении.

Меррин смотрела на Игги все первые пять минут службы, а он за это время не взглянул на нее ни разу. Он судорожно сжимал вместе липкие от пота ладони и не отводил глаз от отца Моулда. Меррин смотрела на него, пока отец Моулд не сказал «Помолимся». Тогда она встала на колени и сложила ладони вместе, и тогда же Иг достал из кармана крестик. Он взял его в горсть, нашел пятнышко света и направил на нее зайчик. Неосязаемый крест золотого света скользнул по скуле Меррин и попал ей в уголок глаза. Она сморгнула при первой вспышке, зажмурилась при второй, а при третьей взглянула прямо на него. Иг твердо держал импровизированное зеркальце, так что золотой крест чистого света горел прямо у него в руке, а его отражение сверкало на ее щеке. Меррин смотрела на него с неожиданной серьезностью, радистка из военного фильма, принимающая от товарищей по оружию жизненно важное сообщение.

Медленно, с расстановкой он наклонял крестик туда-сюда, передавая азбукой Морзе послание, выученное наизусть за последнюю неделю. Ему казалось, что очень важно передать его правильно, поэтому он обращался с крестиком, как с наперстком нитроглицерина. Закончив передачу, он смотрел на нее еще несколько секунд, а затем сомкнул пальцы вокруг крестика, его сердце колотилось так громко, что он боялся, как бы не услышал отец, стоявший на коленях рядом. Но отец молился, сложив ладони и прикрыв глаза.

Иг Перриш и Меррин Уильямс старательно не смотрели друг на друга всю остальную

службу. Или, говоря точнее, они не смотрели друг другу в лицо, хотя он и замечал, что она смотрит на него уголком глаза, так же как и он смотрел на нее. Ему нравилось, как она стала петь псалом, откинув назад плечи. Ее волосы пылали в солнечном свете. Отец Моулд благословил свою паству и велел им возлюбить друг друга, что вполне согласовалось с намерениями Ига. Когда люди потянулись из церкви, Иг остался на месте, рука отца, как всегда, лежала у него на плече. Меррин Уильямс вышла в проход, сопровождаемая отцом, Иг ожидал, что она остановится и поблагодарит его за найденный крестик, но Меррин на него даже не взглянула. Вместо этого она оглядывалась на своего отца, весело с ним переговариваясь. Иг открыл было рот, чтобы заговорить с ней, и в этот момент его взгляд упал на ее отведенную назад левую руку, указательный палец которой указывал на скамейку. Это был совсем неприметный жест, она могла просто взмахнуть рукой, но Иг был уверен, что она ему говорит, где ее ждать.

Когда народ почти разошелся, Иг шагнул в проход и чуть в сторону, чтобы пропустить вперед мать, отца и старшего брата. Однако, вместо того чтобы последовать за ними, развернулся и пошел к алтарю. В ответ на удивленный взгляд матери он указал на боковое помещение, где находился туалет. Нельзя же, в конце концов, каждый раз притворяться, что нужно завязать шнурок. Мать пошла дальше, держа Терри за руку. Терри оглянулся на Ига с явным подозрением, но позволил себя увести.

Иг околичивался в полутемном коридоре, который вел в кабинет отца Моулда, ожидая Меррин. Она вернулась довольно быстро, к этому времени церковь практически опустела. Меррин окинула неф взглядом, но Иг оставался в тени, наблюдая за ней. Она подошла к иконе Успения, зажгла свечку, перекрестилась, встала на колени и начала молиться. На лицо ее упали волосы, и вряд ли она видела Ига, когда он вышел на свет. Он не чувствовал, как идет к ней, его ноги были словно чужие. Это больше походило на то, что его ведут, он будто снова был на той магазинной тележке, то же самое головокружительное, тошнотворное ощущение в желудке, то же самое падение через край мира, тот же самый сладкий риск. Он не прерывал Меррин, пока та не подняла голову.

— Слышь, — сказал он, когда Меррин встала, — я нашел твой крестик. Ты его забыла. В прошлое воскресенье, когда тебя не было, я даже забеспокоился, что не смогу тебе его вернуть.

Крестик уже лежал в его протянутой руке.

Она взяла крестик за тонкую золотую цепочку и посмотрела на него.

— Ты починил.

— Нет, — сказал Иг. — Это починил мой друг Ли Турно. Он здорово чинит всякие вещи.

— О! — сказала Меррин. — Скажи ему, что я передавала спасибо.

— Ты сможешь передать ему это сама, если он еще здесь. Он тоже ходит в эту церковь.

— Поможешь надеть? — спросила Меррин.

Она повернулась к нему спиной, приподняла волосы и опустила голову, обнажив белый затылок. Иг торопливо обтер потные ладони о грудь, открыл замочек и осторожно обвил цепочку вокруг ее горла. Он надеялся, что она не заметит, как дрожат его руки.

— Знаешь, а ведь ты встречалась с Ли, — сказал Иг, чтобы что-нибудь сказать. — В тот день, когда цепочка порвалась, он сидел прямо за тобой.

— Этот мальчик? Когда цепочка лопнула, он пытался снова на меня ее надеть. Я думала, он меня ею задушит.

— А я тебя ею не душу? — спросил Иг.

— Нет, — сказала Меррин.

У Ига все никак не получалось застегнуть цепочку — дрожали руки. Меррин терпеливо ждала.

— За кого ты поставила свечку? — спросил Иг.

— За сестру.

— У тебя есть сестра?

— Теперь уже нету, — коротко ответила она, и Ига кольнуло чувство, что спрашивать не следовало.

— А ты поняла мое сообщение? — спросил он, чувствуя срочную необходимость сменить предмет разговора.

— Какое сообщение?

— Сообщение, которое я тебе передавал. Азбукой Морзе. Ты же знаешь азбуку Морзе?

Меррин расхохоталась — неожиданно грубый звук, из-за которого Иг чуть не уронил крестик. В следующий момент его пальцы наконец сообразили, что им нужно делать, и он закрепил цепочку у нее на шее. Она повернулась. Было настоящим потрясением, как близко она стояла. Приподними он сейчас руки, они оказались бы у нее на бедрах.

— Нет. Я ходила пару раз к герлскаутам, но бросила прежде, чем мы стали делать что-нибудь интересное. Кроме того, я и так знаю о жизни в лесу все, что надо. Мой отец был когда-то лесником. Так что же ты мне сигнализировал?

Меррин сбила Ига с толку. Он заранее старательно распланировал разговор и что он ей ответит, а теперь вся заготовка псу под хвост.

— Но ведь ты-то что-то сигнализировала мне? — спросил он недоуменно.

Меррин снова рассмеялась.

— Мне просто было интересно, как долго я смогу светить тебе в глаза, прежде чем ты поймешь, откуда это. А что, как тебе показалось, я тебе сигнализировала?

Но Иг не смог ей ответить. Его дыхание перехватило, лицо вспыхнуло, и он впервые осознал, как смешно было даже подумать, что она сигнализировала *что бы то ни было*, не говоря уж о том, что он убедил себя, будто она ему сигнализировала слово «мы». Ни одна девочка в мире не посигналила бы такое мальчишке, с которым она даже ни разу не разговаривала. Теперь это было совершенно очевидно.

— Я передавал «это твой», — сказал наконец Иг, решив, что лучше не заметить заданного ею вопроса.

И это было ложью, хотя и звучало достаточно правдиво. Он тоже передавал ей единственное короткое слово: «Да».

— Спасибо, Игги, — сказала она.

— Откуда ты знаешь, как меня звать? — спросил он и удивился, как вдруг вспыхнуло ее лицо.

— Я спросила одного человека, — ответила она. — Не помню уж, почему я...

— А тебя звать Меррин.

Меррин бросила на него удивленный взгляд.

— Я спросил одного человека, — пояснил Иг.

Она взглянула в направлении двери.

— Мои родители, наверно, уже ждут.

— О'кей, — сказал Иг.

К тому времени, как они дошли до атриума, он успел выяснить, что оба они изучают первый период английской литературы, что дом у нее на Клапем-стрит и что мама записала ее волонтером по сдаче крови, организуемой церковью в конце этого месяца. Иг тоже участвовал в этой акции.

— Я не видела твоей фамилии на подписном листе, — сказала Меррин.

Они спустились еще на три ступеньки, прежде чем Иг сообразил, что, значит, она искала его фамилию на подписном листе. Он оглянулся и увидел, что Меррин чему-то загадочно улыбается.

Когда они вышли из церкви, солнце сияло так ярко, что в первую секунду совсем ослепило Ига. Затем он увидел смутное пятно, несущееся прямо на него, поднял руки и поймал футбольный мяч. Когда глаза его попривыкли к свету, он увидел своего брата, Ли Турно, еще нескольких парней — даже Эрика Хеннити — и отца Моулда, веером разбегавшихся по траве.

— Иг, сюда! — крикнул Моулд.

Родители Ига стояли вместе с родителями Меррин, Деррик Перриш и отец Меррин весело переговаривались, словно их семейства дружили уже многие годы.

Мать Меррин, худая женщина с поджатыми бесцветными губами, заслоняла глаза от солнца ладонью и болезненно улыбалась, глядя на дочь. День пах горячим асфальтом, прокаленными солнцем автомобилями и свежеподстриженным газоном. Иг, не отличавшийся особенной склонностью к спорту, занес руку и швырнул футбольный мяч, придав ему сильное вращение, тот пролетел по плавной дуге и попал прямо в большие мозолистые ладони отца Моулда. Моулд, в черной рубашке с короткими рукавами и белым воротником, вскинул мяч над головой и рванулся по зеленому газону.

Футбол продолжался с полчаса, отцы, сыновья и святой отец гонялись друг за другом по газону. Ли поставили квотербеком,¹ он тоже не был особым спортсменом, но с виду вполне подходил для этой роли, с идеальным, почти ледяным спокойствием, написанным на лице, и галстуком, закинутым через плечо. Меррин скинула туфли и играла босиком, единственная среди них девочка.

— Меррин Уильямс, — сказала ее мать, — ты так перепачкаешь штаны травой, что мы никогда не отстираем.

Но ее отец махнул рукой и сказал:

— Надо же немного повеселиться.

Они играли вроде бы в тач-футбол,² но Меррин роняла Ига на землю при каждой игре, бросаясь ему под ноги, пока это не стало шуткой, заставлявшей всех покатываться со смеху, — Иг, которого сшибала шестнадцатилетняя девочка, тонкая как былинка. И никого это не веселило больше, чем самого Ига, который прямо из себя выходил, чтобы дать ей лишний шанс с ним расправиться.

— Падай на зад сразу же при подаче, — сказала Меррин, сбив его с ног в пятый или шестой раз. — Потому что я могу это делать весь день до вечера, понимаешь? А что тут такого смешного?

Потому что он смеялся.

Меррин стояла над ним на коленях, ее рыжие волосы щекотали ему нос. Она пахла лимонами и мятой. Крестик, висевший у нее на шее, снова поблескивал ему, передавая почти невыносимо радостное сообщение.

— Ничего, — сказал Иг. — Я тебя прекрасно понимаю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Все остальное лето они то и дело наталкивались друг на друга. Когда Иг пошел со своей матерью в супермаркет, Меррин оказалась там же со своей матерью. В итоге они шли вместе по проходу, отставая от родительниц на пару футов. Меррин прихватила мешочек вишен, и они попутно их ели.

— Разве это не магазинное воровство? — спросил Иг.

— У нас не будет никаких неприятностей, если мы съедим улики, — сказала Меррин, сплюнула косточку в ладонь и отдала ему.

Она отдавала ему все свои косточки в естественном ожидании, что он от них как-нибудь избавится, что он и делал, складывая косточки в карман. По приходу домой в кармане его джинсов обнаружился сырой, сладко пахнувший комок размером с детский кулак.

А когда «ягуар» должен был ехать в «Мастерс-авто», Иг увязался вместе с отцом, потому что он знал, что там работает отец Меррин. У Ига не было никаких причин считать, что в этот солнечный день она будет в таком неподходящем месте, но вот, она сидела за отцовским столом, болтая ногами, и словно с нетерпением ждала, когда же он придет. Они

¹ Квотербек — в американском футболе главный игрок, приблизительно аналог центрального нападающего в футболе.

² Тач-футбол — разновидность американского футбола, где игроки не сшибают друг друга с ног, а отмечают контакт касанием.

взяли из торгового автомата по апельсиновой содовой и стояли в заднем помещении мастерской под жужжащими флуоресцентными лампами, Меррин сказала, что завтра пойдет вместе с отцом к Королевиной Круче. Иг сказал, что дорога проходит прямо за их домом, и она спросила, не пойдет ли он вместе с ними. От соды их губы стали оранжевыми. Идти с ней вместе куда бы то ни было не представляло труда, это было самой естественной в мире вещью.

Было вполне естественно подключить и Ли, не давая событиям приобрести слишком уж серьезный оборот. Ли и сам захотел участвовать в походе на Королевиной Кручу, сказал, что хочет там попробовать дорожку для горной доски. Впрочем, доску он позабыл.

По пути вверх Меррин ухватила за ворот своей футболки, оттянула его и начала утрированно обмахиваться. В шутку изображая, что задыхается от жары.

— Вы, ребята, прыгали когда-нибудь в эту реку? — спросила Меррин, указывая на Ноулз, поблескивающую между деревьев, та вилась внизу, по плотно заросшей деревьями долине, черная змея со спиной, покрытой сверкающими чешуйками.

— Иг все время туда прыгает, — сказал Ли, и Иг рассмеялся, Меррин сощурила глаза и удивленно на них взглянула, но Иг только потряс головой. — Только вот что я вам скажу, — продолжил Ли, — у Ига в бассейне куда приятнее. Когда ты позовешь ее купаться?

От этого вопроса у Ига вспыхнуло лицо. Он уже много-много раз представлял себе эту картину — Меррин в бикини, но при каждой попытке заговорить на близкую к этому тему дыхание ему отказывало.

Однажды за все эти первые дни они заговорили о ее сестре, Реган. Иг спросил, почему они уехали с Род-Айленда, и Меррин сказала, пожав плечами:

— После смерти Реган родители были совершенно подавлены, а здесь выросла моя мама, все ее семейство здесь. А без Реган наш дом совершенно опустел, стал вроде чужим.

Реган умерла в двадцать лет от редкой, особо скоротечной разновидности рака груди, болезнь убила ее за какие-нибудь четыре месяца.

— Страшно, наверное, — пробормотал Иг, идиотическое суждение о едва ли единственной вещи, которая ему не грозила. — Не могу себе даже представить, как бы я себя чувствовал, умри вдруг Терри. Он мой лучший друг.

— То же самое я думала про Реган и себя.

Они сидели у Меррин в спальне, спина Меррин была обращена к Игу, голова опущена. Она расчесывала волосы.

— Но за время болезни она успела всякого наговорить. Всяких злых вещей, несправедливых, — продолжила Меррин, не глядя на Ига. — Мне и в голову не приходило, что она про меня такое думает. Когда она умерла, мне казалось, что это почти незнакомый человек. Я еще довольно легко обошлась — по сравнению с тем, что она говорила родителям. Не думаю, чтобы я могла когда-нибудь простить то, что она говорила отцу.

Последнюю фразу она произнесла очень легко, словно обсуждая какую-то маловажную ерунду, а затем замолкла.

Прошло несколько лет, прежде чем они снова заговорили о Реган. Но когда через несколько дней Меррин сказала ему, что хочет быть врачом, Игу не потребовалось спрашивать, по какой специальности.

В последний день августа Иг и Меррин участвовали в акции по сдаче крови, проводившейся через улицу от церкви, в коммунальном центре «Священное сердце». Их роль заключалась в раздаче сока в бумажных стаканчиках и двуслойного шоколадного печенья. Несколько потолочных вентиляторов болтали по комнате медлительный поток жаркого воздуха, и Меррин и Иг пили не меньше сока, чем раздавали. Он как раз собирался с духом пригласить ее купаться в бассейн, когда вошел Терри. Терри стоял в другом конце комнаты, ища глазами Ига, и Иг вскинул руку, чтобы привлечь его внимание. Терри мотнул головой: *Иди сюда*. В этом его жесте было что-то напряженное и обеспокоенное. В некотором смысле можно было обеспокоиться, уже просто увидев здесь Терри. Терри был не из таких, чтобы хотя бы приближаться к церкви, если можно было этого избежать. Иг не совсем осознавал,

что Меррин шла за ним, когда он пробирался между носилками, на которых лежали доноры с трубочками, тянущимися к их рукам. В комнате пахло дезинфекцией и кровью.

Когда Иг добрался наконец до брата, Терри больно схватил его за руку и вывел через дверь в холл, чтобы поговорить один на один. Двери были распахнуты в яркий, обжигающе-горячий день.

— Это ты ему дал? — спросил Терри. — Ты ему дал «вишенку»?

Игу не нужно было спрашивать, о ком это он. Голос Терри, тонкий, резкий и срывающийся, привел его в состояние, близкое к панике. В груди у Ига закололо иголками.

— С ним все в порядке? — спросил Иг.

Сегодня было воскресенье, вчера Ли ходил к Гари.

Только сейчас Иг сообразил, что в церкви Ли не было.

— Он и его веселые ребята прилепили «вишенку» к ветровому стеклу разбитой машины и убежали. Но она сразу не взорвалась, и Ли решил, что застал погас. Такое иногда бывает. Он уже шел назад, чтобы проверить, когда ветровое стекло взорвалось и осыпало все осколками стекла. Иг, в больнице вытащили из его левого глаза долбаный осколок! Говорят, ему еще повезло, что тот не проник ему в мозг.

Игу хотелось закричать, но что-то случилось с его грудью. Его легкие онемели, словно от новокаина. Он не мог говорить, не мог заставить себя издать хоть какой-нибудь звук.

— Иг, — сказала Меррин, — где твой ингалятор?

Ее голос звучал спокойно и ровно, она уже знала про его астму.

Иг стал вытаскивать ингалятор из кармана и уронил его. Меррин его подобрала, Иг вставил ингалятор себе в рот и глубоко, влажно вдохнул.

— Слушай, Иг, — сказал Терри, — это не только глаз. У него масса неприятностей. Как я слышал, вместе со «скорой помощью» приехали копы. Ты знаешь эту его горную доску? Оказалось, что краденая. Еще они сняли с этой его подружки двухсотдолларовую кожаную куртку. Сегодня утром отец Ли разрешил полицейским обыскать его комнату. И там было полно краденого дерьма. Ли пару недель работал в молле, в магазине для животных, и у него был ключ к коридору, идущему за магазинами. Он нахватал там целые горы всякого. У него были все эти журналы, утащенные у «Мистера Пейпербека», и он продавал их — якобы собирал деньги для какой-то придуманной благотворительности. Одним словом, наделал делов. Он пойдет в суд для малолетних по обвинению в краже со взломом. В некотором роде, если он ослепнет на один глаз, это будет для него самое лучшее. Может быть, вызовет хоть какое сочувствие, и тогда его не...

— О господи! — застонал Иг, услышав «если он ослепнет на один глаз» и «в больнице вытащили из его левого глаза долбаный осколок», все остальное было просто шумом, Терри играл на своей трубе авангардный рифф.

Иг плакал и сжимал руку Меррин. Когда она взяла его за руку? Он не знал.

— Поговори с ним, — сказал Терри. — Нужно сказать ему, чтобы держал рот на замке. В этом деле нам нужно прикрыть свою жопу. Если кто-нибудь узнает, что это мы дали ему «вишенку» — или что я дал ее тебе, — господи, Иг, меня выкинут из оркестра.

Иг не мог говорить, ему нужно было сперва вдохнуть из ингалятора. Он дрожал всем телом.

— Слушай, да отстань ты от него! — выпалила Меррин. — Пусть он хотя бы отдышится.

Терри бросил на нее удивленный, вопросительный взгляд. Какое-то мгновение его челюсть безмолвно болталась, затем он закрыл рот и умолк.

— Пошли, Иг, — сказала Меррин. — Выйдем наружу.

Иг послушно вышел за ней, его ноги дрожали. Терри отстал от них на пару шагов. Воздух был предельно неподвижный и влажный, казалось, в нем нарастает давление. С утра небо было ясным, но сейчас на нем появились тяжелые облака, темные и огромные, как эскадра авианосцев. В лицо им ударил прилетевший откуда-то порыв жаркого ветра. Этот ветер пах как горячее железо, как рельсы на солнце, как старые трубы, и, когда Иг прикрыл

глаза, он увидел тропу Ивела Нивела, две полузасыпанные трубы, спускающиеся по склону подобно рельсам какого-то аттракциона.

— Это не твоя вина, — сказала Меррин. — Он не станет тебя обвинять. Идем, сбор крови почти закончился. Распрощаемся здесь и пойдем к нему. Сейчас же. Ты и я.

От мысли идти вместе с ней Иг поежился. Они же с Ли поменялись — петарду на нее. Привести ее с собой было бы просто ужасно, это было бы как втирать соль в рану. Ли спас ему жизнь, а Иг оплатил ему тем, что забрал Меррин, а теперь еще случилось это, и Ли ослепнет на один глаз, этого глаза у него не будет, и это тоже сделал ему Иг. Иг получил девушку и жизнь, а Ли — осколок стекла и полное крушение. Иг приложился к ингалятору, ему снова стало трудно дышать.

Когда Игу наконец хватило воздуха, чтобы говорить, он сказал:

— Ты не можешь со мной идти.

Какая-то часть его уже думала, что единственный способ искупить вину — это расстаться с Меррин, но другая его часть, та самая, которая выменивала крестик, знала, что он этого не сделает. Уже много недель назад он договорился, не просто с Ли, а с самим собой, что пойдет на все, что угодно, лишь бы быть мальчиком, гуляющим вместе с Меррин Уильямс. Отказавшись от нее, он не станет хорошим парнем своей истории. Было слишком поздно становиться хорошим парнем.

— А почему нет? — спросила она. — Ведь он же и мой товарищ.

Иг удивился сперва ее словам, а затем самому себе, что не понимал такой простейшей вещи.

— Я не знаю, что он скажет. Может быть, он будет на меня злиться. Он может сказать что-нибудь резкое насчет... насчет обмена.

И как только он это сказал, сразу понял, что говорить не следовало.

— Какого обмена?

Иг потряс головой, но Меррин повторила вопрос:

— Чем вы менялись?

— А ты не будешь злиться?

— Не знаю. Расскажи, а потом посмотрим.

— Когда я нашел твой крестик, я отдал его Ли, чтобы он починил. Но затем он оставил крестик у себя, и, чтобы получить его обратно, я предложил обмен. И менял я как раз эту петарду.

— Ну и что? — наморщила лоб Меррин.

Иг беспомощно смотрел на Меррин, желая, чтобы она поняла, но она ничего не понимала, и тогда он сказал:

— Он хотел держать его у себя, чтобы иметь повод с тобой познакомиться.

На секунду глаза Меррин затуманились непониманием, а затем прояснились: она не улыбалась.

— Ты думаешь, ты обменял... — начала она и резко остановилась. Через секунду она начала снова, глядя на него с леденящим спокойствием — Ты думаешь, Иг, что обменял эту штуку на *меня*? Вот так ты себе это представляешь? Если бы Ли вернул этот крестик *мне*, а не *тебе*, мы с ним были бы... — Эту фразу она тоже не продолжила, потому что, продолжая, была бы вынуждена признать, что они с Игом теперь вместе, нечто такое, что они оба понимали, но не решались сказать вслух. Тогда она начала в третий раз: — Иг, я оставила его специально для тебя.

— Ты оставила его... почему?

— Я изнывала. Изнывала от тоски. Я сидела и представляла себе, как еще сотни раз буду так же сидеть в этой церкви на солнце, умирая воскресеньем за воскресеньем, а тем временем отец Моулд будет балаболить про мои грехи. Мне нужно было что-нибудь такое, чего я могла бы ждать. Какая-нибудь причина, чтобы находиться здесь. Мне не хотелось слушать, как какой-то мужик говорит о грехах. Я хотела что-нибудь сделать сама. А затем я увидела тебя, сидевшего, как маленький ханжа, жадно внимавшего каждому слову, словно

это было очень интересно. И я поняла, Иг, я тут же поняла, что игра с головой такого раздолбая обеспечит мне много часов развлечения.

Но так уж случилось, что в конце концов Иг отправился к Ли Турно один. Когда Меррин и Иг пошли назад к коммунальному центру, чтобы собрать коробки от пиццы и пустые бутылки, раздался раскат грома, продолжавшийся не меньше десяти секунд, низкое постоянное ворчание, которое не столько слышалось, сколько ощущалось. От него все кости в Иговом теле задрожали, как камертон. Через пять минут дождь уже барабанил по крыше настолько громко, что, дабы быть услышанным, Игу приходилось кричать Меррин, хотя та стояла рядом. Стало темно, ливень хлестал с такой силой, что из открытых дверей не было видно тротуара. Они было думали доехать до Ли на велосипедах, но приехал отец Меррин, чтобы отвезти ее домой в своем фургоне, так что не представилось возможности идти вместе куда бы то ни было.

Терри получил водительские права за два дня до этого, пройдя экзамен с первой же попытки, и на следующий день отвез Ига к Ли Турно. Ветер поломал много деревьев и повыврывал из земли телефонные столбы, Терри приходилось осторожно вести «ягуар» среди сломанных веток и сорванных с места почтовых ящиков. Казалось, произошел какой-то мощный подземный взрыв, сотрясший Гидеон и оставивший его в состоянии полного разрушения.

Район Хармон-Гейтс представлял собою путаницу пригородных улочек, домов, окрашенных в лимонный цвет, с пристроенными гаражами на две машины, кое-где поблескивали плавательные бассейны. Мать Ли, медсестра, женщина лет сорока с лишним, находилась во дворе их дома в стиле королевы Анны, скидывая сломанные ветки со своего припаркованного «кадиллака», ее губы были раздраженно поджаты. Терри высадил Ига, сказав ему позвонить домой, если захочет, чтобы его забрали.

У Ли была большая комната в чистенько отремонтированном подвале. Его мать проводила Ига по коридору и открыла дверь в пещерную мглу, где единственным светом было голубое мерцание телевизора.

— К тебе гость, — сказала она довольно сухо и безжизненно.

Пропустив Ига вперед, она прикрыла за ним дверь, так что они с Ли остались в одиночестве. Ли был голым до пояса и сидел на краю кровати, крепко вцепившись в ее раму. По телевизору снова шел «Бенсон»,¹ впрочем, Ли полностью вырубил звук, так что телевизор был просто источником света и движущихся картинок. Повязка, прикрывавшая его левый глаз, была многократно накручена ему на голову и маскировала значительную ее часть. Шторы были опущены. Ли не смотрел ни на Ига, ни на телевизор, его взгляд был направлен вниз.

— Темно у тебя здесь, — сказал Иг.

— От света у меня болит голова, — ответил Ли.

— Как твой глаз?

— Они еще не знают.

— А есть хоть какой-нибудь шанс...

— Они думают, что я не совсем перестану им видеть.

— Это хорошо.

Ли сидел и молчал. Иг ждал.

— Ты все уже знаешь?

— Для меня это не важно, — сказал Иг. — Ты вытащил меня из реки, и это все, что мне нужно знать.

Иг даже не догадывался, что Ли плачет, пока тот не издал болезненный звук. Он плакал, как человек, претерпевающий небольшой акт садизма, вроде сигареты, потушенной о руку. Иг подошел к нему на шаг ближе и споткнулся о стопку компакт-дисков, тех самых, которые он ему давал.

¹ «Бенсон» (1979–1986) — телесериал, отпочковавшийся от пародийного сериала «Мыло» (1977–1981).

— Ты хочешь их назад? — спросил Ли.
— Нет.
— А что же тогда? Ты хочешь свои деньги? У меня их нет.
— Какие деньги?
— За журналы, которые я тебе продал. Те, которые я *украл*. — Последнее слово он произнес почти с горделивой горечью.
— Нет.
— Так почему же ты пришел?
— Потому что мы друзья.
Иг сделал еще шаг к Ли и тихо заплакал. Ли плакал кровью. Она насквозь пропитала повязку и стекала по левой щеке. Ли рассеянно тронул свое лицо, его пальцы стали красными.
— С тобой все в порядке? — спросил Иг.
— Только вот плакать мне больно. Мне нужно научиться не думать о плохом. — Он шумно дышал, его плечи то вздымались, то опадали. — Мне нужно было все тебе рассказать. Все и обо всем. Дерьмовая была эта штука с продажей тебе журналов. С враньем о них. Узнав тебя лучше, я хотел забрать их назад, но было слишком поздно. Так друзья не поступают с друзьями.
— Не нужно все это пережевывать. Я страшно жалею, что дал тебе эту петарду.
— Забудь и не вспоминай, — сказал Ли. — Я сам ее хотел. Я так решил. Ты не должен об этом беспокоиться. Просто прими решение не ненавидеть меня. Мне очень нужен кто-нибудь, кто все равно будет меня любить.
Он мог бы этого и не говорить. От вида крови, пропитавшей повязку, ноги Ига стали как ватные. Ему потребовалось огромное усилие воли, чтобы не думать, как он дразнил Ли этой «вишенкой», обсуждая всякие вещи, что бы ею взорвать. Какие старания он приложил, чтобы отнять Меррин у Ли, который бросился в воду и вытащил его, когда он тонул, — предательство, которому нет искупления.
Он сидел рядом с Ли.
— Она скажет тебе больше со мной не встречаться, — сказал Ли.
— Моя мама? Нет, она рада, что я пошел тебя навестить.
— Никакая не мама. Меррин.
— О чем ты говоришь? Она хотела пойти вместе со мной. Она о тебе беспокоится.
— О? — Ли странно задрожал, словно от зверского холода. Затем глубоко вздохнул. — Я знаю, почему так случилось.
— Дурацкая случайность, вот и все.
— Нет, — покачал головой Ли. — Это чтобы мне напомнить.
Иг ждал объяснения, но Ли молчал.
— Напомнить тебе о чем? — спросил Иг.
Ли боролся со слезами. Он мазнул рукой по щеке, стирая кровь, и оставил длинную темную полосу.
— Напомнить тебе о чем? — снова спросил Иг, но Ли всеми силами старался не всхлипывать и так ничего и не ответил.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Огненная проповедь

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Иг ехал от родительского дома, от изуродованного тела своей бабушки и разбитого инвалидного кресла, от Терри и его кошмарного признания, не имея никаких особых соображений, куда едет. Скорее уж он знал, куда точно не едет: в квартиру Гленны, в город.

Ему было невыносимо видеть человеческие лица, слышать человеческие голоса.

В мозгу он твердо держал закрытой одну дверь, прижав ее со всей своей ментальной силой, в то время как два человека рвались снаружи, стараясь пробиться в его мысли: Терри и Ли Турно. Нужна была вся его воля, чтобы не дать этим захватчикам вломиться в его последнее убежище, чтобы не пустить их в свою голову. Он толком даже не знал, что случится, если в конце концов они ворвутся, не знал, что он будет тогда делать.

Иг ехал по узкому местному шоссе через залитые солнцем пастбища, под кронами деревьев, низко нависавшими над дорогой, по коридорам мерцающей полутьмы. В придорожной канаве он увидел перевернутую магазинную тележку и лениво поудивлялся, как это магазинные тележки оказываются иногда в таком месте, посреди ничего. Что лишний раз показывало: никто не знает, оставляя что-нибудь, что с этим «что-нибудь» сделают другие. Однажды ночью Иг оставил Меррин Уильямс, ушел от нее, от своего лучшего друга, в приступе, по сути, детского, лицемерного гнева — и вот что из этого получилось.

Он вспомнил, как десять лет назад летел на магазинной тележке по тропе Ивела Нивела, и его левая рука машинально прикоснулась к носу, сломанному тогда. В его мозгу непрошено появился образ бабушки, слетающей на кресле-каталке с длинного склона, тянувшегося перед их домом, большие резиновые колеса прыгают на заросшей травой, сплошь в рывинах земле. Интересно, что там она сломала, врезавшись в конце концов в забор? Иг надеялся, что шею. Вера сказала ему, что, видя его, она всякий раз жалеет, что не умерла, и Иг помог ее желанию исполниться. Он всегда считал себя хорошим внуком. Если он действительно ее убил, этим положено хорошее начало. Но впереди еще масса работы.

Его желудок начал проявлять признаки недовольства, что он списывал как один из симптомов своего несчастья, пока тот не стал еще и бурчать, после чего ему пришлось признать, что он голоден. Он попытался придумать, где бы можно получить пищу с минимумом человеческого взаимодействия, и тут слева от него появилась «Бездна».

Это было место их последней вечери, где они с Меррин провели последний вечер. С того времени Иг здесь не был. Он крайне сомневался, что его приход будет приветствоваться, и уже одна эта мысль была чем-то вроде приглашения. Иг свернул на парковочную площадку.

Было самое начало вечера, ленивый безвременный период, последующий ланчу и предшествующий тому времени, когда люди начинают забегать, чтобы выпить после работы. У заведения было припарковано только несколько машин, принадлежавших, как подумалось Игу, более серьезным алкоголикам. Вывеска у входа гласила,

1 °С Крыл \$ 2 Буд
Жен Ноч Четв Прих к Нам Дев
Отпадные Гидеонские Святые

Иг вышел из машины, солнце светило ему в спину. Его тень, длиной в три ярда, четко рисовалась на земле: черная рогатая фигура, отростки кости на его голове прямо указывали на красную дверь «Бездны».

Когда он вошел в дверь, Меррин была уже здесь. Хотя заведение было переполнено студентами, смотревшими по телевизору бейсбол, он сразу ее заметил. Она сидела в их обычной кабинке, лицом к нему. Как и обычно, особенно после того, как они некоторое время не встречались, ее вид странным образом напомнил Игу о его собственном теле, о голой коже, прикрытой одеждой. Он не видел Меррин целых три недели и после сегодняшнего вечера не увидит ее до самого Рождества, но за это время они могут съесть по креветочному коктейлю и выпить по паре бутылок пива, а также поразвлечься на прохладных свежестираных простынях ее кровати. Мать и отец Меррин уехали в Виннипесаукский лагерь, так что дом остался в ее полном распоряжении. У Ига пересохло во рту от мысли, что его ждет после ужина, и какой-то своей частью он жалел, что они тратят время на еду и питье. Впрочем, другая его часть чувствовала нужным не торопиться, отнестись к этому вечеру спокойно и с расстановкой.

Нельзя сказать, что им не о чем было побеседовать. Меррин явно беспокоилась, и не требовалось большой проницательности, чтобы понять почему. Завтра в одиннадцать сорок пять он улетал рейсом «Бритиш эруэйз», чтобы работать на «Международную амнистию», и океан разделит их на целых полгода. Они никогда еще не были так долго в разлуке.

Он всегда мог различить, что ее что-то беспокоит, знал соответствующие признаки. Меррин уходила в себя. Она разглаживала ладонями все что ни попадя — салфетки, свою юбку, его галстук, — словно выравнивая этим для них обоих путь к некоторой безопасной гавани. Она разучилась смеяться и становилась почти комически серьезной и умудренной. В такие моменты она казалась ему очень забавной, вроде маленькой девочки, выпрядившейся в материнское платье. Он не мог воспринимать ее серьезность серьезно.

Ее беспокойство не имело никакого логического смысла, впрочем, Иг уже знал, что беспокойство и логика редко ходят рука об руку. Но в конце концов, он бы в жизни не взял эту лондонскую работу, если бы Меррин его не заставила. Меррин не позволила ему упустить такую возможность, безжалостно отвергала все его доводы против. Она сказала, что нет ничего страшного в том, чтобы записаться на полгода. Не понравится — вернешься домой. Но тебе точно понравится. Это было именно то, что им всегда хотелось делать, работа их общей мечты, и оба они это знали. А если ему понравится — а ему обязательно понравится — и он захочет остаться в Англии, она может к нему приехать. Гарвард имел с Лондонским имперским колледжем программу обмена, и ее гарвардская руководительница Шелби Кларк отобрала ее для этой программы, так что вопрос, возьмут ли ее, даже не возникал. Они снимут в Лондоне квартиру. По-домашнему, в кружевных панталончиках, она будет подавать ему чай с пончиками, а потом им можно будет трахнуться. Иг согласился. Ему всегда казалось, что слово «панталончики» в тысячу раз сексуальнее, чем «труссы». Так что он согласился взять работу, и его послали в Нью-Йорк на трехнедельное обучение и профессиональную ориентацию. И вот теперь он вернулся, а она разглаживала всякую мелочь, и это его не удивляло.

Он протолкался к Меррин через переполненный зал, перегнулся через стол, поцеловал ее и лишь потом сел напротив. Она не подняла губы навстречу ему, и он ограничился тем, что клюнул ее в висок.

Перед Меррин стоял пустой стакан от мартини, и, когда подошла официантка, она заказала еще один, а заодно попросила принести Игу пива. Ему нравилось на нее смотреть, нравились гладкая линия ее шеи, тусклый при слабом освещении блеск ее волос, и первое время он просто пассивно поддерживал разговор, что-то бормоча в нужных местах и почти не слушая. Иг начал что-то соображать, только когда Меррин сказала ему, что он должен относиться к своему пребыванию в Лондоне как к отдыху от их отношений, и даже тогда он решил, что она просто шутит. Он не понимал, насколько Меррин говорит серьезно, пока она не сказала, что хорошо бы им обоим провести это время с другими людьми.

— В раздетом виде? — спросил Иг.

— Не помешало бы, — сказала Меррин и разом выпила полстакана мартини.

Именно то, как она залпом его заглотила, более чем любые ее слова окатило его холодным душем предчувствия. Меррин пила для храбрости и до того, как он сюда пришел, выпила по меньшей мере одну дозу, может быть — две.

— Ты думаешь, — спросил он, — я не могу подождать несколько месяцев?

Тут полагалась немудреная шуточка насчет мастурбации, но случилась странная вещь. У Ига перехватило горло, и он не смог ничего сказать.

— Знаешь, я не хочу беспокоиться о том, что будет через несколько месяцев. Мы не знаем, что мы будем чувствовать через несколько месяцев. Что я буду чувствовать. Я не хочу, чтобы ты думал, будто обязан вернуться домой просто затем, чтобы мы были вместе. Или считать очевидным, что я туда переvedусь. Давай лучше побеспокоимся о том, что происходит сейчас. Вот посмотри на это с такой точки зрения. Со сколькими девушками бывал ты вместе? За всю свою жизнь?

Иг удивленно вздрогнул. Он много раз видел на ее лице эту нахмуренную, так шедшую

ей концентрацию, но при этом она никогда его не пугала.

— Ты сама знаешь ответ, — сказал он.

— Никого, кроме меня. А ведь никто так не делает. Никто не живет всю свою жизнь с первым человеком, с которым он переспал. Во всяком случае — в наше время. Ни один человек на планете. Должны быть и другие связи. По крайней мере две или три.

— Это так ты это называешь? «Связи»? Изящненько и со вкусом.

— Хорошо, — сказала Меррин. — Ты должен сперва потрахаться с несколькими другими девушками.

Болельщики, смотревшие телевизор, одобрительно взревели. Какой-то игрок проскользнул к своему «дому», не дав себя запятнать.

Иг хотел что-то сказать, но во рту его пересохло, язык не поворачивался, и пришлось сделать глоток пива. В стакане оставалось разве что еще на глоток. Он не помнил, как пиво появилось, и не помнил, как его пил. Пиво было тепловатое и соленое, словно морская вода. Она специально выждала до сегодня, пока до отлета не осталось двенадцать часов, чтобы теперь сказать ему, сказать ему...

— Так ты со мной порываешь? Хочешь от меня освободиться? И ты дожидалась этого момента, чтобы мне сказать?

У их стола стояла официантка с корзиночкой чипсов и пластиковой улыбкой.

— Вы будете что-нибудь заказывать? — спросила она. — Что-нибудь выпить?

— Еще мартини, пожалуйста, и еще пива, — сказала Меррин.

— Я не хочу пива, — сказал Иг и сам не узнал свой хриплый, по-детски обиженный голос.

— Тогда мы оба возьмем лаймовые мартини, — решила Меррин.

Официантка удалилась.

— Какого черта тут происходит? У меня в кармане билет на самолет, уже арендованы квартира и офис. Там ожидают, что в понедельник утром я выйду на работу, а ты мне выкладываешь все это дерьмо. На какой результат ты, собственно, надеешься? Хочешь, чтобы я позвонил им завтра утром и сказал: «Спасибо, что вы предложили мне работу, на которую претендовали семьсот других желающих, но, поразмыслив, я вынужден отказаться»? Это что, проверка, что я больше ценю: тебя или эту работу? Потому что, если проверка пора бы понять, что ты рассуждаешь по-детски и даже оскорбительно.

— Нет, Иг, я действительно хочу, чтобы ты ушел, и я хочу...

— Чтобы я пил кого-нибудь другого.

Плечи Меррин резко вздрогнули. Иг сам удивлялся на себя, он никак не ожидал, что его голос может звучать так отвратительно. Она же просто кивнула и отглотнула из стакана.

— Сейчас или позже, но ты это будешь делать.

В голове у Ига прозвучала бессмысленная фраза, сказанная голосом брата: *Ты можешь прожить свою жизнь либо калекой, либо слабаком*. Иг не был уверен, что Терри когда-нибудь такое говорил, но, хотя эта фраза могла быть воображаемой, могла быть полностью вымышленной, она вспомнилась ему с ясностью строчки из какой-нибудь любимой песни.

Официантка осторожно поставила перед Игом его мартини, и он опрокинул стакан в рот, выпив залпом добрую треть. Он никогда еще не пил мартини, и сладковатый резкий ожог застал его врасплох. Мартини медленно опустился по горлу и занял все его легкие. Грудь его стала пылающей топкой, пот щипал лицо. Его рука сама протянулась к горлу, нащупала узел галстука и развязала. С какой такой стати он вырядился в рубашку с галстуком? Теперь он в ней прямо жарился. Он был в аду.

— Тебя всегда будет мучить вопрос, что именно ты пропустил, — говорила Меррин. — Так уж устроены все мужчины. Я просто смотрю правде в глаза. Я не хочу выйти замуж за тебя, чтобы потом шутить тебя от нашей няни. Я не хочу быть причиной твоих сожалений.

Иг старался восстановить спокойствие, вернуться к тону терпеливого, мягкого юмора. С терпеливостью он еще как-то мог справиться, мягкий юмор у него не получался.

— Не говори мне, что думают другие люди. Я знаю, чего хочу я. Я хочу жить той

жизнью, о которой мечтаю не знаю уж сколько лет. Сколько раз мы обсуждали имена наших будущих детей? Ты думаешь, все это треп?

— Я думаю, это часть главной нашей проблемы. Ты живешь так, словно у нас уже есть дети, словно мы уже поженились. Но их у нас нет, и мы не женаты. Для тебя дети уже существуют, потому что ты живешь в своей голове, а не в мире. Я вот не уверена, что хоть когда-нибудь хотела детей.

Иг сдернул с себя галстук и бросил его на стол. Сейчас ему было нестерпимо чувствовать что-нибудь на своей шее.

— А ведь ты меня чуть не обманула. Последние восемь тысяч раз, когда мы об этом говорили, казалось, что тебе эта мысль нравится.

— Я даже не знаю, что именно мне нравится. С того времени, как мы встретились, у меня не было никакой возможности освободиться от тебя и подумать о своей собственной жизни. У меня не было ни единого дня...

— Значит, я тебя душу? Ты мне это хочешь сказать? Дерьмо это собачье.

Меррин отвернулась от Ига и пустыми глазами уставилась в глубину зала, давая его ярости утихнуть. Иг долго, с присвистом вздохнул и приказал себе не кричать, попробовать снова.

— Помнишь тот день на дереве? — спросил он. — В хижине, которую мы с тобой так больше и не нашли, с белыми занавесками? Ты сказала, что такого не бывает с обычными парами. Ты сказала, что мы другие. Ты сказала, что наша любовь — это нечто особое, что, может быть, одна пара из миллиона получает то, что было нам дано. Ты сказала, что мы созданы друг для друга. Ты сказала, что нельзя игнорировать знаки судьбы.

— Никакой это был не знак. Просто мы переспали в чьей-то хижине на дереве.

Иг медленно покачал головой. Разговаривать с Меррин сейчас было все равно что махать руками на рой шмелей. Никакого толку, одни болезненные укусы, а никак не остановиться.

— Разве ты не помнишь, как мы ее искали? Искали ее все лето, но так и не нашли. Ты еще сказала, что это Древесная Хижина Разума.

— Я сказала так, чтобы мы могли ее больше не искать. Это, Иг, именно то, о чем я говорю. Ты и твое магическое мышление. Перепихон не может быть просто перепихоном. Это непременно должно быть трансцендентное переживание, изменяющее весь ход твоей жизни. Это дико и уныло, и я устала притворяться, что это нормально. Ты когда-нибудь слушаешь, что говоришь? Какого хрена мы вообще заговорили об этой хижине?

— От таких выражений меня начинает тошнить.

— Не нравится? Тебе не нравится слышать, как я говорю про перепихон? Почему, Иг? Это не согласуется с твоими обо мне представлениями? Тебе не нужен реальный человек. Тебе нужно святое видение, к которому ты можешь воззвать.

— Так вы еще не решили, что будете брать? — спросила официантка. Она снова стояла у столика.

— Еще пару, — сказал Иг, и она ушла.

Они с Меррин глядели друг на друга. Иг вцепился в край столика, чувствуя, что еще немного — и тот перевернется.

— Мы встретились еще детьми, — сказала Меррин. — Мы позволили этому стать чем-то гораздо более серьезным, чем должны быть отношения школьников. Если мы станем проводить какое-то время с другими людьми, это придаст нашим отношениям некую перспективу. Может быть, мы начнем их снова, если увидим, что взрослыми так же любим друг друга как любили, будучи детьми. Я не знаю. Возможно, через какое-то время мы сможем иначе взглянуть на то, что даем друг другу.

— А что мы даем друг другу? — спросил Иг. — Ты говоришь как банковский работник, выдающий кредиты.

Меррин терла рукой горло, ее глаза стали жалкими, и только теперь Иг заметил, что на ней нет крестика. Это что-нибудь значит? Задолго до того, как они впервые решили, что

будут вместе всю свою жизнь, этот крестик стал для них чем-то вроде обручального кольца. Иг не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь видел Меррин без него, от этой мысли на него дохнуло опасным холодком.

— Так ты уже успела себе кого-нибудь подобрать? Кого-нибудь, с кем ты хочешь трахаться, чтобы придать нашим отношениям перспективу?

— Я об этом даже не думала. Я просто...

— Думаешь, еще как думаешь. Ведь к этому все и сводится, ты сама так сказала. Нам нужно трахаться с другими.

Меррин открыла рот, закрыла его, снова открыла.

— Да Иг, пожалуй, что это и так. В смысле, что я тоже должна спать с другими. Иначе, возможно, ты туда уедешь и будешь жить монахом. Если ты будешь знать, что я так поступаю, тебе будет легче делать то же самое.

— Так, значит, кто-то уже есть.

— Есть один человек, с которым я... бывала вместе. Раз или два.

— Пока я был в Нью-Йорке, — не спросил, а констатировал Иг. — Кто это?

— Ты с ним никогда не встречался. Это не имеет значения.

— И все равно я хочу знать.

— Это неважно. Я не буду задавать тебе вопросы о том, что ты будешь делать в Лондоне.

— О том, *кого* я буду делать, — сказал Иг.

— Да. Никаких вопросов. Я не хочу знать.

— Но я-то хочу. Когда это было?

— Что — было?

— Когда ты стала встречаться с этим парнем? На той неделе? Что ты ему сказала? Ты сказала ему, что лучше подождать, пока я отбуду в Лондон? Или вы не стали ждать?

Меррин чуть приоткрыла рот, чтобы ответить, и он увидел в ее глазах нечто маленькое и страшное и в приливе нахлынувшего жара понял то, чего не хотел понимать. Понял, что она все лето подходила к этому разговору, начиная с того момента, когда впервые стала его уговаривать взять эту работу.

— Как далеко он зашел? Вы с ним уже трахались?

Меррин покачала головой, но Иг, в общем-то, не понял, говорит она «нет» или отказывается отвечать на вопрос. Она уже смаргивала слезы, он не знал, когда это началось. К своему удивлению, он не почувствовал желания ее успокоить. Он был в тисках чего-то такого, чего и сам не понимал, некой извращенной смеси гнева и возбуждения. Какая-то часть его с удивлением обнаружила, что приятно чувствовать себя оскорбленным, иметь оправдание за то, что он доставляет ей боль. Смотреть, как много боли он может ей причинить. Он хотел исхлестать ее своими вопросами. В то же самое время у него перед глазами стали возникать картины: Меррин на коленях в неразберихе мятых простыней, на ее теле яркие линии от полужакрытых жалюзи, чья-то рука тянется к ее обнаженным бедрам. Картина в равной степени возмущала его и возбуждала.

— Иг, — сказала она. — Пожалуйста.

— Прекрати свои «пожалуйста»! Есть некоторые вещи, которых ты мне не говоришь. Вещи, которые мне нужно знать. Мне нужно знать: ты с ним трахалась? Скажи мне, трахалась ли ты с ним.

— Нет.

— Хорошо. Он когда-нибудь там бывал? В твоей квартире, когда я звонил тебе из Нью-Йорка? Сидел там, запустив тебе руку под юбку?

— Нет, Иг, мы встретились за ланчем. И это все. Мы с ним иногда говорили. По большей части об учебе.

— А когда я трахаю тебя, ты думаешь о нем?

— Господи, конечно нет. Как ты можешь такое спрашивать?

— Я спрашиваю, потому что хочу знать все. Я хочу знать все до мельчайших дерьмовых

подробностей, которых ты мне не говоришь, знать каждую твою грязную тайну.

— Почему?

— Потому что так мне будет легче тебя ненавидеть.

Около их столика напряженно стояла официантка, окаменевшая в процессе подачи им свеженалитых стаканов.

— Какого хрена ты на нас уставилась? — спросил Иг, и она неуверенно отшагнула назад.

И не только официантка на них уставилась. К ним поворачивались головы от других ближних столиков. Некоторые из зрителей смотрели серьезно, в то время как другие, преимущественно молодые парочки, наблюдали за ними веселыми блестящими глазами, сиюсья не рассмеяться. Ничто не бывает таким забавным, как шумная принародная ссора.

Когда Иг снова взглянул на Меррин, та уже стояла за своим стулом. В ее руках был его галстук. Когда Иг его отшвырнул, она его подобрала и с того времени машинально складывала и разглаживала.

— Куда ты идешь? — спросил Иг и схватил ее за плечо в тот самый момент, когда она пыталась пройти мимо него.

Меррин качнулась и ударилась о столик. Она была пьяная. Они оба были пьяные.

— Иг, — сказала она. — Рука.

Только тогда он осознал, как крепко сжимает ее плечо, впиваясь пальцами с такой силой, что чувствуется кость. Чтобы разжать руку, ему потребовалось сознательное усилие.

— Я никуда не убегаяю, — сказала Меррин. — Мне нужно немножко привести себя в порядок. — Она указала на свое лицо.

— Мы не кончили нашего разговора. Ты мне многое еще не рассказала.

— Если и есть вещи, которые я не хочу тебе рассказывать, — сказала Меррин, — это из лучших соображений. Просто, Иг, я не хочу, чтобы тебе было больно.

— Поздно задумалась.

— Потому что я тебя люблю.

— Не верю.

Иг сказал это в первую очередь, чтобы причинить ей боль, — положила руку на сердце, он не знал, верит ей или нет, — и почувствовал дикий прилив восторга, увидев, что добился успеха. На глаза Меррин навернулись слезы, она покачнулась и схватилась за столик рукой, чтобы сохранить равновесие.

— Если я что-то от тебя скрываю, то это чтобы защитить тебя. Я знаю, какой ты хороший. Ты заслуживаешь лучшего, чем получил, связавшись со мной.

— В конце концов, — сказал Иг, — мы в чем-то согласились. Я заслуживаю лучшего.

Меррин ждала, что Иг скажет что-нибудь еще, но он не мог, ему снова не хватало воздуха. Она повернулась и стала пробираться сквозь толпу к женскому туалету. Наблюдая за тем, как она уходит, Иг допил свой martini. В этой белой блузке и перламутрово-серой юбке она смотрелась очень хорошо, Иг видел, как несколько студентов повернули вслед ей головы, затем один из них что-то сказал, а другой рассмеялся. Игу казалось, что кровь его сгустилась и течет очень медленно, он ощущал пульс, колотящийся в висках. Он даже не осознавал, что около их столика стоит какой-то человек, не слышал, как тот сказал «сэр», и даже его не видел, пока этот парень не нагнулся и не заглянул ему в лицо. У парня была фигура культуриста, его белая спортивная теннисная рубашка туго натягивалась на плечах. Из-под костистого уступа лба выглядывали маленькие голубые глазки.

— Сэр, — повторил он, — мы должны попросить вас и вашу жену покинуть заведение. Мы не можем допустить, чтобы вы оскорбляли наших сотрудников.

— Она мне не жена. Просто баба, которую я иногда трахал.

— Я не хочу слышать здесь такие выражения, — сказал здоровый мужик (бармен? вышибала?). — Употребляйте их в другом месте.

Иг встал, нашарил свой бумажник, положил на стол две двадцатки и направился к двери. Его охватило ощущение собственной правоты. *Оставь ее здесь*, думал он. Сидя

напротив Меррин, он хотел вырвать из нее все секреты и параллельно доставить ей как можно больше неприятных ощущений. Но теперь, когда ее не было видно и он мог свободно вздохнуть, он чувствовал, что было бы огромной ошибкой предоставить ей новые возможности оправдать ее поступок. Он не хотел и дальше здесь околачиваться, давая ей шанс разбавить его жгучую ненависть слезами, новыми разговорами о том, как она его любит. Он не хотел ничего понимать, не хотел испытывать сочувствие.

Скоро она вернется и застанет столик пустым. Его отсутствие скажет ей больше, чем мог он надеяться выразить словами, если бы остался. И не важно, что он на машине и должен вроде бы отвезти ее домой. Она уже большая, может взять такси. Не в этом ли главный смысл ее траханья с кем-то другим, пока он в Англии? Доказать, что она взрослая?

Иг в жизни своей еще не был так уверен, что поступает правильно, и, подходя к двери, услышал нечто вроде аплодисментов, топанье ног и хлопки ладонями, звучавшие все громче и громче, пока он наконец не открыл дверь и не увидел хлещущий с неба ливень.

К тому времени, как Иг добежал до машины, его одежда была хоть выжимай. Он подал машину назад даже прежде, чем включил фары. Он включил «дворники» на максимальную скорость, и они стали бороться с дождем, но вода все бежала потоком по ветровому стеклу, искажая контуры предметов. Он услышал треск, обернулся и увидел, что въехал в телефонный столб. Он не стал выходить, чтобы взглянуть на повреждения, такая мысль даже не пришла ему в голову. Зато перед поворотом на шоссе он посмотрел в боковое окошко и сквозь струи воды, текущие по стеклу, увидел Меррин, стоявшую футом в десяти, крепко обхватив себя за плечи, чтобы меньше мокнуть. Ее волосы свисали мокрыми тесемками. Она проводила его жалкими глазами, но не подала никакого знака, чтобы он остановился, вернулся, подождал. Иг поддал газу и уехал.

За окном мелькал мир, импрессионистская вакханалия зеленой и черной красок. Ранним вечером температура поднялась до девяноста восьми градусов, чуть-чуть не доходя до трехзначных чисел. Кондиционер был врублен на полную с самого утра до настоящего момента. Иг сидел в потоке холодного воздуха, смутно сознавая, что уже дрожит в своей мокрой одежде.

Его чувства менялись толчками, на выдохе он ее ненавидел и хотел ей это сказать и взглянуть при этом на ее лицо. На вдохе он ощущал болезненный укол совести, что вот так уехал и оставил ее под дождем, и ему хотелось вернуться и спокойно сказать, чтобы садилась в машину. В его мыслях она так и стояла там под дождем, стояла и ждала его. Он взглянул в зеркало заднего вида, словно мог там что-то увидеть, но, конечно, «Бездна» уже осталась далеко позади. Вместо этого он увидел, что за ним увязались полицейские — черная патрульная машина с длинной мигалкой на крыше.

Взглянув на спидометр, Иг обнаружил, что делает почти шестьдесят там, где разрешено только сорок. К этому моменту его бедра дрожали уже с почти болезненной силой. Он скинул газ, ощущая глухие удары пульса, а когда увидел справа от шоссе закрытую и заколоченную досками пончиковую «Данкин», свернул прямо к ней. «Гремлин» все еще ехал слишком быстро, и его покрышки вспороли землю, разбрасывая в сторону камешки. Посмотрев в боковое зеркальце, он увидел проехавшую мимо патрульную машину. Только никакая это не была патрульная машина, а просто черный «пontiак» с багажником на крыше.

Дрожа всем телом, он сидел за баранкой и ждал, пока сердцебиение ослабнет. Через некоторое время он решил, что не стоило бы, наверно, ехать в такую погоду да еще в таком пьяном состоянии. Лучше подождать, пока дождь прекратится, тот уже ослабел. Его следующей мыслью было, что Меррин может позвонить ему домой, проверить, хорошо ли он доехал, и будет просто-таки здорово, если мама ответит: «Нет, Меррин, он еще не приехал. У вас там все в порядке?»

Затем он вспомнил про свой мобильник. Меррин, наверно, сперва позвонит ему. Иг вынул мобильник из кармана, выключил его и бросил на пассажирское сиденье. Он не сомневался, что Меррин позвонит, и мысль, что она решит, будто с ним что-то случилось — какая-нибудь авария или что он специально врезался в дерево, — доставляла ему

удовольствие.

Теперь нужно было перестать дрожать. Иг откинул сиденье, выключил мотор, достал ветровку и накрыл себе ноги. Он слушал, как дождь все тише и тише стучит по крыше «гремлина», сила капель почти уже иссякла.

Он закрыл глаза, расслабившись под глухой стук дождя, и больше их не открывал до семи утра, когда между деревьями стало пробиваться солнце.

Торопливо вернувшись домой, он бросился под душ, оделся и собрал свой багаж. Не так он собирался уезжать из города. Его мать, отец и Вера вместе завтракали в кухне, и родителям было вроде бы забавно смотреть, как он растерянно мечется. Они не спрашивали, где он был этой ночью, они думали, что и сами это знают. У Ига не было ни духа, ни времени рассказать, что случилось. На лице его матери играла хитрая ухмылка, и Иг предпочитал, чтобы она ухмылялась, чем смотрела бы на него с жалостью. Терри тоже был дома — летний перерыв у его программы — и давно обещал, что отвезет Ига в аэропорт Логан, но он еще не вставал. Вера сказала, что он всю ночь гулял со своей старой компанией и вернулся домой только после восхода. Вера слышала, как подъехала машина, и выглянула как раз тогда, когда Терри тошнило во дворе.

— Жаль, что он дома, а не где-нибудь там в Лос-Анджелесе, — сказала бабушка. — Папарацци прозевали роскошный снимок. Телевизионная звезда подкармливает своим ужином розовые кусты. Прямо для журнала «Пипл». Он даже был одет не в ту одежду, в которой выходил из дома.

Лидия Перриш находила все это не таким уж забавным и беспокойно ковырялась в своем грейпфруте. Отец Ига откинулся на спинку стула и взглянул сыну в лицо.

— Иг, с тобой все в порядке? Ты выглядишь не совсем здоровым.

— Пожалуй, Терренс не был единственным, кто прошлой ночью достойно потратил свои деньги, — сказала Вера.

— Так ты готов уже ехать? — спросил Деррик. — Я оденусь за десять минут. Довезу тебя сам.

— Сиди дома и спокойно завтракай, а я уже двинусь, пока не опоздал. Скажи Терри, я надеюсь, никто не умер, и я позвоню ему из Англии.

Иг со всеми поцеловался, сказал, что он их любит, и вышел в утреннюю прохладу, на траве блестели капельки росы. Шестьдесят миль, отделявшие его от Логана, он проехал за сорок пять минут. Машин на дороге совсем не было, кроме нескольких последних миль, когда он миновал ипподром «Суффолк-даунс» и спускался с холма, на котором стоял тридцатипятифутовый крест. На какое-то время Иг увяз в цепочке грузовиков, ехавших в тени этого креста. В остальном мире царило лето, но здесь была уже поздняя осень, и его ненадолго пробрала дрожь. У него мелькнула странная путаная мысль, что этот крест называется крестом Дона Орсильо, только это не могло быть правдой. Дон Орсильо играл в бейсбол за «Ред сокс».

На дорогах было пусто, но в терминал «Бритиш эруэйз» набилось народу — не продохнуть, а Игов билет был второго класса. Он утомительно долго стоял в очереди. Зал регистрации оглашался гулкими голосами, дробным стуком шпилек по мраморному полу и совершенно неразборчивыми объявлениями, звучащими из динамиков. Он сдал багаж и стоял в очередной очереди, на контроль безопасности, когда скорее почувствовал, чем услышал сзади какое-то волнение. Иг оглянулся и увидел, как люди пропускают вперед в его направлении группу полицейских в бронежилетах и шлемах, вооруженных автоматами M16. Один из полицейских делал рукой какие-то знаки, указывая на очередь.

Когда Иг от них отвернулся, он увидел других полицейских, идущих с противоположной стороны. Они брали его в клещи. Иг подумал, не хотят ли они выдернуть кого-нибудь из очереди. Видимо, кто-то ожидавший посадки на самолет оказался у Большого Брата в списке опасных личностей. Иг повернул голову, чтобы взглянуть через плечо на полицейских, приближающихся сзади. Они шли, уставив стволы автоматов в пол, визоры их

шлемов были опущены на глаза. И все они смотрели на его часть очереди. Их автоматы вызывали страх, но страх гораздо меньший, чем мертвое, тупое выражение их лиц.

А потом он заметил еще одну вещь, самую забавную. Главный офицер, тот, который жестикулировал, приказывая своим подчиненным рассредоточиться и перекрыть все выходы, — временами у Ига возникало безумное ощущение, что этот мужик указывает на него.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Иг остановился, едва войдя в «Бездну», и стал ждать, пока глаза его приспособятся к пещерному мраку, к месту, освещенному только экранами телевизоров и игральными автоматами. У бара сидела парочка, их фигуры казались слепленными из тьмы. Парень с фигурой культуриста орудовал за стойкой, сейчас он вешал на крючки перевернутые пивные кружки. Иг узнал в нем вышибалу, выгнавшего его из «Бездны» в тот вечер, когда Меррин была убита.

Больше в заведении не было никого. Ига это радовало. Он не хотел, чтобы его увидели. Ему хотелось просто получить ланч, даже его не заказывая, никому ничего не говоря. Он пытался придумать какой-нибудь способ сделать так, чтобы это вышло автоматически, но в это время негромко заворковал его мобильник.

Звонил Терри. Тьма, окружавшая Ига, напряглась, словно мускул. Одна уже мысль о разговоре с братом переполнила Ига ненавистью и ужасом. Он не знал, что он скажет, что он *может* сказать. Он держал телефон в ладони, глядя, как тот звонит, и в конце концов звонки прекратились.

И тут же стал гадать, да знает ли Терри, в чем признался брату какие-то минуты назад? Были и другие обстоятельства, которые Иг мог прояснить, ответив на звонок. Например: нужно ли для воздействия на людей, чтобы рога было видно? Как знать, а вдруг можно вести с человеком по телефону вполне нормальную беседу. А еще он гадал, мертва ли Вера, не стал ли он действительно убийцей, каким все они его считали.

Нет. Он не был готов выяснить это, еще не был. Ему было нужно какое-то время побыть в одиночестве, в темноте и неведении.

Ну конечно , издевательски прозвучал у него в голове его собственный голос. Именно так ты провел последние двенадцать месяцев. Что там еще один день?

Когда глаза Ига привыкли к полумраку «Бездны», он обнаружил пустую угловую кабинку, где кто-то ел пиццу, возможно — с детьми. Иг обратил внимание на пластиковые чашки с коленчатыми соломинками. Несколько ломтиков пиццы остались недоеденными, и, что важнее, родитель, руководивший этим выходом в свет, оставил полстакана светло-желтого пива. Иг скользнул в эту кабинку, скрипнув обивкой кресла, и глотнул из стакана. Пиво было теплое. По всему, что он знал, последний человек, пивший из этого стакана, мог иметь гангренозный стоматит, а вдобавок и острый гепатит. После того как ты отрастил на висках рога, было несколько глупо относиться к бактериям и вирусам со слишком большой серьезностью.

Дверь на кухню резко распахнулась, и из белого кафельного пространства, ярко освещенного лампами дневного света, во тьму зала прошла официантка, держа в одной руке бутылку чистящего средства а в другой тряпку, она направилась прямо к нему.

Иг ее, конечно же, узнал. Эта была та самая женщина, которая в тот последний вечер обслуживала его и Меррин. Ее лицо обрамляли две пряди черных прямых волос, смыкавшиеся под длинным, острым подбородком, делая официантку похожей на женский вариант чудодея, который в кино доставлял Гарри Поттеру столько трудностей. Профессор Снейл или что-то в этом роде. Иг так мечтал почитать эти книги вместе с детьми, которые будут у него и Меррин.

Официантка не глядела в сторону его кабинки, и он съежился, пытаясь слиться с красным винилом. Было уже невозможно уйти, оставшись незамеченным. Он было подумал,

не спрятаться ли под столиком, но отбросил эту мысль как глупую. Через секунду официантка уже склонилась над ним, собирая тарелки. Прямо над кабинкой висел тусклый светильник, и, даже когда Иг совсем вжался в сиденье, на столик падала тень его рогатой головы. Официантка заметила эту тень, а потом взглянула на Ига.

Ее зрачки резко сузились, лицо побелело. Она с оглушительным грохотом уронила тарелки на столик, впрочем, грохот был не столько оглушительный, сколько неожиданный, потому что ни одна из тарелок не разбилась. Официантка резко вздохнула, готовясь закричать, а затем увидела его рога. Она просто стояла и смотрела.

— Тут была табличка «Садитесь, пожалуйста», — сказал Иг.

— Да. Все в порядке. Позвольте мне прибрать с вашего столика и... и я принесу меню.

— В общем-то, — сказал Иг, — я уже поел. — Он указал на стоявшие на столике тарелки.

Взгляд официантки переместился с рогов на его лицо, потом назад, и так несколько раз.

— Вы тот самый тип, — сказала она. — Иг Перриш.

— Да, — кивнул Иг. — Год назад вы обслуживали меня и мою девушку в наш последний вечер. Я давно хотел сказать, что жалею обо всем, что тогда наговорил, и о своем поведении. Вы видели меня с моей худшей стороны — хотя все это ничто по сравнению с тем, что такое я сейчас.

— Меня это ничуть не огорчило.

— О! Хорошо. Мне казалось, что я произвел жуткое впечатление.

— Нет, — качнула головой официантка. — В смысле, меня ничуть не огорчило, что я соврала полиции. Жаль только, что они мне не поверили.

Внутренности Ига словно завязались узлом. Все начиналось сначала. Она наполовину говорила сама с собой или, точнее, говорила со своим личным дьяволом, имевшим по какой-то случайности лицо Ига Перриша. Если не найти какого-нибудь способа приглушить эффект рогов, он точно спятит, если только уже не спятил.

— Что вы соврали?

— Я сказала полицейским, что вы грозились ее задушить. Я сказала, что видела, как вы ее грубо толкнули.

— Зачем вы все это говорили?

— Чтобы вам не сошло это с рук. Чтобы вы не остались на свободе. А теперь посмотрите на себя. Она умерла, а вы — вот он. Вам все сошло с рук, точно так же, как моему отцу сошло с рук то, что он сделал с мамой и со мной. Я хотела, чтобы вы загремели в тюрьму. — Она бессознательно дернула головой, откинув с лица волосы. — Кроме того, я хотела попасть в газету. Я хотела быть главной свидетельницей. Если бы вас отдали под суд, я была бы даже по телевизору.

Иг смотрел на нее с крайним удивлением.

— Я старалась изо всех сил, — продолжила официантка. — Когда тем вечером вы ушли, ваша девушка поспешила за вами и забыла свой плащ. Я вынесла его наружу, чтобы отдать ей, и видела, как вы уезжаете без нее. Но полиции я рассказала совсем другое. Я сказала, что когда вышла наружу, то увидела, как вы втащили ее в машину и уехали. Вот это меня и подвело. Кажется, подавая машину назад, вы врезались в телефонный столб. Какие-то клиенты услышали треск, посмотрели в окно и увидели, что случилось. Они рассказали полиции, что видели, как вы оставили ее на парковочной площадке. Следовательно предложил проверить меня на детекторе лжи, и мне пришлось от этой части отказаться. После этого они уже не верили ничему, что я рассказывала. Но я-то знаю, как все было. Я знаю, через пару минут вы вернулись и ее подобрали.

— Вот тут вы сильно ошибаетесь. Ее подобрал некто другой.

Когда Иг подумал, кто именно, к его горлу подкатила тошнота. Но мысль, что она тут, возможно, ошибается, как-то прошла мимо официантки. Когда она заговорила снова, можно было подумать, что Иг ничего не сказал.

— Я знала, что когда-нибудь снова вас увижу. Вы собираетесь выволочь меня на

парковку? Хотите утащить меня куда-нибудь и изнасиловать? Извращенным образом?

В ее голосе явно звучала надежда.

— Что? Нет. А на хрена?

Из глаз официантки исчез возбужденный блеск.

— Но уж хотя бы угрожать-то вы будете.

— Нет.

— Я все равно смогу сказать, что вы мне угрожали. Я могу сказать Реджи, что вы советовали мне поостеречься. Это будет хорошая история. — Ее улыбка совсем увяла, она бросила на культуриста, стоявшего за стойкой, тоскливый взгляд. — Только он ведь мне не поверит. Реджи думает, что я заядлая лгунья. Наверное, так оно и есть. Я люблю рассказывать всякие маленькие истории. Но мне не следовало рассказывать Реджи, что мой бойфренд Гордон погиб в одной из башен-близнецов, после того как я сказала Саре — это другая здешняя официантка, — что Горди погиб в Ираке. Я могла бы и подумать, что они обмениваются впечатлениями. И все равно вполне возможно, что Горди нет уже на свете. Для меня он все равно что умер. Он перестал отвечать на мои мейлы, так что и хрен с ним. Почему я вам все это рассказываю?

— Потому что не можете себя удержать.

— Да, не могу, — сказала официантка и передернулась всем телом. Реакция, явно имевшая сексуальный подтекст.

— А что сделал ваш отец вам и вашей матери? Он... он делал вам больно? — спросил Иг, хотя, в общем-то, не был уверен, хочет ли это знать.

— Он говорил нам, что любит нас, но он врал. Он убежал в Вашингтон вместе с моей учительницей. Они завели семью и родили другую дочку, которую он любит больше, чем когда-либо любил меня. Если бы он вправду меня любил, он взял бы меня с собой, вместо того чтобы бросать с матерью, этой злой, тоскливой старой сукой. Он сказал мне, что навсегда останется частью моей жизни, да хрен там он остался. Я ненавижу лжецов. В смысле, других лжецов. Мои собственные маленькие истории никому не вредят. Хотите знать маленькую историю, которую я рассказываю про вас и вашу подружку?

Пицца, которую съел Иг, осела в его желудке тяжелым комком теста.

— Возможно, нет.

Лицо официантки вспыхнуло возбуждением, ее улыбка вернулась.

— Иногда заходящие люди спрашивают, что вы с ней сделали. Я всегда с одного взгляда могу сказать, сколько они хотят знать и что им надо — основные факты или всякие мерзкие подробности. Студентиков обычно интересуют всякие мерзости. Я говорю им, что после того, как вы вышибли ей мозги, вы изнасиловали еще не остывший труп. Извращенным образом.

Иг попытался встать, ударился коленями о нижнюю поверхность столика и одновременно стукнулся рогами об абажур из цветного стекла. Лампа начала раскачиваться, его рогатая тень метнулась к официантке, оттолкнулась от нее, снова метнулась и снова оттолкнулась. Игу пришлось опять сесть, в его коленной чашечке пульсировала боль.

— Но она же не... — начал Иг. — Это не... Ты долбаная сука с больным воображением.

— Верно, — признала официантка, и в ее голосе слышалась гордость. — Вот такая я плохая. Но вы бы посмотрели на их лица, когда я им это рассказываю. Это место особенно нравится девочкам. Это же всегда так волнительно, слышать про то, как кого-нибудь осквернили. Хорошее сексуальное убийство нравится буквально всем, а лично мне кажется, что нет рассказа, который бы не улучшился от маленькой дозы содомии.

— А вы понимаете, что говорите о девушке, которую я любил? — спросил Иг.

Его легкие казались сплошной ссадиной, и ему было трудно дышать.

— Конечно, — согласилась официантка. — Потому-то вы ее и убили. Из-за этого люди обычно и убивают. Не из-за ненависти. Из-за любви. Иногда мне хочется, чтобы мой отец достаточно любил меня и мою мать, чтобы убить нас, а затем и себя. Это была бы огромная, ужасная трагедия, а не просто тусклый, тоскливый развод. Если бы ему хватило духу на

двойное убийство, все бы мы были по телевизору.

— Я не убивал свою девушку, — сказал Иг.

На этот раз официантка наконец среагировала, нахмурилась и поджала губы с удивленным разочарованным видом.

— Убей вы все же кого-нибудь, было бы куда как интересней. С другой стороны, у вас на голове растут рога, вот это и правда забавно! Это мод?

— Мод?

— Модификация организма. Вы это сами себе сделали?

Хотя Иг все еще не мог припомнить предыдущий вечер — помнилось все, вплоть до пьяной вспышки гнева в лесу около литейной, но затем было сплошное белое пятно, — он знал ответ на этот вопрос. Ответ пришел мгновенно, без малейшего труда.

— Да, — сказал он. — Я сам это сделал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Официантка сказала, что Иг был бы гораздо интереснее, если бы кого-нибудь убил, вот он и подумал: почему бы не убить Ли Турно? Было радостно знать, куда ты направляешься, садиться в машину и ехать к вполне определенной цели. Он тронул с места, расшвыривая покрывалами землю. Ли работал в Портсмуте, Нью-Гэмпшир, в офисе местного конгрессмена, и ехать туда было сорок минут, а Игу сейчас нравилось вести машину. За время пути он мог продумать, как все это будет сделано.

Сперва он подумал, что сделает все голыми руками. Задушит Ли, как тот задушил Меррин — Меррин, которая его любила, которая первая примчалась к нему домой, чтобы утешить, когда мать его умерла, Иг с силой вцепился в руль, словно уже душил Ли, и несколько раз встряхнул так, что рулевая колонка задребезжала. Ненависть к Ли была сильнейшим чувством, какое Иг испытал за много лет. Его второй мыслью было воспоминание, что где-то в багажнике лежит монтировка. Он может надеть ветровку — та валялась на заднем сиденье — и сунуть монтировку в рукав. А когда перед ним будет Ли — спустить монтировку в руку и шарахнуть его по голове. Иг буквально услышал влажное «тюк!» удара монтировки по черепу Ли и весь затрепетал от возбуждения.

Только монтировка — это слишком уж быстро, так Ли и не поймет, что с ним случилось. В идеальном мире Иг загнал бы Ли в машину, отвез куда-нибудь и утопил. Держал бы голову Ли под водой и смотрел бы, как тот рвется к воздуху. Иг улыбнулся этой мысли, не замечая струек дыма, потянувшихся из его ноздрей. В ярко освещенном салоне «гремлина» этот дым представлялся всего лишь легким летним туманом.

После того как Ли почти перестал видеть левым глазом, он сделался потише и ходил опустив голову. Ему присудили по двадцать часов обязательных неоплачиваемых работ в каждом обворованном им магазине, взял ли он там тридцатидолларовые кроссовки или двухсотдолларовую кожаную куртку. Он написал в газету письмо, где в подробностях описывал все свои преступления, а также просил прощения у владельцев магазинов, своих друзей, матери, отца и своей церкви. Он стал очень религиозным — самым натуральным образом — и участвовал во всех программах, организуемых «Священным Сердцем». Каждое лето он работал вместе с Игом и Меррин в лагере «Галилея».

И каждое лето, по разу, Ли читал в лагере «Галилея» воскресную утреннюю проповедь. Вначале он всегда рассказывал детям, что был раньше грешником, что воровал и лгал, что использовал друзей в собственных нуждах и манипулировал своими родителями. Он говорил детям, что раньше был слеп, но теперь прозрел. Он говорил это, указывая на свой полуослепший глаз. И вот такую морализирующую речь он произносил каждый год. Иг и Меррин слушали Ли, сидя в задних рядах церкви, и, когда он указывал на свой глаз и цитировал «Удивительную благодать», спина и руки Ига покрывались гусиной кожей. Иг считал себя счастливчиком, что близко его знал, гордился своей, хоть и малой, причастностью к его жизненной истории.

Это была роскошная история. Особенно она нравилась девушкам. Им нравилось и как Ли был плохим, и как он перевоспитался, им нравилось, что он умеет говорить о своей душе и что дети его любят. Было что-то невыносимо гордое в спокойствии, с каким он признавался в прошлых греховных поступках, не выказывая ни тени стыда или хотя бы просто смущения. Девушкам, с которыми он встречался, нравилось быть единственным искушением, какое он все еще себе позволял.

Ли уехал в Бангор, штат Мэн, и поступил в духовную семинарию, но был вынужден бросить теологию, когда мать его слегла и ему пришлось о ней заботиться. К тому времени его родители развелись, и отец уехал вместе со своей второй женой в Южную Каролину. Ли покупал матери лекарства, держал ее простыни в чистоте, менял ей памперсы и смотрел вместе с ней Пи-би-эс. Когда он не сидел при матери, то посещал Нью-Гэмпширский университет, где специализировался на средствах массовой информации, по субботам он ездил в Портсмут, чтобы работать в офисе нью-гэмпширского конгрессмена.

Начал Ли бесплатным волонтером, но на момент смерти матери был уже служащим с полным окладом, главой религиозной программы этого конгрессмена. Многие считали, что в последнем переизбрании конгрессмена главная заслуга принадлежит Ли. Соперник, бывший судья, подписал для беременной преступницы разрешение на аборт трехмесячного плода, что получило у Ли название «высшей меры для нерожденного». Ли объехал с рассказом об этом событии половину церкви штата. В своей накрахмаленной белой рубашке и в галстук он прекрасно выглядел на кафедре и никогда не упускал шанса назвать себя грешником, и прихожанам это нравилось.

Дополнительным результатом этой избирательной кампании была его единственная ссора с Меррин, хоть Иг и сомневался, можно ли называть это ссорой, ведь другая сторона себя не защищала. Меррин трепала его с этим абортom как хотела, но Ли только сказал:

— Меррин, если ты хочешь, чтобы я бросил свою работу, я завтра же подам на увольнение. Это не стоит даже разговора. Но если я останусь на работе, я должен делать то, для чего меня наняли, и я это делаю хорошо.

Меррин сказала, что у Ли нет ни стыда ни совести, а он ответил, что не совсем уверен, есть ли у него что-нибудь другое.

— О господи, — сказала она, — не нужно быть со мной таким серьезным! — Однако отстала от него.

Конечно же, Ли нравилось на нее смотреть. Иг не раз замечал, как он провожает Меррин глазами, когда та встает из-за стола и ее по ногам хлещет юбка. Да он и всегда любил на нее смотреть. А Иг был не против, пусть себе смотрит. Меррин принадлежала ему. После того, что он сделал с глазом Ли — со временем он стал ощущать себя лично ответственным за его частичную слепоту, — он вряд ли мог ставить ему в вину лишний взгляд на хорошенькую женщину. Ли часто говорил, что этот несчастный случай мог оставить его совсем без глаз и что он старается получить удовольствие от всего хорошего, что видит, как если бы это была последняя в его жизни ложечка мороженого. Ли был мастер на такие заявления, умел прямо признавать свои мелкие грешки и ошибки, не боясь ничьих насмешек. Да никто над ним и не насмехался. Совсем наоборот: все горой стояли за Ли. Его преображение было воистину вдох-долби-его-в-рот-новенным. Может быть, со временем, и очень скоро, он и сам поборется за какой-нибудь политический пост. Об этом нередко поговаривали, хотя сам Ли со смехом отвергал любой намек на то, что он может стремиться к более высокой должности, повторяя эту шуточку Граучо Маркса насчет того, что ни к какой компании, согласной принять его членом, не стоит принадлежать... Насколько помнилось Игу, Цезарь, прежде чем принять трон, трижды от него отказался.

У Ига в висках стучало. Это было как кувалда, кующая раскаленный металл, звучный, неумолчный грохот. Он съехал с автомагистрали и последовал по хайвею к офисному корпусу, где у конгрессмена была его штаб-квартира, — зданию с большим клиновидным стеклянным атриумом, торчащим вперед, словно нос гигантского стеклянного танкера. Иг подъехал к заднему входу.

Пустой на две трети квадрат асфальта за зданием пекся под вечерним солнцем. Иг припарковался, взял с заднего сиденья голубую нейлоновую ветровку и вылез наружу. Было слишком жарко для ветровки, но он все равно ее надел. Игу нравилось ощущать лицом и головой солнечный жар, нравилось дрожание воздуха над раскаленным асфальтом. Настоящее блаженство.

Он открыл заднюю дверцу машины и поднял багажник. Монтировка была прикреплена болтами к нижней части металлической панели, но болты сплошь покрылись ржавчиной, отвернуть их не получалось, и было больно рукам. Иг бросил это занятие и взглянул на аварийный набор. Там имелся, в частности, магниевый фальшфейер, трубка, завернутая в красную промасленную бумагу. Иг радостно улыбнулся. Фальшфейер был в сто раз лучше монтировки. Им можно подпалить хорошенькое личико Ли. Может быть, выжечь ему второй глаз — это ничем не хуже, чем просто взять и убить. Да и вообще, Игу больше подходил фальшфейер, чем монтировка. Разве кто-то там не сказал, что огонь — единственный друг дьявола?

Иг пересек раскаленную асфальтовую площадку. Это было лето того самого семнадцатого года, когда саранча выходит совокупляться, и все деревья на парковочной площадке полнились ее неумолчным треском, похожим на звуки работы огромного механического легкого. Этот звук бесцеремонно врывается Игу в голову, звук мигрени, звук безумия, звук просветляющей ярости. Игу вспомнилась фраза из Апокалипсиса: «И из дыма вышла саранча на землю».¹

Саранча приходит раз в семнадцать лет, чтобы потрахаться и умереть. Ли Турно был жуком-вредителем, ничем не лучше саранчи, а в общем-то, и гораздо хуже. Он успел уже потрахаться и теперь может умереть. Иг охотно ему в этом поспособствует. Пересекая парковочную площадку, он засунул фальшфейер в рукав ветровки и придержал его там правой рукой.

Иг подошел к плексигласовой двери с фамилией нью-гэмпширского конгрессмена. Дверь была с зеркальным покрытием, и он увидел в ней свое отражение: костлявый вспотевший парень в ветровке, застегнутой до горла, вид такой, будто пришел совершить преступление. Не говоря уж про его рога. Их кончики прорвали кожу на висках, обнажившаяся кость покраснела от крови. И даже хуже рогов была его улыбка. Стой он по другую сторону этой двери и увидь себя входящим, он бы тут же позвонил по телефону 911.

Иг толкнул дверь и вошел в воздушнокондиционированную, устланную коврами тишину. Толстый мужик, стриженный под ежик, весело болтал по телефону. Справа от его стола был пульт безопасности, где все посетители проходили через рамку металлодетектора. Полицейский лет за пятьдесят, сидевший за рентгеновским монитором, прилежно жевал жвачку. Плексигласовое окошко позади секретарского стола выходило в маленькую, почти без мебели комнату, с картой Нью-Гэмпшира на стене и еще одним монитором на столике. Второй полицейский, огромный широкоплечий мужик, сидел за складным столиком, согнувшись над какой-то канцелярщиной. Иг не видел его лица, только толстую шею и огромную лысую голову, казавшуюся смутно неприличной. Это почти выбило из Ига последние остатки смелости — эти полицейские и этот металлодетектор. Сразу ожили неприятные воспоминания об аэропорте Логан, и все тело его защипало от выступившего пота. Он не видел Ли уже больше года и не помнил, чтобы ему здесь раньше приходилось сталкиваться с какими-нибудь проверками.

Секретарь сказал в микрофон: «Пока, дорогуша», нажал на столе кнопку и взглянул на Ига. У него было круглое лунообразное лицо, и звали его, наверное, Чет или Чип. Взгляд сквозь очки с квадратными стеклами выражал легкое замешательство.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил он у Ига.

— Да. Не могли бы вы...

Но тут Иг обратил внимание на нечто совсем другое: монитор службы безопасности по ту сторону плексигласового окошка. В нем, как в глазке двери, была видна вся приемная:

¹ Откр. 9:3.

растения в кадках, скромные плюшевые диванчики и сам Иг. Только с монитором явно творилось что-то неладное. Иг все время распадался на две взаимоналоженные фигурки, они на мгновение сливались и вновь расходились, эта часть изображения была мигающей и нестабильной. Главное изображение Ига представляло зрителю бледного изможденного мужчину с трагически редкими волосами, небольшой бородкой и загнутыми рожками. Но было и другое изображение, темное и безликое, то появлявшееся, то исчезающее. В этом втором изводе Иг был без рогов. Не такой, как сейчас, а такой, каким он был прежде. Это было как видеть свою собственную душу, пытавшуюся освободиться от демона, ее закабалившего.

Полицейский, сидевший в этой голой, ярко освещенной комнате, тоже заметил происходящее на мониторе, развернулся на своем вращающемся кресле и начал изучать экран. Иг не видел его лица — полицейский сидел достаточно далеко, так что видны были только его ухо и белый блестящий череп, пушечное ядро из кости и кожи, покоившееся на толстенной затычке его шеи. Через какое-то время полицейский вытянул руку и шарахнул кулаком по монитору, пытаясь исправить изображение, шарахнул так сильно, что на мгновение картинка вообще исчезла.

— Сэр? — сказал секретарь.

Иг с трудом оторвал взгляд от монитора.

— Не могли бы вы., не могли бы вы вызвать Ли Турно? Скажите, что пришел Иг Перриш и хочет с ним встретиться.

— Прежде чем пропустить вас, я должен взглянуть на ваши водительские права и отпечатать вам бейдж, — сказал секретарь ровным безжизненным голосом, тупо уставившись на рога.

Иг взглянул на рамку металлоискателя и понял, что не пройдет ее с фальшфейером в рукаве.

— Скажите ему, что я подожду его здесь. Скажите, что встреча со мной в его же интересах.

— Я не думаю, что он захочет с вами встретиться, — сказал секретарь. — Я не думаю, чтобы кто-нибудь это захотел. У вас ужасный вид. У вас рога и ужасный вид. Жаль, что я сегодня вообще вышел на работу, иначе бы не пришлось смотреть на вас. Сегодня я чуть не остался дома. Раз в месяц я себе устраиваю день умственного здоровья — остаюсь дома, надеваю мамины трусы, и мне хорошо и жарко. В гардеробе этой старой пташки есть кое-что по-настоящему похабное. У нее есть черный шелковый корсет со спиной из китового уса.

Его глаза остекленели, в уголке рта выступила капля слюны.

— Мне особенно нравится, что это у вас день умственного здоровья, — сказал Иг. — Так вы позовете Ли Турно?

Секретарь развернулся на девяносто градусов, плечом к Игу, нажал одну из кнопок и что-то пробормотал в микрофон. Послушав пару секунд, он сказал в трубку «о'кей» и снова повернулся к Игу. Его круглое лицо блестело от пота.

— Сегодня он все утро на совещании.

— Скажите ему, я знаю, что он сделал. Скажите дословно, теми же словами. Скажите Ли, что, если он хочет об этом поговорить, через пять минут я жду его на парковке.

Секретарь взглянул на него бессмысленными глазами, кивнул и снова немного отвернулся.

— Мистер Турно? — сказал, он в микрофон. — Он говорит... знает ли он, что вы сделали?

В последний момент утверждение превратилось в вопрос.

Иг не слышал, что там еще сказал секретарь, потому что в следующий момент в его ухе прозвучал голос, давно ему знакомый, но не слышанный уже несколько лет.

— Игги долбаный Перриш, — сказал Эрик Хеннити.

Иг развернулся и увидел лысого полицейского, сидевшего за монитором в комнате по ту сторону плексигласового окошка. В восемнадцать лет Эрик выглядел тинейджером прямиком

из каталога «Аберкромби и Фитч», крупный и жилистый, с коротко стриженными курчавыми рыжеватыми волосами. Он любил ходить босиком и без рубашки, в джинсах, сползающих на бедра. Теперь же, когда Эрику было почти тридцать, его лицо утратило всякую форму, превратилось в кусок мяса, а волосы стали выпадать, так что он брился наголо, не желая вести безнадежную битву. Эрик в своей лысости был великолепен, вставь ему серьгу в одно ухо, он мог бы играть мистера Чистого в телевизионной рекламе. Он пошел, что было, пожалуй, неизбежно, по папашиней линии — эта профессия давала ему и власть, и законное право иногда причинять людям боль. В те времена, когда Иг и Ли были еще друзьями (если они когда-нибудь были друзьями), Ли как-то упомянул, что Эрик возглавил службу безопасности конгрессмена. Ли даже сказал, что Эрик немного пообмяк. Ли пару раз ходил с ним на рыбалку.

— Конечно, он подкармливает рыбу печеньками выпотрошенных участников маршей протеста, — сказал Ли. — Понимай это, как знаешь.

— Эрик, — сказал Иг, отступив от стола. — Ну как ты?

— Счастлив, — сказал Эрик Хеннити. — Счастлив тебя увидеть. А как у тебя, Иг? Чем ты занимаешься? Убил кого-нибудь на этой неделе?

— У меня все прекрасно, — ответил Иг.

— Только выглядишь ты совсем не прекрасно. Ты выглядишь так, словно забыл принять таблетку.

— Какую таблетку?

— Ну, в общем. Ты наверняка чем-то болен. На улице девяносто градусов, а ты в ветровке и потный, как свинья. Плюс у тебя на голове растут рога, и я знаю, что вообще-то ты точно ненормальный. Конечно же, будь ты здоровым человеком, ты бы никогда не расшиб голову своей подружке и не бросил ее в лесу. Эту маленькую рыженькую щелку. — Хеннити смотрел на Ига с откровенным удовольствием. — А ты знаешь, Иг, что с того времени я стал твоим поклонником? Без балды. Я годами мечтал, чтобы ваша богатенькая сучья семейка опустила на пару ступенек. А особенно твой братец, с этими его долбаными деньгами и супермоделями, еженощно сидящими у него на коленях, а ведь он не занимался честной работой ни дня за всю свою жизнь. Затем появляешься ты и делаешь то, что ты делаешь. Ты обвалил в дерьме имя своей семьи, и они уже в жизни не отмоются. Мне это нравится. Я даже не знаю, что бы ты мог сделать на бис. Как ты думаешь, Иг, что ты можешь сделать на бис?

Игу было очень трудно удерживать свои ноги от дрожи. Хеннити нависал над ним, тяжелее его на сотню фунтов и выше на шесть дюймов.

— Я здесь, чтобы перекинуться с Ли парой слов.

— Я знаю, что ты можешь сделать на бис, — сказал Эрик Хеннити, словно Иг ничего не ответил. — Ты приходишь в офис конгрессмена с полной головой бредовых мыслей и оружием, спрятанным под ветровкой. У тебя же есть оружие, правда? Вот потому-то у тебя и ветровка, чтобы скрыть его. У тебя тут пистолет, и я пристрелю тебя и попаду на первую полосу «Бостон геральд» за то, что пристрелил больного на всю голову братца Терри Перриша. Вот уж точно будет кое-что, верно? Последний раз, когда я видел твоего братца, он предложил мне бесплатные билеты на его программу, если я когда-нибудь доберусь до Лос-Анджелеса. Вот так вот лишний раз подчеркнул, какое он большое говно. А мне бы хотелось стать тем парнем, который героически выстрелит в твою харю, прежде чем ты убьешь кого-нибудь еще. А затем на похоронах я спрошу у Терри, не забыл ли он еще про билетки. Просто чтобы посмотреть, какая у него станет морда. Ну давай, Иг, иди сквозь этот металлодетектор, чтобы дать мне повод разнести к такой-то матери твою умственно неполноценную жопу.

— Я никуда не пойду, подожду снаружи, — сказал Иг, поспешно отступая от двери, его подмышки взмокли от холодного пота, ладони стали влажными.

Когда он локтем открывал дверь, фальшфейер выскользнул, и на какой-то ужасающий момент ему казалось, что тот упадет на пол прямо перед Хеннити, но в последнее мгновение

все же удалось большим пальцем удержать его на месте.

Эрик Хеннити смотрел, как Иг уходит наружу, с почти звериным, голодным выражением лица.

От резкого перехода из яркой приемной в наружное пекло у Ига даже закружилась голова. Небо стало неестественно ярким, потускнело и снова стало ярким. Направляясь в офис конгрессмена, он вроде бы понимал, что делает. Все казалось предельно простым и правильным. Теперь он видел, что ошибался. Нет, он не убьет Ли Турно аварийным фальшфейером (это нужно же было додуматься до такой идиотской глупости). Ли даже не выйдет с ним поговорить.

По пути через парковку Иговы шаги все ускорялись, а вместе и его пульс. Теперь нужно было уехать, вернуться в Гидеон. Найти место, где бы можно было посидеть в одиночестве и спокойно подумать. Привести в порядок свои мысли. После этого денька он испытывал отчаянную необходимость привести свои мысли в порядок. Поехав сюда, он позволил себе поступок настолько опрометчивый и импульсивный, что даже думать об этом было страшно. Какой-то своей частью он предполагал, что с довольно большой вероятностью Эрик Хеннити уже собирает подкрепления и что, если Иг не смоется сейчас же, это вряд ли вообще ему удастся. *(Через десять минут, ворковала другая часть, Эрик вчистую забудет, что ты приходил. Он никогда с тобой не говорил. Он говорил со своим собственным дьяволом.)*

Иг закинул фальшфейер в «гремлин» и захлопнул багажник. Он уже обогнул машину и подошел к водительской двери, когда услышал голос Ли:

— Игги?

Температура Игова тела упала от этого звука на несколько градусов, будто он слишком быстро выпил бутылку очень холодной жидкости. Оглянувшись, он увидел Ли сквозь дрожащие потоки тепла, поднимавшегося от асфальта. Нечеткая, искаженная фигура, то возникающая, то исчезающая, дух, а не человек. Его короткие золотистые волосы сверкали, как объятые пламенем. Рядом с ним стоял Эрик Хеннити, блистая необъятной лысиной, скрестив руки на бочковидной груди, спрятав ладони под мышками.

Хеннити остался у входа в офис, а Ли направился к Игу. Он словно шел не по земле, а по воздуху, тек подобно некой жидкости сквозь оглушительную жару. Однако по мере приближения его контуры становились все более определенными, из текучего иллюзорного духа, порожденного жарой и искаженным светом, он в конце концов превратился в обычного человека, твердо стоящего на земле. На нем были джинсы и белая рубашка, синеворотничковая одежда, делавшая его похожим скорее на плотника, чем на проходимца от политики. Подойдя поближе, он снял зеркальные очки. На шее у него поблескивала тонкая золотая цепочка.

Синева правого глаза Ли была точно в тон выжженному августовскому небу. Повреждение левого глаза отнюдь не создало обычное бельмо, видимое постороннему наблюдателю как молочно-белая пленка на радужке. У Ли развилась кортикальная катаракта, проявлявшаяся в виде звезды светлейшего голубого цвета, прикрывавшей центр его угольно-черного зрачка. Правый глаз, очень ясный и внимательный, смотрел прямо на Ига, в то время как другой словно созерцал что-то далекое. По рассказам Ли, он им видел, но очень смутно. Говоря его же словами, это было словно смотреть сквозь намыленное окно. Правый глаз Ли рассматривал Ига, кто уж там знает, на что смотрел левый.

— Мне передали, — сказал Ли. — Ну, значит, ты знаешь.

Иг был несколько ошарашен. Он никак не ожидал, что даже под влиянием рогов Ли признается так холодно и быстро. Его даже слегка обезоружила застенчивая полуулыбочка Ли, смущенное выражение его лица, словно изнасиловать и убить девушку Ига было все равно что совершить непростительный социальный ляп, вроде как наследить грязными сапожищами на новом ковре.

— Я знаю все, сволочь ты поганая, — сказал Иг дрожащим голосом.

Ли побелел, на его щеках расцвели красные пятна. Он вытянул левую руку, жестом, означавшим «подожди секунду».

— Иг, я не буду искать оправданий. Я знаю, что так нельзя было делать. Я немного перебрал, а она выглядела так, словно нуждалась в друге, и все как-то выбилось из рук.

— И это все, что ты можешь сказать? Все, на хрен, выбилось из рук? Я пришел, чтобы тебя убить.

Какую-то секунду Ли молча на него смотрел, затем он бросил взгляд через плечо на Эрика Хеннити и снова посмотрел на Ига.

— Учитывая твою биографию, тебе, Иг, лучше бы не шутить. После того, что с тобой было из-за Меррин, тебе бы лучше быть поосторожнее с тем, что ты говоришь в присутствии слуг закона. Особенно такого слуги закона, как Эрик. Он не понимает иронии.

— Я говорю безо всякой иронии.

Ли подергал золотую цепочку, обвивавшую его шею, и сказал:

— Правду говоря, со всей этой историей я чувствую себя довольно паршиво. В то же самое время какой-то своей малой частью я даже доволен, что ты узнал Иг, она же тебе совсем не нужна. Без нее тебе гораздо лучше.

Не в силах себя больше сдерживать, Иг издал низкий звериный рев и двинулся на Ли. Он ожидал, что Ли попытается, но тот остался стоять на месте и лишь снова взглянул на Эрика, который в ответ кивнул. Иг бросил взгляд на самого Эрика и застыл. Он впервые заметил, что кобура у Эрика Хеннити пустая. Она была пустой, потому что он держал револьвер в руке и прятал его под мышкой. Иг не видел револьвера, но ощущал его присутствие, ощущал вес, словно держал его сам. И Эрик оружием охотно воспользуется, можно было не сомневаться. Он хотел пристрелить брата Терри Перриша, попасть во все газеты — ГЕРОИЧЕСКИЙ КОП УБИВАЕТ СЕКСУАЛЬНОГО МАНЬЯКА, — и, если Иг хоть пальцем тронет Ли, это даст нужный Эрику предлог. Все остальное сделают рога, которые заставят Хеннити подчиниться своему самому дикому порыву. Именно так они работали.

— Я не знал, что для тебя это так важно, — сказал в конце концов Ли и глубоко вздохнул. — Господи, Иг, да она же просто мусор. Ну да, конечно, у нее доброе сердце, но Гленна всегда была мусором. Я думал, что ты живешь с ней по единственной причине: уехать из родительского дома.

Иг не понимал, о чем это он. На какой-то момент день словно остановился, казалось, что стих даже жуткий треск саранчи. А потом он понял, вспомнил, в чем призналась утром Гленна, — первое признание, вынужденное рогами. Казалось невозможным, что все это было сегодня утром.

— Я говорю не о ней, — сказал Иг. — Как тебе в голову могло прийти, что я говорю о ней!

— Так о ком же ты тогда говоришь?

Иг не понимал. Они же все начинали болтать. Как только они видели Ига, видели его рога, секреты из них так и сыпались. Они не могли и не хотели себя сдерживать. Секретарь хотел погулять в материнском белье, Эрику Хеннити был нужен предлог, чтобы застрелить Ига и попасть в газету, теперь настала очередь Ли, и единственное, в чем Ли признается, — это что дал по пьянке у себя отсосать.

— Меррин, — хрипло сказал Иг. — Я говорю о том, что ты сделал с Меррин.

Ли чуть-чуть наклонил голову, так что правое его ухо уставилось в небо, — как собака, слушающая далекий звук. Он еле слышно выдохнул и почти незаметно покачал головой.

— Не понимаю, Иг, что такого, по твоему мнению, сделал я...

— Убил ее на хрен, вот что. Я знаю, что это ты. Убил и заставил Терри держать язык за зубами.

Ли смерил Ига долгим задумчивым взглядом. Затем он снова взглянул на Эрика — проверяя, подумалось Игу, не слишком ли тот близко, не может ли он слышать их разговор. Не слишком, не мог. Затем Ли снова посмотрел на Ига, и, когда он это сделал, лицо его стало мертвым и пустым. Изменение было настолько разительным, что Иг чуть не закричал от страха — реакция воистину комическая: дьявол боится человека, хотя полагается как раз наоборот.

— Это Терри тебе сказал? — спросил Ли. — Если так, то он проклятый лжец.

Ли был закрыт от рогов некоторым образом, которого Иг еще не понимал. Словно была какая-то стена, которую рога не пробивали. Иг попытался пожелать, чтобы рога сработали, и на какое-то мгновение они переполнили его жаром крови и напряженным давлением, но это продолжалось недолго. Это было как играть на трубе, плотно заткнутой тряпками. Дуй в нее, сколько хочешь, звука все равно не получится.

— Я надеюсь, — продолжил Ли, — что он больше никому этого не рассказывал. И надеюсь, что ты тоже не рассказывал.

— Пока что нет. Но скоро все узнают, что ты сделал.

Да видит ли он рога? Он не сказал о них ни слова.

И вроде бы даже их не замечает.

— Это им совсем ни к чему, — сказал Ли. Затем уголки его рта шевельнулись, и он спросил — Ты все это записываешь?

— Да, — ответил Иг, и ответ был неправильный. Ни один человек, задумавший ловушку, не признается в том, что разговор идет под запись.

— Нет, ничего ты не пишешь. Ты никогда не научишься врать, — сказал Ли и улыбнулся. Его левая рука все теребила цепочку, висевшую у него на шее, вторая рука находилась в кармане. — Очень неудачно, кстати, для тебя. Записывай ты этот разговор, что-нибудь могло бы и получиться. А так я не думаю, чтобы ты что-нибудь мог доказать. Может быть, твой братец и сказал тебе по пьяни... не знаю, но что бы он там тебе ни сказал, я бы на твоём месте выкинул это из головы. И уж точно не стал бы это повторять направо и налево. Сор из избы никогда не доводит до добра, подумай об этом. Ты можешь себе представить, как Терри является в полицию с дикой сказочкой о том, будто это я убил Меррин, но у него нет ничего, кроме его слова против моего, да еще он целый год молчал? И никаких улик в его пользу? Потому что, Иг, улик просто нет, они все исчезли. Если он вылезет с этим рассказом, наилучший для него исход — это конец карьеры. В худшем случае мы оба загремим в тюрьму. Я тебе твердо обещаю, что непременно утащу за собой и его.

Ли вынул руку из кармана и потер костяшкой пальца свой здоровый глаз, словно убирая попавшую в него соринку. На мгновение его правый глаз был закрыт, и он смотрел на Ига поврежденным глазом — глазом, пересеченным белыми спицами. И тут Иг впервые понял, что такого ужасного в этом глазу, что в нем всегда было ужасного. Он не был мертвым, он просто... просто был занят другими делами. Словно имелось два Ли Турно. Первый — давнишний друг Ига, человек, признававшийся перед детьми, что прежде был грешником, человек, сдававший кровь Красному Кресту трижды в год. Второй Ли смотрел на окружающий мир тусклым рыбьим взглядом, со всем сочувствием сома.

Ли удалил то, что было в его правом глазу, уронил руку и тут же сунул ее в карман. И шагнул вперед. Иг отступил так, чтобы до него нельзя было дотянуться. Он не знал, почему он пьитися, не знал, почему ему стало жизненно необходимо держать между собой и Ли Турно хотя бы несколько футов асфальта. На деревьях трещала саранча, жуткий, сводящий с ума звук, мешавший Игу думать.

— Ли, она же была твоим другом, — сказал Иг, обходя свою машину спереди. — Она тебе доверяла, а ты ее изнасиловал, убил и бросил в лесу. Ну как ты мог такое сделать?

— Ты, Иг, не совсем понимаешь главного, — спокойно сказал Ли. — Это не было изнасилованием. Конечно же, ты мне не поверишь, но она точно хотела, чтобы я ее оттрахал. Она била под меня клинья уже несколько месяцев. Посылала мне эсэмэски, играла словами. И вся эта суходрочка происходила за твоей спиной. Она только ждала, пока ты уедешь в Лондон, чтобы мы могли заняться делом.

— Нет, — сказал Иг, ощущая, как кровь прихлынула к его лицу, к участку между рогами. — Она могла еще переспать с кем-нибудь другим, но уж точно, Ли, не с тобой.

— Она говорила тебе, что хочет спать с другими. И о ком, ты думаешь, она говорила? Похоже, Иг, это очень популярная тема для твоих девушек. Меррин, Гленна — рано или поздно все они оказываются на конце моего члена.

Ли оскалил зубы в агрессивной, без тени веселья ухмылке.

— Она сопротивлялась до последнего.

— Я знаю, Иг, что ты, наверное, мне не поверишь, но она и этого хотела. Хотела, чтобы я взял ее силой. Может быть, она в этом *нуждалась*. Это был единственный способ, каким она могла преодолеть свои внутренние запреты. У каждого есть своя темная сторона. Вот и у нее. Ты знаешь, что она кончила, когда я ее трахал. В лесу, со мной. И кончила сильно. Думаю, это было ее тайное желание, чтобы ее взяли в глухом мраке леса. С царапаньем и кувырканием.

— А затем булыжником по голове? — спросил Иг. К этому времени он почти уже обогнул «гремлин» с пассажирской стороны, и Ли следовал за ним. — Такое, значит, было тайное желание?

Ли резко остановился.

— Тут тебе нужно спросить Терри. Этим занимался он.

— Это ложь, — прошептал Иг.

— Но истины, по сути, нет, — сказал Ли. — Истины более-менее значимой. — Золотой крестик, вытасченный из-за ворота его левой рукой, жарко сверкнул на солнце. Ли положил его в рот, секунду пососал, уронил, и крестик снова спрятался за ворот. — Никто не знает, — сказал он, — что было той ночью. Убил ее булыжником я или Терри или это сделал ты, никто никогда не узнает, как все это было. У тебя нет материала для судебного иска, и я вам его никогда не предоставлю, так чего же ты хочешь?

— Я хочу увидеть тебя умирающим, в страхе и грязи, без всякой надежды, как это было с ней, — сказал Иг.

Ли улыбнулся, словно услышал комплимент.

— Так давай же, делай, — сказал он. — Никто же тебе не мешает.

Он быстро шагнул вперед и бросился на Ига, а Иг распахнул дверцу машины с пассажирской стороны, поставив ее между собой и Ли.

Дверца со стуком ударила Ли по ногам, и тут же что-то упало на асфальт — звяк-звяк-хлоп! Иг увидел, как на земле закрутился красный швейцарский армейский нож с трехдюймовым лезвием. Ли покачнулся и шумно выдохнул, а Иг использовал это мгновение, чтобы прыгнуть в машину, передвинуться через пассажирское сиденье и сесть за руль. Он даже не побеспокоился, чтобы закрыть пассажирскую дверцу.

— Эрик! — крикнул Ли. — Эрик, у него нож!

Но «гремлин» уже ожил, а нога Ига нашла педаль газа даже прежде, чем он уселся. «Гремлин» рванулся вперед, и пассажирская дверца захлопнулась. Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, Иг увидел Эрика Хеннити, бегущего по парковке, в его руке был револьвер со стволом, опущенным вниз. Из-под задних колес брызнула асфальтовая крошка, блестящая на солнце как золотая. Отъезжая, Иг еще раз бросил взгляд в зеркальце и увидел Эрика и Ли, стоявших в облаке пыли. Здоровый правый глаз Ли был снова закрыт, и он отмахивался рукой от тучи взлетевшего мусора. А вот полуслепой левый — широко распахнулся и с ненавистью, но вместе с тем и как-то разочарованно смотрел вслед Игу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На обратном пути он ехал не по шоссе, а боковыми дорогами, на обратном пути — куда? Этого он не знал. Иг вел машину автоматически, не осознавая направления. Он не очень понимал, что с ним только что случилось. Или, вернее, понимал, что случилось, но не что это значило. И дело было не в чем-нибудь таком, что Ли сказал или сделал, дело было в том, чего он не сказал, чего он не сделал. Рога его не затронули. Единственный из всех людей, с кем имел сегодня дело Иг, один только Ли сказал ему лишь то, что хотел сказать, все его признания были результатом продуманного решения, а не бессознательного порыва.

Иг торопился поскорее убраться с дороги. Может Ли позвонить в полицию и сказать, что Иг явился к ним в контору в помраченном состоянии ума и бросился на него с ножом?

Нет, вряд ли. Ли не станет впутывать в это дело полицию, пока можно без этого обойтись. И все же Иг соблюдал предписанное ограничение скорости и посматривал в зеркальце заднего вида на предмет патрульных машин.

Он хотел бы холодно контролировать ситуацию на манер доктора Дре,¹ быть непреклонным мерзавцем, но нервы его напряглись до предела, ему не хватало воздуха. Он был на грани эмоционального истощения, в его организме отказывали критически важные системы. Так дальше было нельзя. Ему нужно было наконец разобраться, что же это с ним происходит. Ему нужно было достать где-нибудь долбаную ножовку, острую пилу и спилить с головы эту гадость.

Солнце било в окошко машины короткими вспышками, монотонное гипнотическое повторение. И точно так же в Иговом мозгу вспыхивали образы. Раскрытый швейцарский армейский нож на асфальте, Вера, слетающая с холма в инвалидном кресле, Меррин, десять лет назад, в церкви, посылающая ему крестиком солнечные зайчики, рогатый образ его самого на мониторе службы безопасности конгрессмена, золотой крестик, сверкнувший в предвечернем солнце на шее Ли, — Иг испуганно дернулся и стукнул коленями по баранке. Ему в голову явилась неожиданная и неприятная мысль, невозможная мысль, что Ли носит ее крестик, снятый в качестве трофея с мертвого тела. Но нет же, в ту последнюю ночь крестика на ней не было. И все равно это ее крестик. Это был обычный золотой крестик, такой же, как остальные, без всяких отличительных знаков, и все же Иг был уверен, что это тот самый, который был на Меррин в день, когда он увидел ее впервые.

Иг беспокойно подергал бородку, дивясь, неужели все настолько просто, неужели это крестик Меррин в каком-то смысле отключил рога. А что, ведь говорят, что кресты удерживают вампиров, верно ведь? Нет, это хуже, чем досужие байки, это чушь собачья. Сегодня утром, когда он заходил в дом Господа, отец Моулд и сестра Беннет прямо из кожи вон лезли, чтобы рассказать ему свои тайны и спросить разрешение на грех.

Но отец Моулд и сестра Беннет не находились в церкви. Они находились *под* ней. А это никакое не святое место. Это спортивный зал. Были на них кресты? Был ли в их одежде хоть какой-нибудь знак их веры? Игу вспомнился крест отца Моулда, подвешенный к концу железной штанги, и голое горло сестры Беннет. Ну и что вы на это скажете, Иг Перриш? Иг Перриш не сказал ничего, он вел машину.

Слева мелькнула заколоченная пончиковая, и Иг понял, что тут уже рядом лес, дорога, ведущая вверх, к старой литейной. Он находился менее чем в полумиле от места, где была убита Меррин, того самого места, где прошлой ночью он дал волю своему бешенству, рвал и метал, и ссал, и отключился. Казалось, что все его суточные передвижения каждый раз описывают огромный круг, неизбежно возвращая его туда, откуда он начал.

Он притормозил и свернул направо. «Гремлин» гулко запрыгал по однополосной гравийной дороге, тесно зажатый между купами деревьев. В пятидесяти футах от хайвея дорогу перекрывала цепь со смятой ободранной табличкой «Частная собственность». Иг объехал препятствие и снова вернулся на колею.

Вскоре среди деревьев показалась литейная. Она стояла на голой вершине холма и должна была вроде быть освещенной, но вместо этого казалась темной и мрачной, словно находилась в тени. Возможно, на солнце набежало облачко, однако, прищурившись, Иг увидел все то же невозможно яркое вечернее небо.

Он доехал до поляны, окружавшей остатки литейной, притормозил и вылез из машины, не выключая мотора. В детстве эта литейная всегда казалась Игу развалинами замка, прямым из сказок братьев Гримм, местом в глубине глухого темного леса, куда некий злодей заманивает свои жертвы, чтобы их убить, — в точности как оно потом и случилось. Для подросткового Ига стало большой неожиданностью, что до литейной было совсем недалеко, футов сто от дороги. Он пошел к тому месту, где нашли тело Меррин и где ее друзья и родные устроили нечто вроде мемориала. Путь он знал наизусть, потому что бывал здесь неоднократно. Следом за ним в траве шуршали змеи, но он старался их не замечать.

¹ Доктор Дре (Андре Янг, р. 1965) — известный американский рэпер и продюсер.

Вишневое дерево было там же, где и вчера. Он посрывал с веток все ее фотографии, они так и валялись в траве и кустах. Кора отшелушивалась, обнажая подгнившую красноватую древесину. В тот раз Иг расстегнул ширинку и помочился на траву, на собственные ноги и на лицо пластиковой Девы Марии, засунутой в промежуток между двумя самыми толстыми корнями. Он презирал эту Марию с ее идиотской улыбочкой, символ истории, ровно ничего не значащей, служанку Бога, от которого никому никакой пользы. Иг ни минуты не сомневался, что здесь, на этом самом месте, Меррин вызвала к Богу, когда ее насиловали и убивали, вызвала если не голосом, то в сердце своем Божьим ответом была просьба подождать, пока не освободится линия, временно занятая из-за большого объема поступающих просьб. Вот она и ждала, пока не умерла.

Иг и сейчас мельком взглянул на фигурку Марии, отвел было глаза, но тут же присмотрелся получше. Пластиковую Богородицу словно кто-то поджаривал... Правая половина ее блаженного улыбающегося лица почернела и покорежилась, как от открытого огня, другая половина потекла, словно восковая, исказилась и вроде как нахмурилась. От этой картины у Ига на мгновение закружилась голова, он покачнулся, наступил на что-то круглое и гладкое, выскользнувшее у него из-под ноги, и...

...На мгновение наступила ночь, над головой вихрем кружились звезды, а он взгляделся сквозь ветки и мягко падающие листья и сказал: «Я вижу тебя там, наверху». Сказал кому — Богу? Покачнувшись в темной ночи, прежде чем он...

...шлепнулся задницей на землю. Он опустил взгляд и увидел, что наступил на недопитую бутылку вина — ту самую, которую принес прошлой ночью. Он подобрал бутылку и встряхнул, и послышался отчетливый плеск.

Иг встал, вскинул голову и неуверенно взглянул на ветки почерневшего вишневого дерева. Над головою мягко шелестели листья. Он провел языком по своему липкому, с нехорошим вкусом нёбу, а затем повернулся и пошел назад к машине.

По пути он перешагнул змею или двух, продолжая их игнорировать. Откупорив вино, сделал глоток. Вино было теплое после дня, проведенного на солнце, но Игу это не мешало. Своим вкусом оно напоминало Меррин. Медь и машинное масло. А еще у него был вкус травы, словно за день, проведенный на земле, оно каким-то образом впитало запахи лета.

Мягко подсакивая на заросшей кочкастой лужайке, Иг поехал к литейной. Подъезжая к старому зданию, он ощупывал его глазами на предмет признаков жизни. Во времена его собственного детства жарким августовским вечером здесь собралась бы половина детей Гидеона, собралась бы с самыми различными целями: покурить косяк, выпить пива, поцеловаться, потискаться или ощутить сладкий вкус своей собственной смертности на тропе Ивела Нивела. Но сейчас при последнем свете дня на лужайке было тихо и пустынно. Может быть, после того как здесь убили Меррин, дети перестали сюда ходить. Может быть, они считали, что здесь бродят призраки. Может быть, так оно и было.

Иг подъехал к задней части здания и поставил машину чуть в стороне от тропы Ивела Нивела, в тени большого дуба. С веток дуба свисали синяя юбочка с оборками, длинный черный носок и чье-то пальто, словно дерево плодоносило заплесневелой одеждой. Почти сразу за передним бампером из земли выглядывали ржавые трубы, ведущие прямоком к реке. Иг вышел из машины, захлопнул дверцу и начал осматриваться.

Он не был внутри уже многие годы, но ничего тут вроде бы не изменилось. Крыши давно уже не было, в косом красноватом вечернем свете вздымались кирпичные столбы и арки. На стенах накопилось три десятилетия наслоений граффити. Отдельные надписи были по большей части неразборчивы, но, в общем-то, они не имели значения. Игу казалось, что здесь раз за разом повторяется одно и то же: *Я есть, Я был, Я хочу быть*. Часть одной из стен обрушилась внутрь, дав Игу возможность кое-как пробраться мимо груды кирпичей, мимо тележки, нагруженной ржавыми инструментами. В дальней стороне самого большого помещения находилась топка. Железная дверца топки была настежь распахнута и имела размер достаточный, чтобы пролезть внутрь.

Иг подошел поближе, наклонился и увидел матрас и кучу толстых красных огарков.

Рядом с матрасом валялось грязное, сплошь в пятнах одеяло, бывшее когда-то синим. Дальше, прямо под дымоходом, в круге красноватого света чернели угли потухшего костра. Иг поднял одеяло и понюхал. Оно воняло застарелой мочой и дымом. Он брезгливо уронил его на землю.

На обратном пути к машине за бутылкой и мобильным телефоном Иг был вынужден в конце концов признать, что за ним следуют змеи. Он их слышал, шуршание их тел, извивающихся в сухой траве, общим счетом до дюжины. Он подобрал с земли обломок бетона, повернулся и швырнул его в змей. Одна из них легко уклонилась от удара. Бетонный обломок ни в одну из них не попал. Они замерли, пристально за ним наблюдая при последнем свете дня.

Он старался глядеть не на них, а на машину, но двухфутовый полоз с жестяным стуком упал с дуба прямо на капот «гремлины». Иг с воплем отскочил, а затем бросился вперед и схватил полоза, чтобы отшвырнуть в сторону.

Он хотел схватить его около головы, но получилось неудачно, почти за середину, полоз изогнулся и впился ему в руку зубами. Его палец словно пробило промышленным степлером. Иг крикнул и отшвырнул полоза в кусты, а затем сунул палец в рот и ощутил вкус крови. Насчет яда он не беспокоился, в Нью-Гэмпшире не водились ядовитые змеи. Нет, не совсем так. Дейл Уильямс водил Ига и Меррин в походы по Белым горам и несколько раз говорил им опасаться гремучников. Только это всегда говорилось весело, чуть ли не подмигивая, и Иг никогда не слышал ни от кого другого про гремучников в Нью-Гэмпшире.

Он резко развернулся к своей рептильной свите. Их собралось уже штук двадцать.

— Отстаньте, на хрен! — рявкнул он.

Змеи замерли, наблюдая за ним из высокой травы сторожками, с вертикальным зрачком глазами, а затем начали рассеиваться, уползать в пыльный бурьян. Игу показалось, что, удаляясь, некоторые из них бросали на него разочарованные взгляды.

Иг дошел до литейной, вскарабкался к дверному проему, находившемуся в нескольких футах над землей, и повернулся, чтобы бросить последний взгляд на сгущавшиеся сумерки. Одна из змеек не сделала, как ей было сказано, а приползла к развалинам вслед за ним. Она беспокойно шуршала прямо вниз, маленький, красиво окрашенный ужик, глядевший вверх с возбужденным видом поклонницы какой-нибудь рок-звезды, отчаянно мечтающей быть замеченной и как-нибудь отмеченной вниманием.

— Уползай куда-нибудь и поспи, ночь будет холодная! — крикнул Иг.

Может быть, это был плод его воображения, но ужик вроде бы засуетился еще быстрее, почти экстатически. Он напомнил ему сперматозоида, плывущего по родовому каналу, теряя по пути эротическую энергию, — несколько обескураживающая линия размышлений. Иг резко развернулся и убрался оттуда со всей возможной скоростью.

Он сидел в топке с бутылкой в руке, и с каждым глотком вина окружавшая его тьма раскрывалась и ширилась, становилась все более непроглядной. Когда был выпит последний глоток мерло и пропал всякий смысл присасываться к бутылке, Иг начал вместо этого сосать укушенный змеей палец.

Иг даже и не думал о том, чтобы лечь спать в «гремине», — у него сохранились плохие воспоминания о последнем разе, когда он там уснул, да и вообще ему не улыбалось проснуться и увидеть ветровое стекло, сплошь устланное змеями.

Хотелось как-нибудь зажечь огарки, но Иг сомневался, чтобы ради этого стоило возвращаться к машине, где была сигаретная зажигалка. Чего уж ему точно не хотелось, так это идти в темноте чуть ли не прямо по змеям. В том, что они еще там, не было сомнений.

И вдруг Ига осенило, что зажигалка или спички могут быть здесь, в этой топке, и он полез в карман за мобильником, чтобы осмотреться при свете экрана. Но когда он сунул руку в карман, там вместе с телефоном обнаружилась картонная коробочка, похожая на ошупь, но этого просто не могло быть...

Спичечный коробок. Достав его из кармана, он уставился на него, чувствуя, как спина

покрывается гусиной кожей, и не только потому, что никогда не курил и не мог понять, как у него оказался этот коробок.

Надпись на этикетке, выполненная замысловатым черным шрифтом, гласила, «Спички „Люцифер“»,¹ здесь же был нарисован черный силуэт танцующего дьявола с запрокинутой головой, закрутившейся бородкой и рогами, уставленными в небо.

И на какой-то момент оно почти что вспомнилось, оказалось в дразнящей близости, то, что случилось предыдущей ночью, что он тогда сделал, но при попытке схватить и удержать оно мгновенно ускользнуло. Оно было такое скользкое, поймать его было столь же трудно, как змею в траве. Иг открыл коробок спичек «Люцифер». Несколько дюжин спичек со зловещего вида красновато-черными головками. Длинные, толстые, вроде каминных спичек. От них пахло подтухшими яйцами, и Иг подумал, что они, наверное, очень старые, что будет чудо, если хоть одна зажжется. Он провел одной из них по чиркалке, спичка зашипела и вспыхнула с первой же попытки.

Иг начал зажигать огарки. Их было счетом шесть, расставленных приблизительно полукругом. Уже через секунду они отбрасывали на кирпичные стенки печки красноватый свет, и он увидел сверху, на выпуклом своде свою собственную тень, то выраставшую, то уменьшавшуюся. Самой заметной чертой этой тени были рога. Взглянув на свою руку, он увидел, что спичка уже догорела и потухла, дойдя до пальцев. Иг этого даже не заметил. Не ощутил никакой боли, когда пламя коснулось его кожи. Он потер большой палец об указательный, глядя, как отпадают обгорелые остатки спички. Указательный палец, укушенный полозом, уже не болел. При неверном свете он даже не мог найти ранку.

А сколько сейчас времени? Часов у него не было, зато был мобильник. Он включил его и увидел, что уже без скольких-то минут девять. Аккумулятор почти разрядился, а в телефоне было пять голосовых сообщений. Он приложил трубку к уху и воспроизвел их по очереди.

Первое: «Иг, это Терри. Вера в больнице. Тормоз на ее каталке отказал, она скатилась вниз и ударилась о забор. Еще сильно повезло, что осталась жива. Она расшибла свое долбаное лицо и сломала пару ребер. Ее положили в интенсивную терапию, и сейчас еще слишком рано, чтобы выпить вусмерть. Перезвони мне».

Щелчок, и Терри оборвал связь. Никаких упоминаний об их утренней встрече на кухне, но это Ига ничуть не удивило. Для Терри они просто не встречались.

Второе: «Иг, это звонит мама. Я знаю, что Терри рассказал тебе про Веру. Врачи держат ее без сознания на капельницах морфия, но, слава богу, состояние стабильное. Я говорила с Гленной. Она не знает, куда ты пошел. Позвони мне. Я знаю, мы сегодня утром с тобой говорили, но в голове у меня сплошная каша, и я не помню о чем. Я тебя люблю».

Иг не мог не рассмеяться. Ну и сильны же врать люди. Врут и себе, и другим и даже ни разу не запнутая.

Третье: «Привет, мальчонка. Папа. Думаю, ты уже слышал, что твоя бабушка Вера прошибла забор, как взбесившийся грузовик. Я спокойно лег, чтобы поспать перед ужином, а когда проснулся, во дворе уже стояла „скорая“. Тебе нужно поговорить с мамой, она очень расстроена. — Сделав паузу, отец добавил. — Я видел про тебя забавнейший сон».

Предпоследнее было от Гленны. «Твоя бабушка в травматологии. Ее инвалидное кресло как-то там снялось с тормоза, покатилося и врезалось в забор вашего дома. Я не знаю, где ты сейчас и что ты делаешь. Заходил твой брат, искавший тебя. Если ты получишь это сообщение, ты нужен твоей семье. Тебе нужно сходить в больницу. — Гленна негромко рыгнула. — *P-p-x*. Прости, пожалуйста. Утром я съела одну из этих магазинных пышек, и, наверное, они протухли. Если, конечно, магазинные пышки вообще могут протухнуть. Живот весь день так и болит. — Она сделала паузу и продолжила — Я бы тоже сходила с тобой в больницу, но мы с твоей бабушкой совсем не знакомы, а твоих родителей я почти не знаю. Я тут сегодня подумала: очень странно, что я с ней почти не знакома. Или не странно. Может быть, даже совсем не странно. Ты, Иг, самый лучший в мире парень, я всегда так думала. Но

¹ «Люциферами» назывались (с 1830-х гг. в Англии) первые спички промышленного производства — с головками на основе белого фосфора, зажигающиеся при трении о любую шершавую поверхность.

пожалуй, где-то в глубине ты всегда вроде как стыдился, что гуляешь со мной после стольких лет с *ней*. Потому что она была такая хорошая и чистая и никогда не делала ошибок, а я — сплошные ошибки и дурные манеры. Но я тебя ничуть не осуждаю. За то, что ты стесняешься. Если разобраться, я и сама-то себя не слишком высоко ценю. А сейчас я очень о тебе беспокоюсь. Береги свою бабушку. И себя».

Это сообщение застало Ига врасплох, а может быть, его застала врасплох его собственная на него реакция. Он был готов презирать Гленну, ненавидеть ее, но не вспоминать, почему она ему нравится. Гленна свободно и непринужденно распоряжалась своей квартирой и своим телом, никогда не держала против него его жалость к себе и его дурацкую одержимость убитой Меррин. И в общем-то, она была права. Иг жил с ней, потому что на каком-то там уровне ему было лучше находиться в обществе существа, столь же задолбанного, что и он, существа, на которое даже он мог смотреть сверху вниз. С Гленной во всем была сплошная неразбериха, начиная с татуировки в виде «плейбойного» кролика, происхождения которой она не помнила — слишком уж была пьяная, и историй про драки на концертах и про копов, поливавших ее перченым спреем. У нее было с полдюжины связей, и все какие-то не такие: женатый мужчина, распускавший руки торговец травкой, парень, который делал ее снимки и показывал их друзьям. Ну и конечно же, Ли.

Иг снова задумался о ее утреннем признании, признании, относившемся к Ли, к Ли, бывшему ее первой любовью, воровавшему ради нее. Иг никак не ожидал, что у него в отношении Гленны может пробудиться собственнический инстинкт. Ему никогда и в голову не приходило, что их отношения были в каком-то роде исключительными — они просто жили в одной квартире и время от времени трахались, ни в коем случае не были парой с каким-то будущим, — но при мысли о Гленне, встающей перед Ли на колени, и о Ли, запикивающей ей в рот, Иг буквально слабел от отвращения, граничащего с ужасом. От одного уже предположения, что Ли Турно может находиться где-то рядом с Гленной, Игу становилось нехорошо и страшно за нее, но размышлять об этом было некогда. Телефон перешел на последнее сообщение, и в ухе Ига снова послышался голос Терри.

«Я все еще в больнице, — сказал Терри. — Честно говоря, я больше беспокоюсь за тебя, чем за Веру. Никто не знает, куда ты подевался, и ты не отвечаешь на долбанный телефон. Я заглянул в вашу квартиру. Гленна сказала, что с прошлой ночи так тебя и не видела. Вы с ней что, поцапались? Она выглядит довольно скучно. — Терри помолчал, а когда заговорил снова, слова звучали так, словно были обдуманы и подобраны с какой-то неестественной тщательностью. — Я знаю, что со времени, как вернулся домой, мы с тобой говорили, но я не помню, договорились ли о чем-нибудь. Не знаю, и все тут. С моей головой что-то не в порядке. Получив это сообщение, позвони мне. Сообщи, где ты находишься». Иг думал, что это все, что Терри повесит трубку, но вместо этого послышался неровный прерывистый вдох, а затем брат хрипло, испуганно спросил: «Почему я не могу вспомнить, о чем мы говорили, когда говорили в последний раз?»

Каждый из огарков бросал на искривленный кирпичный потолок отдельную тень, так что над Игом столпились шесть безликих дьяволов, плакальщиков в черном, собравшихся над чьим-то гробом. Они раскачивались из стороны в сторону в такт только им и слышному похоронному пению.

Иг пожевал свою бородку, все еще беспокоясь о Гленне, гадая, не станет ли Ли Турно искать его сегодня у Гленны, ведь тогда он к ней зайдет. Но ее телефон оказался включен на автоответчик: пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала. А какие тут могут быть сообщения? *Привет, старушка, сегодня меня дома не будет... Я не хочу возвращаться, пока не придумаю насчет этих моих рогов. Да, кстати, не сиси сегодня член Ли Турно. Он плохой мальчик*. Если Гленна не подходит к телефону, значит, уже спит. Она же говорила, что плохо себя чувствует. Ну и хватит тогда, забудем. Ли не станет посреди ночи ломать ей дверь топором. Он захочет устранить угрозу, исходящую от Ига, с минимальным для себя риском.

Иг поднес бутылку к губам, но оттуда ничего не вытекло. Какое-то время назад он ее

опустошил, и она так и оставалась пустой. Это его вконец расстроило. Мало того что он был исключен из человеческого сообщества, так приходилось еще быть трезвым. Он развернулся, чтобы отбросить бутылку, но замер, глядя в раскрытую дверцу топки.

Змеи нашли себе путь в литейную, так много, что у него перехватило дыхание. Сколько их тут, сто? Никак не меньше, в этом шевелящемся переплетении перед дверцей топки, черные змеиные глаза загадочно поблескивают в свете свечей. После секундной нерешительности он завершил бросок, и бутылка ударилась о пол прямо перед ними, брызнув во все стороны осколками стекла. В большинстве своем змеи мгновенно ускользнули, исчезнув из виду в куче кирпича и многочисленных дверных проемах. Некоторые, однако, лишь немного отступили и тут же остановились, глядя на него с явной укоризной.

Иг захлопнул дверцу топки, бросился на грязный матрас и натянул на себя не менее грязное одеяло. В его голове звучал беспорядочный шум, люди кричали на него, признавались в своих грехах, просили соизволения совершить новые, и он уже не надеялся найти сон, но сон нашел его сам, натянул на его голову черный мешок и выдавил из него остатки сознания. Шесть следующих часов он был все равно что мертвый.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Игги проснулся в топке, завернутый в старое, с пятнами от мочи одеяло. Освежающий холодок создавал впечатление силы и благополучия. В прояснившуюся после сна голову пришла неожиданная мысль, счастливейшая из его мыслей. Это ему приснилось — все это. Все, что случилось за последние сутки. Ну да, он в полном пьяном безобразии обоссал крест и Деву Марию, проклинал Бога и свою жизнь, был охвачен всепожирающей яростью — да, все это было. Но потом, когда отключилось сознание, он как-то сумел добраться сюда, в эту литейную, и вырубился. Все остальное являлось таким себе особо живым кошмаром: как он обнаружил у себя рога, как слушал одно за другим ужасные признания, что логически завершилось наихудшим из них — страшным, невозможным секретом Терри. А потом ему привиделось, что он снял инвалидное кресло с тормоза и толкнул Веру вниз по склону, зашел в конгрессменский офис и там схлестнулся с Ли Турно и Эриком Хеннити и, наконец, обосновался здесь, в этой литейной, прячась от толпы влюбленных змей в допотопной сталеплавильной печи.

Облегченно вздохнув, Иг поднес руки к вискам. Его рога были тверды как кость и исполнены неприятного лихорадочного жара. Он открыл было рот, чтобы закричать, но кто-то его опередил.

Железная дверца и искривленные кирпичные стенки приглушали звуки, но откуда-то, словно издалека, он услышал резкий болезненный крик и следом за ним хохот. Кричала девушка. Она кричала: «Ну пожалуйста!» Она кричала: «Перестань, не надо!» Иг открыл железную дверцу топки, в его голове гулко колотился пульс.

Он выбрался через люк в чистый ясный свет августовского утра. Слева, из проема, ведущего наружу, донесся еще один дрожащий крик, полный страха — или боли. На каком-то полусознанном уровне Иг впервые заметил хриловатую грубость кричащего голоса и понял, что кричит совсем не девушка, а парень, а голос звучит так тонко, скорее всего, от ужаса. Иг не замедлил шаги, а босиком пробежал по бетону мимо тележки, заваленной старыми, ржавыми инструментами. Он схватил с тележки лежавшее сверху, даже не посмотрев, что это такое, лишь бы не быть с пустыми руками.

Они были снаружи, на растресканном асфальте: трое в более или менее нормальной одежде и один, украшенный только пятнами грязи и белыми подштанниками, из которых он уже вырос. Этому мальчику, тощему и с длинным торсом, было, пожалуй, не больше тринадцати, все остальные были уже старшеклассники.

Один из них, мальчишка с головой, гладко выбритой, на манер электрической лампочки, сидел на почти голом мальчишке и курил сигарету. В нескольких шагах за ним находился

толстый парень в безрукавке. С лицом потным и ликующим, он прыгал с ноги на ногу, тряся сиськами. Самый старший из них стоял чуть слева, держа за хвост маленького извивающегося болотного ужа. Иг узнал в этой змейке — невозможно, но правда — ту самую, которая вчера вечером не хотела от него отстать. Она изгибалась, пытаясь укусить мальчишку, но никак не могла. В другой руке этого третьего мальчишки был садовый секатор. Иг стоял в дверном проеме позади мальчишек, глядя на них с высоты в шесть футов.

— Хватит! — кричал раздетый мальчишка. Лицо его было перемазано грязью, но кое-где слезы промыли в грязи гладкие полосы розовой кожи. — Перестань, Джесси! Хватит!

Курильщик, Джесси, сидевший на мальчике, стряхнул на его лицо горячий пепел.

— Заткнись на хрен, Молофей. Хватит будет, когда я скажу «хватит».

У Молофея уже было несколько сигаретных ожогов. Иг видел на его груди три ярко-красных пятна воспаленной кожи. Джесси передвигал сигарету от одного ожога к другому, держа ее в дюйме от Молофеевой кожи. Тлеющий уголек рисовал приблизительно треугольник.

— Ты знаешь, почему я выжег треугольник? — спросил Джесси. — Так нацисты метили пидоров. Вот такая будет твоя метка. Я бы изобразил чего повеселее, если бы ты не вопил как резаный. И к тому же у тебя изо рта воняет, как грязным членом.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся толстый мальчишка. — Ну и шутник же ты, Джесси.

— У меня тут есть лучшее средство избавиться от этой вони, — сказал мальчишка со змейкой. — Нечто, чем можно отмыть твой рот.

Говоря, он раздвинул лезвия секатора, вложил между ними голову ужа и, действуя одной рукой, отхватил ей голову. Ромбовидная головка упала на асфальт с жестким звуком, похожим на звук падения резинового шарика. Туловище змейки извивалось и дергалось, но постепенно, после многих судорожных рывков, совершенно распрямилось.

— Бона! — крикнул Жирный, прыгая с ноги на ногу. — Здорово ты, Рори, гильотинировал эту суку!

Рори присел на корточки рядом с Молофеем. Из перерезанной шеи змеи быстрыми толчками выбивалась кровь.

— На, пососи, — сказал Рори, суя змею Молофею в лицо. — Тебе только и нужно, что ее пососать, и Джесси отстанет.

Джесси хохотнул и глубоко затянулся сигаретой, так что уголек на конце стал ядовито-красным.

— *Хватит!* — сказал Иг, не узнав свой собственный голос, глубокий гулкий голос, словно шедший из какой-то бочки, и в тот же момент сигарета во рту Джесси с яркой вспышкой взорвалась.

Джесси завопил и упал с Молофея в высокий бурьян. Иг спрыгнул с бетонной площадки в траву и ткнул ручкой своего инструмента в живот жирного мальчишки. Это было как садануть в надутую покрышку, под ручкой ощущалось упругое дрожащее сопротивление. Жирный закашлялся и отступил.

Иг развернулся и уставил конец инструмента на парня по имени Рори. Рори отпустил ужа, тот ударился об асфальт, отчаянно извиваясь, словно в нем еще сохранилась жизнь и он пытался уползти.

Рори медленно поднялся на ноги и отшагнул назад, прямо на кучу деревянных бочек, пустых канистр и ржавой проволоки. Этот мусор сдвинулся у него под ногами, он покачнулся и плюхнулся задом. И все это время он глядел на то, что уставил на него Иг: древние вилы с тремя изогнутыми ржавыми зубцами.

Легкие Ига ощущали нечто вроде ожога, как то бывает перед приступами астмы, и он глубоко выдохнул, пытаясь избавиться от стеснения в груди. Из его ноздрей рванулся дым. Краем глаза он увидел, как раздетый мальчишка привстает на колени, вытирая лицо дрожащими руками.

— Я хочу убежать, — сказал Джесси.

— Я тоже, — сказал Жирный.

— Оставим Рори умирать здесь в одиночку, — сказал Джесси. — Что он для нас хоть когда-нибудь сделал?

— Из-за него меня на две недели исключили за то, что затопил туалет, а я ведь даже дырку пробкой не затыкал, — сказал Жирный. — Я просто стоял и смотрел. Так что ну его на хрен, я хочу жить.

— Бегите тогда отсюда, — посоветовал им Иг, Джесси и Жирный дружно повернулись и рванули в лес.

Иг опустил вилы, воткнул их в землю и прислонился к ручке, глядя сверху на мальчишку, сидевшего на гряде хлама. Рори даже не пытался встать, а только смотрел на него огромными зачарованными глазами.

— Расскажи мне, Рори, самый плохой твой поступок, — попросил Иг. — Я хочу знать, новичок ты в таких гадостях или делал и хуже.

— Я украл у мамы две двадцатки, чтобы купить пива, — четко отпартовал Рори, — а Джордж, мой старший брат, отлупил ее, когда она сказала, что не знает, куда девались деньги. Джонни решил, что она все просадила в лотерею, а теперь врет. А я промолчал, потому что боялся, что он и меня побьет. Когда он ее ударил, звук был как ногой по арбузу. Ее лицо никогда уже не стало нормальным, и мне каждый раз становится нехорошо, когда я целую ее на ночь, и я отвожу глаза. — По мере того как Рори говорил, в паху его шортос все шире расплзалось темное пятно. — Ты меня убьешь?

— Не сегодня, — сказал Иг. — Иди, я тебя отпускаю.

То, как воняла моча Рори, буквально его ошарашило, но он старался этого не показать.

Рори изогнулся и кое-как встал. Его ноги заметно дрожали. Он начал отступать к деревьям, пятясь и не сводя глаз с Ига и его вил. Он не видел, куда идет, и чуть не наткнулся на Молофея, все еще сидевшего на земле в своих белых подштанниках и не зашнурованных кроссовках. Молофей прижимал к груди охапку одежды и смотрел на Ига такими же глазами, какими мог бы смотреть на что-нибудь мертвое, на иссохший труп.

— Тебе помочь? — спросил Иг, шагнув в его сторону.

Молофей вскочил на ноги, как подброшенный пружиной, и попятился на несколько шагов.

— Не тронь меня, не подходи!

— Не давай ему до тебя дотронуться, — тревожно посоветовал Рори.

Иг поймал взгляд Молофея и сказал, вложив в свой голос все спокойствие, на какое был сейчас способен:

— Я просто хотел помочь.

Верхняя губа Молофея была втянута со вполне очевидным омерзением, но в его глазах застыло какое-то оглушенное выражение, хорошо уже знакомое Игу, — выражение, обозначающее, что рога начинают выказывать свое действие.

— Ты не помогал, — сказал он. — Ты все, на хрен, испортил.

— Они тебя жгли, — напомнил Иг.

— Ну и что? Все первогодки, входящие в команду по плаванию, получают отметину. Мне только и нужно было, что пососать маленькую змейку, чтобы все видели, что мне нравится вкус крови, и я стал бы заодно со всеми. А ты пришел и все испортил.

— Убирайтесь отсюда к черту! Оба.

Рори и Молофей дернули изо всех сил. Остальные двое ждали их на краю поляны, и, когда Рори с Молофеем подбежали, все они секунду постояли в хвойной душистой полутьме.

— Кто он такой? — спросил Джесси.

— Страшный, — сказал Рори. — Очень страшный.

— Я просто хочу уйти отсюда, — сказал жирный мальчишка. — И забыть про все это.

Тут у Ига появилась идея, он шагнул вперед и окликнул мальчишек:

— Нет. Не забывайте. Помните, что тут есть что-то очень страшное. Расскажите это всем. Скажите им, чтобы держались подальше от старой литейной. Она теперь моя.

Интересно вот только, способны ли его новообретенные силы убедить их не забывать

— точно так же, как обычно все его забывают. У него получалось быть весьма убедительным в других вопросах, так что, может, и здесь получится.

Еще какой-то момент мальчишки зачарованно на него смотрели, а затем Жирный бросился бежать, а следом за ним и остальные. Иг смотрел им вслед, пока они не исчезли. Затем подобрал обезглавленную змею кончиком вил — из нее все капала и капала кровь — и отнес в литейную, где похоронил под кирпичным курганом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Поближе к полудню Иг сходил в лес посрать и свесил задницу с края пня, опустив шорты до самых лодыжек. Когда он начал вставать, в его трусах оказался уж длиной не меньше фута. Он дико завопил, схватил его и откинул в прошлогоднюю прелую листву.

Он подтерся какой-то газетой, но все еще чувствовал себя не совсем чистым и спустился по тропе Ивела Нивела, чтобы побродить по воде голышом. Речка приятно холодила его голую кожу, он закрыл глаза, оттолкнулся от берега и отдался течению. Саранча гармонично трещала, производя однообразные звуки, которые нарастали и затихали, нарастали и затихали, напоминая дыхание. Дышалось ему легко, но, открыв глаза, он увидел водяных змей, шнырявших под ним, как торпеды, завопил дурным голосом и торопливо выбрался на берег. По пути он осторожно перешагнул через то, что ему показалось длинным, подгнившим в воде бревном, но тут же, передернувшись, отпрыгнул — бревно ускользнуло в мокрую траву, полоз длиной с него самого.

Иг думал укрыться от них в литейной, но и там укрытия не было. Сидя в печи на корточках, он наблюдал, как они собираются за дверцей, проскальзывают в щели между кирпичами, падают из открытых окон. Казалось, вся внутренность печи превратилась в нечто вроде ванной, и кто-то открыл краны, подающие холодных и горячих змей. Они непрерывно втекали внутрь, разливались по полу, жидкая колышущаяся масса.

Иг убито за ними наблюдал. В его голове мерно гудели мысли, сходные по тону и назойливости с треском саранчи. Весь лес оглашался саранчиными песнями, самцы призывали к себе самок все тем же, доводящим до сумасшествия призывом, повторявшимся без конца.

Рога. Рога передавали некий сигнал, похожий на трахальную мелодию саранчи. Они передавали постоянный призыв по каналу «Змеиное радио»: *Эта песня будет специально для вас, меняющие кожу слушатели.* «Змеиное буги». Пение труб вызывало из тени и змей, и грехи, выманивало их из укрытий, чтобы себя показали.

Далеко уже не в первый раз Иг задумывался о том, чтобы спилить рога. Там в тележке он видел длинную, ржавую, с кривыми зубьями пилу. Но ведь рога, они являлись частью его тела, они росли из черепа, соединяясь с остальным скелетом. Он осторожно нажал большим пальцем на кончик левого рога и нажимал все сильнее, пока не почувствовал резкий укол, отдернул руку и увидел рубиново-красную капельку крови. Его рога стали самой реальной, самой осязаемой вещью в мире, и трудно было даже себе представить, как бы он стал пилить их пилой. Его страшила сама уже мысль о крови, которая хлынет, о рвущей на части боли. Это будет все равно что отпиливать свою собственную ногу. Для удаления рогов потребуются хирург и общий наркоз.

Вот только любой хирург, подвергнутый их воздействию, усыпит наркозом сестричку, а когда она будет без сознания, оттрахает ее на операционном столе. Иг нуждался в каком-нибудь способе выключить сигнал, не лишаясь никаких частей своего тела, вывести из эфира «Змеиное радио», как-нибудь его утихомирить.

А если уж это никак, вторым по практичности планом было отправиться куда-нибудь, где змей просто нет. Он не ел уже двенадцать часов, а в субботу утром Гленна работает в своем салоне, наводя красоту на прически и брови. Так что дома ее нет, квартира и холодильник будут в полном его распоряжении. Кроме того, он оставил там все наличные и большую часть своей одежды. Может быть, он черкнет ей записочку насчет Ли («Дорогая

Гленна, забежал перекусить, взял кое-что из шмоток, какое-то время меня не будет. Избегай Ли Турно, он убил мою прошлую подружку. С любовью, Иг»).

Он забрался в «гремлин» и вышел из него через четверть часа на углу перед домом Гленны. На него сразу же обрушилась жара, это было как открыть дверцу духовки, включенной на жарку. Впрочем, Иг не возражал.

Он подумал, не стоит ли объехать пару раз квартал, проверить, не ждут ли здесь копы, чтобы арестовать его за то, что вчера он бросился с ножом на Ли Турно. Но затем решил, что лучше уж рискнуть и прямо войти. Если там затаились Штурц и Посада, можно подействовать на них рогами, пускай себе делают «шестьдесят девять». Эта мысль заставила его ухмыльнуться.

Иг поднимался по гулкой лестнице в одиночку, если не считать рогатой тени в двенадцать футов высотой, шедшей впереди него по пути на верхний этаж. Уходя, Гленна не заперла дверь, что было на нее не похоже. Наверное, думала о чем-то другом, беспокоилась за него, гадала, где он сейчас. А может, просто заспалась и убегала в спешке. Скорее, так оно и было. Иг был ее будильником, тормозил, чтобы проснулась, и варил ей кофе. Гленна была не из жаворонков.

Иг толкнул дверь и осторожно вошел. Он ушел отсюда совсем недавно, вчерашним утром, и все же сейчас чувствовал себя так, словно никогда здесь не жил, видел Гленнины комнаты впервые. Вся мебель была — хлам с дешевой распродажи: подержанная, вся в пятнах вельветовая кушетка, лопнувшее бескаркасное кресло, из которого лохмами свисала какая-то синтетика. Тут не было почти ничего, относившегося прямо к нему, никаких фотографий и личных предметов, только несколько книг в бумажной обложке на полочке, несколько компакт-дисков и покрытое лаком весло с их именами. Весло осталось от его последнего лета в лагере «Галилея» — он учил там метать копье, его тогда избрали Советником года. Все остальные советники тоже расписались, как и дети из их палатки. Иг не мог припомнить, как оно здесь оказалось и что он думал с ним делать.

Он заглянул через окошко на кухню. На засыпанном крошками столе стояла пустая коробка из-под пиццы. В раковине горой лежали выщербленные тарелки, над ними деловито гудели мухи.

Гленна время от времени говорила ему, что ей нужны новые тарелки, но Иг не понимал никаких намеков. Он попытался вспомнить, купил ли он когда-нибудь Гленне что-нибудь красивое и приятное. На ум приходило только пиво. Когда она была старшеклассницей, Ли Турно хотя бы украл для нее кожаную куртку. Это воспоминание заставило Ига поморщиться: оказывается, в каком-то отношении Ли был лучше его.

Сейчас мысли о Ли были Игу совсем ни к чему, они заставляли его чувствовать себя несчастным. Иг собирался просто приготовить себе легкий завтрак, упаковать свои вещи, прибраться на кухне, написать записку и уйти — именно в таком порядке. Он не хотел, чтобы кто-нибудь застал его здесь: его родители, брат, полицейские, Ли Турно. Куда безопаснее было в литейной, где вероятность на кого-нибудь наткнуться приближалась к нулю. Да и вообще, тусклая неподвижная атмосфера квартиры, влажный тяжелый воздух действовали ему на нервы. Он никогда не думал, что эта квартира такая маленькая и затхлая. А вот еще: все жалюзи опущены. Они с Гленной не опускали их месяцами.

Иг нашел ковшик, налил его, поставил на плиту и врубил максимальную мощность. В хозяйстве оставалось ровно два яйца, Иг положил их в воду вариться. Проходя по короткому коридору в спальню, он должен был перешагнуть через юбку и трусы, брошенные Гленной где попало. В спальне жалюзи тоже были опущены, но это не вызывало вопросов. Иг не стал включать свет, не нуждался в зрении, он и так знал, где что находится.

Он повернулся к комоду и удивленно нахмурился. Все ящики торчали наружу, и его и Гленны. Этого Иг не понимал, он никогда не оставлял их так, да и Гленна тоже. Может быть, кто-то порывлся в его вещах — ну, скажем, Терри, пытавшийся выяснить, что с ним случилось. Но нет, Терри не станет играть в частного детектива. Иг чувствовал, что мелкие

подробности складываются в более широкую картину: входная дверь открыта, жалюзи опущены, так что никто не заглянет в квартиру, комод перерыт. Все это складывалось вместе, но прежде чем Иг сообразил, как именно, он услышал звук спускаемого туалетного бачка.

Он крайне удивился, потому что не видел на парковке Гленниной машины, и не мог себе представить, с какой такой радости Гленна дома. Он уже открыл рот, чтобы крикнуть ей, дать знать, что он пришел, когда дверь сортира открылась и в коридоре появился Эрик Хеннити.

Одной рукой он придерживал штаны, а в другой у него был журнал «Роллинг стоун». Эрик поднял глаза и уставился на Ига. Иг уставился на него. Эрик разжал руку и выпустил журнал, а потом подтянул штаны и застегнул пояс. По какой-то непонятной причине на нем были синие резиновые перчатки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Иг.

Эрик вынул из петли на поясе деревянную полицейскую дубинку, окрашенную в вишневый цвет.

— Понимаешь ли, — сказал он, — Ли хочет с тобой поговорить. Ты уже все сказал вчера, а он не успел договорить. А ты же знаешь Ли Турно. Он любит, чтобы за ним оставалось последнее слово.

— Он тебя послал?

— Только последить за квартирой. Посмотреть, не зайдешь ли ты. — Эрик нахмурился какой-то своей мысли. — С твоим появлением у конгрессмена какая-то полная хреновина. Кажется, эти твои рога совсем меня запутали. До самого этого утра я совсем не помнил, что они у тебя вообще есть. Ли говорит, что вчера мы с тобой говорили, но я себе даже не представляю о чем. — Он медленно покачал дубинку в правой руке. — Может быть, это не имеет значения. Чаще всего разговоры — дерьмо собачье. Вот Ли — он говорильщик. А я в основном делатель.

— И что же ты собираешься делать? — спросил Иг.

— Тебя.

Почкам Ига показалось, что они плывут в очень холодной воде.

— Я буду кричать.

— Ага, — кивнул Эрик. — Я этого с нетерпением жду.

Иг прыгнул к выходу, но выход был в той же самой стене, что и дверь в ванную, и Эрик бросился направо, чтобы отрезать ему путь. Иг двигался, как брошенный пружиной, уклоняясь от Эрика и пытаясь достичь выхода раньше его, но в то же время в его мозгу промелькнула ужасная мысль: нет, ничего не получится. Эрик держал свою вишневую дубинку, как футболист — футбольный мяч перед дальним пробегом.

Иговы ноги в чем-то запутались, он попытался сделать следующий шаг, но не смог. Его лодыжки что-то держало, и он потерял равновесие. Подоспел Эрик со своей дубинкой. Рядом с головой Ига раздался негромкий свист, а затем резкий удар и хруст, дубинка ударила по дверному косяку и вырвала кусок дерева размером с детский кулак.

Падая на пол, Иг выставил руки, что, наверное, спасло его нос от второго перелома. Взглянув вниз между расставленных локтей, он увидел, что ноги его запутались в Гленниных сброшенных трусах — черный шелк с рисунком в виде красных дьяволят. Отбрасывая ногой трусы, он почувствовал, что за ним стоит Эрик, и понял, что если попытается встать, то получит этой тяжелой дубинкой по черепу. Поэтому он не стал вставать, а суетливо пополз вперед. Полицейский приставил к заднице Ига свой ботинок тринадцатого размера и сильно толкнул, Иг ударился о пол подбородком. Он даже немного проскользил лицом по лакированному сосновому полу, зацепил плечом прислоненное к стене весло и обрушил его на себя.

Иг перекатился на спину, слепо хватаясь за весло, чтобы скинуть его и встать. Эрик Хеннити снова бросился на него с занесенной дубинкой, глаза у него были совершенно пустые, лицо ничего не выражало, как всегда бывает у людей, находящихся под влиянием рогов. Рога подбивают людей делать страшные вещи, и Иг понимал, что сейчас они советуют

Эрику показать себя с наихудшей стороны.

Он двинулся, не разбирая куда, держа весло двумя руками почти как подношение. Его глаза зацепились за надпись на весле: «Игу от его лучшего кореша Ли Турно — как-нибудь пригодится тебе, когда попадешь в бурные воды».

Эрик ударил дубинкой. Она перебила весло в самом тонком месте, лопасть мелькнула в воздухе и ударила его по виску. Эрик хрюкнул, покачнулся и отшагнул назад. Иг швырнул увесистую ручку ему в голову. Ручка ударила Эрика чуть повыше правого глаза и отлетела в сторону, дав Игу достаточно времени, чтобы оттолкнуться локтями от пола и вскочить.

Иг никак не ожидал, что Эрик оправится так быстро, но как только он встал, Эрик снова занес дубинку и бросился на него. Иг отпрыгнул. Конец дубинки прошел так близко, что лопнула ткань его футболки, и на излете ударил по экрану телевизора. Стекло пошло паутиной трещин, послышался громкий треск, и внутри монитора что-то ярко вспыхнуло.

Пятясь, Иг уперся в кофейный столик и чуть не кувыркнулся через него, однако, пока Хеннити высвобождал дубинку из разбитого телевизора, он успел восстановить равновесие, повернулся, наступил на кофейный столик и перескочил через кушетку, оставив ее между собой и Эриком. Еще два шага, и Иг оказался на кухне.

И повернулся. Эрик Хеннити смотрел на него сквозь окошко для подачи пищи. Иг низко пригнулся, с трудом переводя дыхание. Из кухни было два пути — налево и направо, — но и так и так он попадал в гостиную в объятия к Эрику, а ему нужно было на лестницу.

— Знаешь, Иг, — сказал Эрик Хеннити, — я же не убивать тебя сюда пришел. Я просто хотел вбить в тебя хоть кроху здравого смысла. Произвести на тебя впечатление, научить тебя держаться, на хрен, подальше от Ли Турно. Но вот же какая странная штука. Мне никак не отделаться от мысли, что я должен расшибить твой придурочный череп точно так же, как ты это сделал с Меррин Уильямс. Я не думаю, что вот такому, с рогами, торчащими из головы, следует позволить жить. Думаю, что, убив тебя, я сослужу штату Нью-Гэмпшир охрененную службу.

Рога. Это его заводят рога.

— Я запрещаю тебе причинять мне какой-нибудь вред, — сказал Иг, пытаюсь склонить Эрика Хеннити к своей воле, посылая в рога всю духовную силу, всю сосредоточенность, на какую он был способен.

Рога запульсировали, но болезненно, без обычного облегчения. Так они не умели. Они не станут плясать под его дудку, не станут воспрещать зло, сколь бы там ни зависела от этого жизнь Ига.

— Хрен ты там запрещаешь! — буркнул Эрик.

Иг смотрел на него через окошко и слышал, как кровь мчится по его сосудам. Низкий шум в ушах был совсем как когда вода закипает. Вода закипает. Иг оглянулся через плечо на кипятившийся ковшик. Яйца уже плавали, вокруг них бегали белые пузырьки.

— Я хочу убить тебя и отрезать, на хрен, эти долбанные штуки, — сказал Эрик. — Или, может, отрезать их, а уже затем тебя убить. Наверняка у тебя здесь есть достаточно большой кухонный нож. Никто не узнает, что это моя работа. После того, что ты сделал с Меррин Уильямс, в этом городе есть не менее сотни людей, желающих твоей смерти. Я буду героем, хотя никто и не будет об этом знать — кроме меня самого. Я буду из тех парней, которыми гордятся родители.

— Да, — сказал Иг, снова вкладывая в рога всю свою волю. — Иди сюда и возьми меня. Ты знаешь, что хочешь это сделать. Не жди же, делай — делай это сейчас!

Это было музыкой для ушей Эрика, и он бросился вперед, даже не через дверь, а прямо через окошко, оскалив зубы в яростной, ужасной ухмылке. Он двигался головой вперед, а Иг схватил ковшик за ручку и плеснул все вместе, и воду и яйца, Эрику в лицо.

Хеннити среагировал очень быстро, он вскинул свободную руку, защищая лицо от кипящей воды, обжегшей его предплечье и забрызгавшей наголо бритую голову. С диким воплем он рухнул на кухонный пол, а Иг уже бежал к двери. Хеннити нашел еще время и силы швырнуть в него дубинкой, которая врезалась в лампу, стоявшую на приставном

столике, и лампа взорвалась. К этому времени Иг был уже на лестнице и летел вниз, прыгая через пять ступенек, словно отрастил не рога, а крылья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Где-то к югу от города Иг прижал машину к обочине и вышел постоять на набережной, успокаивая себя и выжидая, чтобы прекратилась дрожь.

Дрожь накатывала яростными, неудержимыми порывами, сотрясавшими все его тело, но чем дольше он здесь стоял, тем реже становились приступы. Через какое-то время они прошли окончательно, остались только слабость и головокружение. Иг чувствовал себя легким, словно кленовый листик, — и так же готовым сорваться с места, лишь ветер дунет чуть посильнее. Монотонно стрекотала саранча, НФ-звук: луч смерти иноземных пришельцев.

Так что он не ошибся, верно оценил ситуацию. В каком-то смысле рога не затрагивали Ли. Ли не забыл, что видел вчера Ига, как забыли все прочие, Ли знал, что Иг представляет для него угрозу. Он приложит все старания, чтобы добраться до Ига, прежде чем Иг придумает способ добраться до него самого. Игу был нужен план, что совсем его не радовало, пока что он не составил даже разумного плана, как бы позавтракать, от голода у него уже кружилась голова.

Он вернулся в машину, сел, положив руки на руль, и стал решать, куда же теперь. Почти случайно ему вспомнилось, что сегодня бабушке восемьдесят лет и ей повезло дожить до такого возраста. Далее он подумал, что уже середина дня и все его семейство собралось в больничной палате, чтобы спеть ей «Хеппи бёсдей» и съесть кусочек праздничного пирога, а значит, мамин холодильник стоит незащищенный. Дом — это единственное место, где всегда можно поесть, если больше идти некуда, — это же что-то вроде поговорки.

Конечно же, часы посещения пациентов могут быть и позднее, думал Иг, выводя машину на дорогу. Никак нельзя ручаться, что дома никого нет. Но какая разница, если семейство и дома? Он может пройти мимо них, и они забудут, что видели его, как только он покинет комнату. Сразу возникал интересный вопрос: а не забудет ли Эрик Хеннити того, что только что произошло в квартире Гленны? Когда Иг обварил ему голову? Этого Иг не знал. Как не знал и того, рискнет ли он по-нахалке пройти мимо своей семьи. Он точно знал, что не сможет пройти мимо Терри. Ну да, ему позарез нужно было разобраться с Ли Турно, но требовалось разобраться и с Терри. Было бы ошибкой оставить его в стороне, дать ему ускользнуть назад к своей лос-анджелесской жизни. Мысль о Терри, возвращающемся в Лос-Анджелес играть в своей программе все те же издевательские мотивчики и так же подмигивать кинозвездочкам, переполнила Ига пламенной ненавистью. Долбанный Терри должен все-таки за что-то и отвечать. Хорошо бы застать его дома одного. Но стоит ли на это надеяться? Это было бы воистину дьявольское везение.

Иг уже подумывал припарковаться на пожарной дороге в четверти мили от дома, подойти пешком сзади, вскарабкаться по стенке и потихоньку войти, но махнул рукой и свернул прямо на подъездную дорожку. Было слишком жарко для действий потихоньку, и слишком уж он был голодный.

Единственной машиной на дорожке был арендованный Терри «мерседес».

Иг поставил «гремлин» рядом с «мерседесом», выключил мотор и какое-то время сидел, слушая тишину. Облако сверкающей пыли, гнавшееся за ним вверх по склону, взвихрилось и стало оседать. Он буквально впитывал в себя и дом, и жаркую усыпляющую послеполуденную тишину. Возможно, Терри оставил здесь свою машину и отправился в больницу вместе с родителями. Самый вроде бы разумный вариант, только в него не верилось. Терри где-то здесь.

Иг даже не пытался действовать тихо и скрытно, выйдя из машины, он громко хлопнул дверцей и немножко помедлил, наблюдая за домом. Он ожидал заметить какое-нибудь движение на втором этаже: ну, скажем, как Терри отодвинул занавеску, чтобы посмотреть,

кто там. Но дом не подавал ни малейших признаков жизни.

Он вошел. В гостиной слепо молчал телевизор, компьютер в материнском кабинете тоже был выключен. На кухне деловито молчали кухонные принадлежности из блестящей нержавеющей стали. Иг подтащил табуретку, открыл холодильник и стал есть прямо из него. Выпив за восемь глотков половину картонки молока, он стал ждать неизбежную молочную мигрень, резкий толчок боли где-то позади рогов и секундное помутнение зрения. Когда головная боль отступила и зрение снова прояснилось, он обнаружил тарелку фаршированных яиц, прикрытую пленкой. Видимо, мать приготовила их на Верин день рождения, но той они были сейчас ни к чему. Скорее всего, Вера получила сегодня что-нибудь питательное через трубку. Иг сожрал все эти яйца, торопливо запихивая их в рот одно за другим. Он ничуть не сомневался, что они в 666 раз лучше яиц, которые он варил для себя в квартире Гленны.

Он крутил тарелку в руках на манер рулевой баранки и старательно ее облизывал, когда откуда-то сверху послышалось бормотание мужского голоса. Иг замер, напряженно вслушиваясь. Через какое-то время он снова услышал голос. Положив тарелку в раковину, он снял с магнитной полосы, прикрученной к стене, кухонный нож, самый большой, бывший в хозяйстве. Нож оторвался от магнита с музыкальным звяканьем стали о сталь. Иг не очень понимал, зачем ему этот нож, но с ним он себя чувствовал как-то лучше. После случившегося в квартире Гленны ему уже стало казаться, что лучше всегда быть вооруженным. Иг поднялся по лестнице. Старая комната его брата находилась в дальнем конце галереи второго этажа.

Держа нож наготове, Иг прокрался в полуоткрытую дверь. Несколько лет назад эту комнату переделали в гостевую, и она была прохладно-безличной, как номер в отеле. Терри спал на спине, прикрыв ладонью глаза. Он что-то неприязненно пробормотал и причмокнул. Взгляд Ига скользнул по ночному столику и остановился на коробочке бенадрила. Иг страдал астмой, зато его брат был аллергичен буквально ко всему: пчелам, арахису, цветочной пыльце, кошачьей шерсти, Нью-Гэмпширу, безвестности. Шамканье и бормотание — это были побочные эффекты лекарства от аллергии, всегда погружавшего Терри в глубокий, но до странности беспокойный сон. Он задумчиво хмыкал, словно приходя к тяжелым, но жизненно важным заключениям.

Иг бесшумно подошел к кровати и сел на ночной столик с ножом в руке. Без всякой злобы и ярости он подумал, как бы воткнуть его Терри в грудь. Эта сцена разыгрывалась в его воображении совершенно четко и ясно — как он придавит брата коленом к кровати, найдет промежуток между ребрами и двумя руками загонит нож, пока не совсем еще проснувшийся Терри будет барахтаться в остатках сна.

Да нет, не убьет он Терри. Не сможет. Иг сомневался, что мог бы заколоть кого-нибудь спящего, даже Ли Турно.

— Кит Ричардс, — ясно произнес Терри, и Иг настолько удивился, что вскочил на ноги. — Классное шоу.

Иг смотрел на брата, ожидая, что тот снимет руку с глаз и сядет, моргая затуманенными глазами, но тот не проснулся, просто говорил во сне. Говорил про Голливуд, про свою долбаную работу, про то, как трется среди рок-звезд, борется за рейтинг, клеит моделей. Вера лежала в больнице, Иг куда-то пропал, Терри снились добрые времена в стране Хотхаусии. На какой-то момент Иг задохнулся от ненависти, его легким не хватало кислорода. У Терри, конечно же, был в кармане билет, чтобы завтра лететь на Западное побережье, он ненавидел свой занюханный городок и никогда не оставался в нем даже на минуту дольше необходимого, даже когда Меррин была еще жива. Иг не видел никаких оснований позволить ему вернуться со всеми пальцами. Терри находился в такой глубокой отключке, что Иг мог взять его правую руку, руку, играющую на трубе, положить ее на ночной столик и одним ударом отрубить все пальцы, прежде чем тот проснется. Если Иг утратил свою главную любовь, Терри мог обойтись без своей. В крайнем случае научится играть на этом долбаном казу.

— Как же я ненавижу тебя, эгоистичного долболама, — прошептал Иг и взялся за братнину руку, чтобы снять ее с глаз. И в этот момент...

Терри пошевелился, проснулся, мутными глазами огляделся вокруг и не — понял, где он находится. Незнакомая машина на незнакомой дороге, дождь, хлещущий так сильно, что «дворники» не справляются, ночной мир, затаившийся за мельканием гнущихся от ветра деревьев, и кипящее черное небо. Он трет рукой лицо, пытаясь разобраться в своих мыслях, и поднимает глаза в ожидании увидеть сидящего рядом младшего брата, но вместо этого там сидит Ли Турно и ведет машину во тьму.

Ему начинает вспоминаться и вся остальная ночь, события ложатся на место без какого-нибудь четкого порядка, как фишки, падающие между колков игры в плинко. В его левой руке что-то зажато — смятый косяк, и не какая-нибудь там щепотка травки, а толстый сверток теннессийского зелья размером с его большой палец. Сегодня они с Ли были в двух барах и у костра на песчаной косе под старым ярмарочным мостом. Он слишком много пил и слишком много курил и ничуть не сомневается, что утром об этом пожалеет. Утром надо везти Ига в аэропорт, потому что у братишки куплен билет в старую добрую Англию, Боже спаси королеву. А до того утра оставались какие-то несколько часов. В настоящий момент Терри не в состоянии везти кого бы то ни было куда бы то ни было, а когда он закрывает глаза, появляется ощущение, что этот «кадиллак» ускользает куда-то налево, как кусок масла на чуть наклоненной горячей сковороде. Вот это тошнотворное ощущение его и разбудило.

Терри садится прямее, заставляя себя сосредоточиться на окружающем. Похоже, они блуждают, по проселочному шоссе, проходящему неполной окружностью по окраинам Гидеона, но это же глупо — там нет ничего, кроме старой литейной и «Бездны», а ни там, ни там им делать ровно нечего. Когда они уехали с косы, Терри решает, что Ли везет его домой, и несказанно этому рад. При мысли о своей кровати, о наглаженных белых простынях и стеганом пуховом одеяле он дрожит сладострастной дрожью. Лучшее, что можно получить только дома, — это проснуться в своей старой комнате, на своей старой кровати, снизу доносится аромат свежесваренного кофе, солнечный свет пробивается в щели занавесок, и новый солнечный день ждет твоего пробуждения. Весь остальной Гидеон — его Терри был бы рад никогда не вспоминать.

Сегодня был характерный случай, идеальная иллюстрация того, без чего он прекрасно обойдется. Терри просидел битый час у костра, не включаясь в общее веселье, мог бы с тем же успехом наблюдать из-за стекла — пикапы, припаркованные на берегу, поддавшие дружки, в шутку дерущиеся на мели, в то время как ихние девицы подбадривают их криками, долбаный Джудас Койн ¹во включенном на полную плеере — парень, чье представление о музыкальной сложности — это песня не на трех аккордах, а на четырех. Жизнь в кругу деревенщины. Когда послышались раскаты грома и начали падать первые тяжелые капли дождя, Терри счел это удачей. Он не понимал, как это папаша смог прожить здесь двадцать лет. Терри было невыносимо провести здесь хотя бы семьдесят два часа.

То, что помогло бы Терри немного примириться с обстановкой, зажато сейчас в его левой руке, и, хотя он даже знает, что сильно превзошел свой предел, какую-то часть его так и подмывает раскурить косяк и хорошенько затянуться. Что он и сделал бы, сиди рядом с ним вместо Ли Турно кто угодно другой. И не то чтобы Ли стал протестовать или хотя бы кинул нехороший взгляд, но он ведь помощник конгрессмена, воюющего с наркотиками, человека Сверххристианских Семейных Ценностей, и жопе Ли сильно не поздоровится, если его вытащат из машины, насквозь пропитанной дымом марихуаны.

Ли заехал к ним домой около половины седьмого, чтобы попрощаться с Игом, и застрял, сев играть в карты с Игом, Терри и Дерриком Перришем, причем Игу дико везло, он выигрывал каждую партию и выставил их на три сотни зеленых.

— Вот, — сказал Терри, кидая младшему брату пригоршню двадцаток. — Когда вы с Меррин будете распивать посткоитальную бутылку шампанского, помяните нас добрым

¹ Герой предыдущего романа Джо Хилла «Коробка в форме сердца».

словом. Мы за нее заплатили.

Иг засмеялся с видом одновременно довольным и смущенным и встал из-за стола. Поцеловав отца, он тут же чмокнул в висок и Терри — неожиданный жест, заставивший того удивленно вздрогнуть.

— Не суй язык мне в ухо, — сказал Терри.

Иг снова засмеялся и вышел.

— А что вы будете делать дальше? — спросил Ли, когда Иг ушел.

— Не знаю, — пожал плечами Терри. — Я думал глянуть программку, крутят ли сегодня «Гриффинов»¹. А как насчет тебя? В этом городишке что-нибудь происходит?

Двумя часами позже они сидели на песчаной косе, и школьный знакомый, чьего имени Терри не мог аккуратно припомнить, совал ему косяк.

По идее, они приехали сюда немного выпить и повидаться со старыми приятелями, но, стоя чуть в стороне от костра, Ли неожиданно сказал Терри, что конгрессмен любит его программу и хотел бы как-нибудь с ним встретиться. Терри сразу ухватился за эту идею, дал Ли свою пивную бутылку, чтобы тот отпил несколько глотков, и сказал, да, мол, непременно. Он считал вполне возможным, что Ли хочет извлечь из этого что-нибудь для себя, и не ставил это ему в вину. У Ли была своя работа, как и у Терри, как и у всех прочих. И он делал уйму добрых дел, Терри знал, что он работает для «Обители человечества», знал, что Ли каждое лето работает в лагере «Галилея» с детьми из бедных неблагополучных семей, а заодно с ним и Иг. Находясь в обществе Ига и Ли, Терри год за годом чувствовал себя немного виноватым. У него никогда не возникало желания спасти человечество. Единственное, чего Терри хотелось, — это чтобы кто-нибудь платил ему за то, что он дует в трубу. Ну а еще, пожалуй, какую-нибудь девушку, любящую общество, — только не лос-анджелесскую модель, не какую-нибудь закороченную на своем мобильнике и своей машине. Просто веселую и настоящую и малость распущенную в постели. Какую-нибудь с Восточного побережья в настоящих рабочих джинсах и со стопкой компакт-диск Foreigner. Он имел вполне клевую работу, так что был на полпути к счастью.

— Какого хрена мы здесь делаем? — спрашивает Терри, глядя в хлещущий ливень. — Я думал, что мы уже сказали всем «спокойной ночи».

— Пять минут назад я тоже думал, что ты уже сказал всем «спокойной ночи». зуб даю, я уже слышал, как ты храпишь. Мне прямо не терпится рассказать людям, что сам Терри Перриш пускал слюну на моем переднем сиденье. На цыпочек это должно произвести впечатление. Это все равно что иметь маленький собственный параграф в истории телевидения.

Терри открывает рот для ответа — в этом году он настрижет свыше двух миллионов чистыми, отчасти благодаря тонкому умению утирать нос всем другим хитрожопым, — и чувствует, что сказать ему нечего, у него абсолютно пустая голова. Тогда он показывает Ли Турно средний палец.

— Как ты думаешь, Иг и Меррин все еще в «Бездне»? — спрашивает Терри.

С минуты на минуту это заведение покажется по правую руку.

— Посмотрим, — отвечает Ли. — Ехать осталось всего ничего.

— Какого хрена ты тут устраиваешь? Я не хочу их видеть. Я точно знаю, что и они не хотят нас видеть. Это их последняя ночь.

Ли удивленно глядит на Терри уголком здорового глаза.

— Откуда ты знаешь? Она тебе это сказала?

— Что — сказала?

— Что это их последняя ночь.

Эти слова мгновенно выбивают Терри из его вареного, бездумного состояния, выбивают, как будто он сел на кнопку.

— Какого хрена ты там болтаешь?

¹ «Гриффины» (Family Guy, «Семьянин») — комедийно-сатирический мультсериал Сета Макфарлейна, идет с 1999 г.

— По мнению Меррин, они связались слишком молодыми. Ей хотелось бы познакомиться с другими парнями.

Терри удивляется этой новости, отшатывается от нее, поражается ей. Он машинально подносит к губам зажатый в пальцах косяк, но потом вспоминает, что тот не раскурен.

— Ты что, — спрашивает Ли, — действительно не знал?

— Я просто говорил, что это их последняя ночь, перед тем как Иг улетит в Англию.

— О!

Терри невидящими глазами смотрит в дождь, хлещущий так сильно, что «дворники» с ним не справляются, вода так и льется по стеклу, это все равно что сидеть в машине, когда машина в автомойке. Он не может себе представить Ига без Меррин, не может себе представить, что это будет за человек. Он оглушен этой новостью, и поэтому проходит неизъяснимо долгое время, пока в его голове возникает очевидный вопрос.

— Откуда ты все это знаешь?

— Как-то раз она вдруг об этом заговорила. Она боится сделать ему больно. Прошлым летом я много околачивался в Бостоне, делал для конгрессмена всякое-разное, и она там тоже была, и мы с ней иногда встречались. Пожалуй, за последний месяц я ее видел больше, чем Иг.

Терри смотрит из подводного мира наружу и видит разрастающееся справа красноватое сияние. Они, считай, приехали.

— Так теперь-то ты зачем туда едешь?

— Она сказала, что позвонит мне, если вдруг нужно будет подвезти ее домой, — отвечает Ли. — И она не позвонила.

— Ну, значит, ты ей и не нужен.

— Но может быть, она не позвонила, потому что очень расстроена. Я только посмотрю, стоит здесь Игова машина или нет. Нам не нужно даже заходить.

Терри не слишком понимает логику Ли, не может сообразить, зачем тому высматривать на парковке Игову машину, и он не может себе представить, чтобы Меррин захотелось иметь рядом кого-нибудь из них двоих, если дела вдруг закончатся плохо.

Но Ли уже замедляет машину, поворачивая голову, чтобы Терри мог осмотреть расположенную справа парковку.

— Не понимаю... — говорит Ли самому себе. — Тут нет... Не думаю, чтобы она поехала вместе с ним...

Его голос звучит почти озабоченно. Ее увидел Терри. Меррин стояла под дождем у дороги, под раскидистой кроной большого грецкого ореха.

— Вон она. Ли, крути туда.

Похоже, и Меррин заметила их в тот же самый момент, она вскидывает руку и выходит из-под дерева. Из-за воды, льющейся по боковому окошку, Терри видит ее словно сквозь прессованное цветное стекло — импрессионистское изображение девушки с медного цвета волосами, держащей чуть поодаль от себя то, что ему сперва показалось белой церковной свечкой. Когда они со скрежетом тормозят и Меррин подбегает к машине, Терри видит, что она просто держит вверх палец, чтобы привлечь их внимание, задержать, пока она покидает укрытие и бежит под дождем босиком, держа в руке свои черные туфельки.

«Кадиллак» двудверный, и, не дожидаясь, чтобы Ли сказал ему пересесть назад, Терри отстегивает ремень и поворачивается, чтобы перевалиться через спинку переднего сиденья. В тот момент, когда он совсем уже готов устроиться на заднем, Ли бьет его локтем в задницу, выводя из равновесия, и вместо того, чтобы сесть на сиденье, Терри ныряет в яму для ног. Но Бог уж знает какой причине, на полу стоит металлический ящик для инструментов, Терри бьется о него виском и морщится от резкой боли. Кое-как затолкав себя на сиденье, он сильно трет свою стукнутую голову кулаком. Нечего было скакать по машине, его сразу же укачало, и теперь ему кажется, что вся машина оторвалась от земли и некий великан ее медленно потряхивает, словно стаканчик с

игральными костями. Терри закрывает глаза, стараясь подавить это неожиданное тошнотворное ощущение.

К моменту, когда все успокоилось достаточно, чтобы он рискнул осмотреться, Меррин уже в машине, а Ли Турно сидит, повернувшись к ней. Терри глядит на свою ладонь и видит яркую каплю крови. Он порядком ободрался, и хотя первая резкая боль в основном прошла, на ее месте осталось тупое нытье. Он вытирает кровь о штанину и поднимает глаза.

Сразу видно, что Меррин только что плакала. Она побледнела и вся дрожит, как человек, который либо начинает выздоравливать, либо серьезно заболевает, и ее первая попытка улыбнуться выглядит попросту жалко.

— Спасибо, что меня подобрали, — говорит Меррин. — Вы спасли мне жизнь.

— А где Иг? — спрашивает Терри.

Меррин оборачивается на голос, но глядит как-то в сторону, и Терри немедленно жалеет, что задал вопрос.

— Н-не знаю. Он уехал.

— Ты ему сказала? — спрашивает Ли.

Меррин наморщила подбородок и развернулась прямо вперед. Она смотрит в окошко на «Бездну» и не отвечает.

— Как он это воспринял? — спрашивает Ли.

Терри видит ее лицо, отраженное в зеркале, видит, что она кусает себе губы и борется со слезами.

— Может, поедем? — отвечает она.

Ли кивает и, мигнув подфарником, разворачивается под дождем на сто восемьдесят градусов.

Терри хочет потрогать ее за плечо, хочет ее как-нибудь успокоить, дать ей понять: что бы там ни случилось в «Бездне», он не будет хуже к ней относиться, не будет держать на нее зла. Но Терри ее не трогает, никогда ее не трогает, никогда не тронет. Все десять лет их знакомства он держался от нее на дружеской дистанции, даже в воображении, никогда не допускал ее в свои сексуальные фантазии. Вроде бы какой же в этом риск, но он чувствует, что есть нечто такое, чем бы он при этом рискнул. Чем именно — он не понимает. Для Терри слова «душа» фактически не существует.

Вместо этого он говорит:

— Слышь, дать тебе куртку?

Потому что она насквозь промокла и непрерывно, беспомощно дрожит.

Теперь и Ли, похоже, заметил, как она дрожит, — что очень странно, потому что он все время на нее косился, смотрел на нее не меньше, чем на дорогу, — заметил и выключил кондиционер.

— Да нет, ладно, — говорит Меррин, но Терри уже снял куртку и передал ее вперед. Меррин постелила куртку себе на колени. — Спасибо, Терри, — говорит она еле слышным голосом и тут же с жаром продолжает: — Ты т-только не думай...

— Я ничего не думаю, — говорит Терри. — Успокойся.

— Иг...

— Я уверен, что и с Игом все в порядке. Не бери в голову.

Меррин оделяет Терри болезненной благодарной улыбкой, чуть наклоняется назад и спрашивает:

— Ты как?

Вытянув руку, она чуть касается его лба, которым он забодал не к месту оказавшийся ящик для инструментов. Терри инстинктивно отдергивается. Меррин убирает свои пальцы, кончики которых окровавились, глядит на них, глядит на Терри:

— Надо бы марлю.

— Все в порядке, — говорит Терри. — Ничего страшного.

Меррин кивает и отворачивается, и тут же улыбка ее исчезает, глаза ее смотрят в

пустоту на что-то такое, что никому другому не видно. Она раз за разом складывает что-то в руках, складывает и разворачивает, снова и снова. Галстук, Игов галстук. Почему-то это даже хуже, чем видеть ее всю в слезах, и Терри отворачивается. То, что он в жопу обдолбанный, ничуть не помогает, ему хотелось бы пару минут полежать без движения, чуть придавить и снова стать свеженьким и самим собой. Ночь стала для него прогорклой и противной, очень быстро, и ему нужен какой-нибудь виновник, кто-нибудь, на кого разозлиться. Он останавливает свой выбор на Иге. Его раздражает, что Иг вот так вот слинял, оставив ее под дождем, поступок детский и смехотворный. Смехотворный, но ничуть не удивительный. Меррин была для него любовницей, теплым одеялом, мудрой советницей, защитным барьером против мира и лучшим другом. Иногда начинает казаться, что они женаты уже с того времени, когда Игу было пятнадцать. Но при всем при том это начиналось как отношения школьников, начиналось, да и осталось. Терри был уверен, что Иг никогда не целовал другую девушку, не говоря уж о том, чтобы трахнуть. И сейчас ему вдруг захотелось, чтобы у брата было побольше опыта. И не потому что Терри не хотел, чтобы брат был с Меррин, а потому что... ну, потому что. Потому что любви нужен контекст. Потому что первые отношения непременно незрелые по своей природе. Ну, значит, Меррин захотелось, чтобы они получили шанс повзрослеть. Ну и что?

Завтра утром по пути в аэропорт Коган Терри будет с Игом один на один и попытается вправить ему мозги насчет пары вещей. Он скажет Игу, что его мысли про Меррин, про их отношения — мол, все это было намечено свыше, мол, она не в пример совершеннее всех остальных девушек, мол, их любовь не в пример совершеннее всех других Любостей, мол, когда они вместе, то способны творить небольшие чудеса, — что все это тошнотворная чушь. Если Иг ненавидит сейчас Меррин, то это просто потому, что обнаружил в ней реального человека, со своими недостатками и нуждами и желанием жить в реальном мире, а не в Иговых снах. Потому что она любит его достаточно, чтобы отпустить на свободу, и он должен быть готов сделать то же самое, потому что, если ты кого-нибудь любишь, ты можешь отпустить его на свободу, и... мать твою, это же была песня Стинга ¹.

— Меррин, ты как, нормально? — спрашивает Ли.

Она все еще дрожит, почти что судорожно.

— Нет. Д-да. Я... Ли, останови, пожалуйста. Прямо здесь.

Эти последние три слова она произнесла как настоятельную просьбу о помощи.

Направо поворот к старой литейной, поворот крутой, слишком крутой, чтобы в него вписаться, но они все равно поворачивают. Терри упирается рукой в спинку сиденья Меррин и с трудом удерживается от крика. Правые колеса попадают на рыхлый гравий и расшвыривают его в стороны, оставляя глубокую четырехфутовую борозду.

Кусты царапают бампер и с треском ломаются. «Кадиллак» прыгает на глубоких колесах, но все равно едет еще слишком быстро, шоссе остается сзади и исчезает. Впереди через дорогу натянута цепь. Ли резко тормозит, руль дергается в его руках из стороны, в сторону. Машина останавливается, касаясь фарами цепи, даже немного ее натягивая. Меррин открывает дверцу и высовывает голову наружу, ее тошнит. Раз. Еще. Долбанный Иг, в этот момент Терри его ненавидит.

Да и к Ли он тоже не испытывает слишком уж дружественных чувств, это ж надо — разворачивать машину так круто. Они уже точно остановились, а какой-то частью Терри все еще кажется, что они продолжают двигаться, продолжают скользить вбок. Будь косяк у него в руке, он бы вышвырнул тот в окно — его корежит от одной только мысли сунуть эту штуку в рот, это было бы как проглотить живого таракана, — но косяка у него нет, и он не знает, куда тот подевался. Он трогает свой оцарапанный, тупо саднящий висок и болезненно морщится.

Капли дождя с расстановкой стучат по ветровому стеклу. Вот только это не дождь, больше не дождь. Просто капли, падающие с нависающих веток. Не прошло и пяти минут с

¹ «If You Love Somebody Set Them Free» — первый сингл Стинга с его первого сольного альбома, «The Dream of the Blue Turtles» (1985). Заглавие песни — перефразированный афоризм Ричарда Баха.

того времени, когда ливень хлестал с такой силой, что капли отскакивали от дороги, но по всегдашней привычке летних гроз сегодняшняя тоже развеялась также быстро, как и собралась.

Ли вылезает наружу, обходит машину и садится на корточки рядом с Меррин. И что-то ей негромко говорит спокойным вразумляющим голосом. Однако когда Меррин отвечает, ответ ему не нравится. Он повторяет свое предложение, и на этот раз ее ответ можно расслышать, звучит он весьма недружелюбно.

— Нет, Ли. Я просто хочу вернуться домой, переодеться в сухое и снова почувствовать себя человеком.

Ли встает, подходит к багажнику, открывает его, что-то достает. Мешок с тренировочной формой.

— У меня тут треники. Рубашка. Штаны. Теплые и сухие. И к тому же безо всякой блевотины.

Меррин говорит ему «спасибо» и выходит из машины во влажную, ветреную, жужжащую насекомыми ночь, накинув на плечи спортивную куртку, которую дал ей Терри. Она тянется за мешком, но Ли отпускает его не сразу.

— Ты же понимаешь, что должна была это сделать. Было чистым безумием думать, что ты сможешь... что кто-нибудь из вас сможет...

— Я просто переоденусь, ладно?

Выдернув у него мешок и свернув на дорогу, Меррин пересекает снопы света от фар, ее юбка прилипла к ногам, а блузка на какое-то мгновение становится в ярком свете совсем прозрачной. Терри восхищенно глазеет и ловит себя на этом, и заставляет себя отвести взгляд, и в этот момент замечает, что Ли тоже глазеет. И впервые задается вопросом, не может ли стать, что у старого доброго Ли Турно есть некоторый интерес к Меррин Уильямс — или, по крайней мере, у него на нее стоит. Меррин удаляется от машины — сперва она идет по световому туннелю, вырезанному фарами, а затем сходит с гравия в темноту. И это последний раз, когда Терри видит ее живой.

Ли стоит у открытой дверцы машины, глядя вслед Меррин, словно не может решить, возвращаться ему в машину или нет. Терри хочет сказать ему, чтобы сел, но не может собрать для этого ни сил, ни силы воли. Какое-то время Терри тоже глядит ей вслед, но затем это становится невыносимо. Ему не нравится то, как ночь дышит, раздувается и опадает. Фары выхватывают пониже литейной угол открытой поляны, и ему не нравится, как мокрая трава хлещет темноту и ее безостановочное движение. Он слышит траву сквозь открытую дверцу, она шипит, как серпентарий в зоопарке. И еще: у него так и не прошло это слабое, но тошнотворное ощущение движения вбок, беспомощного соскальзывания в какое-то место, куда ему вовсе не хочется. Ад и боль в правом виске тоже не слишком помогает. Терри подтягивает ноги и ложится на заднее сиденье.

Так уже лучше. Пятнисто-коричневая обивка сидений тоже движется подобно медленным волнам сливок в чуть-чуть помешиваемой чашке кофе, но это все в норме, самое то, чтобы видеть в обдолбанном состоянии, безопаснейшая картина. Не то что мокрая трава, экстатически качающаяся в ночи.

Ему нужно что-нибудь, о чем бы можно подумать, что-нибудь умиротворяющее, нужна какая-нибудь мечта, чтобы успокоить его взбудораженный мозг. Продюсеры уже подбирают гостей на будущий сезон, обычная смесь героев сегодняшних и вчерашних., черных и белых, Мос Деф¹, Def Leppard, Eels и Crowes¹ и все прочие животные из бестиария поп-культуры, но кем Терри действительно заинтересовался, это Кит Ричардс, который пару месяцев назад был с Джонни Деппом в «Гадючьей комнате»² и сказал Терри, что, по его мнению, их программа, на хрен, прелесть и он с огромным, на хрен, восторгом в ней поучаствует, в любой секунд, только, на хрен, скажи заранее, и чего ты, на хрен, так долго

¹ То есть «Угри» и «Вороны».

² The Viper Room — ночной клуб в Западном Голливуде, открыт в 1993 г., Джонни Депп был его совладельцем до 2004 г.

тянул? Это была бы полная потряска получить Ричардса и дать ему целиком последнюю получасовку. Менеджеры «Фокса» терпеть не могут, когда Терри ломает обычный формат и превращает программу в концерт — ему уже не раз говорили, что это передает полмиллиона зрителей прямоком Леттерману,¹ — но, по мнению Терри, эти менеджеры могут пососать мозолистый перетруженный член Кита Ричардса.

Через какое-то время он начинает уплывать. Головастый Перриш выступает вместе с Китом Ричардсом перед фестивальной публикой, которой тысяча восемьдесят и которая почему-то собралась в старой литейной. Играют «Сочувствие к дьяволу», и Терри согласился вести вокал, потому что Мик сейчас в Лондоне. Терри скользит к микрофону и сообщает экстатически прыгающей толпе, что он человек со вкусом и деньгами, это строчки из песни², но и правда тоже. Затем Кит Ричардс поднимает свой «Телекастер» и играет старый дьявольский блюз. Его разнузданное гитарное соло мало похоже на колыбельную, и все же оно погружает Терри Перриша в беспокойный сон.

Когда он ненадолго просыпается, они снова едут по шоссе, «кадиллак» разрезает гладкую ленту ночи. Ли сидит за рулем, пассажирское место опустело. Терри получил назад свою куртку, ею накрыты его ноги и колени. Именно так бы сделала и Меррин, вернувшись в машину, ее типичная заботливость. Впрочем, куртка вся грязная и насквозь промокла, и ее удерживает на коленях у Терри какой-то тяжелый предмет. Терри хватает его и видит, что это мокрый камень, похожий формой и размером на страусиное яйцо, облепленный травинками и грязью. Этот камень непременно должен что-то значить — Меррин положила его не без причины, — но у Терри сейчас слишком мутная голова, чтобы что-то соображать. Он кладет камень на пол. Камень измазан чем-то липким, вроде раздавленной улитки, Терри вытирает пальцы о рубашку, поправляет на коленях куртку и снова ложится.

Его левый, стукнутый висок все еще саднит, и, потрогав его тыльной стороной левой руки, он видит, что снова пошла кровь.

— Меррин нормально доехала? — спрашивает Терри.

— Что?

— Меррин. Мы о ней позаботились?

Какое-то время Ли ведет машину не отвечая. Затем он говорит:

— Да. Да, мы о ней позаботились.

— Хорошая девочка, — удовлетворенно кивает Терри. — Надеюсь, они с Игом во всем разберутся.

Ли продолжает вести машину.

Терри снова соскальзывает в свой сон о том, как они с Китом Ричардсом на сцене перед охваченной экстазом толпой, заводящей его ничуть не меньше, чем он заводит их. Но затем, балансируя где-то на краю сознания, он слышит, как задает вопрос, про который даже и не знал, что он вообще возникнет:

— А что это за камень?

— Улика, — отвечает Ли.

Терри кивает — это кажется ему вполне разумным ответом — и говорит:

— Тоже дело. Постарайся не попасть в тюрьму, насколько это возможно.

Ли смеется, резкий, влажный, похожий на кашель звук — кот, поперхнувшийся комком собственной шерсти, — и Терри неожиданно понимает, что никогда еще прежде не слышал смеха этого парня, и слышанное сейчас ему совершенно не нравится. Затем Терри исчезает, снова погружаясь в бессознательное, причем, на этот раз его не ждут никакие сны, он хмурится с видом человека, пытающегося отгадать слово в некоем кроссворде, слово, которое он должен знать.

1 Дэвид Леттерман (р. 1947) — американский комик, ведущий популярной программы «Вечернее шоу с Дэвидом Леттерманом», выходящей на телеканале Си-би-эс.

2 «Sympathy for the Devil» — первая песня с альбома Rolling Stones «Beggars Banquet» (1968), начинается словами: «Please allow me to introduce myself, I'm a man of wealth and taste».

Через какое-то время он открывает глаза и видит, что машина не двигается. И не двигается уже довольно долго, а не только что остановилась. Он не знает, откуда он это знает, просто знает.

Свет уже другой. Еще не утро, но ночь уже на исходе, уже соскребла с неба большую часть звезд и убрала их. Светлые пухлые облака, обрывки ночной грозы, быстро скользят по занавеси тьмы. Через одно из боковых окошек Терри прекрасно видно небо. Пахнет восходом, пропитанной дождем травой и начинающей прогреваться землей. Поднявшись из лежащего положения, он видит, что Ли оставил водительскую дверцу распахнутой.

Он тянется на пол за своей курткой. Ее что-то нет, но он думает, что куртка соскользнула с его коленей, пока он спал. Ящик с инструментами есть, а куртка куда-то запропастилась. Водительское сиденье сложено вперед, и Терри вылезает из машины, раскидывает руки и потягивается, его позвоночник щелкает, а затем он замирает, вытянув руки в ночь, словно прибитый к невидимому кресту.

Ли курит, сидя на крыльце материнского дома. Его дома, поправляет себя Терри, мать Ли уже шесть недель как на кладбище. Терри не видит лица Ли, только оранжевый уголек его «Винстона». По непонятной для Терри причине вид Ли, ждущего на крыльце, вселяет в него беспокойство.

— Да уж, ночь, — говорит Терри.

— Она еще не кончилась. — Ли затягивается, уголек разгорается ярче, и на какое-то мгновение Терри видит часть лица Ли, покалеченную часть, часть с мертвым глазом. В утреннем полумраке этот глаз — белый и слепой, стеклянный шар, наполненный дымом. — Как твоя голова?

Терри трогает ссадину на виске и тут же роняет руку.

— Прекрасно. Выло бы о чем говорить.

— У меня тут тоже был несчастный случай.

— Какой несчастный случай? Ты в порядке?

— Я-то в порядке, а вот Меррин — нет.

— О чем это ты?

И только тут Терри замечает липкий, болезненный, похмельный пот, пропитавший все его тело, похожий на росу, но крайне неприятный. Он смотрит на себя и видит на рубашке множество черных пятен, грязь или что-то еще, и смутно вспоминает, что вроде бы вытирал о рубашку руку. Снова взглянув на Ли, он вдруг пугается того, что тот сейчас скажет.

— Это же и вправду был несчастный случай, — говорит Ли. — Я и подумать не мог, насколько это серьезно, а потом оказалось, что ей уже не помочь.

Терри глядит на него, ожидая ключевых слов.

— Ты как-то все это слишком быстро. Так что же случилось?

— А вот это нам нужно с тобой придумать. Тебе и мне. Это то, о чем я хотел с тобой поговорить. Нам нужно иметь непробиваемую историю, прежде чем Меррин найдут.

Терри делает осмысленную вещь: он смеется. Ли известен своим сухим плоским чувством юмора, и, если бы солнце уже взошло и Терри не так тошило, он даже мог бы оценить шутку. Но вот правая его рука совсем не думает, что Ли сказал что-то смешное. Его правая рука по собственному почину стала хлопывать карманы в поисках мобильного.

— Терри, — негромко говорит Ли, — я знаю, что это ужасно. Но я отнюдь не шучу. Мы тут влипли по самые уши. Ни тебя, ни меня винить не в чем — мы не виноваты, да и никто не виноват, — но мы попали в самую большую беду, в какую только можно попасть. Это был несчастный случай, но все скажут, что мы ее убили.

Терри снова хочет рассмеяться, но вместо этого говорит:

— Прекрати.

— Не могу. Тебе нужно все это услышать.

— Она не умерла.

Ли затягивается сигаретой, уголек разгорается, и на Терри смотрит глаз, словно затянутый белым дымом.

— Она была пьяная и стала вовсю ко мне приставать. Думаю, это она хотела поквитаться с Игом. Она была совершенно раздетая и липла ко мне, и я ее оттолкнул, ни о чем таком не думая. Она запнулась о корень или о что-то еще и упала прямо на камень. Я от нее отошел, а когда вернулся, увидел ужасное. Не знаю, поверишь ли ты или нет, но я бы скорее выбил себе второй глаз, чем причинил ей хоть какую-нибудь боль.

Терри набирает полные легкие, но не воздуха, а ужаса, он вдыхает его, словно некий газ, летучий яд. В его голове и желудке полный бедлам, земля словно уходит из-под ног. Он должен кому-нибудь позвонить. Он должен найти телефон. Он должен позвать на помощь — в такой ситуации нужны, служители правопорядка, умеющие действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Он поворачивается к машине, перегибается через заднее сиденье в поисках куртки. Его мобильник должен быть в куртке. Но на полу, где он думал, куртки нет. Нет ее и на переднем сиденье.

Ли трогает рукой макушку Терри — и тот вздрагивает, и вскрикивает, и в ужасе отдергивается.

— Терри, — говорит Ли, — нам нужно решить, что мы скажем.

— Тут нечего и решать. Мне нужен мой телефон.

— Если хочешь, позвони по тому, который в доме.

Терри отталкивает Ли и идет на крыльцо. Ли щелчком откидывает окурок и без особой спешки следует за ним.

— Если хочешь позвать копов, я не стану тебе мешать. Я даже пойду вместе с тобой встретить их около литейной, покажу, где она лежит. Но прежде чем хвататься за телефон, тебе бы, Терри, стоило узнать, что я им скажу.

Терри в два прыжка поднимается на крыльцо, толкает входную дверь и вваливается в прихожую. Если тут и есть телефон, его не видно в нагромождении теней. Кухня прямо и налево.

— Мы все были пьяные, — говорит Ли, — Мы были пьяные, а ты еще и обдолбанный. Но хуже всех была она. Это я им сразу скажу. Она висла на нас с того момента, как села в машину. Иг назвал ее шлюхой, и она твердо решила доказать его правоту.

Терри слушает вполуха. Он быстро пересекает крошечную гостиную, обдирая колено о жесткий стул с прямой спинкой, спотыкается и следует дальше, на кухню. Ли идет за ним, продолжая говорить невыносимо спокойным голосом.

— Она попросила нас притормозить, чтобы, переодеться из мокрого в сухое, а затем устроила спектакль, стоя в свете фар. Все это время ты ничего не говорил, а только смотрел на нее и слушал ее обещания, что Игги еще заплатит за то, как он себя ведет. Сперва она приставала ко мне, а затем взялась за тебя. Она была настолько пьяная, что даже не понимала, как ты на нее разозлился. И вот, рассевшись у тебя на коленях, она размечталась вслух, сколько получит от желтой прессы, за рассказ про групповуху, в которой участвовал Терри Перриш. А расскажет она обязательно, чтобы поквитаться с Игом, посмотреть на его морду. И тогда ты ее ударил. Ударил прежде, чем я смог понять, что же тут происходит.

Терри уже на кухне, у кухонного стола, он положил руку на трубку бежевого телефона, но не спешит ее поднимать. Впервые за это время он оборачивается на высокого жилистого Ли с его короной светлых волос и жутким таинственным белым глазом. Терри толкает Ли в грудь с такой силой, что тот врезается спиной в стену. Дребезжат оконные стекла. Но Ли вроде ничуть не расстроен.

— Никто не поверит во всю эту лапшу.

— Как знать, чему они поверят? — философически замечает Ли. — На этом камне твои отпечатки.

Терри хватается за рубашку, снова бьет его о стену и крепко к ней прижимает. С кухонного столика падает ложка, ее удар о кафельный пол звучит музыкально, как звон

старинных часов. Ли не сопротивляется и смотрит на Терри с невозмутимым видом.

— Ты курил этот толстый косяк рядом с ее телом и там же его уронил. И это она тебя оцарапала, — говорит Ли. — Попыталась сопротивляться. А когда ты ее убил, то вытерся ее нижним бельем. На ее трусах пятна твоей крови.

— Какого хрена ты там несешь? — спрашивает Терри.

Слово «трусы» напряженно висит в воздухе, как звук упавшей ложки.

— Ссадина на твоём виске. Я вытер эту ссадину ее бельем, пока ты лежал в отключке. Мне хочется, Терри, чтобы ты ясно осознал ситуацию. Ты влил в эту историю не меньше меня. Может быть, больше.

Терри сжимает левую руку в кулак, замахивается, но тут же себя останавливает. Лицо Ли горит нетерпением, он дышит поверхностно и учащенно, Терри не может его ударить.

— Чего же ты ждешь? — спрашивает Ли. — Бей, если замахнулся.

Терри дожидается почти до тридцати, ни разу никого не ударив. И никогда не участвовал в школьных драках, он был всеобщим любимцем.

— Если ты мне хоть что-нибудь сделаешь, я сам позвоню в полицию. Так все будет выглядеть даже лучше. Я скажу, что пытался ее защитить.

Терри неуверенно, словно пьяный, делает шаг назад и отпускает его рубашку.

— Я уйду. Тебе нужно взять адвоката. Я поговорю со своим не позже чем через двадцать минут. Где моя куртка?

— Там же, где и камень. И ее трусы. В безопасном месте. Не здесь. По пути домой я кое-где остановился. Ты сказал мне собрать все улики и надежно от них избавиться, но я не стал так делать...

— Заткни хлебало!

— ...потому что подумал, а вдруг ты станешь валить все на меня. Ну давай, Терри. Звони им. Но я тебе точно обещаю, что, если ты будешь меня топить, я утащу тебя с собой. Так что выбирай. У тебя есть «Хотхаус». Через два дня ты возвращаешься в Лос-Анджелес, тереться и дальше в компании кинозвезд и моделей. Но это ерунда. Поступай, как положено. Чтобы была чистая совесть. Но только имей в виду, что никто тебе не поверит, ни даже твой собственный брат, он будет всю жизнь тебя ненавидеть за то, что ты напился, обкурился и убил его любимую девушку. Сперва он, может, этому не поверит, но погоди немного. Ты проведешь в тюрьме двадцать лет — вполне достаточно, чтобы погладить себя по головке за высокие моральные качества. Думай, в конце концов, головой, а не каким-то другим местом. Она мертва уже четыре часа, ты мог бы надеяться выглядеть чистеньким, если бы вызвал полицию, пока тело было еще теплым. Теперь все неизбежно выглядит так, что ты как минимум задумывался, не припрятать ли его.

— Я убью тебя, — прошептал Терри.

— Конечно, убьешь, — кивнул Ли. — И тогда тебе нужно будет объяснять не один труп, а два. Вали на себя побольше.

Терри отворачивается и в отчаянии смотрит на телефон, ему кажется, что если он в ближайшие мгновения не поднимет трубку и не позвонит кому-нибудь, то лишится всего хорошего, что только было в его жизни. И все же он не в силах двинуть рукой. Он словно моряк, оставшийся один на необитаемом острове, глядящий на самолетик, проплывающий в небе на высоте сорока тысяч футов, не имея никакого способа подать сигнал и прощающийся со своим последним шансом на спасение.

— А могло быть и по-другому, — говорит Ли. — Мы с тобой оба не виноваты, а ее убил кто-то случайный. Такое бывает едва ли не каждый день, стоит только посмотреть по телевизору «Новости дня». Никто не видел, как мы ее подобрали. Никто не видел, как мы свернули к литейной. Насколько известно внешнему миру, после костра мы поехали ко мне, играли в карты и в два часа ночи окончательно вырубались, даже не выключив телевизор. Мой дом на прямо противоположной стороне города от «Бездны», чего бы нам туда ездить?

У Терри сжимает грудь, ему не хватает воздуха, и он мельком думает, что вот так, наверное, чувствует себя Иг при своих астматических приступах. Забавно, что ему никак не сделать такую элементарную вещь, как протянуть руку и взять телефонную трубку.

— Ну вот, я свое сказал. По сути, все сводится к выбору: ты можешь жить как калека или как трус. И выбирать придется тебе. Впрочем, можешь мне поверить — у трусов жизнь повеселее.

Терри не двигается, не отвечает и не смотрит на Ли. В его запястье колотится пульс.

— И вот еще что я скажу, — говорит Ли мирным вразумляющим тоном. — Если сейчас проверить тебя на наркотики, ты точно завалишь тест. В таком виде нельзя общаться с копами. Ты спал не больше трех часов и не способен сейчас ясно думать. Терри, она же всю ночь пролежала мертвой. Почему бы тебе не поспать до утра, а потом уже все обдумать. Возможно, ее найдут только через несколько дней. Не спеши совершать поступки, которых потом не исправишь. Подожди, пока не поймешь окончательно, что же ты хочешь сделать.

Это звучит совершенно кошмарно: возможно, ее найдут только через несколько дней, — перед глазами сразу возникает Меррин, как она лежит среди папоротников и мокрой травы, с дождевой водой, стоящей в глазах, и каким-то жучком, ползущим по бронзе ее волос. И тут же возникает Меррин, как она сидит на переднем сиденье, дрожит в своих мокрых одежках и глядит на Терри смущенными несчастными глазами. Спасибо, что меня подобрали. Вы спасли мне жизнь.

— Я возвращаюсь домой, — говорит Терри.

Он хотел, чтобы эти слова звучали вызывающе, звенели справедливым гневом, но вместо этого получился какой-то дрожащий лепет.

— Конечно, — охотно откликается Ли. — Я тебя довезу. Но сперва переоденься в одну из моих рубашек, эта у тебя вся в крови.

Он указывает на грязь, где Терри вытирал руки о рубашку. Только сейчас, в жемчужном свете восхода видно, что это кровь.

Иг увидел все это в одно прикосновение, словно сидел вместе с ними в машине на всем пути к старой литейной, — увидел все и многое еще. Он увидел, как загнанный в угол Терри только что не стоит на коленях перед Ли тридцатью часами позднее, у того на кухне. Это был день невероятно яркого солнца и не по сезону холодной погоды, на улице кричали дети, в бассейне у соседнего дома плескалось несколько тинейджеров. Яркая праздничность этого утра резала глаз и ухо, никак не совмещалась с мыслью, что Иг сидит в камере, а Меррин лежит в холодильнике какого-то морга. Ли стоял, опираясь на кухонный столик, и бесстрастно наблюдал, как Терри перепрыгивает от мысли к мысли, от эмоции к эмоции, задыхаясь то от ярости, то от жалкой беспомощности. Ли подождал, пока Терри выговорится, а затем сказал:

— Они скоро его отпустят. Успокойся. Улики не сойдутся, и полиция должна будет снять с него обвинения.

Говоря, он перекидывал с руки на руку золотую грушу.

— Какие улики?

— Отпечатки обуви, — отвечает Ли. — Отпечатки покрышек. И наверно, многое еще. Думаю, кровь. Она меня наверняка поцарапала. Моя кровь не сойдется с кровью Ига, и у них нет никаких оснований брать мою на анализ. Или, во всяком случае, тебе следует надеяться, что они не возьмут мою на анализ. Успокойся, не мельтеши. Они его выпустят не позже чем через восемь часов, а к концу недели он будет чист как ангел. Тебе нужно просто посидеть немного спокойно, и вы с ним будете в стороне от всей этой истории.

— Говорят, она была изнасилована, — говорит Терри. — Ты не говорил мне, что изнасиловал Меррин.

— А я ее и не насиловал. Изнасилование — это когда она не хочет, чтобы ты это делал, — говорит Ли и со вкусом кусает истекающую соком грушу.

Еще хуже была мимолетная картина того, что Терри попытался сделать через пять месяцев, сидя в гараже на водительском сиденье своего «вайпера» с опущенными окошками, закрытой дверью гаража и включенным мотором. Терри уже был на колеблющейся грани сознания, вокруг него кипели выхлопные газы, и тут вдруг открылась дверь гаража. Его уборщица еще ни разу в жизни не приходила в субботу утром, и вот тебе пожалуйста, стоит и смотрит на Терри через водительское окошко, прижимая к груди бутылку с моющим средством. Пятидесятилетняя мексиканская иммигрантка, она прилично понимала английский, но вряд ли могла бы прочитать сложенную записку, торчавшую из кармана рубашки Терри:

ТЕМ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

В прошлом году мой брат, Игнациус Перриш, был арестован по подозрению в убийстве Меррин Уильямс, его ближайшей подруги. ВСЕ ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ НЕГО БЕЗОСНОВАТЕЛЬНЫ. Меррин, бывшую и моим другом, убил Ли Турно. Я это знаю, потому что при этом присутствовал, и, хотя я не соучаствовал в этом преступлении, я причастен к его сокрытию и не могу больше жить с таким...

Дальше Иг не прочитал, он бросил руку Терри, словно та ударила его электричеством. Глаза Терри открылись, из-за темноты его зрачки были огромными, чуть ли не размером с радужку.

— Мама? — спросил Терри, еле ворочая языком.

В комнате было темно, так темно, что вряд ли он мог разобрать, кто стоит перед ним, только некий смутный силуэт. Иг держал правую руку за спиной, и ножа уж точно не было видно.

Иг открыл рот, что-нибудь сказать, он хотел сказать Терри, чтобы тот спал дальше, — самое бессмысленное, что можно было сказать, не считая прочего. Но тут он ощутил пульсацию крови в своих рогах и вдруг заговорил голосом матери. И это не было имитацией, сознательным подражанием. Это говорила она сама.

— *Спи, Терри,* — сказала Лидия.

Иг был так удивлен, что отшагнул назад и ударился бедром о ночной столик. Стакан с водой негромко звякнул о лампу. Терри снова прикрыл глаза, но начал беспомощно ворочаться, словно готовый проснуться и сесть.

— Мама, — сказал он, — а сколько времени?

Иг смотрел сверху вниз на брата, гадая, не как ему это удалось — вызвать голос Лидии, — а только сможет ли он сделать это снова. Он и сам понимал, как это было сделано. Дьявол, конечно же, умеет говорить чьим угодно голосом и говорить людям то, что им хочется слышать. Дар языков... излюбленный фокус дьявола.

— *Тсс!* — сказал Иг. Его рога наполнились давлением, а голос снова стал голосом Лидии Перриш. Это было очень просто — не нужно было даже об этом думать. — *Тише, милый. Тебе не нужно ничего делать. Тебе не нужно вставать. Отдохни. Береги себя.*

Терри глубоко вздохнул и перевернулся на бок.

Иг мог ждать от себя всего, что угодно, кроме сочувствия к Терри. Главное, конечно же, — то, через что прошла тогда Меррин, но в каком-то смысле Иг потерял той ночью и брата.

Он пригнулся, глядя на Терри, лежащего под простыней на спине, и на какое-то время задумался об этом новом проявлении своей силы. В конце концов он открыл рот, и Лидия сказала:

— *Тебе нужно завтра же возвращаться домой. Возвращайся, милый, к своей жизни. У тебя же там репетиции. И всякое прочее. Не надо беспокоиться о бабушке. С бабушкой все будет хорошо.*

— А что насчет Ига? — негромко пробормотал Терри, так и лежа лицом к стене. — Не должен ли я остаться, пока мы не выясним, куда подевался Иг? Я за него беспокоюсь.

— *Может быть, ему нужно побыть сейчас одному,* — сказал Иг материнским

голосом. — *Ты же знаешь, какое сейчас время года. Я ничуть не сомневаюсь, что с Игом все в порядке, и он бы тоже сказал тебе подумать о своей работе. Тебе нужно хоть единожды в жизни подумать о себе. Терри, завтра же прямо в Лос-Анджелес.*

Иг произнес это как приказ, вложив во фразу всю свою силу воли, силу своих рогов, так, что они сладостно зазудели.

— Завтра же прямо, — сказал Терри. — О'кей.

Иг отступил к двери, к солнечному свету. Но прежде чем он ушел, Терри снова заговорил.

— Я люблю тебя, — сказал Терри.

Иг задержался в открытой двери, его пульс странным образом колотился в гортани, ему не хватало воздуха.

— *Я люблю тебя, Терри,* — сказал он и тихо притворил дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ближе к вечеру Иг подъехал по шоссе к маленькому бакалейному магазинчику. Он взял там сколько-то сыра, пепперони, горчицу, две буханки хлеба, две бутылки красного столового и штопор.

Хозяином магазина был интеллигентного вида пожилой мужчина в круглых очках и шерстяной кофте. Он обвис за витриной, положив подбородок на кулак и листая «Нью-Йорк ревю оф букс». Лавочник взглянул на Ига без малейшего интереса и начал вводить в кассовый аппарат покупки.

Попутно с нажиманием клавиш он сообщил Игу, что у его жены, с которой они живут уже сорок лет, болезнь Альцгеймера, и он подумывает заманить ее на лесенку, ведущую в подвал, и столкнуть вниз. Без всяких сомнений, сломанная шея будет списана на несчастный случай. Венди любила его своим телом, еженедельно писала ему, пока он служил в армии, и родила ему двух очаровательных дочек, но он устал все время ее мыть и слушать ее бред и хотел спокойно жить со своей старой подружкой Салли в Бока-Ратон. По смерти жены он получит страховку в почти три четверти миллиона долларов, что обеспечит и гольф, и теннис, и хорошие обеды с Салли на всю оставшуюся жизнь. Он хотел знать мнение Ига на этот счет. Иг сказал, что, по его мнению, он будет гореть в аду. Лавочник пожал плечами и сказал, что, конечно, это и так понятно.

Он говорил Игу по-русски, и тот отвечал ему на том же языке, хотя его совершенно не знал. Но это неожиданное, необъяснимое владение языком ничуть Ига не удивило, после того как он говорил с Терри материнским голосом, это была ерунда, семечки. Кроме того, язык зла универсален, на манер эсперанто.

Иг смотрел в сторону от кассы, вспоминая, как он обманул Терри, как что-то в нем смогло вызвать именно тот голос, который брату хотелось слышать. Появлялся вопрос о пределах этой силы, насколько полно он может ввести в заблуждение другого человека. Он остановился в дверях и с интересом оглянулся на лавочника, вновь погруженного в чтение газеты.

— Почему вы не снимаете трубку? — спросил Иг.

Лавочник поднял голову и взглянул на Ига, его брови недоуменно сошлись.

— Звонит же, — сказал. Иг, в его рогах запульсировало сладостное давление.

Лавочник хмуро уставился на молчавший телефон, а затем поднял трубку и поднес ее к уху. Даже издали Иг отчетливо слышал гудок.

— *Роберт, это Салли,* — сказал Иг, но сказал не своим голосом.

Голос был низкий, хриплый, но, без всяких сомнений, женский, с бронксовской гнусавинкой, голос совершенно незнакомый, и все же Иг не сомневался, что это голос Салли Какой-то Там.

Лавочник недоуменно нахмурился и сказал, отвечая на длинный гудок:

— Салли? Но мы же с тобой всего два часа как говорили. Я думал, ты стараешься

сэкономить на дальних звонках.

Рога Ига сладостно пульсировали.

— *Я сэкономлю на дальних звонках, когда мне не нужно будет звонить тебе каждый день,* — сказал Иг голосом Салли из Бока-Ратон. — *Когда ты сюда приедешь? Это ожидание меня убивает.*

— Я не могу, — сказал лавочник. — Ты же знаешь, я не могу. Ты знаешь, сколько стоит сдать Венди в приют? На что тогда будем жить мы?

И все это в гудящую трубку.

— *Кто сказал, что мы должны жить как Рокфеллеры? Мне не нужны устрицы... сойдет и тунцовый салат. Ты хочешь подождать, пока она умрет, но что, если я умру первой? Что же тогда получится? Я не молода, и ты тоже не молод. Помести ее куда-нибудь, где о ней позаботятся, а затем садись на самолет и прилетай сюда, чтобы ты тоже не был неухоженным.*

— Я обещал Венди, что никогда не сдам ее в приют.

— *Она уже не тот человек, которому ты давал обещание, и я боюсь, чего ты можешь наделать, если продолжишь жить в ее обществе. Я только и прошу, чтобы ты выбрал ту разновидность зла, с которой мы сможем жить. Позвони мне, когда купишь билет, и я встречу тебя в аэропорту.*

Иг замолчал, из его рогов ушло сладостное давление. Лавочник отвел трубку от уха и уставился на нее, чуть-чуть приоткрыв рот. В трубке звучал все тот же гудок. Иг вышел за дверь, лавочник этого даже не видел, он совсем о нем забыл.

Иг развел огонь в дымовой трубе, затем открыл первую бутылку и сделал большой глоток, не выжидая, чтобы вино подышало. Винные пары ударили ему в голову, все вокруг закачалось, сладкое удушье, любящие руки на горле. Он чувствовал, что должен разработать план, должен решить, как лучше обойтись с Ли Турно, но было трудно одновременно и думать, и глядеть на огонь. Его зачаровывала экстатическая пляска языков пламени. Он с восторгом взирая на кружение искр, на оранжевое кувырканье отламывающихся угольков, восторгался резким вкусом вина, освобождавшим его голову от мыслей, как маляр обдирает старую краску. Он беспокойно подергал себя за бородку, радуясь ей, довольный ее наличием, чувствуя, что с ней облысение становится более приемлемым. Когда Иг был ребенком, все его герои носили бороду: Иисус, Авраам Линкольн, Дэн Хаггерти.¹

— Бороды, — пробормотал он. — Я благословен волосатым лицом.

Иг уже откупорил вторую бутылку, когда услышал шепот огня, предлагавшего различные планы, ободрявшего тихим шипящим голосом, выдвигавшего богословские доводы. Иг чуть наклонил голову и внимательно, зачарованно слушал. Иногда он согласно кивал. Голос огня говорил весьма разумные вещи, за следующий час Иг узнал очень много.

После наступления темноты он открыл заслонку, в помещении за ней кишели верные последователи, жаждавшие услышать Слово. Иг вышел из дымовой трубы, и копошащийся ковер из змей — тысяча змей по меньшей мере, лежавших друг на друге, перепутанных самым бредовым образом, — расчистил ему путь к груде кирпичей, возвышавшейся посреди пола. Иг взобрался на вершину этого холмика и сел на него с вилами в одной руке и бутылкой вина в другой. И с этого возвышения он начал им проповедовать.

— Принято верить, — сказал им Иг, — что душу следует беречь, дабы не погибнуть в геенне огненной. Сам Христос предупреждал апостолов остерегаться того, кто погубит их души в аду. Я же говорю вам, что такая судьба математически невозможна. Душу нельзя уничтожить. Душа существует вечно. Подобно числу Пи она нигде не обрывается и не завершается. Подобно Пи она постоянна. Пи — иррациональное число, его невозможно выразить дробью, невозможно отделить от себя самого. Точно так же душа — это

¹ Дэн Хаггерти (р. 1941) — культурист и актер, прославился исполнением главной роли в фильме «Жизнь и времена Гризли Адамса» (1974) о траппере времен фронта и его ручном медведе.

иррациональное, неприводимое уравнение, идеально выражающее единственную вещь: тебя. Смертная душа не представляла бы для дьявола ни малейшей ценности. И она не гибнет, попадая в руки Сатаны, как то зачастую считается. Она всегда в его распоряжении.

На груди кирпичей заползла смелейшая из змей, похожая на толстую коричневую веревку. Иг ощутил, как она ползет по его голой левой ноге, но никак не среагировал, продолжая удовлетворять духовные нужды своей паствы.

— Сатана издавна известен как Противник, но Бог страшится женщин даже больше, чем дьявола, — и правильно делает. Это она с ее властью приносить в мир новую жизнь является истинным подобием Творца, а никак не мужчины, и многожды доказала, что больше заслуживает почитания людьми, чем Христос, этот небритый фанатик, страстно желавший конца света. Бог спасает — но не сейчас и не здесь. Подобно всем мошенникам, Он просит вас заплатить сейчас и принять на веру, что воздаяние придет попозже. В то время как женщины предлагают спасение иного рода, более близкое и понятное. Они не откладывают свою любовь на далекое, плохо определенное будущее, но дарят ее здесь и сейчас, зачастую тем, кто этого совершенно не заслужил. Так было со мной. Дьявол и женщины с самого начала были союзниками против Бога, с того еще времени, как Сатана явился к первому человеку в облике змея и нашептал Адаму, что истинное счастье может быть найдено не в молитве, а в Евиной шахне.

Змеи извивались, шипели и боролись за место у его ног. В состоянии, близком к экстазу, они кусали друг друга. Толстая коричневая змея, улегшаяся у Иговых ног, начала оборачиваться вокруг его лодыжки. В конце концов он нагнулся, приподнял змею и посмотрел на нее. Она была цвета осенних пожухлых листьев, если не считать оранжевой полосы вдоль спины, да на конце ее хвоста висела короткая, пыльного вида гремушка. Иг никогда не видел гремучих змей, разве что в фильмах Клинта Иствуда. Она позволила поднять себя в воздух, не сделала ни малейших попыток уползти. Змея потрескивала, как сминаемая металлическая фольга, и смотрела на Ига золотыми глазами с длинными узкими зрачками. Ее язык ежесекундно выскакивал наружу, словно пробуя воздух, а холодная кожа лежала на теле свободно, как веко на глазном яблоке. Ее хвост (возможно, тут не стоит говорить о хвосте, вся она была сплошным хвостом с головой, приделанной к одному из концов) свободно свисал с Иговой руки. Подумав секунду, Иг накинул змею себе на плечи, как свободный шарф или незавязанный галстук. Ее гремушка лежала на его обнаженной груди.

Иг уставился на свою аудиторию, совсем забыв, о чем говорил, запрокинул голову и приложился к бутылке. Вино обожгло его пищевод сладостным пламенем. Христос был хотя бы прав в своей любви к дьявольскому напитку, который, подобно плоду из райского сада, даровал свободу и знание и вместе с тем разрушал. Иг выдохнул две струи дыма и вспомнил свои рассуждения.

— Вот посмотрите на девушку, которую я любил, и которая любила меня, и как она кончила. Она носила на шее Иисусов крест и хранила верность церкви, которая никогда не сделала ей ничего, только принимала пожертвования и в лицо называла ее грешницей. Она каждый день хранила Иисуса в своем сердце и каждую ночь Ему молилась. И посмотрите, сколько добра и пользы это ей принесло. Иисус на своем кресте. Сколько людей оплакивало Иисуса на кресте! Словно никто никогда не страдал так, как страдал Он. Словно и не было миллионов людей, которых постигла худшая смерть и которых никто и не помянул. Живи я во времена Пилата, мне бы доставило удовольствие лично воткнуть Ему в бок копье, так уж Он кичился собственной болью... Мы с Меррин были как муж и жена. Но ей было мало меня, она хотела свободу, жизнь, возможность узнать себя самое. Она хотела других любовников и хотела, чтобы я тоже брал себе других любовниц. Я возненавидел ее за это. И Бог тоже. Всего лишь представив себе, что она раздвинет ноги перед другим мужчиной, Он отвернул от нее свое лицо, и, когда она воззвала к Нему, когда ее насиловали и убивали, Он притворился, что не слышит. Вне всяких сомнений, Он считал, что она получила по заслугам. Теперь я вижу Бога как лишенного фантазии автора грошовых романов, человека, строящего

повествование вокруг садистских неуклюжих сюжетов, чьи писания существуют только для того, чтобы выразить Его ужас перед властью женщины, кого и как ей любить, властью переопределять любовь так, как ей кажется лучше, а не так, как должно быть, по мнению Бога. Этот автор не стоит своих собственных персонажей. Дьявол есть в первую очередь литературный критик, задающий этому бездарному писаке заслуженную Им принародную порку.

Змея, висевшая у Ига на шее, любовно потерлась головой об Игово бедро. Он нежно ее погладил и перешел к самому главному: к ключевому моменту своей огненной проповеди.

— Только дьявол любит людей такими, какие они есть, и радуется их хитроумным саморазрушительным замыслам, их бесстыдному любопытству, их неумению владеть собой, их вечным порывам нарушить любое правило, как только они о нем услышат, их охотному желанию отдать свою бессмертную душу за перепих. Дьявол знает, что лишь имеющие смелость рискнуть своей душой ради любви правомочны иметь душу, хотя Бог этого и не знает... Так куда же это помещает Бога? Нам говорят, Бог любит человека, но любовь должна доказываться фактами, а не доводами. Если вы сидите в лодке и не спасете утопающего, вам наверняка гореть в аду, однако Бог в своей премудрости не ощущает нужды использовать свою власть, чтобы спасти кого-либо от единого момента страданий, и, несмотря на все Его бездействие, Ему поклоняются, Его почитают. Покажите мне в этом хоть какую-нибудь самую элементарную логику. Вы не сможете. Ее там нет. Только дьявол действует сколько-нибудь разумно, обещая наказать тех, кто превращает землю в ад для решающихся любить и чувствовать... Я не заявляю, что Бог мертв. Я говорю вам, что Он жив и в полном здравии, но не может обещать никому спасения, ибо проклят сам за свое преступное бездействие. Он погиб в тот самый момент, когда потребовал верности и поклонения, прежде чем обеспечил защиту. Типичный гангстерский рэкет. А что бы ни говорили о дьяволе, он не безразличен. Дьявол всегда придет на помощь тем, кто готов грешить, что синонимично слову «жить». Его телефонные линии свободны. Операторы стоят наготове.

Змея, лежащая у Игги на плечах, одобрительно встряхнула своей гремушкой, издав негромкий сухой звук, похожий на щелканье кастаньет. Иг приподнял ее рукой, поцеловал в холодную голову и отпустил, а затем вернулся в дымовую трубу. Змеи торопливо расползались у него из-под ног, освобождая ему проход. Он оставил вилы стоять у стены, сразу же за заслонкой, устроился в трубе поудобнее, однако сразу не уснул. Какое-то время он читал при свете костра свою Библию Нила Даймонда. Пассаж из Второзакония, запрещающий одежду из шерсти и льна вместе, заставил его задуматься и нервно подергать свою бородку. Трудное место Писания. Вопрос, требующий размышлений.

— Один лишь дьявол хочет, чтобы человек мог выбирать из широкого диапазона легких и удобных стилей одежды, — пробормотал он наконец, пробуя на слух новую притчу. — Хотя не может быть прощения за полиэфир. По этому вопросу Сатана и Господь находятся в полном согласии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Ига разбудило звяканье, визг железа по железу. Он сел в пахнущем сажей мраке, сонно протирая глаза, костер давно уже потух. Сощурившись, чтобы посмотреть, кто это, открыл заслонку — и получил тычок большим гаечным ключом, едва не свернувший ему шею. Иг перекатился на колени и локти, его рот наполнился кровью. Он почувствовал на языке какие-то твердые предметы и сплюнул слизистую ленту крови, вместе с ней сплюнулись и зубы, три штуки.

Рука в черной кожаной перчатке просунулась в дымовую трубу, схватила Ига за волосы и вытащила из печи, попутно стукнув его головой о железную заслонку. Заслонка гулко зазвенела, словно кто-то ударил в гонг. Рука в черной перчатке кинула Ига на бетонный пол. Он попытался подняться, но получил в бок жестокий удар черным подкованным сапогом. Его руки подломились, и он упал плашмя, ударившись о бетон подбородком. Его зубы звонко

щелкнули, как киношная хлопушка: *Эпизод 666, дубль первый, начали.*

Вилы. Он прислонил их к стене, рядом с печью. Иг перекатился и бросился к вилам. Пальцами зацепил древко, и вилы со стуком упали. Когда Иг попытался их поднять, Ли Турно припечатал его руку кованым сапогом. Иг услышал хруст ломающихся костей, как будто кто-то ломает пригоршню сухих сучков. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Ли, и в этот самый момент Ли снова ударил его гаечным ключом, на этот раз — прямо между рогов. В голове у Ига вспыхнула белая световая граната, ослепительно горящий фосфор, и мир исчез.

Открыв глаза, Иг увидел, как скользит под ним пол литейной. Ли взял его за воротник рубашки и куда-то волок, его колени скользили по бетону. Его руки были впереди тела, их кисти что-то сжимало. Не иначе как толстый промышленный скотч. Иг попытался встать, но сил его хватило, только чтобы чуть подергать ногами. Мир наполнился inferнальным треском саранчи, и потребовалось время на осознание того, что треск звучит в его голове, поскольку ночью саранча молчит.

Что касается этой старой литейной, было неверно говорить про внутри нее и снаружи. У литейной не было крыши, все ее внутренности были снаружи. Но Иг ощущал, что его протащили через дверь, каким-то образом ощущал, что они попали в объятия ночи, хотя под его коленями был все тот же пыльный бетон. Он не мог поднять голову и все же чувствовал открытое место, чувствовал, что стены остались позади. Где-то неподалеку ворковал на холостом ходу знакомый «кадиллак». Мы за зданием, подумал Иг, неподалеку от тропы Ивела Нивела. Его язык тяжело поворачивался во рту, угорь, плавающий в крови. Кончик языка нащупал пустое место, где прежде были зубы.

Если уж пытаться использовать рога, нужно делать это сейчас же, прежде чем Ли успеет сделать то, зачем пришел. Однако когда Иг открыл рот, чтобы заговорить, он ощутил черный сокрушительный удар боли, и сил его хватило только на то, чтобы не закричать. Его челюсть была сломана — возможно, даже раздроблена. С его губ стекала кровавая пена, и он издал невнятный болезненный звук.

Они остановились на верху бетонной лестницы, Ли дышал тяжело, с присвистом.

— Господи, Иг, — сказал он, — ты совсем не выглядишь таким тяжелым. У меня нет сил для таких упражнений.

И спустил Ига со ступенек. Иг ударился сперва плечом, а потом лицом, и это было словно его челюсть ломается снова, и он не может этому помешать, и на этот раз он все-таки закричал, негромко, полузадушенно. Остальную часть пути до низа он уже прокатился колбаской и растянулся на земле, упершись в нее носом.

Когда Иг перестал катиться, он замер в полной неподвижности — не двигаться было очень важно, было самой важной в мире вещью, — ожидая, чтобы черная пульсация боли в его разбитом лице утихла, ну хотя бы немного. Кованые сапоги мерно проскребли по бетонным ступенькам и удалились, хрустя гравием. Дверь машины открылась. Дверь машины захлопнулась. Снова заскрипел гравий под сапогами. Затем Иг услышал жестяное дребезжание и какой-то плещущий звук, смысл которого был для него непонятен.

— А я ведь знал, Иг, что найду тебя здесь. Ну никак ты не мог сюда не лезть.

Иг с трудом поднял голову и посмотрел. Ли сидел рядом с ним на корточках — в темных джинсах и белой рубашке, из закатанных рукавов выглядывали его сильные худые предплечья. Лицо у Ли было спокойное, почти добродушное, он рассеянно теребил крестик, примостившийся у него на груди в завитках золотистых волос.

— Я знал, что найду тебя здесь, уже с того момента, как пару часов назад мне позвонила Гленна. — В уголках его рта мелькнула мимолетная улыбка. — Она вернулась домой и застала в своей квартире полный разгром: телевизор вдребезги, все везде разбросано. Она сразу же мне позвонила, Иг, она плакала. Она чувствует себя совершенно ужасно. Думает, ты как-то узнал про наше — как это называется прилично? — наше свидание на парковке и ты теперь ее за это ненавидишь. Она боится, что ты можешь что-

нибудь с собой сделать. Я сказал ей, что скорее уж боюсь, не сделал бы ты что-нибудь с ней, и что ей стоило бы провести эту ночь в моем обществе. Ты мне не поверишь, но она отвергла это предложение. Она сказала, что ничуть тебя не боится и что ей нужно с тобой поговорить, прежде чем между мной и ею будет что-нибудь еще. Старая добрая Гленна. Ты знаешь, она ведь очень мила. Ну разве что слишком отчаянная. И все время чувствует себя неуверенно. Довольно бледоватая. Второе по ненужности человеческое существо, какое я только встречал. Первое, конечно же, ты.

Иг забыл про раздробленную челюсть и попытался сказать Ли, чтобы держался, на хрен, от нее подальше, но когда он открыл рот, получился только еще один крик. Боль выстрелила во все стороны от челюсти, нахлынувшая темнота постепенно, от углов, захватила все его поле зрения. Иг резко выдохнул — высморкался кровью — и усилием воли раздвинул темноту.

— Эрик не помнит, что случилось сегодня утром в квартире у Гленны. — Ли сказал это настолько тихо, что Иг едва расслышал. — Почему бы это, Иг? Он не может вспомнить ничего, кроме того, что ты плеснул ему в лицо кипятком и он едва не отключился. Но ведь что-то же было в этой квартире. Драка? Что-то. Может, я взял бы с собой сегодня и Эрика — он-то уж точно хотел бы видеть тебя мертвым, — если бы не его лицо. Ты, Иг, обжег его лицо по высшему классу. Еще бы немного, и ему пришлось бы обращаться в больницу и придумывать какое-то объяснение, как это все случилось. В любом случае не стоило ему залезать в квартиру Гленны. Мне иногда начинает казаться, что у этого парня нет никакого уважения к закону. — Ли весело рассмеялся. — Впрочем, оно, может, и к лучшему, что он сегодня в этом не участвует. В таких вещах лучше обходиться без свидетелей.

Руки Ли лежали на коленях, в правой руке был гаечный ключ, двенадцать фунтов ржавого железа.

— Я почти понимаю, почему Эрик не помнит, что случилось у Гленны. Стальным ковшиком по голове можно вытрясти любую память. Но я и в ум не возьму, как следует понимать вчерашнее событие, когда ты появился в офис конгрессмена. Тебя видели три человека: Чет, секретарь, Камерон, заправляющий рентгеном, и Эрик. Через пять минут после твоего ухода никто из них уже тебя не помнил. Только я. Даже Эрик мне бы не поверил, не покажи я ему видеозапись. На видео видно, что вы с ним разговариваете, но Эрик не знает о чем. И кое-что еще. Видео. Неправильное там видео. Похоже, что что-то случилось с пленкой... — Голос Ли постепенно затих, несколько секунд он молчал и думал. — Искажения. Но только вокруг тебя. Что ты сделал с пленкой? Что ты сделал с ними? И почему это вроде бы не затрагивает меня? Хотелось бы понять, как так. — Не слыша ответа, Ли поднял гаечный ключ и ткнул им Ига в плечо. — Иг, ты меня слушаешь?

Иг слушал каждое его слово и все это время готовился, набирался сил для прыжка. Он подтянул под себя колени, восстановил дыхание и только выжидал подходящего момента и этот момент наступил. Он вскочил, отбил в сторону гаечный ключ, бросился на Ли и ударил его в грудь плечом так, что тот упал на спину. Вскинув руки, Иг вцепился Ли в горло...

...и в момент прямого соприкосновения едва не закричал, на какой-то миг он очутился у Ли в голове, и это было все равно что снова попасть в Ноулз-ривер, он тонул в бурном черном потоке, его затягивали холодная ревущая тьма и отчаянное движение. В это мгновение контакта Иг узнал *все*, и не хотел это все знать, хотел бы *раззнать*.

У Ли все еще был гаечный ключ, он приподнялся и ударил им Ига в живот, Иг зашелся приступом кашля. Удар откинул Ига в сторону, при этом его пальцы зацепили золотую цепочку у Ли на шее. Цепочка беззвучно распалась, и крестик улетел куда-то в ночь.

Ли выбрался из-под Ига и поднялся на ноги. Иг стоял на четвереньках, пытаясь отдышаться.

— Попробуй-ка еще раз задушить меня, дерьмо собачье! — сказал Ли и ударил сапогом ему в бок.

Было слышно, как сломалось ребро, Иг застонал и упал лицом на землю. За первым ударом ногой последовали второй и третий. Третий удар угодил в крестец и послал по всем

внутренностям Ига всплеск иссушающей боли. О его голову ударилось что-то мокрое. Плевок. Какое-то время Ли не двигался, оба они старались отдышаться.

В конце концов Ли спросил:

— Что это за хреновина у тебя на репе? — В его голосе звучало неподдельное удивление. — Господи, Иг, это что, рога?!

Иг содрогался от тошнотворных волн боли в спине, боку, в раздробленной челюсти. Левой рукой он царапал землю, проводил по ней бороздки, борясь за каждую секунду ясного сознания. Что это там он сказал? Что-то насчет рогов.

— Именно это и было на видео, — пробормотал, слегка задыхаясь, Ли. — Рога. Мать твою в лоб и в ухо. А я-то думал, бракованная пленка. Но с пленкой-то все в порядке, а вот с тобой — не все. Знаешь, я вроде бы видел их вчера, глядя на тебя плохим глазом. Через него все видится мутными тенями, но, посмотрев на тебя, я подумал, хмм... — Голос Ли умолк, и он пощупал двумя пальцами свое горло. — Это еще что?

Закрыв глаза, Иг увидел блестящую латунную сурдину «Том Краун», которую задвигают в трубу, чтобы приглушить звук. В конце концов он все-таки нашел сурдину для своих рогов. Крестик Меррин заглушал их сигнал, создавал вокруг Ли Турно область, куда они не могли проникнуть. Без крестика Ли был наконец открыт для влияния рогов. Слишком поздно, чтобы это принесло Игу хоть какую-то пользу.

— Мой крест, — сказал Ли, продолжая щупать свою шею. — Ее крест. Ты сорвал его. Ты сорвал его, пытаешься меня задушить. Зря ты это, Иг. Думаешь, я хочу делать это с тобой? Да не хочу я, не хочу. Мне бы хотелось это делать с четырнадцатилетней соседкой. Она любит загорать на заднем дворе, и я иногда смотрю на нее из окна своей спальни. В своем бикини из американского флага она смотрится настоящей вишенкой. Я думаю о ней так, как думал когда-то о Меррин. Нет, я никогда с ней ничего не сделаю. Слишком уж рискованно. Мы же соседи, и я буду одним из первых подозреваемых. Не нужно срать там, где ты ешь. Если только... если только нет полной уверенности, что это сойдет тебе с рук. Вот ты, Иг, что ты об этом думаешь? Думаешь, мне стоит ее уделать?

Через черную боль в сломанном ребре, через вздувавшийся жар в раздробленной челюсти и в сломанных пальцах Иг все же заметил, что голос Ли изменился, он заговорил мечтательно, словно с самим собой. Рога начинают на него действовать, как они действовали на всех остальных.

Иг отрицательно покачал головой, Ли был явно разочарован.

— Нет. Плохая идея, да? Только я вот что тебе скажу. Пару ночей назад я чуть не пришел сюда с Гленной. Мне так хотелось, что ты просто не поверишь. Когда мы вышли из «Стейшн-хауса», она была совсем пьяная и хотела, чтобы я отвез ее домой, и я подумал, что отвезу-ка я ее сюда и отдеру в ее толстые сиськи, а затем проломлю ей голову и так и оставлю валяться. И ведь это бы тоже легло на тебя. Иг Перриш наносит новый удар, убивает еще одну свою подружку. Но Гленне вдруг потребовалось отсосать у меня прямо на парковке, на виду у трех или четырех парней, и я уже не решился. Нас с ней связали бы слишком многие. Ну да ладно, в другой раз. Девки вроде Гленны, девки с массой приводов и татуировками, которые и пьют слишком много, и курят слишком много, — они же все время исчезают, и уже через полгода даже люди, их знавшие, не могут вспомнить, как их звали. А сегодня, Иг, сегодня мне достался хотя бы ты.

Он нагнулся, ухватил Ига за рога и потащил через бурьян. Игу не хватало сил даже просто подергать ногами. Из рта его текла кровь, правая рука пульсировала, словно сердце.

Ли открыл переднюю дверцу Игова «гремлина», ухватил его за подмышки и втащил в машину. Иг упал лицом на сиденье, его ноги висели снаружи. От усилия Ли покачнулся — в нем явно ощущалась усталость — и сам едва не упал в машину. Чтобы устоять, он положил руку на Игову спину, его колено упиралось в Игову задницу.

— Эй, Иг! Помнишь день, когда мы встретились? Здесь, на тропе Ивела Нивела? Только подумай: если бы ты тогда утонул, я мог бы получить Меррин, когда она была еще вишенкой, и, может быть, ничего плохого не случилось бы. Впрочем, как сказать. Она и тогда была

маленькой упрямой сучкой. Есть одна вещь, которую тебе нужно бы знать. Я все время чувствовал себя виноватым. Ну, может, и не виноватым. Но как-то так странно. И вот в чем дело: в действительности. Я не. Спасал тебя. Когда ты тонул. Я говорил тебе не знаю уж сколько раз, а ты мне никогда не верил. Ты выплыл своими силами. Я даже не ударил тебя по спине, чтобы вернуть тебе дыхание. Я ударил тебя совершенно случайно, пытаюсь отскочить от тебя подальше: рядом с тобой была эта здоровая долбаная змея. Я ненавижу змей. У меня к ним вроде как отвращение. Слышь, а может, тебя вытащила змея? Она была для этого достаточно большая. Как долбаный пожарный шланг. — Его рука в кожаной перчатке похлопала Ига по голове. — Ну вот, я рад, что сбросил это с души. И ведь сразу почувствовал себя лучше. Так что они правду говорят. Признание действительно полезно для души.

Он встал, схватил Ига за лодыжки и затолкал его ноги в машину. Усталая часть Ига была довольна, что он умрет именно здесь. Все самое лучшее в его жизни было связано с «гремлином». Здесь он любил Меррин, здесь происходили их самые счастливые беседы, здесь он держал ее за руку при долгих поездках во тьме, оба они молчали, просто наслаждаясь общей тишиной. Он чувствовал, что Меррин где-то совсем близко, что если он поднимет голову, то увидит ее на пассажирском сиденье, как она тянет руку погладить его по голове.

Он услышал сзади шарканье, а затем этот гулкий жестяной плещущий звук, и сумел наконец понять, что это такое. В металлической канистре плескалась какая-то жидкость. Он едва сумел приподняться на локти, когда на спину ему что-то плеснуло, насквозь пропитав рубашку. Вся машина наполнилась едкой вонью бензина.

Иг перекатился на живот, отчаянно пытаясь сесть. Ли кончил поливать его бензином и откинул пустую канистру в сторону. Иг моргал от едких паров, весь воздух вокруг него пропитался бензиновой вонью. Ли достал из кармана небольшую коробочку. По пути из литейной он успел прихватить Иговы спички «Люцифер».

— Мне всегда хотелось это сделать, — сказал Ли, чиркнул спичкой и забросил ее в открытое окошко.

Горящая спичка ударила Ига в лоб, перевернулась и упала. Кисти его рук были привязаны друг к другу, но они находились спереди, и он поймал падающую спичку, без раздумий и намерений, просто рефлекторно. На какой-то момент — всего лишь момент — его ладони превратились в чашу, вселянь наполненную огнем, золотистым цветом.

Затем Иг оделся пламенем, превратился в живой факел. Он закричал, но не услышал своего голоса, потому что внутренность машины вспыхнула с низким глухим хлопком, который, казалось, высосал из воздуха весь кислород. Мелькнул на мгновение Ли, резко попятившийся от «гремлина», на его потрясенном лице играли отблески пламени. Как Ли ни готовился к этой секунде, он оказался к ней не готов, машина превратилась в ревущий костер.

Иг ухватился за дверцу, попытался выйти, но Ли шагнул вперед и пинком ее захлопнул. Пластик приборной доски быстро почернел, ветровое стекло стало на глазах обугливаться. Сквозь него видна была ночь и тропа Ивела Нивела, где-то там внизу текла река. Иг пошарил в огне, нашел переключатель скоростей и перевел его в нейтральное положение, другой рукой он отпустил парковочный тормоз. Когда он снимал ладонь с передачи, за ней потянулись липкие нити пластика, сплавившегося с кожей.

Снова взглянув в открытое водительское окошко, Иг увидел, как Ли начинает от него уплывать, в сиянии движущейся преисподней его лицо было бледным и ошарашенным. Затем Ли остался позади, и мимо «гремлина» помчались деревья. Чтобы видеть то, что впереди, Иг не нуждался в фарах, машину окружал золотистый свет, она превратилась в пылающую колесницу, разгонявшую тьму. *Тише качайся, моя колесница*,¹ вспомнилось Игу.

Сверху над машиной сошлись деревья, по бокам ее хлестали кусты. Иг не бывал на этой дороге со времени магазинной тележки, больше десяти лет, и уж точно не ездил здесь ночью — или в машине — или сгорая заживо. Но при всем при том он помнил путь, помнил по ощущениям в желудке. Спуск становился все круче, пока не стало казаться, что машина

¹ Строка из известного спичечула.

просто падает с обрыва. Задние колеса оторвались от земли и снова опустились с хлестким металлическим звуком. Правое окошко взорвалось от жара. Со свистом проносились кусты и маленькие сосенки. В руках у Ига была рулевая баранка, он не помнил, когда за нее схватился. Баранка оплавлялась и оседала, подобно часам на картине Дали. Левое переднее колесо обо что-то ударилось, руль рвался из рук, пытаясь развернуть пылающий «гремлин» в сторону, но Иг упрямо удержал машину на дорожке. Дышать он уже не мог, все вокруг было огнем.

«Гремлин» ударился о полосу земли, завершавшую тропу Ивела Нивела и пылающей дымной кометой взлетел к небу. Пламя перед Игом расступилось, словно чьи-то невидимые руки раздвинули красный занавес. Прямо на него мчалась вода подобная дороге, вымощенной гладким черным мрамором. А потом раздался громкий плеск, ветровое стекло разлетелось вдребезги, и в машину хлынула вода.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Ли Турно стоял на берегу и смотрел, как течение медленно разворачивает «гремлина» носом по течению. Машина ушла под воду почти целиком, только задняя часть чуть-чуть высывалась. Огонь уже погас, хотя по краям багажника еще пробивался белый дымок. Ли стоял с гаечным ключом в руке и смотрел, как машина кренится и оседает все глубже. Потом он краем глаза заметил рядом со своей ногой какое-то движение. Он опустил глаза, отпрыгнул с криком отвращения и ударил ногой водяную змею, уже скрывавшуюся в траве. Змея проползла мимо и с плеском упала в реку. Губы Ли подрагивали от брезгливости, а тем временем в воду соскользнула и вторая змея, и третья, лунная дорожка на воде задрожала и разбилась на несколько кусков. Ли бросил последний взгляд на тонущую машину, повернулся и полез по склону вверх.

Ли ушел уже довольно далеко, когда Иг поднялся из воды на берег. Его тело слегка дымилось. Он сделал шесть неуверенных шагов и опустился на колени. Валясь в папоротники на спину, он услышал, как хлопнула дверца машины, Ли развернул свой «кадиллак» и уехал. Иг лежал на берегу и отдыхал.

Его кожа не была уже бледной, как рыбий живот, но приобрела насыщенный красноватый цвет, как некоторые разновидности красного дерева. Дышалось ему легко, как никогда прежде, его грудь, как меха с каркасом из ребер, вздымалась и опадала без всяких усилий. Пять минут назад он слышал, как одно из ребер треснуло, а сейчас уже не чувствовал ни малейшей боли. Только много позже он заметил на теле пятна, подобные синякам месячной давности, — единственные следы жестокого избиения. Он открыл рот, закрыл рот, сильно поворочал челюстью, но боли не было, а когда его язык стал искать выбитые зубы, то нашел их целехонькими, гладкими и на прежнем месте. Он сжал и разжал кулак. Все в полном порядке, все кости целы. Тогда он этого не замечал, но теперь неожиданно вспомнил, что за все время этого горения ни на миг не испытывал боли. И как раз наоборот, он вышел из огня невредимым, исцеленным. Теплый ночной воздух наполнился запахами бензина расплавленного пластика и обгорелого железа — запахом, от которого в Иге что-то шевельнулось, точно так же, как от запаха Меррин, запаха лимона и мяты, и девчоночьего пота. Игги Перриш закрыл глаза и стал делать один блаженный вдох за другим, и, когда он снова открыл глаза, уже светало.

Его кожа, туго натянутая на кости и мускулы, чувствовала себя совершенно чистой. Он никогда не бывал чище. Вот так, очевидно, и должно ощущаться это новое крещение — крещение огнем. Берега заросли дубами, их широкие листья качались и трепетали на фоне невозможно синего неба, их края сверкали золотом и зеленью.

Меррин увидела среди листьев древесную хижину как раз при таком освещении. Они с Игом толкали свои велосипеды по лесной тропинке, возвращаясь из города где провели почти все утро за волонтерской работой по окраске церкви, а поэтому были в мешковатых

футболках и обрезанных выше колена джинсах, забрызганных белой краской. Они ходили и ездили по этой тропинке довольно часто, но прежде не замечали здесь никакой хижины.

Впрочем, ее было легко не заметить. Она была построена в пятнадцати футах от земли в раскидистой кроне какого-то дерева, узнать которое Игу не удалось, и пряталась за тысячами темно-зеленых листьев. Когда Меррин указала на хижину, Иг сперва не заметил, что там вообще что-то есть. Ничего там не было. А затем было. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь листья, сиял на белой табличке. Когда они подошли поближе, под самое дерево, хижину стало виднее. Это было нечто вроде белого ящика с широкими вырезами окон, занавешенных дешевыми нейлоновыми занавесками. Было похоже, что ее строил кто-то знающий, что он делает, а не случайный человек, случайно посвятивший свой уикэнд случайному рукоделию, хотя ничего особенного в ней и не было. К ней не вела никакая лестница, да она и не была нужна. Низкие ветки образовывали цепочку естественных ступенек, ведущую к закрытому люку. На нижней стороне люка белой краской была написана короткая фраза, видимо юмористическая: «Блаженны вы будете, сюда войдя».

Иг остановился и начал разглядывать — прочитав эту надпись, он негромко фыркнул, — но Меррин не теряла времени. Она положила свой велосипед на мягкие кочки под деревом и сразу же полезла, уверенно перебираясь с ветки на ветку. Иг стоял внизу и смотрел, как она карабкается, пробирается между сучьев, и неожиданно поразился ее голым ногам, дочерна загоревшим за целую весну, посвященную игре в футбол. Добравшись до люка, Меррин оглянулась и посмотрела на Ига. Потребовалось усилие, чтобы перевести глаза с ее ног на лицо, а когда он это сделал, оказалось, что Меррин ухмыляется. Она не стала ничего говорить, а только открыла люк и юркнула внутрь. К тому времени, когда Иг последовал за Меррин, она уже раздевалась. На полу лежал маленький пыльный квадратный коврик. На столе стояла бронзовая менора с девятью обгорелыми свечами, окруженная фарфоровыми фигурками. В углу стояло кресло с заплесневелой обивкой. За окном колыхались листья, их тени непрерывно двигались по ее телу, а древесная хижина негромко поскрипывала в своей колыбели из веток, и как там этот старый детский стишок про колыбель на дереве? *Баю-бай детки на еловой ветке*.¹ Баю-бай. Иг прикрыл за собой люк и задвинул его креслом, чтобы никто не застал их врасплох. Он тоже разделся, и какое-то время они качались вместе.

— А что тут за свечки и эти стеклянные фигурки? — спросила потом Меррин.

Иг встал на четвереньки, чтобы рассмотреть их поближе, а Меррин быстро села и звонко шлепнула его по заднице. Иг рассмеялся и отполз от нее на безопасное расстояние.

Затем он встал на колени у приставного столика. Менора стояла на обрывке грязного пергамента с надписью на иврите большими печатными буквами. Свечи в меноре сильно обгорели, образовав вокруг ее латунного основания целый лес восковых сталактитов и сталагмитов. Фарфоровая Мария — очень симпатичная еврейка в синей одежде — благочестиво опустила на одно колено перед ангелом Господним — высокой жилистой фигурой в одеянии, похожем на тогу. Она тянулась вниз — видимо, к его руке, хотя фигурки стояли таким образом, что она трогала его золотое бедро и вроде бы тянулась к его члену. Божий посланник взирал на нее с высокомерным неодобрением. Второй ангел стоял чуть в стороне спиной к ним и, подняв к небу лицо, скорбно дудел в золотую трубу.

Какой-то шутник добавил к этой композиции серокожего инопланетянина с черными, фасетчатыми, как у мухи, глазами. Он стоял рядом с Марией и словно нашептывал что-то ей на ухо. Эта фигурка была не фарфоровая, а резиновая, похоже — по мотивам какого-то фильма, Иг подумал про «Близкие контакты».²

— А по-какому это написано? — спросила Меррин, она подползла и встала на колени рядом с ним.

— Иврит, — сказал Иг. — Это филактерия.

— Хорошо, что я сейчас на пилюле, — сказала Меррин. — А то ты забыл надеть свою

1 Строчка из детского стишка, перевод С. Маршака.

2 То есть фильм Стивена Спилберга «Близкие контакты третьей степени» (1977).

филактерию.

— Филактерия — совсем не это.

— Я знаю, что не это, — сказала Меррин.

Иг ждал, улыбаясь каким-то мыслям.

— Так что же такое филактерия? — спросила Меррин.

— Ее евреи носят на голове.

— А я думала, что это ермолка.

— Нет, это совсем другая вещь, но ее евреи тоже носят на голове. Или, может быть, на руке, я точно не помню.

— И что там написано?

— Не знаю. Что-то из Писания.

— Похож на твоего брата, — сказала Меррин, указав на ангела с трубой.

— И совсем не похож, — сказал Иг.

Впрочем, если подумать, этот ангел с широким чистым лбом и благородными чертами лица и вправду сильно смахивал на Терри, играющего на трубе. Хотя Терри в жизни бы так не оделся, ну разве что на карнавал.

— И что же все это такое? — спросила Меррин.

— Это алтарь.

— Чего? — спросила Меррин, кивнув на инопланетянина. — Ты думаешь, это святилище инопланетян?

— Не знаю. Может, для кого-то эти фигурки очень важны. Может, они не дают о ком-то забыть. Я думаю, кто-то выстроил этот домик, чтобы в нем молиться.

— Я тоже так думаю.

— А ты хочешь молиться? — машинально спросил Иг и судорожно сглотнул, ощущая, что предложил ей нечто непристойное, нечто такое, что она может посчитать для себя оскорбительным.

Меррин взглянула на него из-под опущенных ресниц и лукаво улыбнулась, и ему впервые пришло в голову, что Меррин видит в нем некую сумасшедшинку. Она взглянула по сторонам, на окно, занавешенное колышущимися осенними листьями, на обветренные, освещенные солнцем стены, затем снова взглянула на Ига и кивнула.

— Конечно, — сказала она. — В тысячу раз интереснее, чем молиться в церкви.

Иг сложил ладони, опустил голову и открыл было рот, но Меррин его остановила.

— А чего ты не зажег свечи? — спросила она. — Тебе не кажется, что мы должны создать здесь обстановку благочестия? А то мы ведем себя так, словно это декорация для порнофильма.

В ящике стола нашелся мятый, весь в пятнах коробок спичек со странными черными головками. Иг чиркнул спичку, и она с шипением загорелась, выкинув язык белого пламени. Он стал передвигать ее от фитиля к фитилю, зажигая по очереди свечки. Однако расторопности ему не хватило, и на девятой свечке пламя подобралось к его пальцам. Он отбросил свечку, а Меррин вскрикнула.

— Господи, Иг, — спросила она, — ты не обжегся?

— Все в полном порядке, — сказал Иг, шевеля пальцами.

И все действительно было в порядке. Ему было ничуть не больно.

Меррин закрыла спичечный коробок, хотела отложить его в сторону, но вдруг что-то заметила.

— Ха, — сказала она.

— Что?

— Ничего, — сказала Меррин и спрятала спички в ящик стола.

Затем она склонила голову, сложила ладони вместе и стала ждать. От вида ее обнаженной кожи, и гладких обнаженных грудей, и копны темно-рыжих волос у Ига перехватило дыхание. Он никогда еще не чувствовал себя таким голым — даже раздеваясь перед ней впервые. От того, как она терпеливо ждала, чтобы он начал молиться, его охватило

сладостное иссушающее чувство, почти невыносимая любовь.

Совершенно голые, они стали молиться. Иг просил Господа помочь им хорошо друг к другу относиться, помочь возлюбить окружающих. Он просил Господа уберечь их от всякого зла и вдруг ощутил, как рука Меррин скользит по его бедру, ласково проникая между ногами. Он крепко зажмурился, ему потребовалось немалое усилие, чтобы закончить молитву. Когда он сказал «аминь», Меррин повернулась к нему, сказала «аминь», прижалась губами к его губам и притянула его к себе. Они вновь занялись любовью, а потом задремали друг у друга в объятиях, ее губы уткнулись в его шею.

Когда Меррин в конце концов села — убрав с себя руку Ига и попутно его разбудив, — дневное тепло уже рассеялось, в древесной хижине потемнело. Меррин наклонилась, прикрывая рукой белые груди, и стала копаться в своей одежде.

— Вот черт, — сказала она, — пора уже бежать. Мама и папа ждут нас к ужину. И не могут понять, куда это мы подевались.

— Одевайся, я задую свечи.

Иг сонно наклонился к меноре — и неуютно поежился от странного диковатого чувства. Все это время он не замечал еще одну фарфоровую фигурку — дьявола. Дьявол стоял у основания подсвечника и, подобно древесной хижине, скрывавшейся за завесой листьев, прятался среди восковых сталактитов, так что не заметить его было очень просто. Люцифер покатывался от хохота, стиснув в кулаки свои красные руки и закинув голову к небу. Он словно плясал на своих козлиных копытах. Его желтые глазки закатились, выражая безумный восторг.

От вида фигурки дьявола руки и спина Ига покрылись гусиной кожей. Вроде бы просто новый элемент кем-то расставленной китчевой сценки, он, однако, имел какое-то другое значение, Иг его сразу возненавидел, искренне пожалел, что наткнулся на него взглядом. Эта пляшущая статуэтка была ужасна, видеть ее было не к добру, и ставить сюда тоже было не к добру, в ней не было ничего забавного. Иг неожиданно пожалел, что вообще здесь молился. Ему вдруг показалось, что температура в древесной хижине упала градусов на пять. Только это совсем не показалось: солнце спряталось за облако, в комнатухе сразу потемнело и сделалось зябко. Ветки закачались от сильного порыва ветра.

— Жаль, что пора уходить, — сказала Меррин, зайдя за спину Ига, она натягивала шорты. — Воздух здесь просто удивительный.

— Да, — согласился Иг неожиданно хриплым голосом.

— Прощай, наш райский уголок, — сказала Меррин, и тут что-то громко ударилось в люк, заставив их обоих вздрогнуть и вскрикнуть.

Люк ударился о стоявшее на нем кресло с такой силой, что вся хижина задрожала.

— Что это? — испуганно спросила Меррин.

— Эй! — крикнул Иг. — Эй, есть там кто-нибудь?

Люк снова ударился о кресло, кресло сдвинулось на несколько дюймов, однако осталось почти на прежнем месте. Иг бросил испуганный взгляд на Меррин, и оба они схватились за одежду. Иг торопливо влезал в обрезанные джинсы, Меррин застегивала лифчик. Люк снова ударился о кресло, еще сильнее, чем прежде. Все фигурки подпрыгнули, статуэтка Марии упала. Дьявол алчно взирал из своей восковой пещеры.

— Кончай это, на хрен! — крикнул Иг, его сердце выскакивало из груди.

«Дети, — думал он, — ну точно, долбанные дети». И сам же в это не верил. Если это дети, почему они не хохочут? Почему они не попадали с дерева и не убежали с истерическим хохотом?

Иг оделся и взялся было за кресло, чтобы отодвинуть его в сторону, — и вдруг осознал, что боится это сделать. Он приостановился и посмотрел на Меррин, которая надевала кроссовки и застыла.

— Давай, — прошептала она. — Посмотрим, кто там.

— Я что-то не хочу.

Он действительно не хотел. Его сердце содрогалось от одного уже намерения сдвинуть

кресло в сторону и, возможно, впустить в хижину то неизвестное, что ломилось в закрытый люк.

Хуже всего была наступившая тишина. Те, кто ломился в люк, бросили это занятие, ожидая, что им и так откроют.

Меррин натянула кроссовки и кивнула.

— Послушайте, если кто-то там есть! — крикнул Иг. — Ну ладно, вы в досталь позабавились, у нас уже поджилки трясутся.

— Не говори им этого, — прошептала Меррин.

— Сейчас мы выйдем.

— Господи, — еле слышно прошептала Меррин. — Ну зачем ты им это сказал?

Они обменялись взглядами. В Иге поднимался ужас, он не хотел открывать люк, чувствуя, вопреки всякому здравому смыслу, что, если так сделать, внутрь ворвется нечто, способное причинить непоправимый вред. Однако иного выбора не было, люк требовалось открыть. Кивнув Меррин, он отодвинул кресло и в тот же самый момент увидел, что на крышке люка изнутри тоже написано что-то большими белыми буквами, однако читать он не стал, не было времени, а сразу откинул крышку. Затем прыгнул вниз, не давая себе времени подумать, схватился за край люка и мотнул ногами в надежде прогнать сидящих там на ветке, если они там сидят, и хрен с ними, если они поломают при этом шеи. Он считал самоочевидным, что Меррин останется в хижине, что это он как мужчина должен ее защищать, но она проскользнула в люк сразу за ним и даже поставила ноги на ветку первой.

Игово сердце билось так судорожно, что весь окружающий мир словно дрожал и подергивался. Он пристроился на соседнюю с Меррин ветку, продолжая цепляться за края открытого люка. И он, и она тяжело дышали. Внизу ничего необычного не было. Иг слушал лесную чащу, пытаясь уловить топот убегающих ног и треск ломаемых веток, но слышал только ветер и поскрипывание сучьев о древесную хижину.

Он спустился на землю и несколько раз обошел вокруг дерева все расширяющимися кругами, высматривая в кустах и на тропинке чьи-нибудь следы, но ничего не нашел. А когда он вернулся к дереву, Меррин все еще была наверху, сидела на одном из длинных сучьев под древесной хижинкой.

— Ты ничего не нашел, — сказала она, и это не было вопросом.

— Нет, — подтвердил Иг. — Наверное, это был серый волк.

Отшутиться казалось самым правильным, но он все еще чувствовал себя неуверенно, его нервы были до предела натянуты. Если нервы Меррин были тоже натянуты, она никак это не выказывала. Попрощавшись с древесной хижинкой долгим благодарным взглядом, она захлопнула люк, спрыгнула с ветки и подобрала свой велосипед. Они пошли по тропинке, с каждым шагом уходя все дальше от своего неподдельного испуга. Как и прежде, тропинка была залита щедрым ласковым предзакатным светом, и кожу Ига снова стало приятно пощипывать. Ему было хорошо идти с ней рядом, почти соприкасаясь бедрами и чувствуя плечами солнце.

— Нужно прийти сюда завтра, — сказала Меррин, и в то же мгновение Иг спросил:

— Как ты думаешь, можем мы как-нибудь улучшить это место?

Они весело рассмеялись.

— Нужно взять сюда бескаркасные кресла, — предложил Иг.

— Гамак, — сказала Меррин. — В таких местах подвешивают гамак.

Какое-то время они шли молча.

— Может быть, прихватить заодно и вилы, — сказала она.

Иг споткнулся, словно она не просто предложила вилы, а уколола его вилами сзади.

— Зачем?

— Чтобы отпугнуть, что уж там было такое. Если оно снова заявится, когда мы будем голые.

— О'кей, — согласился Иг, от мысли, что они снова будут на этих досках, обдуваемые прохладным ветерком, у него сразу пересохло во рту. — Нормальная идея.

Но Иг оказался в лесу гораздо раньше, уже через два часа он торопливо шел по тропинке. За ужином ему вспомнилось, что никто из них не задул свечи в меноре, и с этого момента он сидел как на иголках, представляя себе пылающее дерево и как его листья падают на кроны окружающих дубов. Вскоре он уже бежал, ежесекундно опасаясь унюхать или заметить дым лесного пожара.

Но ничего опасного не было видно. Его нос улавливал только ароматы земли и травы, да где-то внизу слышалось чистое холодное бормотание Ноулз-ривер. Он считал, что точно запомнил, где нужно искать древесную хижину, и, достигнув этого места, пошел медленнее. Он внимательно осматривал деревья на предмет тусклого свечного огонька, но не видел ничего, кроме бархатной июньской тьмы. Затем он попытался найти это дерево, это дерево неизвестной ему породы, но ночью было трудно отличить одно дерево от другого, да и тропинка выглядела совсем не так, как днем. В конце концов он понял, что зашел уже слишком далеко — невозможно далеко, — и повернул к дому, тяжело дыша и шагая очень медленно. Он пару раз прошел туда-сюда по тропинке, но так и не увидел древесную хижину. Тогда он решил, что свечи потухли сами или их задул ветер. Да и вообще, было что-то маниакальное в его боязни лесного пожара. Свечи стояли в латунной меноре и не могли ничего зажечь, разве что менора бы упала. Ну, а древесную хижину найдем в другой раз.

Только он так ее и не нашел. Ни в одиночку, ни вместе с Меррин. Он искал хижину дней десять, и на главной тропинке, и на всех боковых, куда они могли забрести по случайности. Он искал древесную хижину с терпеливой методичностью, но ее нигде не было. словно она им просто почудилась, и через какое-то время Меррин пришла именно к такому заключению — гипотезе совершенно абсурдной, но устраивавшей их обоих. Хижина просто возникла на час в то время, когда была им нужна когда они нуждались в приюте, чтобы любить друг друга, возникла, а затем исчезла.

— Она была нам нужна? — спросил Иг.

— Ну-у, — протянула Меррин, — лично мне так очень. Я тебя очень хотела.

— Мы нуждались в ней, и она возникла, — сказал Иг. — Древесная Хижина Разума Храм Ига и Меррин.

Сколь бы это предположение ни было фантастическим и смехотворным, по его телу пробежала сладкая суеверная дрожь.

— Ничего умнее мне не придумать, — сказала Меррин. — Это прямо как в Библии. Ты не всегда получаешь то, чего хочешь, но если что-нибудь тебе действительно нужно, как правило, оно находится.

— Из какой части Библии это взято? — спросил Иг. — Из Евангелия от Кита Ричардса?¹

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Починяльщик

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Его мертвая мать лежала в соседней комнате, а Ли Турно был немного под мухой.

Было еще только десять утра, но дом уже пышел жаром, как печка. Мать посадила вдоль дорожки, ведущей к дому, розы, и теперь их аромат доносился из открытых окон, легкая цветочная сладость неприятно мешалась с едкой вонью человеческих отбросов, так что по запаху дом был точь-в-точь как надушенная говешка. С одной стороны, Ли понимал, что в такую жару лучше не пить, но, с другой стороны, для трезвого человека вонь была невыносимой.

В доме имелся кондиционер, однако он был выключен. Ли не включал его неделями кряду, потому что при большой влажности его матери труднее дышалось. Когда Ли оставался

¹ «You Can't Always Get what You Want» («Не всегда получаешь то, чего хочешь») — песня *Rolling Stones* с альбома «Let It Bleed» (1969).

с матерью один на один, он не только выключал кондиционер, но и накрывал старую шлюху одним-двумя дополнительными одеялами. Затем он урезал матери морфий, чтобы она уж точно почувствовала и влажность, и жару. Видит бог, сам Ли их чувствовал. Под вечер он бродил по дому нагишом — иначе было просто невозможно — и обливался липким потом. Он сидел рядом с ней, скрестив ноги, и читал книги по теории средств массовой информации, а она тем временем бессильно барахталась под своими одеялами, даже толком не понимая, что вынуждает ее так мучиться. Когда она просила попить — «пить» было едва ли не единственным словом, которое мать умела говорить в эти последние дни маразма и почечной недостаточности, — Ли вставал и приносил стакан холодной воды. От звяканья льда по стеклу ее гортань начинала работать, радостно предвкушая утоление жажды, ее глаза принимались двигаться в глазницах, в них появлялся лихорадочный блеск. Затем Ли вставал рядом с кроватью и выпивал воду сам, прямо у нее на глазах, радостное ожидание покидало ее лицо, оставляя мать растерянной и несчастной. Эта шутка никогда ему не приедалась. Каждый раз, когда Ли так делал, мать словно видела его впервые.

В другие разы он приносил матери соленую воду и насильно поил так, что она чуть не захлебывалась. Выпив всего лишь один глоток, мать начинала корежиться и задыхаться, пытаясь плюнуть. Было интересно наблюдать, как долго она сумеет выжить. Ли никак не ожидал, что его мать протянет до второй недели июня, однако сверх всяких ожиданий она даже в июле продолжала еще цепляться за жизнь. Он держал одежду аккуратно сложенной на книжной полке рядом с гостевой комнатой, чтобы быстро одеться, если вдруг забегут Иг или Меррин. Он не позволял им зайти и взглянуть на мать, говоря, что она только что уснула и ей необходим покой. Он не хотел, чтобы они заметили, как жарко в доме.

Иг и Меррин приносили ему DVD, книги, пиццу и пиво. Они приходили вместе и приходили по отдельности, хотели его поддержать, хотели увидеть, как он держится. В случае Ига Ли усматривал зависть. Иг хотел бы, чтобы кто-нибудь из его родителей ослабел физически или умственно и о нем нужно было бы заботиться. Это был бы прекрасный случай показать свою готовность к самопожертвованию, проявить благородство. В случае Меррин ему казалось, что она рада иметь повод побыть вместе с ним, выпить один-другой martini, расстегнуть от жары верхнюю пуговицу блузки и обмахивать голые ключицы. Когда забегала Меррин, Ли обычно открывал дверь обнаженный по пояс, ему нравилось быть вместе с ней полуодетым, только он и она, и больше никого. Ну, не только они, но еще его мать, но ее уже можно было не принимать во внимание.

Ли получил указание сразу же звонить врачу, если матери станет хуже, но он считал про себя, что, если она умрет, это будет изменением к лучшему, а потому первым делом позвонил Меррин. В этот момент он ходил по квартире голышом и было очень приятно стоять в таком виде на полутемной кухне и внимать утешениям Меррин. Она сказала, что сейчас оденется и прибежит, и Ли тут же представил себе ее почти раздетой. Ну, может, в маленьких шелковых трусиках. Девчоночьи панталончики с разбросанными там и сям цветочками. Она спросила, не нужно ли ему чего, и Ли сказал, что нуждается только в друге. Повесив трубку, он снова выпил. Теперь это был ром с кока-колой. Ему представилось, как она надевает юбку и крутится перед зеркалом, разглядывая себя. Затем он перестал об этом думать, чтобы не слишком заводиться, и стал вместо этого решать, как одеться самому. Немного поспорив с собой, надевать ли рубашку, он решил, что на сегодня сойдет и голая грудь. Вчерашняя несвежая рубашка и джинсы лежали в бельево́й корзине, он подумал было сбежать наверх и взять что-нибудь чистое, но затем спросил себя, ЧБСИ, и решил одеться во вчерашнее. Мятая нестираная одежда в некотором роде завершала картину мучительной утраты. Все последние десять лет Ли регулировал свое поведение при помощи вопроса «ЧБСИ?», и это сберегало его от многих неприятностей, сберегало от самого себя.

Он прикинул, что она придет не мгновенно, а через несколько минут. Можно позвонить еще кое-куда. Сперва он позвонил врачу и сказал, что мать уснула. Он позвонил отцу во Флориду. Он позвонил в офис конгрессмена и немного побеседовал. Конгрессмен спросил, не желает ли он помолиться, молча, прямо сейчас, не кладя телефонную трубку. Ли сказал,

что желает. Возблагодарить Господа за эти три последние месяца, проведенные в обществе матери, ведь это истинно бесценный дар. Ли и конгрессмен несколько минут молчали в телефонные трубки. В конце концов конгрессмен прочувствованно откашлялся и сказал Ли, что будет о нем постоянно думать. Ли сказал «спасибо» и «до свидания».

Под конец он позвонил Игу. Он был почти уверен, что, услышав новость, Иг расплачется, но тот удивил его, что случилось нередко, и только изъясил тихое спокойное сочувствие. Последние пять лет Ли с некоторыми перебоями учился в колледже, он изучал психологию, социологию, теологию, политологию и теорию средств массовой информации, но главной его специализацией было Иговедение, и, несмотря на годы упорной работы, он все еще не научился предугадывать реакцию Ига.

— Даже и не знаю, откуда она брала силы держаться так долго, — сказал Игу Ли.

— От тебя, Ли, — сказал Иг. — Она брала эти силы у тебя.

Рассмешить Ли Турно было довольно трудно, но на это заявление он зашелся лающим хохотом, мгновенно превратившимся в хриплое судорожное всхлипывание.

Когда-то, в далеком прошлом, Ли обнаружил, что способен разрыдаться в любой момент и что рыдающий человек может повернуть разговор в любом желаемом направлении.

— Спасибо, — сказал он, применив еще одно искусство, почерпнутое из многолетних наблюдений за Игом. Ничто не доставляет людям большее удовольствие, чем многократное, ненужное изъяснение благодарности. — Прости, но у меня дела, — сказал он, что идеально подходило для этого момента, а заодно было и правдой, потому что он увидел, как Меррин паркует на подъездной дорожке фургон своего папаша, Иг сказал, что скоро придет.

Ли наблюдал в кухонное окно, как она идет по дорожке, ладно одетая в синюю льняную юбку и белую блузку, чуть расстегнутую на шее, так что был виден ее золотой крестик. Голые ноги, синие босоножки. Идя сюда, она оделась не как попало, а предварительно подумав, как будет выглядеть. По пути к двери Ли допил остатки рома с кока-колой и отворил как раз в тот момент, когда Меррин поднимала руку, чтобы постучать. После разговора с Игом его глаза продолжали слезиться, и он даже мельком задумался, не подпустить ли на щеки слезу-другую, но затем решил, что не надо. То, что он сдерживает слезы, выглядело даже лучше, чем если бы он и вправду плакал.

— Привет, Ли, — сказала Меррин.

Она выглядела так, словно тоже сдерживает слезы, прикрыв лицо ладонью, она порывисто прижалась к Ли.

Объятие было совсем коротким, но на какое-то мгновение нос Ли был в ее волосах, а ее руки лежали у него на груди. Ее волосы резко, почти остро пахли лимоном и мятой. Для Ли этот запах был самым возбуждающим, какой он когда-либо обонял, даже лучше запаха влажной шахны. Он имел дело с множеством девиц, знал все их запахи, но Меррин была другая. Иногда ему даже казалось, что, если бы она пахла иначе, он мог бы о ней особенно и не думать.

— А кто здесь есть? — спросила Меррин, войдя в дом, так и не сняв еще руку с его талии.

— Ты первая... — начал Ли и чуть было не закончил «кому я позвонил», но затем понял, что так будет неправильно, так будет слишком, как? Необычно. Не подойдет к моменту. Вместо этого он закончил: — Кто сюда приехал. Я позвонил Игу, а потом тебе. Так уж вышло. Вообще-то нужно было позвонить сначала отцу.

— Ты ему уже звонил?

— Несколько минут назад.

— Ну тогда все в порядке. Ты бы посидел немного. Хочешь, я позову сюда кого-нибудь?

Ли ввел ее в гостевую спальню, где лежала мать. Он не стал спрашивать, хочет ли она туда, а просто пошел, и она пошла за ним с рукой на его талии. Ли хотел, чтобы Меррин увидела его мать, хотел посмотреть, какое лицо станет тогда у нее.

Они остановились в открытой двери. Как только Ли понял, что мать умерла, он поставил в окно вентилятор и включил его на полную, но комната еще хранила сухое

лихорадочное тепло. Иссохшие руки матери прижимались к груди, ее костлявые ладони были судорожно скрючены, словно она хотела что-то отбросить. Так оно, собственно, и было, где-то около половины десятого она сделала последнюю жалкую попытку сбросить одеяла, но не хватило сил. Теперь дополнительные одеяла были сложены и убраны, ее прикрывала только одна голубая, ослепительно чистая простыня. В смерти его мать стала похожа на птицу, на мертвого птенца, выпавшего из гнезда. Ее голова откинулась назад, рот широко распахнулся, так что стали видны все ее коронки и пломбы.

— О, Ли! — сказала Меррин и порывисто стиснула его руку.

Затем она заплакала, и Ли подумал, что, может быть, и ему самое время заплакать.

— Сперва я накрыл ей лицо простыней, — сказал Ли, — но это выглядело как-то неправильно. Понимаешь, Меррин, она же так долго боролась.

— Я знаю.

— Мне не нравится, как она смотрит. Ты не могла бы закрыть ей глаза?

— Хорошо, Ли. А ты пока просто посиди.

— Ты со мной выпьешь?

— Конечно. Я сейчас.

Ли пошел на кухню и смешал ей покрепче, а затем встал около шкафчика, глядя на свое отражение в зеркале и стараясь заплакать. Это оказалось труднее, чем обычно, честно говоря, он был немного возбужден. Когда за его спиной Меррин вошла на кухню, слезы только начинали выступать у него из глаз, он нагнулся и резко выдохнул со звуком, похожим на всхлип. Сейчас заставлять себя плакать было очень тяжелой работой, вроде как выжимать воду из щепки. Меррин подошла поближе, она тоже плакала. Даже не видя ее лица, Ли понимал это по негромким прерывистым звукам дыхания. Она положила руку ему на плечо и повернула его лицом к себе как раз в тот момент, когда его дыхание стало прерываться и сменилось злыми хриплыми всхлипами. Меррин положила руки ему на затылок и притянула его голову к себе.

— Она так тебя любила, — шептала Меррин. — Ты был при ней каждый день, каждую минуту, и это значило для нее очень много.

И так далее и тому подобное, всякая такая хренотень. Ли ее не слушал.

Он был выше ее почти на фут, и, чтобы быть с ним лицом к лицу, ей приходилось пригибать его голову. Ли прижал лицо к ее груди, к расселинке между грудями и закрыл глаза, впитывая ее почти навязчивый мятный запах. Он взялся одной рукой за краешек ее блузки и потянул его вниз, туго натягивая блузку на тело, а вместе с тем приоткрывая чуть веснушчатые верхушки ее груди и чашечки лифчика. Другая его рука лежала у Меррин на талии, и эта рука начала ползать вверх и вниз, и Меррин не сказала ему прекратить. Он плакал у нее на груди, а она ему шептала и укачивала, как маленького. Ли поцеловал верхушку ее левой груди и даже не понял, заметила ли Меррин, — лицо его было такое мокрое, что, может быть, разница и не ощущалась, — и попытался посмотреть вверх, понравилось ли ей, но она опять наклонила его голову, прижимая ее к груди.

— Давай, — возбужденно прошептала она. — Давай, давай, сейчас можно. Здесь нет никого, кроме нас. Никто не увидит.

И прижала его рот к своей груди.

У Ли затвердело в штанах, он вдруг заметил позу Меррин: ее левая нога просунута между его бедрами. Похоже, оно ее возбудило, это мертвое тело. Одно из направлений психологии считало, что присутствие трупа является афродизиак. Труп освобождал от ответственности, давал разрешение делать сумасшедшие вещи. После того как он ее трахнет, она сможет смягчить любую вину, какую только почувствует или считает, что обязана почувствовать, — Ли, в общем-то, не верил ни в какую вину, он верил в такую организацию жизни, чтобы не было видимых нарушений социальных норм, — сказав себе, что их обоих закрутило в вихре. Он снова поцеловал ее в грудь, и снова, и она не отстранилась.

— Я люблю тебя, Меррин, — прошептал Ли, это были самые подходящие слова, и он это знал. Так было и проще, и легче и для него, и для нее.

Говоря, он держал руку на ее бедре и качнулся вперед, заставив ее прижаться спиной к стенке. Сжимая край юбки в кулаке, он вздернул ее повыше, поставил ногу между бедер Меррин и ощутил тепло ее паха.

— И я тебя люблю, — сказала Меррин каким-то отсутствующим голосом. — Мы тебя оба любим, и Иг и я.

Странное заявление с учетом того, что они в это время делали, при чем здесь Иг-то. Меррин отпустила затылок Ли, уронила руки на его талию и слегка провела ими по его бедрам. Было похоже, что она проверяет, есть ли на нем ремень. Ли потянулся расстегнуть ей блузку — если пострадает пара пуговиц, это не так и страшно, — но вдруг его рука зацепилась за крестик, висевший у нее на шее, а все его тело содрогнулось от совершенно незапланированного судорожного всхлипа. Рука Ли резко дернулась, раздался негромкий металлический звон, и крестик соскользнул в вырез ее блузки.

— Ли, — сказала Меррин, чуть его оттолкнув, — мой крестик.

Еще мгновение, и крестик оказался на полу. Меррин и Ли на него взглянули, а затем Ли нагнулся, поднял его и протянул Меррин. Крестик сверкнул на солнце и осветил ее лицо золотым сиянием.

— Я почию, — сказал Ли.

— Ты ведь уже чинил? — улыбнулась Меррин — ее лицо покраснелось, а в глазах стояли слезы — и стала приводить в порядок блузку. Одна из пуговиц была расстегнута, а верхняя часть одной из грудей так и оставалась мокрой. Меррин потянулась вперед и вложила крестик в руку Ли. — Почини, а вернешь, когда будет готово. На этот раз можно даже обойтись без посредничества Ига.

Ли даже вздрогнул от удивления, задумавшись на долю секунды, то ли она имела в виду, что ему примерещилось. Конечно то, конечно же она знает, как он ее поймет. Много из того, что говорила Меррин, имело не одно значение, а два: одно — для окружающих, а другое — только для него. Она долгие годы делала ему намеки.

— Сколько ты ходишь в этой одежде? — спросила Меррин, окинув его критическим взглядом.

— Не знаю. Дня два.

— Ну хорошо. Я хочу, чтобы ты все это снял и принял душ.

Сердце Ли мучительно сжалось, его разгоряченный член буквально рвался из брюк. Он бросил взгляд на входную дверь. На то, чтобы вымыться перед сексом, времени отчаянно не хватало.

— Люди же придут, — пожаловался он.

— Пока еще никто не пришел, время есть. Мойся. Я принесу тебе выпить.

Ли прошел по ведущему к ванной коридору впереди Меррин, у него стоял, как никогда еще в жизни, и он был благодарен плавкам, что они удерживают член прижатым к ноге. Он не слишком, но все же надеялся, что Меррин тоже войдет в ванную и предложит помочь ему снять джинсы, но она осталась на пороге и тихо прикрыла за ним дверь.

Ли разделся, встал под душ и стал ждать ее прихода. Из душа хлестала горячая вода, поднимались облака пара. Его сердце билось сильно и часто, бессмысленно стоящий член дергался и качался. Когда из-за занавески просунулась ее рука со стаканом — снова ром и кока-кола, — Ли было подумал, что тут же появится и она, без одежды, но как только он взял стакан, рука исчезла.

— Приехал Иг, — сказала Меррин полным сожаления голосом.

— Добрался в рекордное время, — сказал Иг, стоявший, видимо, прямо за ней. — Ну как ты там?

— Привет, Иг, — сказал Ли. Слышать сейчас Игов голос было так же малоприятно, как если бы вдруг отключили горячую воду. — Все более-менее в норме, с учетом обстоятельств. Спасибо, что ты приехал.

Это «спасибо» звучало несколько натянуто, но Ли надеялся, что Иг этого не заметит, спишет все на обстоятельства.

— Я принесу тебе какую-нибудь одежду, — сказала Меррин, и они с Игом исчезли, шелкнула дверь.

Ли стоял по щиколотку в горячей воде, ярясь, что Иг уже приехал, и гадая, не подозревает ли тот чего, — нет-нет, конечно же нет. Иг приехал так быстро, потому что знал, что нужен другу, в этом вся его сущность.

Простояв так какое-то время, Ли заметил, что его правой руке очень больно. Опустив глаза он увидел крестик, золотая цепочка, обмотанная вокруг руки, врезалась ему в кожу. Меррин, чья блузка была наполовину расстегнута, посмотрела ему в глаза и предложила свой крестик. Было ясно, что она предлагает себя, ведь в этот момент его нога была между ее бедрами. Далеко не все она решалась сказать ему прямо, но Ли понимал ее намеки, прекрасно понимал. Он накинул цепочку на головку душа и стал смотреть, как качается блестящий на солнце крестик, качается, посылая вспышками «путь свободен». Скоро Иг будет в Англии, и не нужно будет больше осторожничать, ничто уже не мешает им делать то, чего хотят и он и она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

После смерти его матери Меррин стала чаще звонить и посылать мейлы, якобы проверяя, как у него дела. А возможно, она и вправду думала, что проверяет — Ли ни в коем случае не недооценивал способности человека обманывать себя относительно того, что ему в действительности нужно. Меррин усвоила значительную часть Иговой морали, и Ли ожидал, что она пойдет только до какого-то предела, а потом ему нужно будет брать дело в свои руки. Кроме того, даже отбытие Ига в Англию не обязательно сразу расчистит путь. Меррин выработала целый набор жизненных правил для людей высокого статуса. Ее требовалось убедить, что, если она трахнется с кем-либо другим, это будет, если разобраться, в интересах самого же Ига. Ли это понимал и готов был ей помочь.

Меррин оставляла ему послания и дома, и в офисе конгрессмена. Она раз за разом спрашивала, как у него дела, *что* он делает, встречается ли он с кем-нибудь. Она говорила, что ему нужна женщина, нельзя же все время жить монахом. Она говорила, что думает о нем, и было трудно не понять, к чему она клонит. Ли думал, что она нередко звонит после пары стаканов, это ощущалось в ее голосе, в некой сексуальной замедленности.

Затем Иг уехал в Нью-Йорк для собеседований в «Международной амнистии», и буквально через несколько дней Меррин начала требовать, чтобы Ли к ней зашел. Ее соседка по съемной квартире съезжала, Меррин думала перевести ее спальню на себя, и у нее получалось в два раза больше места. В Гидеоне остался ее любимый комод, и она спросила Ли в мейле, не привезет ли он ей этот комод в следующий раз, когда будет в Бостоне. Она сказала, что ее белье лежит в нижнем ящике, так что в других местах можно и не искать. Она сказала, что разрешает ему примерить это белье, но только если он в нем сфотографируется и пришлет ей снимки. Она послала ему сообщение, что, если он привезет ей комод, она познакомит его с роскошной девицей, блондинкой в точности, как он, ледяной королевой. Она писала, что секс получится роскошный, ну прямо как дрочить перед зеркалом, только еще лучше, потому что у отражения будут сиськи. На случай, если у него все пройдет удачно, она напоминала, что с отъездом соседки в квартире будет свободная спальня, давая ему знать, что сама она будет одна.

К этому времени Ли научился понимать зашифрованные послания почти идеально. Говоря об этой другой девице, она говорила о себе самой, о том, что им предстояло. И все же он решил не привозить ей комод — не был уверен, что хочет с ней встретиться, когда Иг еще в Америке, пусть и на расстоянии в несколько сотен миль. Может статься, у них не получится удержать себя в рамках. С отъездом Ига все станет значительно проще.

Ли всегда считал само собой разумеющимся, что это Иг бросит Меррин. Ему и в голову не приходило, что это она захочет на свободу, искушается и станет готовой на все и что шесть месяцев отсутствия Ига дадут ей прекрасный шанс. Иг происходил из известной

обеспеченной семьи с хорошими связями, и ему совсем не мешало погулять на травке. Ли всегда считал, что Иг ее бросит примерно тогда же, когда закончит школу, и тут-то все и устроится, наступит очередь Ли. Она поступала в Гарвард, а Иг — в Дартмут. С глаз долой — из сердца вон, думалось Ли, но вот Иг считал иначе и еженедельно приезжал в Бостон, чтобы с ней потрахаться, ну прямо как пес, метящий территорию.

Единственным, что Ли мог придумать, было, что на каком-то уровне Иг держался за нее из извращенного желания иметь над Ли еще одно дополнительное преимущество. Иг был рад держать Ли под своим покровительством — перевоспитание Ли Турно было его излюбленным хобби, — но ему хотелось, чтобы Ли знал пределы их дружбы. Он не хотел, чтобы Ли забывал, кому она досталась. Словно Ли не вспоминал это каждый раз, когда закрывал свой правый глаз и мир превращался в призрачную страну теней, где во мраке таились привидения, а солнце было холодной далекой луной.

Какой-то своей частью Ли уважал то, как Иг забрал у него Меррин — в те незапамятные времена, когда у них были на нее примерно одинаковые заявки. Иг просто хотел эту розовенькую шахну больше, чем Ли, и обстоятельства сделали его другим, хитрым и вкрадчивым. При его астме, плохих волосах и голове, полной библейских пошлостей, никто бы никогда не посчитал Ига безжалостным или расчетливым. Ли держался Ига большую часть школьных лет, во многом ему подражая. Он считал это уроками маскировки, уроками, как казаться безвредным. Ли давно научился, что, сталкиваясь с вопросами этики, лучше всего спросить: что бы сделал Иг? Ответ обычно состоял в том, чтобы извиниться, унизиться и тут же без всякой нужды постараться загладить свою мнимую вину. Ли научился у Ига признавать свою неправоту, даже когда был прав, просить прощения, в котором не нуждался, и притворяться, что совершенно не хочет того, что плыло ему в руки.

Когда ему было шестнадцать, какое-то короткое время она принадлежала ему по праву. В течение нескольких дней он носил крестик Меррин на шее, и иногда, прижимая его к губам, представлял себе, что целует ее, когда этот крестик на ней — крестик и больше ничего. Но тогда он упустил и крестик, и ее самое, потому что, сколько бы ему ни хотелось увидеть ее нагую и бледную в полутьме, еще больше ему хотелось разнести что-нибудь солидное, услышать оглушительный взрыв, увидеть, как какая-нибудь машина превращается в бушующий вулкан. Ну, скажем, материнский «кадиллак» вместе с самой матерью. Сама уже эта мысль заставляла его сердце биться сильнее, возбуждала больше всех фантазий, касавшихся Меррин. Поэтому он отдал ее, вернул. Заключил с Игом дурацкую сделку — сделку с дьяволом, если разобраться. И сделка эта стоила ему не только девушки, она стоила ему глаза. Ли видел в этом некий скрытый смысл. Он совершил однажды чудо, достал до неба и поймал луну, не дав ей упасть, и с того самого дня Бог указывал ему на другие вещи, нуждавшиеся в умелых руках: котов и кресты, политические кампании и старух в маразме. То, что он чинил, навеки принадлежало ему, он мог сделать с этой вещью все, что ему хотелось, и лишь однажды он отдал то, что Бог вложил ему в руки, — и тут же наполовину ослеп, явное напоминание, чтобы никогда больше так не делал. А теперь крестик снова попал ему в руки — новое доказательство, в котором он, в общем-то, не нуждался, что невидимая рука ведет его к некой цели, что в его знакомстве с Меррин есть некий тайный смысл. Он ощущал на себе обязанность привести в порядок этот крестик, а затем, неким образом, и саму Меррин, может быть, просто освободить ее от Ига.

Может, Ли так и продержался бы все лето вдали от Меррин, но затем Иг облегчил ему встречу с ней, прислав из Нью-Йорка мейл:

Меррин хочет свой комод, но не имеет машины, а ее папаша занят на работе. Она сказала, что все-таки ты не обязан быть у нее на подхвате, но мы-то с тобой знаем, что обязан, так что завези ей комод в следующий раз, как твой конгрессмен пошлет тебя в Бостон. Кроме того, у Меррин есть для тебя подходящая блондинка. Только представь себе, каких детей наплодит тебе эта женщина, маленьких викингов с глазами как Северный Ледовитый океан. Так что приезжай к Меррин при первой же возможности. Ты не можешь противиться ее призыву. Пусть она

выставит тебе хороший ужин. Теперь, когда я уезжаю, ты должен быть готов с радостью выполнять для нее любую черную работу.

Ну как ты там, еще тоскуешь? — Иг.

Ли долго не мог понять конец этого сообщения — *Ну как ты там, еще тоскуешь?* — все утро ломал над ним голову, а затем вспомнил, что мать его умерла, уже две недели как умерла. Но еще больше его заинтересовала строчка насчет того, чтобы с радостью выполнять для Меррин любую черную работу, весьма примечательная просьба. Следующей ночью Ли обуяли жаркие эротические сны, ему снилось, что Меррин лежит голая в его постели, а он сидит на ее руках и вставляет ей в рот воронку, красную пластиковую воронку, а затем заливает в воронку бензин, и Меррин начинает вздрагивать под ним, словно при оргазме. Он зажигает спичку, держа коробок во рту, и бросает его в воронку. Раздается глухой хлопок, из воронки хлещет красный огонь, ее удивленные глаза воспаляются. Проснувшись, Ли обнаружил, что лежит на мокрых простынях, таких поллюций у него никогда еще не было.

Через два дня была пятница, и Ли заехал к родителям Меррин за комодом. Чтобы освободить для комода место, ему пришлось переставить тяжелый ржавый ящик с инструментами из багажника на заднее сиденье, и даже так пришлось взять у отца Меррин багажные ремни, чтобы привязать комод, потому что багажник не закрывался. На полпути в Бостон Ли остановился и послал сообщение:

Сегодня буду в Бостоне, везу в багажнике этого тяжелого сучьего кота, так что будь дома, чтобы принять. Если моя ледяная королева где-нибудь поблизости, может быть, я смогу с ней встретиться.

Меррин не скоро, но ответила:

ты Ли молоток что ко мне заедешь но нужно было сказать мне заранее хрен тебе а не королева сегодня она работает так что обойдешься и мной.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Меррин открыла дверь в тренировочных штанах и мешковатой куртке с капюшоном, ее соседкой оказалась мужеподобная азиатка, имевшая привычку часто и неприятно хихикать. Та разгуливала по гостиной, непрерывно болтая по мобильнику, сильно в нос и настолько жизнерадостно, что могла достать кого угодно.

— И вообще, что у тебя в этой штуке? — спросил Ли, прислонившись к комоду и вытирая с лица обильно выступивший пот. Он приволок комод наверх, привязав его к тележке, буквально навязанной ему отцом Меррин, и дважды чуть его не грохнул, ведь тащить надо было семнадцать ступенек. — Кольчужные рыцарские подштанники?

Азиатка взглянула на Меррин и сказала:

— Скорее уж чугунный пояс верности.

И ушла, заливаясь своим гогочущим смехом.

— Я думал, она уже съехала, — сказал Ли, когда соседка удалилась в другую комнату.

— Она уедет тогда же, когда и Иг, — объяснила Меррин. — В Сан-Диего. После этого я какое-то время побуду здесь одна.

И чуть ухмыльнулась, глядя ему прямо в глаза. Еще один сигнал.

Они кое-как втащили комод в квартиру, а затем Меррин сказала, хрен, мол, с ним, пока и здесь постоит, и пошла на кухню разогревать какую-то индийскую еду. Бумажные тарелки она расставила на круглом замызганном столике, стоявшем под окном с видом на улицу. Теплым летним вечером дети гоняли на скейтбордах, то исчезая во тьме, то возникая в пятнах оранжевого света от уличных фонарей.

По одной из сторон стола были разбросаны бумаги Меррин, она стала сгребать их в

кучу, чтобы освободить место. Ли перегнулся через ее плечо, притворяясь, что интересуется бумагами, сам же глубоко вдохнул упоительный запах ее волос. И все же краем глаза заметил листы миллиметровки с сеткой из точек и черточек.

— А это зачем здесь?

— А! — отмахнулась Меррин, собирая бумаги, засовывая их в учебник и кладя на подоконник. — Это моя соседка. Мы с ней играем в эту игру, знаешь? Ну, когда расставляют точки и соединяют их в квадратики, у кого больше квадратиков, тот и выиграл. Проигравший стирает белье. Она уже несколько месяцев ничего не стирала.

— Нужно бы мне взглянуть, — сказал Ли, — в эту игру я хорошо играю. Мог бы помочь тебе со следующим ходом.

Он почти ничего не рассмотрел, но было похоже, что даже решетка нарисована неправильно. Может быть, это не тот вариант, в который он играл, а какой-то другой.

— Думаю, это будет нечестно. Ты что, хочешь сделать меня мошенницей?

Какую-то секунду они смотрели друг другу в глаза. Затем Ли сказал:

— Я хочу того, чего хочешь ты.

— Ну вот, а я хочу выиграть по-честному.

Они сели напротив друг друга. Ли мельком оценил помещение. Квартирка была далеко не ахти: гостиная, кухонька и две спальни на втором этаже разгороженного на пять отдельных блоков студенческого общежития. Этажом выше бухала танцевальная музыка.

— А теперь, без соседки, квартира будет тебе по карману?

— Нет. Рано или поздно мне нужно будет подобрать соседку.

— Зуб даю, Иг охотно поможет тебе с квартплатой.

— Даже не поможет, а сам все заплатит, — сказала Меррин. — Я могу стать его содержанкой. Знаешь, а я уже получала похожее предложение.

— Какое предложение?

— Пару месяцев назад один из моих преподавателей пригласил меня в ресторан на ланч. Я думала, мы будем говорить о моей будущей работе, но вместо этого он заказал двухсотдолларовую бутылку вина и сказал, что хотел бы снять для меня домик в приличном районе. Шестидесятилетний мужик, его дочь старше меня на два года.

— Женатый?

— Конечно.

Ли откинулся на спинку стула и присвистнул сквозь зубы.

— Иг, наверное, говном изошелся.

— Я ему не сказала. И ты, пожалуйста, тоже не говори. Мне не стоило об этом рассказывать.

— Почему ты не сказала Игу?

— Потому что я делаю у этого мужика курсовую. Я не хочу, чтобы Иг стукнул про его сексуальные домогательства или как уж оно там.

— Иг на него не стукнет.

— Да, я думаю, не стукнет, но он захочет, чтобы я бросила эту курсовую, чего мне совсем не хочется. Как бы ни вел себя этот мужик вне аудитории, он один из лучших онкологов страны, и тогда я хотела научиться у него всему, что только можно. Это казалось мне очень важным.

— А теперь уже не кажется?

— Кой черт, мне совсем не обязательно заканчивать с лучшими оценками. Иногда по утрам я думаю, что будет большой удачей, если я вообще закончу.

— Да брось ты приbedняться, у тебя же все великолепно. — Ли помолчал и добавил — А как он все это воспринял, этот самый козел? Когда ты послала его на хрен?

— Нормально, с юмором. Вино было очень хорошее. Начала девяностых из маленького виноградника какой-то итальянской семьи. У меня есть подозрение, что он покупал в точности такую же бутылку нескольким другим девушкам. И вообще я никуда его не посылала. Я сказала ему, что люблю другого человека, а кроме того, не считаю уместным

вступать в близкие отношения с собственным преподавателем, но при иных обстоятельствах я была бы совсем не против.

— Очень любезный ответ.

— И правдивый. А что, если бы я не была его студенткой и не была бы знакома с Игом? Я легко могу себе представить, что пошла бы с ним на какой-нибудь заграничный фильм и что-нибудь еще в этом роде.

— Да иди ты на хрен! Сколько, говоришь, ему лет?

— Он достаточно стар, чтобы быть членом ААО.¹

Ли осел на стуле, ощущая нечто незнакомое: брезгливое отвращение. И удивление.

— Ты шутишь.

— Конечно. Он может научить меня разбираться в винах. И в книгах. И во многом, чего я вообще не знаю. Как выглядит жизнь из другого конца телескопа. Что это такое — быть в аморальных отношениях.

— Это было бы ошибкой, — наставительно сказал Ли.

— Непременно нужно сделать несколько ошибок, — сказала Меррин. — Если ты их не сделаешь, то, наверное, думаешь слишком много. Худшая ошибка, какую только можно сделать.

— А как насчет жены и дочки старого пижона?

— Да, на этот счет я ничего не знаю. Само собой, у него уже третья жена, и вряд ли это станет для нее таким уж потрясением. — Меррин узко сощурилась и спросила: — Ты считаешь, что каждый мужик рано или поздно начинает скучать?

— Я думаю, что все мужики фантазируют о том, чего не имеют. Я думаю, в моей жизни не было отношений, при которых я не фантазировал бы про других девиц.

— Начиная с какого момента? В какой момент отношений парень начинает думать о других девушках?

Ли откинул голову и взглянул в потолок, притворяясь, что думает.

— Не знаю. С пятнадцатой минуты первого свидания? Зависит от того, насколько клевая официантка.

— Иногда, — ухмыльнулась Меррин, — я замечаю, что Иг смотрит на какую-нибудь девушку. Не часто. Если он знает, что я рядом, он на них не пялится. Но вот, скажем, этим летом мы были на Кейп-Коде, и я пошла в машину за лосьоном для загара, а потом вспомнила, что сунула его в карман ветровки. Иг не думал, что я вернусь так скоро, и смотрел на эту девушку, лежавшую на животе в расстегнутом купальнике. Хорошенькая девушка, лет девятнадцати-двадцати. В школе я извела бы его претензиями, чтобы не пялился, а тут ничего не сказала. Я не знала, что и сказать. Он ведь никогда и не был ни с кем, кроме меня.

— Правда? — недоверчиво спросил Ли, хотя и сам это знал.

— Тебе не кажется, что лет в тридцать пять он решит, что я захомутала его слишком молодым? Станет думать, что был лишен всех радостей школьного секса, и начнет фантазировать обо всех девушках, которых упустил?

— Я уверена, что и сейчас фантазирует про других девиц, — сказала соседка Меррин, пересекая гостиную с пирожком в одной руке и держа мобильник у уха другой.

Войдя в свою комнату, она громко хлопнула дверью. Не потому, что на что-то злилась или хотя бы замечала, что она делает, а просто она была из тех людей, которые хлопают дверьми, сами того не замечая.

— Это правда? — спросила Меррин, скрестив на груди руки. — То, что она говорит?

— Да так, по мелочам. Вроде как там, на пляже, когда он смотрел на эту девушку. Может, ему просто нравится думать об этом, но это же просто думанье, правда?

— А как ты думаешь, — спросила Меррин, подавшись вперед, — Иг, он в Англии погуляет немного на сторону? Чтобы избавиться от напряжения. Или ты думаешь, ему это будет казаться непростительным преступлением передо мной и детьми?

¹ Американская ассоциация отставников.

— Какие еще дети?

— Дети. Харпер и Чарли. Мы о них говорили еще с того времени, как мне было девятнадцать.

— Харпер и Чарли?

— Харпер — это девочка, в честь Харпер Ли. Моей любимой писательницы, написавшей один-единственный роман.¹ А Чарли — мальчик. Потому что Игу нравится, как я произношу это имя.

А вот Ли не очень понравилось, как она это сказала. Судя по ее счастливому отсутствующему взгляду, в этот момент она тоже их воображала.

— Нет, — сказал Ли.

— Что «нет»?

— Иг не будет от тебя гулять. Только если ты первой переспшишь с кем-нибудь и сделаешь так, что он точно об этом узнает. Тогда, пожалуй, да. Может быть. Переверни на минуту ситуацию. Тебе не приходило в голову, что лет в тридцать пять ты будешь жалеть, что что-то упустила?

— Нет, Ли, — безразлично отмахнулась Меррин. — Я не думаю, что стану когда-нибудь тридцатипятилетней и буду думать, что что-то там упустила. Это же, в общем-то, кошмарная идея.

— Какая идея?

— Трахнуть с кем-нибудь только для того, чтобы рассказать ему об этом. — Она смотрела не на Ли, а в законную тьму. — От одной уже мысли меня тошнит.

Странно, но у нее и вправду был нездоровый вид. Только сейчас Ли заметил ее неестественную бледность и круги под глазами, волосы Меррин неопрятно слиплись. Она уцепилась за бумажную салфетку, складывая ее во все меньшие квадратики.

— Как ты себя чувствуешь? А то вид у тебя какой-то такой.

— Похоже, я чем-то болеваю, — чуть улыбнулась Меррин. — Но ты не беспокойся: если мы не будем лизаться, ты не заразишься.

Через час, уже в машине, Ли буквально кипел возмущением. Вот так, значит, Меррин действует. Заманила его в Бостон, спровоцировав надежду, что они останутся в одиночестве, а затем открыла дверь, одетая в тренировочные штаны, выглядя, как разогретая говешка, ее соседка все время шастала туда-сюда, и они весь вечер обсуждали Ига. Если бы две недели назад Меррин не позволила ему целовать ее в грудь и не дала бы ему свой крестик, он мог бы подумать, что она и вовсе им не интересуется. Ему осточертело быть на подхвате, осточертели ее разговоры. Однако на подъезде к Закимовскому мосту сердце Ли уже колотилось спокойнее, дыхание стало почти нормальным, и он неожиданно сообразил, что за все это время Меррин ни разу не упомянула ту ледяную королеву, ни разу. За этим наблюдением последовала догадка, что ледяной королевы вовсе нет, а есть только Меррин, которая смотрит, сколько он может выдержать, заставляя его думать и думать.

И Ли думал, еще как думал. Он думал, что Иг скоро уедет и эта соседка тоже, и где-нибудь осенью он постучится к Меррин в дверь, и она уже будет одна.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ли рассчитывал пробыть у Меррин до поздней ночи, но уже в начале одиннадцатого он пересек границу с Нью-Гэмпширом и заметил на мобильнике голосовую почту от конгрессмена. Конгрессмен говорил медленно, устало, как при мигрени, он надеялся, что завтра Ли заедет, чтобы обговорить кое-какие новости. То, как он это сказал, заставило Ли подумать, что конгрессмен будет рад увидеть его сегодня, а потому, вместо того чтобы свернуть на запад к Гидеону, он продолжил путь по шоссе 1-95 на север и так и ехал до съезда на Рай.

Одиннадцать часов. Ли притормозил на подъездной дорожке, каковая была у

¹ А именно — «Убить пересмешника» (1960).

конгрессмена насыпана гравием из давленных белых ракушек. Огромный белый георгианский дом стоял на акре безукоризненно ухоженного зеленого газона. Во дворе при свете прожекторов конгрессменовы близняшки играли со своими друзьями в крокет. Девушки бегали босиком, на дорожке, рядом с бутылкой шампанского, стояли их туфли на шпильках. Ли вылез из «кадиллака» и немножко понаблюдал за их игрой, две гибкие загорелые девушки в летних платьях, одна из них наклонилась над своим молотком, ее обожатель стоял сзади и как будто хотел помочь, а на деле — потеснее к ней прижаться. В воздухе, слегка пахнувшем морем, разносился залиvistый смех, и Ли снова ощутил себя в привычной обстановке. Ли был любимчиком этих девушек, и, заметив его на дорожке, они бросились к нему бегом. Кали повисла у него на шее, а Дали громко чмокнула его в щеку. Совсем еще юные, загорелые и счастливые, но с обеими были неприятности, о которых никогда не говорили: запой, анорексия, венерические болезни. Ли тоже дружески их потискал и обещал, если будет время, выйти поиграть с ними в крокет, однако от контакта с ними по его коже ползли мурашки. Девушки выглядели очень симпатично, но это была не более чем кажимость, вроде тараканов в шоколаде, одна из них жевала мятную жвачку, и Ли на мгновение задумался, не скрывает ли она запах сигарет, дури или члена. Даже за ночь с ними обеими Ли не променял бы ночь с Меррин, сохранившей в каком-то смысле чистоту и все еще обладавшей телом шестнадцатилетней девственницы. Она спала только с Игом, а зная Ига, как знал его Ли, можно было с уверенностью сказать, что это почти не считается. Вполне возможно, что Иг всегда прокладывал между ними простыню.

Жена конгрессмена встретила Ли у двери, миниатюрная женщина с черными с проседью волосами и тонкими губами, застывшими от неумеренного применения ботокса в перманентной улыбке. Первым делом она тронула его за руку. Они все любили его трогать — и конгрессменова жена, и его дети, да и сам конгрессмен, словно Ли был какой-то амулет, нечто вроде заячьей лапки. И он действительно был для них амулетом и прекрасно это знал.

— Он в кабинете, — сказала жена конгрессмена. — Он будет рад тебя видеть. Ты знал, что нужно приехать?

— Я знал. Голова болит?

— Жутчайшим образом.

— Все в порядке, — сказал Ли. — Нет оснований для беспокойства. Доктор уже приехал.

Ли знал, где находится кабинет, и прямо туда и направился. Он постучал в раздвижную дверь, но не стал ждать ответа, а сразу вошел. Весь свет был потушен, лишь мерцал экран телевизора, а конгрессмен лежал на кушетке, его лоб и глаза накрывало мокрое полотенце, сложенное в несколько раз. По телевизору шел «Хотхаус». Звук был совсем прикручен, но Ли увидел Терри Перриша, сидевшего за своим столом и бравшего интервью у какого-то костлявого бритта в черной кожаной куртке, рок-звезды или вроде того.

Конгрессмен услышал открывшуюся дверь, приподнял уголок полотенца, криво улыбнулся и уронил полотенце на прежнее место.

— Вот и ты, — сказал конгрессмен. — Я чуть не передумал оставлять тебе это послание, потому что знал, что ты всполошишься и прибежишь ко мне сегодня, а я не хотел портить тебе пятничный вечер. Я и так сосу из тебя слишком много соков. Ты должен быть где-нибудь в городе, гулять с какой-нибудь девушкой.

Он говорил тихим мягким голосом отца, который наставляет любимого сына, лежа на смертном одре. Ли слышал такой голос уже не в первый раз и не в первый раз помогал конгрессмену одолеть мигрень. Эти мигрени были тесно связаны со сбором средств на избирательную кампанию и плохими результатами опроса. Последнее время неприятности случались все чаще и чаще. Вряд ли больше десятка жителей штата это знало, но в начале будущего года конгрессмен собирался объявить, что намерен баллотироваться в губернаторы против губернаторши нынешней, которая на прошлых выборах одержала сокрушительную победу, однако за это время сильно растеряла свой авторитет. Каждый раз, когда ее рейтинг поднимался больше чем на три процента, конгрессмен глотал, не запивая, пару таблеток

мотрина и ложился на кушетку. Прежде никогда еще не было, чтобы он так зависел от спокойствия Ли.

— Так и планировалось, — сказал Ли. — Но она меня кинула, а вы раза в два ее симпатичнее, так что я ничего не потерял.

Конгрессмен зашелся визгливым хохотом Ли сел на кофейный столик наискось от него.

— Кто там умер? — спросил Ли.

— Супруг губернаторши, — ответил конгрессмен.

— Господи, — сказал Ли, немного помедлив, — надеюсь, вы шутите.

Конгрессмен снова приподнял мокрое полотенце.

— У него то же, что у Лу Герига.¹ Рассеянный склероз. Только что поставили диагноз. Завтра будет пресс-конференция. На будущей неделе двадцатилетний юбилей их свадьбы. Ну не ужас ли?

Ли был готов услышать плохие результаты какого-нибудь опроса или даже узнать, что «Портсмут геральд» собирается печатать далеко не лестный материал о конгрессмене (или о девочках — тут уж газетчикам было где разгуляться). А вот чтобы осознать такой поворот, требовалось время.

— Господи, — повторил Ли.

— Вот и я говорю. Все началось с большого пальца, который стал безостановочно дергаться, теперь уже дергаются обе руки. Видимо, болезнь прогрессирует очень быстро. Никогда ведь не знаешь точный день и точный час, не знаешь ведь?

— Нет, сэр.

Они сидели и смотрели в молчащий телевизор.

— Мой лучший школьный друг, у его отца была как раз эта же штука, — сказал конгрессмен. — Бедняга сидел в кресле перед телевизором, дергался, как рыба на крючке, и голос у него звучал обычно так, словно его душит человек-невидимка. Мне их искренне жаль. Не могу себе представить, что бы я делал, заболел одна из девочек. Ли, ты бы не хотел помолиться за них вместе со мной?

«Ничуть не хотел бы», — подумал Ли, но опустил на колени у кофейного столика и сложил ладони. Конгрессмен встал на колени рядом с ним и склонил голову. Ли закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, оценить ситуацию. Первое: это сразу поднимет ее рейтинг, личные трагедии всегда добавляют несколько тысяч голосов. А кроме того, здравоохранение было главным коньком губернаторши, и эта история непременно на нее сработает, даст ей возможность придать проблеме личный характер. Да и так уже достаточно затруднительно баллотироваться против женщины, сразу возникает образ грубого мужлана, но баллотироваться против женщины, героически ухаживающей за больным супругом, — кто знает, как это сыграет в избирательной кампании? Пожалуй, тут все зависит от средств массовой информации, под каким углом они будут работать. А есть ли какой-нибудь угол, который сработает не на нее? Может быть. Ли склонился к мысли, что существует как минимум одна возможность, о которой стоит молить Господа, как минимум один способ все организовать.

Через какое-то время конгрессмен вздохнул, тем самым показав, что время молитвы закончилось. Однако оба они не стали вставать.

— Как ты думаешь, — спросил конгрессмен, — мне не нужно теперь баллотироваться? Из самой элементарной порядочности?

— Болезнь ее мужа — это одна трагедия, — сказал Ли. — Ее политика — другая. И эта трагедия касается едва ли не всех жителей штата.

Конгрессмен брезгливо передернулся и сказал:

— Мне стыдно, что я мог такое подумать. Будто единственно важный вопрос — это мои политические амбиции. А все это, Ли, моя гордыня. Грех гордыни.

— Мы не знаем, что теперь будет. Может быть, она решит уйти в отставку, чтобы

¹ Лу Гериг (1903–1941) — знаменитый американский бейсболист. Страдал боковым амиотрофическим склерозом, известным в США после его смерти как болезнь Лу Герига.

посвятить ему все свое время, или просто не станет больше баллотироваться, а тогда вы — самый подходящий кандидат.

Конгрессмен снова передернулся.

— Не нужно так рассуждать, во всяком случае — сегодня. Это как-то не слишком честно, ведь речь о жизни и здоровье человека. И не имеет никакого значения, стану я баллотироваться или нет. — Он качнулся вперед, глядя на телевизор невидящими глазами. Пробежался языком по губам. А затем добавил:

— Впрочем, подай она в отставку, было бы полной безответственностью, если бы я *не* выдвинул свою кандидатуру.

— Вот именно, — поддержал его Ли. — Представьте себе, что будет, если вы откажетесь от борьбы и губернатором выберут Билла Флореса? Они введут половое образование в садиках и будут раздавать резинки шестилетним карапузам. Хорошо, ребята, поднимите руку, кто знает, как пишется «содомия».

— Прекрати, — со смехом отмахнулся конгрессмен, — ты просто невыносим.

— Вы даже не собирались объявлять в ближайшие пять месяцев, — сказал Ли. — За год может многое случиться. То, что у нее больной муж, еще не причина, чтобы избиратели за нее голосовали. Больная супруга ничуть не помогла Джону Эдвардсу. Кой черт, да она ему повредила. Создавалось впечатление, что он ставит свою карьеру выше здоровья жены.

По его прикидкам, в данном случае все будет выглядеть еще хуже женщина, произносящая речи, в то время как ее муж судорожно дергается в инвалидном кресле, поставленном рядом с трибуной. Очень плохой визуальный образ, и захотят ли избиратели голосовать за новые два года такой картинки в их телевизоре? Или за женщину, считающую, что выиграть выборы важнее, чем ухаживать за мужем?

— Люди голосуют не из своих симпатий, а за реальные проблемы.

— Брехня, люди голосуют, исходя из своих ощущений. Вот так и нужно все это устроить — тихо, обиняками использовать болезнь ее мужа, чтобы представить ее более бессердечной, менее женственной. Всегда можно что-нибудь придумать. А к тому времени, как вы вступите в игру, это уже будет далеко не новость. Люди будут готовы к перемене темы.

Но Ли уже не был уверен, что конгрессмен его слышит. Прищурившись, он смотрел на экран телевизора. Терри Перриш обвис в своем кресле, изображая мертвого, его голова была свернута под почти невозможным углом. Гость программы, костлявый английский рокер в черной кожанке, перекрестил мнимый труп.

— Вы же с ним вроде бы дружки? С Терри Перришем?

— Больше с его братом, Игом. Прекрасные они люди, это семейство Перриш. В детстве я буквально на них молился.

— А я вот никогда с ними не пересекался. С этим семейством Перриш.

— Думаю, они склоняются к демократам.

— Голосуя, люди ставят дружбу выше партии, — сказал конгрессмен. — Может быть, нам всем стоит подружиться. — Он ударил Ли по плечу, как при внезапной мысли. Про мигрень уже все было забыто. — А здорово было бы в нужное время объявить о моем участии в выборах на этой самой программе Терри Перриша.

— Здорово, — согласился Ли, — очень здорово.

— Как ты считаешь, можно это как-нибудь устроить?

— Пожалуй, при следующем его приезде я его куда-нибудь свожу и замолвлю за вас пару слов. Посмотрим, может, и получится.

— Конечно, — согласился конгрессмен, — так ты и сделай. Поставь ваш городишко вверх ногами, я за все плачу. — Он вздохнул и продолжил: — Ты меня приободрил. Я очень удачливый человек и сам это знаю. А главная из моих удач — это ты, Ли. — Он взглянул на Ли лукавыми глазами доброго дедушки, сделать такое в любой момент не представляло для него труда. — А знаешь, Ли, ведь ты уже достаточно взрослый, чтобы баллотироваться в конгресс. Так или иначе, в ближайшие два года мое место освободится. У тебя есть весьма

привлекательные качества. Ты симпатичный и честный. У тебя есть прекрасная личная история раскаяния и возрождения, благодаря кресту.

— Лично я так не думаю. Я доволен своей теперешней работой — работой для вас. Я не думаю, что выборный пост — это мое единственное призвание, — сказал Ли и без малейшего смущения добавил: — Не думаю, чтобы Господь хотел от меня именно этого.

— Жаль, — сказал конгрессмен. — Ты мог бы сослужить партии серьезную службу и, вполне возможно, подняться в ней очень высоко. Да при подходящих обстоятельствах ты мог бы стать нашим следующим Рейганом!

— Не-а, — сказал Ли. — Скорее уж я хотел бы стать следующим Карлом Роувом.¹

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Перед смертью мать не отличалась разговорчивостью, Ли даже не был уверен, много ли она понимала в свои последние недели. Обычно она произносила со многими вариантами дрожащим безумным голосом одно-единственное слово: «Пить! Пи-ить!» Ее глаза буквально вываливались из орбит. Как правило, Ли сидел у кровати совершенно голый из-за жары и читал журнал. К полудню температура в спальне разгонялась до девяноста пяти градусов, а под кипой одеял было еще градусов на пятнадцать жарче. Похоже, мать не всегда понимала, что Ли сидит рядом с ней. Она смотрела в потолок, жалко сражаясь с одеялами, как женщина, упавшая за борт и пытающаяся плыть. В других случаях ее расширенные глаза устремлялись с мольбой и ужасом на Ли, а тот отхлебывал чай со льдом и полностью ее игнорировал. Случалось, что, меняя простыню, Ли забывал постелить новую и оставлял полуголую мать лежать прямо под одеялами. Когда матери случалось обмочиться, она кричала: «Мокро! Мокро! Господи, Ли, я обмочилась!» Ли никогда не спешил менять ей простыни — трудоемкий, утомительный процесс. Ее моча плохо пахла, пахла морковкой, пахла почечной недостаточностью. Когда Ли все же менял ей белье, он собирал прежнее в мокрый ком и прижимал к лицу матери, а та начинала выть удивленным полузадушенным голосом. В конце концов, когда-то мать делала с ним то же самое, тыкала его лицом в обмоченные простыни. Так она учила его не писаться в постели, что в детстве случалось с ним неоднократно.

Однако в конце мая у матери после долгих недель, когда она ничего не понимала, наступило недолгое просветление, опасный момент полной ясности сознания. Ли, спавший на втором этаже, в своей спальне, проснулся незадолго до восхода от непонятного ощущения, что что-то не так. Он приподнялся на локтях и стал напряженно слушать тишину. Времени было без минут пять, небо за окном начинало светлеть. Окно было чуть приоткрыто, и до него доносились запахи зеленой травы и набухших почек. Проникавший в комнату воздух был теплым и влажным. Если уж в такое время тепло, днем будет настоящее пекло, особенно в комнате для гостей, где, словно в духовке, он жарил эту старуху. В конце концов он услышал снизу негромкий стук, а затем еще какие-то звуки, словно кто-то царапает ботинками пластиковую циновку.

Ли встал и прошел на первый этаж, чтобы проверить мать. Он думал застать ее спящей и, может быть, бессмысленно глядящей в потолок и уже никак не ожидал увидеть ее, перекатившейся на левый бок и тянущей иссохшую клешню к телефону. Она сбила трубку с рычага, и та висела на спирали из бежевого провода. Мать собрала часть провода в руку, стараясь подтянуть к себе трубку, и теперь та раскачивалась в воздухе, задевая пол и время от времени стучась о ночной столик.

Увидев Ли, мать перестала пытаться подтащить трубку. Ее измученное, с запавшими щеками лицо было спокойным, почти выжидающим. Когда-то у нее были роскошные, чуть рыжеватые волосы, локоны, которые спадали на плечи. Волосы Фарры Фосетт.² Впрочем,

¹ Карл Роув (р. 1950) — известный политехнолог, руководитель всех избирательных кампаний Джорджа Буша.

² Фарра Фосетт (1947–2009) — американская актриса, секс-символ 1970–80-х гг, прославилась после телесериала «Ангелы Чарли» (1976–1981).

теперь она сильно облысела, на черепе, усеянном коричневыми пятнами, лежали тусклые серебряные пряди.

— Мама, что ты делаешь? — спросил Ли.

— Хочу позвонить.

— Кому ты будешь звонить?

Ли сразу же отметил ясность ее голоса и понял, что она каким-то невозможным образом на время выплыла из глубин своего безумия.

Мать бросила на него долгий недоуменный взгляд и спросила:

— Кто ты такой?

Во всяком случае — частично выплыла.

— Ли. Разве ты меня не знаешь?

— Ты не Ли. Ли там, ходит по забору. Я сказала ему этого не делать. Я сказала, что он заплатит за это дьяволу, но Ли не может себя сдержать.

Ли пересек комнату и вернул трубку на рычаг. Что за идиотская беспечность — оставить рядом с матерью работающий телефон, каким бы там ни было ее состояние. Когда он наклонился, чтобы вытащить телефонный провод из розетки, мать протянула руку и схватила его за запястье. Ли едва не закричал, так поразила его яростная сила ее иссохших скрюченных пальцев.

— Я все равно умру, — сказала мать. — Зачем тебе мои страдания? Почему ты не можешь просто отойти в сторонку и дать неизбежному произойти?

— Потому что так, — сказал Ли, — я ничему не научусь.

Он ожидал услышать новый вопрос, но вместо этого мать сказала:

— Да. Это верно. А чему ты хочешь научиться?

— Есть ли предел.

— Того, что я могу вынести? — спросила мать и тут же поправилась: — Нет, конечно же нет. Ты имеешь в виду предел своей собственной жестокости. — Она осела на подушки, и Ли с удивлением увидел на ее лице понимающую улыбку. — Ты не Ли. Ли на заборе. Если я снова увижу, как он ходит по этому забору, хорошая порка ему обеспечена. Я его предупреждала.

Мать глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Ли уже думал, что она засыпает — такие быстрые переходы случались с ней нередко, — но тут она вновь заговорила. В ее тонком старушечьем голосе звучала задумчивость.

— Раз заказала по каталогу кофеварку для эспresso. Хорошенькая игрушка. Уйма блестящей латуни. Через пару недель на моем пороге возникла коробка. Я вскрыла ее, и знаешь, что там было? Ничего, кроме упаковки. Восемьдесят девять долларов за пару листов пузырьковой упаковки и пенопласт. Видимо, на этом заводе кто-то не вовремя уснул.

Она долго, с удовольствием выдохнула.

— Зачем... зачем ты мне это рассказала? — спросил Ли.

— Потому что то же самое и с тобой, — сказала мать, снова открыв огромные сияющие глаза и чуть повернув голову, чтобы на него посмотреть. Ее улыбка стала шире, обнажив пожелтевшие остатки зубов, а потом она рассмеялась. — Ты должен потребовать деньги назад. Тебя нагло надули. Ты всего лишь упаковка. Ты просто красивая коробка, в которой нет ничего.

Она смеялась, задыхаясь. Хрипло и прерывисто.

— Перестань надо мной смеяться, — сказал Ли, что вызвало у матери новый приступ хохота, и она продолжала смеяться, пока Ли не дал ей двойную дозу морфия.

Затем он прошел на кухню и выпил дозу «Кровавой Мэри» с уймой перца, его рука, державшая стакан, дрожала, как в лихорадке. У Ли было сильное желание налить своей матери кружку обжигающе-горячей соленой воды и заставить ее выпить все до капельки. Утопить ее в этой кружке.

Однако он не стал этого делать, а оставил ее в покое, целую неделю он проявлял необычную заботливость — ни на секунду не выключал вентилятор, регулярно менял матери

простыни, телевизор все время работал, на столике стояли свежие цветы. И особенно он следил за тем, чтобы давать ей морфий точно по расписанию — не хотелось, чтобы приходящая медсестра случайно попала на момент ее просветления и чтобы потом рассказывала, как обращается с матерью сын. Но все его тревоги были напрасны, мать никогда уже не пришла в сознание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ли помнил этот забор. Он почти не помнил о двух годах, прожитых ими в Западном Баксфорте, штат Мэн. Не помнил, в частности, почему они переехали сюда, в эту забытую богом дыру, маленький городок, где у его родителей не было никаких знакомых. Точно так же он не мог вспомнить, почему они вернулись в Гидеон. Но он прекрасно помнил забор и одичавшего кота, пришедшего из зарослей кукурузы, и ночь, когда он сам не дал луне упасть с неба.

Кот приходил на закате. Когда он второй или третий раз появился у них на заднем дворе и негромко замявkal, мать Ли вышла ему навстречу. Она вынесла банку сардин, поставила ее на землю и стала смотреть, как кот крадется все ближе и ближе. Кот накинulся на сардины, словно не ел много дней — может быть, так оно и было, — и стал поглощать серебристых рыбок, резко дергая головой. Затем он довольно замурчал и втиснулся между лодыжек Кэти Турно. Мурчание было вроде как проржавевшее, словно кот давно не бывал довольным и малость разучился.

Но когда мать Ли наклонилась почесать его за ухом, кот полоснул по ее руке когтями, оставив длинные глубокие царапины. Она закричала и пнула его ногой, и он убежал, перевернув по дороге консервную банку.

Мать целую неделю ходила с перевязанной рукой, а шрамы так и вообще остались до самой смерти. Когда кот пришел в следующий раз и начал мяукать, привлекая к себе внимание, она кинула в него сковородкой, и он исчез в рядах кукурузы. За их домом было с дюжину этих рядов, акры низкорослой паршивенькой кукурузы. Родители Ли ее не сажали и никак за ней не ухаживали. Они не были фермерами и не хотели заниматься даже садом. В августе мать Ли собрала часть кукурузы и попыталась сварить несколько початков, но никто не стал их есть. Кукуруза оказалась безвкусной и жесткой, отец Ли рассмеялся и сказал, что она только свиньям на корм. К октябрю все стебли высохли и почернели, многие из них поломались и почти упали. Ли они нравились, нравился их запах в холодном осеннем воздухе, нравилось пробираться по узкому промежутку между рядами и как сухо шуршат при этом листья. Много лет позже он все еще помнил, что любил их, хотя и не мог в точности вспомнить, как ощущалась эта любовь. Для взрослого Ли Турно пытаться вспомнить свою увлеченность кукурузой было почти то же самое, как оживлять воспоминания о хорошем обеде.

Где кот проводил остальной день, так и осталось неизвестным. Он не принадлежал соседям. Он не принадлежал никому. Мать сказала, что он бродячий, это слово звучало у нее как плевок, с тем же омерзением с каким она упоминала «Уинтерхаус», куда каждый вечер заходил ее муж, чтобы выпить стаканчик (или два, или три).

У кота буквально торчали ребра, черная шерсть на бедрах протерлась, местами обнажив непристойно розовую, покрытую струпиями кожу, а его огромные, поросшие шерстью яйца болтались на ходу между задними лапами. Левый глаз кота был зеленым, а правый — белым, что придавало ему полуслепой вид. Мать велела Ли, своему единственному сыну, держаться от этой твари как можно дальше, не гладить его ни при каких обстоятельствах и вообще ему не доверять.

— Он никогда тебя не полюбит, — сказала она. — Он прошел уже точку невозврата, до которой мог еще хорошо относиться к людям. Ему не интересен ни ты, ни кто-либо другой. Не интересен и не будет интересен. Приходит он по единственной причине, в надежде, что мы ему что-нибудь дадим, и, если мы не будем его подкармливать, он перестанет приходить.

Однако он не переставал. Каждый вечер, когда солнце садилось, но облака еще были объаты закатным сиянием, кот приходил к ним на задний двор.

Иногда Ли после школы выходил на него посмотреть. Ему было интересно, как кот проводит день, откуда он приходит и куда уходит. Ли залезал на забор и шел по верхним бревнышкам, высматривая в кукурузе кота.

Он мог заниматься этим, только пока мать не увидит и не крикнет ему слезть. Забор был из толстых занозистых палок, вставленных в наклонные столбики, и окружал весь двор, включая и кукурузу. Верхняя планка была высоко над землей, примерно на высоте головы Ли, и дрожала под ним, когда он залезал наверх. Мать говорила, что дерево уже гнилое, и перекладина непременно под ним сломается, и он угодит в больницу (отец пренебрежительно махал рукой и говорил: «Отстань ты от него, пусть мальчишка будет мальчишкой»). Ли не мог отстать от забора, да и какой мальчишка смог бы. И он не просто залезал на него и ходил по нему на манер канатоходца, но иногда даже бегал, раскинув руки, словно долговязый журавль, пытающийся взлететь. Было просто здорово бегать по забору, чувствуя, как трясется под ногами планка и бьется в жилах кровь.

Кот явно решил свести Кэти Турно с ума. Он объявлял о своем приходе жалобным воем, рвущим сердце и уши звуком, повторявшимся снова и снова, пока терпение матери не кончалось, а тогда она вылетала из задней двери и чем-нибудь в него швыряла.

— Да чего тебе надо? — крикнула она как-то коту. — Никто тебя здесь не кормит, так почему же ты не уходишь?

Ли ничего матери не сказал, но думал про себя, что знает, почему кот ежевечерне приходит. Мать ошибочно считала, что он просит поесть, Ли же догадывался, что он тоскует по прежним хозяевам, людям, жившим в этом доме прежде и обращавшихся с ним так, как это было ему по вкусу. Ли представлял себе рыжую веснушчатую девочку примерно своего возраста в комбинезоне и с длинными прямыми волосами, которая ставит коту миску кошачьей еды, а потом сидит на безопасном от него расстоянии и смотрит, не мешая ему есть. Может быть, что-нибудь ему напевает. Идея матери — что кот нарочно их изводит своими непрерывными воплями, просто чтобы посмотреть, сколько они выдержат, — казалась Ли маловероятной.

Он решил подружиться с котом и как-то поздно вечером сел его поджидать. Матери он сказал, что не хочет ужинать, что и так почти лопается от миски зерновых хлопьев, съеденной в школе, и нельзя ли ему просто погулять? Мать сказала, что можно, во всяком случае, пока отец не вернется. Ли не стал говорить ей, что думает встретиться с котом и у него для кота заготовлены сардины.

В середине октября темнеет быстро. Когда он вышел во двор, не было еще и шести, но небо уже совсем потемнело, не считая узкой розовой полоски по ту сторону дороги. Поджидая кота, он тихо напевал песню, которую в этом году часто крутили по радио. *«Взгляни на ни-их, — пел он почти что шепотом, — взгляни на ни-их»*.¹ Зажглись первые звезды. Он откинул голову и с удивлением увидел, что одна из звезд движется, рисует на небе прямую линию. Через мгновение он осознал, что это, наверное, самолет или даже спутник. Или НЛО! Вот бы здорово. Когда он оторвал взгляд от неба, кот уже был здесь.

Разноглазый кот высунул голову из кукурузы и посмотрел на Ли, в кои-то веки он молчал. Ли вытащил руку из кармана куртки, стараясь не делать резких движений, чтобы не спугнуть кота.

— Ко-о-тя, ко-о-тя, — сказал он, растягивая первый слог. — Ко-о-тя.

Резко щелкнула открывшаяся консервная банка, кот метнулся в кукурузу и исчез.

— Ты что, котя? — крикнул Ли, вскакивая на ноги.

Так было просто нечестно. Он ведь спланировал всю эту встречу, как он подманит кота тихим вкрадчивым разговором, а затем поставит перед ним сардины, не делая сегодня никаких попыток тронуть его хотя бы пальцем, пусть себе ест. А теперь он убежал, не дав Ли

¹ «Look at them go, look at them kick» — из песни австралийской группы INXS «Devil Inside» («Дьявол внутри») с их альбома «Kick» (1987).

никаких шансов.

Поднимался ветер, кукуруза непрерывно шуршала, и Ли даже через куртку почувствовал холод. Он стоял, слишком расстроенный, чтобы что-нибудь делать, и пустыми глазами смотрел на кукурузу, и в этот момент кот появился снова. Он вспрыгнул наверх, на перекладину забора, и посмотрел на Ли возбужденно сверкающими глазами. У Ли отлегло от сердца, что кот не стал убегать без оглядки, а остался поблизости. Ли опять постарался не делать резких движений. Он не шел, а скорее уж крался, ничего коту не говорил. Он боялся, что стоит ему подойти поближе, кот тут же прыгнет в кукурузу и исчезнет. Однако вышло совсем иначе: когда Ли подошел к забору, кот сделал несколько шагов по верхней перекладине, остановился и оглянулся с чем-то вроде ожидания в глазах. Ожидая увидеть, что Ли за ним следует, приглашая его за собой. Ли схватился за столбик и забрался на верхнюю перекладину. Забор задрожал, и он подумал, что уж теперь-то кот точно спрыгнет на землю и убежит. Однако тот подождал, пока забор не перестал качаться, и важно пошел прочь, высоко задрав хвост, так что были видны черная задница и огромные яйца.

Ли раскинул руки для равновесия и пошел вслед за котом. Он не спешил, опасаясь его спугнуть, а двигался ровным шагом. Кот важно шествовал по забору, уводя Ли все дальше и дальше от дома. Кукуруза росла у самой ограды, и руки Ли все время натыкались на широкие сухие листья. Был неприятный момент, когда у него под ногами затряслась одна из перекладин, и ему пришлось встать на четвереньки, ухватиться за столбик, чтобы не упасть. Кот ждал на следующей перекладине, он не двинулся даже тогда, когда Ли восстановил равновесие и прошел опасное место. Вместо этого он выгнул спину, распушил шерсть и начал мурчать своим хриплым неумелым мурком. Ли был вне себя от радости, что смог так приблизиться к коту, приблизиться настолько, что можно было дотянуться до него рукой.

— Котя, — выдохнул он, кот выгнул спину и замурчал еще громче, и было невозможно даже подумать, что ему не хочется, чтобы его трогали.

Ли помнил, что обещал себе не гладить сегодня кота, ведь они еще только познакомились, но было бы попросту глупо отвергнуть столь очевидную просьбу о ласке. Он осторожно нагнулся, чтобы погладить кота.

— Ко-о-тя, — сказал он нараспев, и кот зажмурился с бесконечно счастливым видом, а затем распахнул глаза и вдруг взмахнул лапой.

Ли резко выпрямился, лапа промелькнула в воздухе не больше чем в дюйме от его левого глаза. Перекладина под ногами дернулась, ноги Ли стали ватными, и он свалился в кукурузу.

По большей части верхняя перекладина была футах в четырех от земли, но около этого участка забора у земли был сильный склон налево, так что высота падения получалась футов шесть. Эти вилы лежали в кукурузе свыше десяти лет. Они поджидали Ли еще до его рождения, лежали плашмя, выставив вверх свои ржавые искривленные зубья. Ли врезался в них головой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Через какое-то время Ли сел. Кукуруза отчаянно шепталась, распространяя о нем ложные слухи. Кот уже исчез с забора. Было полнолуние, и, взглянув вверх, он заметил, что звезды движутся. Сейчас они все были спутниками, они метались то туда, то сюда, падали и возвращались на прежнее место. Луна мигнула, упала на несколько дюймов и снова мигнула. Словно небесный занавес был на грани падения, ежесекундно грозился открыть скрытую за ним пустую сцену. Ли поднял руку, поправил луну и вернул ее туда, где ей полагалось быть. Луна оказалась такая холодная, что его пальцы одеревенели, это было как крутить ледышку.

Чтобы поправить луну, ему пришлось стать очень высоким, и он взглянул сверху на свой уголок Западного Баксфорта. Он увидел вещи, которые никак не мог видеть из кукурузы, увидел так, как видит их Бог. Он увидел отцовскую машину, едущую по переулку Карманников, потом она свернула на проселок, ведущий к их дому. Отец вез на

пассажирском сиденье коробку с полудюжиной пива и еще одну бутылку между ног. Если бы Ли захотел, он мог бы щелкнуть пальцем по машине и сшибить ее с дороги в заросли бурьяна, отделявшие их дом от хайвея. Ему представилась машина, лежащая на боку, из-под капота выбивались языки пламени. Потом говорили бы, что отец сел за руль пьяным в стельку.

Он чувствовал себя непричастным нижнему миру, словно это была игрушечная железная дорога. Западный Баксфорт был красив и аккуратен с его маленькими деревьями, маленькими игрушечными домиками и маленькими игрушечными людьми. При желании он мог бы взять свой собственный дом и переставить через улицу. Он мог бы наступить на него и раздавить. Он мог бы смахнуть все это со стола одним движением руки.

Он заметил в кукурузе какое-то шевеление, тень, скользнувшую среди других теней, и узнал кота, и понял, что вознесся на свою высоту, не только чтобы поправить луну. Он щедро предложил этому бродяге пищу и ласку, а тот обманул его, выказав мнимую благодарность, а затем ударил лапой, и сшиб его с забора, и даже чуть было не убил, не по какой-нибудь особой причине, а потому что так уж он был устроен, и теперь он уходил прочь как ни в чем не бывало, словно ничего не случилось, и, может быть, для кота действительно ничего не случилось, может быть, он уже не помнил про Ли, и *так не пойдет*. Ли протянул вниз свою огромную руку — это было как стоять на верхнем этаже башни Джона Хэнкока,¹ глядя вдоль нее на землю, — и прижал кота пальцем, размазав его по земле. На какое-то отчаянное мгновение, меньше чем на секунду, он почувствовал жизнь, дрожащую и дергающуюся под его пальцами, почувствовал, как кот пытается отпрыгнуть, но было поздно, он раздавил кота, и тот треснул, как сухой стручок. Затем он с сильным нажимом провел пальцем туда-сюда — так его отец тушил в пепельнице окурки. Он убил кота с тихим спокойным удовлетворением, ощущая некую отстраненность от себя самого, примерно такую же, как когда ему случалось привирать.

Через какое-то время Ли поднял руку и взглянул на нее, на потеки крови и прилипший к нему клочок черной шерсти. Понюхав руку, он ощутил запах пыльных подвалов, смешанный с запахом летней травы. Запах показался ему интересным, рассказал об охоте на мышей в подземных закоулках и поиске кошек, чтобы спариваться с ними в высоком бурьяне.

Ли опустил руку на колени и взглянул на кота и то, что было вокруг. Он снова сидел в кукурузе, хотя и не помнил, как садился, он был того же размера, что и прежде, хотя и не помнил, когда уменьшился. Кот был страшно изувечен, его голова перекрутилась назад, словно кто-то пытался ее отвинтить, как электрическую лампочку. Кот широко распахнул глаза и удивленно смотрел в ночь, он лежал рядом с плоским, сплошь в крови куском сланца. Ли смутно ощущал какое-то жжение в правой руке, взглянул и увидел на ней царапины в форме трех параллельных линий, словно от зубьев вилки. Он не понимал, как это кот сумел его ободрать, если он был таким огромным, однако голова болела, и усталость мешала думать, и он почти сразу бросил попытки разобраться. Крайне утомительно быть подобным Богу, быть достаточно большим, чтобы приводить в порядок то, что нужно привести в порядок. Он встал на ослабевшие, дрожащие ноги и побрел к дому.

В гостиной снова цапались родители. Или, вернее, отец сидел с бутылкой пива и «Спорт иллюстрейтед», а Кэти нависла над ним и ругалась низким полузадушенным голосом. У Ли был краткий проблеск идеального понимания, сошедший на него, когда он был достаточно огромным, чтобы чинить луну, и сейчас он знал, что отец ежевечерне ходит в «Уинтерхаус» не чтобы пить, а ради официантки, с которой у него особые отношения. Ни один из родителей никогда не поминал официантку, мать ярилась на бардак в гараже, на то, что отец прется в комнату в сапожищах, и на свою работу. Но в действительности они ругались из-за официантки. И еще Ли сейчас понимал, что со временем — может быть, через несколько лет — отец уйдет из дома, а его оставит с матерью.

Но их руготня его не беспокоила. Его беспокоило радио, звучащее фоном, издававшее резкие диссонирующие звуки, словно с лестницы упали кастрюли, а в то же время кто-то

¹ Башня Джона Хэнкока — шестидесятиэтажный небоскреб, самый высокий в Бостоне.

свистит и булькает, как закипающий чайник. Звуки резали ему уши, и он повернулся к радио, чтобы сделать потише, и только тогда узнал песню «Дьявол внутри». Он не мог взять в голову, почему ему когда-то нравилась эта песня. В ближайшие недели Ли обнаружит, что не может терпеть почти никакой музыки, звучащей на заднем плане, что песни стали казаться ему совершенно бессмысленными, хаосом, неприятными звуками. Когда приемник был включен, он выходил из комнаты, предпочитая тишину своих собственных мыслей.

Поднимаясь по лестнице, он ощутил легкое головокружение, казалось, что стены пульсируют, и он боялся, что если посмотреть наружу, то окажется, что луна снова вздрагивает, и на этот раз он, возможно, не успеет ее починить. Он подумал, что, пожалуй, лучше лечь до того, как она упадет. Он пожелал родителям спокойной ночи. Мать ничего не заметила. Отцу было все равно.

Утром, когда Ли проснулся, оказалось, что его наволочка вся в засохшей крови. Он не испугался и не встревожился, но все же ее обследовал. Особенно интересен был запах, запах старой медной монетки. Через несколько минут, стоя под душем, он случайно посмотрел себе под ноги. Тонкая коричнево-красная струйка убегала в сливное отверстие, словно в воде появилась откуда-то ржавчина. Только это была не ржавчина. Ли машинально потрогал голову, выясняя, не поцарапался ли он случаем, когда падал с забора. Его пальцы коснулись болезненного места на правой стороне черепа. Он нащупал нечто вроде небольшой вмятины, и на миг ему показалось, что кто-то сунул прямо под душ включенный фен, сильный удар электричества заставил мир вспыхнуть, превратил его в фотонегатив. Когда всплеск тошноты отступил, он взглянул на свои пальцы и увидел кровь.

Ли никому не сказал, что поранил голову, это не казалось таким уж важным, он даже не стал никак объяснять кровь на наволочке, хотя мать и ужаснулась, увидев такой беспорядок.

— Вы только посмотрите! — сказала она. — Ведь это не отстираешь, в жизни не отстираешь!

И это — стоя посреди кухни с пропитанной кровью наволочкой в руке.

— Да брось ты! — отмахнулся отец, сидевший за кухонным столом и читавший спортивные страницы. Он был бледный, небритый и, похоже, нездоровый, но все же улыбнулся сыну. — У ребенка пошла носом кровь, а ты реагируешь так, словно он кого-то убил. Да не убил он никого. Во всяком случае — пока, — подмигнул он Ли.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Пока Меррин открывала дверь, Ли заранее улыбнулся, но все было зря, она на него почти не взглянула.

— Я сообщил Игу, что конгрессмен посылает меня сегодня в Бостон, — сказал он, — и он мне пригрозил, что, если я не свожу тебя куда-нибудь на ужин, мы больше не друзья.

Какие-то две девушки сидели на кушетке и смотрели по телевизору повторный показ «Проблем роста»,¹ врубив звук на полную катушку. Между ними у их ног громоздились штабеля картонных коробок. Узкоглазые, вроде соседки Меррин. Сама соседка сидела на подлокотнике кресла и что-то весело кричала в мобильник. Как правило, Ли недолго любил азиатов, стадных тварей, заикливых на телефонах и камерах, хотя ему и нравилось, как выглядят азиатские школьницы: черные туфельки с пряжками, гольфы и плиссированные юбочки. Дверь в спальню соседки была открыта, и там тоже на голом матрасе громоздились горы коробок.

Меррин окинула эту сцену безнадежным взглядом и вновь повернулась к Ли. Знай он заранее, что она будет серой, как посудные обмылки, ненакрашенная, с давно невымытыми волосами, в старых растянутых трениках, он бы ни за что туда не пошел. Так любого можно отвадить. Он уже горько жалел об этом визите и вдруг сообразил, что продолжает улыбаться, резко стер улыбку с лица и начал думать, что бы такое сказать.

¹ «Growing Pains» — выходивший в 1985–1992 гг. на канале Эй-би-си сериал о семье с работающей матерью, сидящим дома отцом-психиатром и тремя детьми.

— Ты что, — спросил он, — все еще не здорова?

Меррин рассеянно кивнула и предложила:

— Пойдем на крышу, там не так шумно.

Ли последовал за ней по лестнице. Они явно не шли ни на какой ужин, но она прихватила из холодильника пару бутылок «Хейнекена», что было все же лучше, чем ничего.

Хотя было уже к восьми, еще не стемнело. Снова шастали туда-сюда скейтбордеры, их доски стучали по асфальту. Ли подошел к краю крыши, чтобы на них взглянуть. У двоих парней были ирокезы, галстуки и рубашки, застегнутые только у горла. Ли интересовало в скейтбординге одно: как это выглядит, потому что доска под мышкой сразу придавала альтернативный вид, немного опасный, но вместе с тем и спортивный. Падать он не любил, от одной уже мысли о падении правая часть его головы холодела и немела. Меррин тронула его спину, и на мгновение он подумал, что она решила спихнуть его с крыши, но он развернется, схватит ее за бледное горло и утащит с собой. Наверное, она увидела на его лице что-то такое, потому что улыбнулась, впервые за все это время, и протянула ему одну из бутылок пива. Поблагодарив ее кивком, Ли взял пиво, а другой рукой зажег сигарету.

Меррин сидела со своей бутылкой на чем-то кондиционере, но не пила, а только водила по запотевшему горлышку пальцами. Она пришла на крышу босиком, и, что ни говори про остальное, ее маленькие розовые ступни выглядели очень симпатично. Глядя на них, легко представлялось, как она помещает одну ступню между его ног и нежно ковыряется ею у него в паху.

— Пожалуй, я попробую то, что ты советовал, — сказала Меррин.

— Голосовать за республиканцев? Наконец какой-то прогресс.

Меррин невесело, тускло улыбнулась, а затем посмотрела в сторону и сказала:

— Когда Иг отправится в Англию, я скажу ему, что хотела бы сделать перерыв в наших отношениях. Нечто вроде пробного разрыва, чтобы и он, и я могли бы пообщаться с другими людьми.

Хотя Ли и стоял неподвижно, он почувствовал, словно обо что-то запнулся.

— Когда ты думаешь ему все это выложить?

— Когда он вернется из Нью-Йорка, по телефону не хочется. И ты ему тоже ничего не говори, ни слова, ни полслова.

— Конечно, если ты так хочешь. — Ли предельно возбудился и понимал, что нельзя это показывать. — Ты думаешь сказать ему, чтобы он встречался с другими девушками?

Меррин молча кивнула.

— А ты... ты, значит, тоже?

— Я скажу Игу, что хочу попробовать отношения с кем-нибудь другим, и ничего больше. Мол, что бы ни случилось в его отсутствие, это не считается. Я не хочу знать, с кем он будет встречаться, и не буду ему докладывать о своих отношениях. Я думаю... думаю, что так будет лучше для всех. — Меррин вскинула глаза полные печального юмора, случайный порыв ветра взлохматил ей волосы. В бледно-фиолетовом свете уходящего дня она уже не выглядела такой болезненно-серой. — Знаешь, я уже сейчас чувствую себя виноватой.

— Ну и зря. Если вы действительно любите друг друга, через полгода это станет очевидным, и вы снова сойдетесь.

— Нет, — покачала головой Меррин, — нет... я думаю, это не только временно. За это лето я многое про себя узнала, многое, что изменило мое отношение к Игу. Я знаю, что не смогу выйти за него замуж. Когда он подольше поживет в Англии, когда у него будет время встретиться с какой-нибудь девушкой, я окончательно с ним порву.

— Господи! — негромко сказал Ли, а в голове у него тем временем звучало: «За это лето я многое про себя узнала». Вспоминалось, как он был с ней на кухне, его нога между ее бедер, его ладонь на ее бедре, ее быстрое жаркое дыхание в его ухе. — Всего пару недель назад ты мне рассказывала, как вы назовете детей.

— Да. Но если ты знаешь что-нибудь, то знаешь. Теперь я знаю, что никогда не буду иметь от него детей. — Она говорила спокойно, заметно расслабилась. — Сейчас для тебя

самое время выступить на защиту своего лучшего друга и отговорить меня от опрометчивого поступка. Ты злишься на меня?

— Нет.

— Ты стал обо мне хуже думать?

— Я бы стал о тебе хуже думать, если бы ты продолжала притворяться, что хочешь быть с Игом, когда сердцем прекрасно понимаешь, что в этом нет будущего ни для тебя, ни для него.

— Вот именно. Совершенно точно. И я хочу, чтобы у Ига были другие девушки и он был бы счастлив. Если он будет счастлив, мне будет легче от него уйти.

— Странно как-то. Вы же, похоже, всю жизнь были вместе.

Напряженной, почти дрожащей рукой он вытряхнул из пачки вторую сигарету. На той неделе Иг уедет, Меррин останется одна и не будет докладывать Игу, с кем трахается.

— И мне тоже, — кивнула она на сигаретную пачку.

— Серьезно? Ты же хотела, чтобы я бросил.

— Это Иг хотел, чтобы ты бросил. А мне всегда было вроде как любопытно, но ты же понимаешь. Было ясно, что Иг не одобрит. А сейчас я, пожалуй, попробую. — Она вытерла ладони о колени и добавила, — Так что договоримся, ты сегодня научишь меня курить?

— Конечно, — кивнул Ли.

На улице громко бухнул куда-то врезавшийся скейтборд. Плеснули крики подростков, полные уважения и деланого ужаса, и один из парней растянулся на асфальте. Меррин осторожно заглянула через край крыши.

— И кататься на доске мне бы тоже хотелось научиться, — сказала она.

— Спорт для умственно отсталых, — поморщился Ли. — Прекрасный способ что-нибудь себе сломать. Ну, скажем, шею.

— Я как-то не очень беспокоюсь за свою шею. — Меррин повернулась, встала на цыпочки и поцеловала его в уголок рта. — Спасибо. За то, что кое-что мне объяснил. Я перед тобой в большом долгу.

Топик обтягивал ее груди, в холодном ночном воздухе соски ее сморщились, а вместе с ними и ткань. Ли хотелось положить руки ей на бедра и немного с ней потискаться уже сегодня, однако тут хлопнула открывшаяся дверь. Соседка жевала жвачку и искоса на них поглядывала.

— Уильямс, — сказала соседка, — на проводе твой бойфренд. Как я понимаю, он и его дружки из «Эмнисти интернешнл» пытали сегодня друг друга водой, чтобы попробовать, какие при этом ощущения. Он прямо горит желанием дать тебе подробный отчет. Видимо, получил работу и заранее от нее в восторге. Я чему-нибудь помешала?

— Нет. — Меррин снова повернулась к Ли и еле слышно прошептала: — Она считает тебя плохим парнем. Каким ты, конечно же, и являешься. Мне нужно подойти к телефону и поговорить с Игом. Так что на ужине ставим крест?

— Когда ты будешь с ним говорить, скажешь что-нибудь про нас, о чем мы тут с тобой...

— Ну нет. Я умею хранить секреты.

— О'кей, — сказал Ли ртом, мгновенно пересохшим от желания.

— Сигаретку можно? — спросила, подходя к ним, толстая мужеподобная азиатка.

— Конечно, — ответил Ли.

Меррин помахала рукой, пересекла крышу и исчезла.

Ли вытряхнул для соседки из пачки сигарету и услужливо щелкнул зажигалкой.

— В Сан-Диего?

— Да, — подтвердила девушка. — Я буду жить с одной университетской подружкой. Классная девка, у нее есть «Вии»¹ и всякое такое.

— А твоя подружка играет в эту игру с точками и линиями, или тебе придется самой стирать свое белье?

¹ «Вии» — игровая приставка «Нинтендо» седьмого поколения.

Косоглазая прищурилась, а затем помахала в воздухе короткопалой ладонью, разгоняя нависший между ними дым.

— О чем это ты? — спросила она.

— Такая игра, где все ставят в ряд множество точек, а потом по очереди рисуют линии, стараясь, чтобы вышли квадратики. Вы же с Меррин в нее играли на стирку белья.

— Правда? — спросила девушка

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Он напрягал свой здоровый глаз, высматривая ее на парковке, освещенной жутким инфернальным сиянием красной неоновой вывески «Пекла», так что даже дождь казался красным, и вот она, стоит под деревом, чтобы меньше промокнуть.

— Сюда, Ли, прямо сюда, — сказал ему Терри, но Ли и сам ее уже заметил.

Меррин сказала ему, что после «Большого Выяснения Отношений» Иг наверняка разозлится и, может быть, будет нужно отвезти ее домой. Ли обещал подъехать к «Бездне» и посмотреть, нет ли где ее, на что она ответила, что это совершенно необязательно, но при этом благодарно улыбнулась, так что он понял, что в действительности ей этого хочется. Закавыка с Меррин состояла в том, что она не всегда говорила напрямую, зачастую сказанное ею было прямо противоположным ее намерениям.

Когда Ли увидел ее в насквозь промокшей блузке и юбке, прилипающей к коленям, с красными от слез глазами, все в нем сжалось от возбуждения, от мысли, что она его здесь ждет, хочет быть с ним. Их беседа прошла неудачно, Иг наговорил ужасных вещей, фактически ее бросил, и уже не нужно больше ждать, и очень возможно, что, когда он пригласит ее зайти к нему домой, она тихо, согласно скажет ему «да». Пока он тормозил, она их заметила и подняла руку, выходя навстречу машине. Ли горько сожалел, что не отвез Терри домой, прежде чем ехать сюда, ведь тогда они были бы один на один. И если бы в машине были только они, она могла бы для тепла и уюта прислониться к нему в своих мокрых одежках, а он бы обнял ее за плечи и, может быть, пробрался бы пальцами к ней под блузку.

Ли хотел посадить ее вперед и повернулся к Терри, чтобы тот садился назад, но Терри и сам уже поднялся, чтобы перелезть через спинку. Терри Перриш был в жопу обдолбанный, выкурил за последние пару часов половину мексиканского урожая марихуаны и передвигался с изяществом слона, получившего слоновую дозу транквилизатора. Ли перегнулся через него, чтобы открыть для Меррин дверцу, и одновременно ударил Терри локтем в жопу, чтобы тот пошевеливался. Терри рухнул как подкошенный и с негромким металлическим звяканьем врезался в открытый ящик с инструментами, стоявший на полу. Меррин села в машину и откинула с лица мокрые веревочки волос. Ее маленькое, в форме сердечка лицо — все еще лицо девочки — было мокрым, бледным и очень холодным на вид, и Ли охватило страстное желание ее потрогать, погладить по щеке. Ее блузка промокла насквозь, так что было видно, что лифчик разрисован маленькими розочками. Не очень соображая, что же это он делает, Ли протянул руку, чтобы ее потрогать, но затем его взгляд сместился, и он увидел на сиденье оставленный Терри косяк, толстый, длиной в женский палец, и проворно его схватил, чтобы она не заметила.

И тогда уже *она* потрогала *его*, чуть коснувшись его запястья ледяными пальцами. Ли зябко передернулся.

— Спасибо, что подобрали меня, — сказала Меррин. — Вы спасли мне жизнь.

— А где Иг? — спросил Терри хриплым дурацким голосом, что сразу испоганило момент.

Ли взглянул на его отражение в зеркале заднего вида. Терри сильно подался вперед, его глаза бессмысленно блуждали, правая рука прижималась к виску. Меррин стиснула пальцы в кулачок и прижала к животу, словно одна уже мысль об Иге доставляла ей физическую боль.

— Н-не знаю. Он уехал.

— Ты ему сказала? — спросил Ли.

Меррин повернула голову и взглянула на «Бездну», но Ли видел в зеркало, как сморщился ее подбородок от усилия не заплакать. От беспомощной дрожи у нее почти стукались коленки.

— И как он это воспринял? — спросил Ли, не смог себя удержать.

Меррин быстро качнула головой и сказала:

— Может, поедем?

Ли кивнул и выехал на дорогу, развернув машину назад, туда, откуда они приехали. Остаток вечера представлялся ему упорядоченной последовательностью шагов: закинуть Терри к нему домой, затем без всяких обсуждений доехать до своего дома, сказать, что ей нужно принять душ и переодеться в сухое, сказать тем же самым решительным голосом, каким посылала его в душ она в день смерти матери. Только, когда он принесет ей выпить, он тихо отведет занавеску и посмотрит на нее, стоящую в струях воды, и уже будет при этом раздетым.

— Слышь, — сказал Терри, — дать тебе куртку?

Ли раздраженно покосился в зеркальце заднего вида, он настолько ушел в мысли о Меррин под душем, что почти забыл про Терри. Его захлестнула тихая ненависть к этому кукольно-красивому, знаменитому, с хорошо подвешенным языком, но по сути тупому парню, которому его минимальный талантлик, известная фамилия и семейные связи обеспечили и богатство, и широкий доступ к лучшим в стране телкам. Конечно, был смысл попытаться привлечь при помощи Терри в копилку конгрессмена какую-нибудь знаменитость или хотя бы ощутимые деньги, но уж больно Ли не любил этого типа, всегда стремившегося находиться в центре всеобщего внимания, который в первый же день их знакомства прямо из кожи вон лез, унижая его перед Гленной Николсон. А сейчас Ли просто тошнило, не прошло и десяти минут, как его, Терри, собственный брат порвал со своей девицей, а он уже бьет под нее клинья, словно имеет на это право. Ли протянул руку и включил кондиционер, ругая себя, что не сделал этого раньше.

— Да нет, ладно, — сказала Меррин, но Терри уже просунул куртку на переднее сиденье. — Спасибо, Терри. — Ее голос звучал так жалко и заискивающе, что Ли захотелось дать ей по морде. У Меррин были свои достоинства, но по сути своей она была бабой, такой же, как и все, падкой на статус и деньги. Если бы не наследственный фонд и фамилия, она бы на этого жалкого Ига Перриша и не взглянула бы. — Ты только не думай...

— Я ничего не думаю. Успокойся.

— Иг...

— Я уверен, что с Игом все в порядке. Не бери в голову.

Меррин дрожала крупной дрожью. Глядя, как ходят ходуном ее груди, трудно было не завестись — однако она повернулась и протянула руку к заднему сиденью.

— Ты как? — Когда она убрала руку, на ее пальцах была кровь. — Надо бы марлю.

— Все в порядке, ничего страшного, — сказал Терри, и Ли захотелось дать по морде уже ему. Вместо этого он нажал на газ, торопясь поскорее закинуть Терри домой, полностью убрать его из картины событий.

«Кадиллак» мчался по мокрой дороге то вверх, то под уклон, сильно кренясь на поворотах. Меррин тесно себя обняла и закуталась в куртку Терри, ее блестящие измученные глаза смотрели из-под вороньего гнезда ее волос, раздерганного пучка мокро-красной соломы. И вдруг она вытянула руку и оперлась на приборную доску, словно машина была готова слететь с дороги.

— Меррин, ты как, нормально?

Меррин потрясла головой.

— Нет. Д-да. Я... Ли, останови, пожалуйста. Прямо здесь.

Ее голос напряженно звенел.

Взглянув на нее снова, Ли увидел, что ее сейчас стошнит. Предстоящая ночь усыхала и съезживалась, ускользала из-под контроля. Сейчас Меррин блеванет, прямо в «кадиллаке»,

крайне неприятная мысль. Что ему больше всего понравилось в смерти матери, так это что он в результате остался единственным наследником «кадиллака», и, если Меррин тут блеванет, все пойдет прахом. Эту вонь никогда не выведешь, что бы ты ни делал.

Он заметил справа поворот к старой литейной и свернул на него, все еще гоня слишком быстро. Правое переднее колесо зацепило грунтовую обочину, и машину бросило в сторону, не самое лучшее, что может случиться, если твоя пассажирка вот-вот блеванет. Продолжая скидывать скорость, он повел «кадиллак» по исполосованной колеями гравийной дороге. По бокам машины хлестали ветки, снизу по ней стучали камешки. В свете фар появилась цепь, натянутая поперек дороги, цепь мчалась прямо на них, а Ли давил на тормоза, постепенно замедляя ход. В конце концов «кадиллак» остановился, почти упершись бампером в цепь.

Меррин тут же открыла дверцу и громко рыгнула, почти закашлялась. Ли поставил машину на парковочный тормоз. Он дрожал от возмущения и прикладывал все силы, чтобы сохранить внутреннее спокойствие. Если получится засунуть ее сегодня под душ, он будет действовать последовательными шагами, буквально вести ее за руку. Он это может, может направить ее туда, куда они все равно направлялись, но нужно при этом сохранять контроль над собой, над быстро вянущей ночью. Еще не случилось ничего непоправимого.

Ли вышел наружу и обогнул машину. Плечи и спина его рубашки быстро промокали от капель дождя. Меррин сидела, поставив ноги на землю и свесив голову между коленями. Ливень кончился.

— Ты в порядке? — спросил Ли, она кивнула. — Отвезем-ка быстренько Терри домой, а потом зайдем ко мне и расскажешь, как все было. Выпьешь, облегчишь душу и сразу приободришься.

— Нет. Спасибо, но не надо. Я просто хочу побыть одна. Мне нужно о многом подумать.

— Тебе нельзя сейчас оставаться одной. В таком настроении это худшее, что можно придумать. Слышь, тебе же *нужно* ко мне зайти. Я починил твой крестик и хочу надеть его на тебя.

— Нет, Ли, я просто хочу вернуться домой, переодеться в сухое и снова почувствовать себя человеком.

Ли ощутил новую вспышку раздражения — это было очень в ее духе считать, что можно бесконечно водить его за нос, что он заберет ее из «Бездны» и послушно отвезет туда, куда ей хочется, не получив ничего взамен, — но он твердо отодвинул эти мысли в сторону. Взглянув на ее мокрую юбку, мокрую блузку, на то, как она дрожит, Ли подошел к багажнику и достал мешок со своей спортивной одеждой.

— У меня тут треники. Рубашка Штаны. Теплые и сухие и без всякой блевотины.

Меррин немного помедлила, взяла мешок за лямку и встала.

— Спасибо, Ли, — сказала она, не глядя ему в глаза.

Ли не сразу отпустил мешок — какое-то время удерживал ее, не давал уйти и переодеться.

— Ты же понимаешь, что должна была это сделать. Было чистым безумием думать, что ты сможешь... что кто-нибудь из вас сможет...

— Я просто переоденусь, ладно? — сказала Меррин, забирая у него мешок.

Она повернулась и нетвердо пошла прочь, тесная юбка липла к ее бедрам. В свете фар ее блузка казалась прозрачной, как промасленная бумага. Обогнув натянутую цепь, она свернула чуть в сторону, вдоль дороги. Но прежде чем Меррин исчезла из виду, она повернулась и вскинула брови, словно задавая вопрос — или зовя за собой. *Следуй за мной*. И ее не стало.

Ли чиркнул зажигалкой и закурил, стоя рядом с машиной и размышляя, стоит ли идти следом за ней, ведь ему точно не хотелось делать это на глазах у Терри. Но через минуту-другую он проверил и увидел, что Терри растянулся на заднем сиденье, прикрыв глаза рукой. Видимо, он прилично долбанулся головой, на его правом виске была большая ссадина, и это при том, что и до того он был сильно не в себе. Забавно, что в конечном итоге они снова

оказались около литейной, в том же месте, где он впервые встретился с Терри Перришем еще тогда, когда Терри вместе с Эриком Хеннити взорвали мороженую индейку. Он вспомнил косяк, выпавший из руки Терри, и пощупал свой карман, там ли он. Может быть, пара затяжек успокоит желудок Меррин.

Он пронаблюдал за Терри еще минуту, но когда тот даже не пошевелился, Ли отшелкнул окурок в мокрую траву и пошел по дороге следом за Меррин. Дорога уводила вверх по склону, и в ее конце после небольшого изгиба была литейная, рисовавшаяся на фоне кипящих черных туч. Со своей внушительной дымовой трубой она выглядела как завод, массово производящий кошмары. Мокрая трава блестела и дрожала на ветру. Ли подумал было, что Меррин пошла переодеваться куда-то в эти кучи осыпающихся черных кирпичей, но потом услышал слева, из темноты, ее голос.

— Ли, — сказала Меррин, и он увидел ее футах в двадцати от тропинки.

Она стояла под старым деревом, кора которого почти облезла, обнажив белую, мертвую, с пятнами вроде проказы древесину. Меррин уже надела его серые тренировочные штаны, но продолжала прижимать к своей голой груди мокрую куртку Терри. Эта картина стала для Ли эротическим потрясением в стиле фантазий распаленного онаниста: Меррин с бледными плечами, тонкими руками и затравленными глазами, полуобнаженная и дрожащая, в лесу, поджидая лишь его одного.

В ногах у нее стоял спортивный мешок, ее мокрая одежда была аккуратно свернута и лежала с одной стороны, сверху на ней стояли ее туфли. В одну из туфель было что-то засунуто — вроде бы мужской галстук, сложенный много раз. Это как же она любила сворачивать всякие вещи, Ли иногда казалось, что год от года она сворачивает его самого во все меньшие и меньшие квадратики.

— В твоем мешке нет рубашки, — сказала Меррин. — Только треники.

— Да, — сказал Ли, подходя к ней. — Я забыл.

— Вот черт, — сказала Меррин. — Ладно, дай мне тогда свою рубашку.

— Ты хочешь, чтобы я разделся? — спросил Ли.

Меррин попыталась улыбнуться, но получился только короткий нетерпеливый вздох.

— Ли, ты уж меня прости, но только я просто... я просто не в настроении.

— Вижу, что не в настроении. Тебе нужно немного выпить и с кем-нибудь поговорить. Слушай, если тебе и правда нужно сейчас расслабиться, так у меня тут есть немного дури. — Он показал ей косяк и улыбнулся, потому что чувствовал, что ей нужна сейчас улыбка. — Поедем ко мне. Если ты не в настроении, так можно когда-нибудь потом.

— О чем это ты? — нахмурилась Меррин. — Я имела в виду, что не в настроении ломать комедию. О каком это ты сейчас настроении?

Ли наклонился и поцеловал ее в мокрые холодные губы.

Меррин сильно вздрогнула и отшатнулась, куртка соскользнула с ее плеч, она ее поймала и отгородилась ею от Ли.

— Что ты делаешь?

— Я просто хочу, чтобы тебе стало немного лучше. Тебе сейчас плохо, и в этом отчасти виноват и я.

— Ни в чем ты не виноват, ровно ни в чем.

Меррин смотрела на него широко распахнутыми удивленными глазами, в которых уже возникало жуткое понимание — как у маленькой девочки. Глядя на нее, было легко вообразить, что ей не двадцать четыре, а только шестнадцать, что она еще вишенка.

— Я порвала с Игом совсем не из-за тебя, это никак с тобой не связано.

— Кроме того, что теперь мы можем быть вместе. Разве не для того были все эти маневры?

Меррин сделала нетвердыми ногами еще один шаг назад, она не верила своим ушам, ее рот распахнулся в беззвучном крике. Мысль, что она может закричать, встревожила Ли. В нем возникло желание шагнуть вперед и зажать ей рот. Но Меррин не закричала, она рассмеялась — напряженным неверящим смехом. Ли поморщился, на какую-то секунду это

было как в тот момент, когда над ним смеялась его маразматическая мать: *Ты должен потребовать деньги назад.*

— Ни хрена себе шуточки, — сказала Меррин. — Господи, Ли, сейчас точно не время для таких говенных шуточек.

— Я полностью согласен, — сказал Ли.

Меррин вздрогнула. С ее лица исчезла смущенная улыбка, верхняя губа приподнялась в презрительной улыбке.

— Так ты это думаешь? Что я с ним порвала... чтобы трахаться с тобой? Но ты же его друг. *Мой* друг. Ты что, ничего не понимаешь?

Ли шагнул вперед, протянул руку к ее плечу, и Меррин его толкнула. Не ожидая этого, он зацепился за какой-то корень и шлепнулся задницей на мокрую жесткую землю.

Ли смотрел на Меррин, и что-то в нем поднималось, что-то вроде громоподобного рева поезда подземки, идущего по тоннелю. Он бы еще смирился с ее разговорами, хотя в них было много обидного — месяц за месяцем, год за годом водить его за нос, а затем его же и высмеивать за вполне естественное желание. Но чего уж никак нельзя было стерпеть, так это ее гримасы. Это брезгливое презрение, эти острые мелкие зубы под приподнятой верхней губой.

— О чем мы тогда с тобой говорили? — спросил Ли, не меняя свою нелепую позу. — Что мы обсуждали весь последний месяц? Я думал, ты хочешь трахаться с другими мужиками. Я думал, ты многое поняла про себя, про свои чувства. Многое, касающееся меня.

— О господи, — сказала Меррин. — Господи, Ли.

— Раз за разом говорила мне сводить тебя поужинать. Посылала похабные сообщения про какую-то мифическую блондинку. Звонила мне в любое время дня и ночи — как, мол, я там, что поделяваю.

Ли оперся рукой об аккуратную стопку ее одежды, он готовился встать.

— Я о тебе беспокоилась, хрен ты собачий, — сказала Меррин. — Ведь только что умерла твоя мать.

— Ты что, за дурака меня держишь? Тем утром, когда она умерла, ты на мне буквально висла, ты занималась суходрочкой о мою ногу, а в соседней комнате лежал ее труп.

— *Чем* я занималась? — почти взвизгнула Меррин.

От нее было слишком много шума. Терри мог услышать и удивиться, о чем это они спорят. Пальцы Ли сомкнулись вокруг галстука засунутого в ее туфлю, он сжал их в кулак и начал подниматься на ноги.

— Ты говоришь про тот момент, когда ты был пьяный, и я тебя обняла, и ты стал ко мне ласкаться? — спросила Меррин. — Я не стала тебе мешать, ведь ты был совершенно не в себе, вот и все. — Меррин снова заплакала, она прикрыла глаза ладонью, ее подбородок дрожал. Другая ее рука удерживала на груди спортивную куртку Терри. — Все это какой-то бред. Ну как ты мог подумать, что я порвала с Игом, чтобы трахаться с тобой? Да я скорее умру. Умру! Неужели ты этого не понимаешь?

— Теперь понимаю, сука ты поганая, — сказал Ли, выдернул куртку из ее рук, отшвырнул в сторону и накинул на шею Меррин петлю из галстука.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

После того как Ли ударил ее булыжником, Меррин перестала его отталкивать, и он уже делал все, что хочет, и ослабил хватку на галстуке, охватывавшем ее шею. Меррин повернула лицо в сторону, ее глаза закатились, веки как-то странно трепетали. Из-под ее волос на грязное лицо стекала струйка крови.

Ли думал, что она в полной отключке, а потому только и может, что принимать, когда он ее трахает, но тут Меррин заговорила, заговорила, словно откуда-то издалека.

— Все хорошо, — сказала она.

— Да? — спросил Ли, стараясь изо всех сил, потому что иначе у него не стоял. Все

вышло не так хорошо, как ожидалось. Она была совершенно сухая. — Да? Тебе нравится?

Но он снова ее неправильно понял Меррин говорила не про свои ощущения.

— Я ускользнула, — сказала она.

Ли ее не слушал, он работал между ее ногами.

Меррин слегка повернула голову и стала смотреть на раскидистую крону нависшего над ними дерева.

— Я взобралась на дерево и ускользнула, — сказала она. — Иг, я в конце концов нашла обратную дорогу. Со мной все в порядке. Я в безопасном месте.

Ли вскинул глаза на ветки и листья, но там ничего не было. Он даже представить себе не мог, о чем это она говорит, а спрашивать ему не хотелось. Когда он снова взглянул на лицо Меррин, что-то уже исчезло из ее глаз, она не сказала больше ни слова, что было даже и лучше, потому что его уже тошнило от всех ее долбанных разговорчиков.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Евангелие от Мика и Кита

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Вскоре после рассвета Иг забрал из литейной свои вилы и как был, все еще голый, вернулся к реке. Он зашел в воду по колено и встал, не шевелясь, а солнце ползло по безоблачному небу все выше и выше, припекая ему плечи.

Через какое-то довольно долгое время он заметил коричневую форель примерно в ярде от его левой ноги. Форель парила в воде над песчаным дном, взмахивая иногда хвостом и глупо плясая на Иговых ноги. Иг занес вилы, Посейдон со своим трезубцем, крутанул древко в ладони и метнул. Вилы попали в цель с первой попытки, словно острожить рыбу было его любимым занятием, словно он делал это тысячи раз. В общем-то, это не слишком отличалось от метания копья, которому он обучал детей в лагере «Галилея».

Иг зажарил рыбу тут же на берегу в собственном дыхании, извлекая из своих легких жар, вполне достаточный, чтобы воздух искажал контуры предметов, и на глазах чернела трепещущая рыба, достаточный, чтобы придать ее глазам цвет вареного яичного желтка. Он не умел еще выдыхать огонь подобно дракону, но считал, что со временем это придет.

А вызвать обычный жар он мог без труда, только и делов, что подумать о чем-нибудь ненавистном. По большей части он сосредоточивался на виденном в голове Ли: Ли, медленно поджаривающий свою мать в духовке ее смертного ложа, Ли, затягивающий галстук на горле Меррин, чтобы она не кричала. Воспоминания Ли теснились теперь в голове Ига, это было как если бы его рот был полон аккумуляторной кислоты — ядовитая жгучая горечь, которую нужно поскорее сплюнуть.

Поев, Иг вернулся к реке, чтобы отмыться от форельного жира, вокруг его ног скользили водяные змеи. Он окунулся и вынырнул, отфыркиваясь, по лицу его текла холодная вода. Затем он вытер глаза тыльной стороной худой, почти красной руки, пару раз моргнул и уставился вниз на свое собственное отражение. Может быть, все дело было в каком-нибудь фокусе текущей воды, но теперь рога казались больше, толще у основания, их кончики стали загигать внутрь, словно намереваясь сойтись на середине черепа. Его кожа приобрела глубокий красный цвет. Его тело было без единой отметины, ловкое и изящное, как у морского льва, череп стал гладким, как дверная ручка, и лишь шелковистая борода каким-то образом сумела не сгореть.

Иг покрутил головой в одну и другую сторону, рассматривая свой профиль. По размышлении он решил, что выглядит ну в точности как романтический беспутный молодой Асмодей. Его отражение повернуло голову и лукаво ему подмигнуло.

Почему ты ловишь рыбу здесь? — спросил плескавшийся в воде дьявол. Разве ты не ловец человеков?

— Ловить и отпускать? — спросил Иг.

Его отражение скривилось от смеха, непристойный судорожный взглас вороньего веселья, похожий на взрывы цепочки хлопушек. Вскинув голову, Иг увидел, что это и вправду ворона — взлетела со скалы Гроб и удаляется прочь. Иг подергал клок волос на подбородке, свою интриганскую бородку, вслушиваясь в лес, в гулкую тишину, и через какое-то время уловил новый звук, голоса, доносящиеся с реки. Чуть позже прозвучал короткий далекий вой полицейской сирены.

Иг торопливо вскарабкался на холм, чтобы одеться. Все, что было на нем в литейной, сгорело вместе с «гремлином», однако он вспомнил заплесневелые старые одежды, развешанные на ветвях дуба нависавшего над началом тропы Ивела Нивела: грязное черное пальто с порванной подкладкой, один черный носок и голубая кружевная юбочка, словно прямиком из какого-нибудь клипа Мадонны начала восьмидесятых. Иг стянул эти грязные наряды с веток. Натягивая на бедра юбку, он вспомнил правило Второзакония 22:5, что мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок перед Господом Богом своим всякий, делающий сие. Как начинающий повелитель ада Иг относился к своим поступкам крайне серьезно. Но раз пошла такая пьянка, режь последний огурец (только постарайся не оттяпать себе пальцы). Однако он надел под юбку носок, потому что юбка была короткая, а Иг отличался стеснительностью. Завершением стало жесткое черное пальто с рваной клеенчатой подкладкой.

Иг пошел на голоса, волоча по земле свои вилы, из голубой кружевной юбочки сверкала его голая красная задница. Еще не дойдя до деревьев, он заметил справа в траве что-то золотое, блестящее. Иг попытался рассмотреть, что же это такое, а жаркая искра в траве мигала и мигала, посылая ему срочное несложное сообщение: *Сюда, посмотри сюда*. Он наклонился и подобрал из травы тот самый крестик. Прележав под палящим солнцем все утро, тот был теплый на ощупь, его поверхность была исполосована сотнями тонких царапинок. Иг поднес его к носу и ко рту, пытаясь почувствовать ее запах, но запаха не было никакого. Застежка снова была сломана. Иг слегка дыхнул на нее, нагревая металл, чтобы стал мягким, и острыми, словно гвозди, ногтями выправил тонкий золотой обруч. Надев крестик себе на шею, он застегнул на спине застежку. Иг почти уже ожидал, что раздастся шипение, что крестик обожжет ему грудь, оставит черный крестовидный волдырь, но тот спокойно лежал на его теле. Конечно же, ничто, к ней относящееся, не могло причинить ему никакого вреда Иг глубоко вдохнул сладкий утренний воздух и пошел дальше.

Они уже нашли машину, ее отнесло течением до песчаной косы, чуть ниже старого ярмарочного моста, где местные дети жгут ежегодно костер, отмечая окончание лета «Гремлин» выглядел так, словно пытался выехать на берег, передние колеса увязли в мягком песке, багажник ушел под воду. На косу поближе к «гремлину» выехало несколько полицейских машин и машина-буксировщик. Другие автомобили — патрульных полицейских, но также местных оболтусов, остановившихся поглазеть, — стояли вкривь и вкось на гравийной площадке ниже моста. На самом мосту тоже скопилось множество машин, люди стояли вдоль перил и смотрели вниз, трещали и лопотали полицейские рации.

«Гремлин» не был похож на себя, с него облезла вся краска, а металл корпуса обгорел до черноты. Коп в рыбацких сапогах открыл пассажирскую дверцу, и из нее хлынула вода. Поток вынес какую-то рыбку, она сверкнула на солнце радужными плавниками и глухо шлепнулась на мокрый песок. Коп в рыбацких сапогах спихнул ее в воду, она мгновенно оправилась и метнулась прочь.

На косе стояла кучка полицейских в форме, они пили кофе и смеялись, даже не глядя на машину. Прозрачный утренний воздух доносил до Ига обрывки их разговоров.

— ...хрена лысого! «Цивик», может?

— ...не знаю. Какое-то старое говно.

— ...развел кто-то костерок, не дотерпел пару дней...

От них так и веяло хорошим летним настроением, непринужденностью и мужественным безразличием. Когда буксировщик врубил передачу и медленно покатился

вперед, вытаскивая «гремлин», из задних окошек хлынула вода и они разлетелись вдребезги. Иг увидел, что с машины снят задний номерной знак. Наверное, и передний тоже. Ли не забыл снять их, прежде чем вытащить Ига из печи и засунуть в машину. Полицейские не знали, с чем имеют дело, пока не знали.

Иг пробрался среди деревьев, устроился на пустом склоне и стал наблюдать за песчаной косой с расстояния ярдов в двадцать. Он не смотрел больше никуда, пока не услышал снизу негромкий смех. Безразлично взглянув через край обрыва, он увидел Штурца и Посаду в полной полицейской форме — стоят бок о бок, держат друг друга за члены и поливают кустики. Когда они впились друг в друга губами, Игу пришлось схватиться за ближайшее деревце, чтобы не свалиться с камня на этих счастливых слуг закона. Затем он торопливо вскарабкался повыше, чтобы его не заметили.

— Штурц! Посада! — крикнул чей-то голос. — Где вы, на хрен, шляетесь? Нам нужен кто-нибудь на мосту!

Иг еще раз высунул голову, чтобы посмотреть, как они уходят. Он думал стравить их, а не бросить друг другу в объятия, но все же не очень удивился такому результату. Это была, пожалуй, старейшая из мудростей дьявола, что зло неизбежно обнажает в человеке все самое человеческое, к добру это или нет. Послышался шепот и шорох двоих мужчин, приводивших в порядок свою одежду, смешок Посады, и они направились к мосту.

Иг передвинулся по склону повыше, откуда было легче следить за косой и мостом сразу, и вдруг увидел Дейла Уильямса. Отец Меррин стоял у перил среди прочих зевак, одутловатый мужчина стриженный под ежик, в полосатой рубашке с короткими рукавами.

Дейл не мог оторвать глаз от сгоревшей машины, он оперся о ржавые перила, сплетя свои толстые кургузые пальцы, с пустым, ошеломленным лицом. Может быть, копы и не знали, что такое они нашли, но Дейл знал. Дейл прекрасно знал машины, продавал их двадцать лет, а эту машину знал особо. Он не просто продал ее Игу, он много раз помогал ее чинить и уже шесть лет почти ежевечерне видел ее на подъездной дорожке своего дома. Иг с трудом себе представлял, о чем он думал сейчас, глядя с моста на обгорелые останки «гремлина» и будучи в полной уверенности, что в этой машине совершила свою последнюю поездку его погибшая дочь.

Несколько машин припарковались прямо на мосту, Дейл стоял на его восточном конце. Иг начал пересекать холм, забирая среди деревьев все ближе к дороге. Дейл тоже зашевелился. Длительное время он просто стоял и смотрел на выгоревшую скорлупу «гремлина», из которой продолжала течь вода. В конце концов его вывел из оцепенения вид копа — это был Штурц, — шедшего наводить на мосту порядок. Дейл начал протискиваться сквозь толпу зевак, неспешно, с носорожьим изяществом покидая мост.

Добравшись до дороги, Иг заметил машину Дейла, синий фургон «БМВ» с номерными знаками торговца машинами. Фургон стоял на усыпанной гравием ремонтной площадке, в тени небольшой купы сосен. Иг быстро, почти бегом, вышел из леса, забрался в фургон, захлопнул за собой дверцу и сел, положив вилы на колени. Задние окна были тонированы, но это вряд ли имело значение. Дейл торопился и даже не взглянул на заднее сиденье. Иг понимал: Дейлу не стоит здесь показываться. Если составить список жителей Гидеона страстно желающих увидеть Ига Перриша сожженным заживо, Дейл непременно окажется в первой пятерке. Торговец машинами открыл дверцу и грузно уселся за руль.

Дейл левой рукой снял очки, а правой прикрыл глаза, какое-то время он просто сидел и прерывисто, с хрипом дышал. Иг замер, не желая ему мешать.

К приборной доске было приделано скотчем несколько картинок. Одна из них изображала Иисуса с какого-то старого полотна. Иисус был с золотой бородкой и зачесанными назад золотыми волосами. Он вдохновенно взирал на небо, а за его спиной сквозь облака пробивались снопы золотого света. «Блаженны плачущие, — гласила надпись под картинкой, — ибо они утешатся». Рядом был снимок десятилетней Меррин, сидевшей за своим отцом на заднем сиденье мотоцикла. На ней были очки как у летчика и белый шлем с красными звездами и синими полосками, руками она держалась за отцовский пояс. Рядом с

мотоциклом стояла симпатичная женщина с вишнево-красными волосами, она положила руку на шлем Меррин и улыбалась в камеру. В первый момент Иг подумал, что это мать Меррин, но потом сообразил, что слишком уж она молодая и что это, наверное, ее сестра, умершая, когда они жили на Род-Айленде. Две дочери, и обе умерли. Блаженны плачущие, ибо они получают по яйцам, как только попробуют прийти в себя. Этого нет в Библии, а надо бы записать.

Взяв наконец себя в руки, Дейл повернул ключ, мотор заработал, и он выехал на дорогу, искоса бросив последний взгляд в зеркальце заднего вида. Надев снятые было очки, он какое-то время просто вел машину. Затем поцеловал свой большой палец и тронул им фотографию маленькой девочки на мотоцикле.

— Это его машина, Мери, — сказал он, назвав Меррин ее домашним именем. — Начисто выгорела. Я думаю, его уже больше нет. Я думаю, этого скверного парня больше уже нет.

Иг оперся одной рукой о спинку водительского сиденья, другой — пассажирского, скользнул вперед и сел рядом с Дейлом.

— Мне жаль вас разочаровывать, — сказал Иг, — но боюсь, что только лучшие умирают молодыми.

Увидев Ига, Дейл судорожно вздохнул и крутанул баранку. Фургон резко свернул направо, на аварийную полосу. Иг ударился о приборную доску и чуть не рухнул на пол, он слышал, как о днище стучат и звякают камешки. Затем машина стояла неподвижно, а выскочивший из нее Дейл бежал по дороге и орал дурным голосом. Иг сел прямее. Он ровно ничего не понимал. Прежде никто из видевших рога не кричал и не убегал. Иногда они хотели его убить, но не кричали и не убегали.

Дейл вихлялся посередине дороги, оглядываясь через плечо на фургон и выпуская нечто вроде тихих криков. Проносясь в своей «сентре» мимо, какая-то женщина шуганула его длинным гудком: убирайся, мол, на хрен, с дороги. Дейл нетвердыми шагами направился к кромке хайвея, узкой полоске земли, переходившей в заросшую бурьяном канаву. Под правой ногой Дейла расступилась земля, он рухнул и начал тяжело подниматься.

Иг сел за руль и медленно поехал за ним. Он поравнялся с Дейлом в тот момент, когда тот кое-как поднялся. Дейл снова попробовал бежать, теперь уже прямо по канаве. Иг нажал кнопку, опускающую правое окошко, перегнулся через сиденье и негромко окликнул:

— Мистер Уильямс, садитесь в машину.

Дейл упорно бежал, глотая воздух ртом и держась за сердце. По его лицу катился пот, его бровки разошлись по шву.

— Отстань! — крикнул Дейл непослушным языком («Стань»), — Станьодите!

Он крикнул это дважды, прежде чем Иг сообразил, что «одите» это перепуганное «помогите». Иг взглянул на изображение Христа, приклеенное к приборной доске, словно надеясь, что тот ему что-нибудь посоветует, и неожиданно вспомнил про крестик. Крестик висел у него между ключицами, еле касаясь голой груди. Ли не видел рога, пока на нем был крестик, имело смысл предположить, что, пока крестик на Иге, никто их не увидит и не почувствует их влияния — идея воистину удивительная, сразу все меняющая. Для Дейла Уильямса Иг был просто сексуальный маньяк, расшибший голову его дочери, одетый в юбочку и вооруженный вилами, только что перелезший с заднего сиденья. Золотой крестик, висевший на шее Ига и ярко блестевший на утреннем солнце, был его собственной человеческой природой.

Но от этой самой человеческой природы ему не было никакого толку ни в этой ситуации, ни в любой другой. От нее не было никакого толку, начиная уже с той ночи, когда Иг лишился Меррин. Скорее уж она являлась слабостью. Теперь, попривыкнув, он предпочитал быть дьяволом. Крест символизировал самое человеческое, что только есть в человеке: страдание. А Игу уже опостылело страдание. Если уж непременно надо кого-нибудь распинать, ему хотелось быть тем, кто забивает гвозди. Он прижал машину к обочине, расстегнул цепочку крестика, спрятал его в бардачок и снова взялся за руль.

Немного перегнав Дейла, он остановил фургон, взял с заднего сиденья вилы и вылез из фургона. Дейл как раз пробегал — проходил, едва шевеля ногами, — мимо, по щиколотку в грязной болотной воде. Иг шагнул следом за ним раз, другой и метнул вилы. Они плеснули по воде прямо перед Дейлом, тот завопил, отпрянул и грузно плюхнулся в воду. Потом неуклюже засуетился, пытаясь подняться на ноги. Древко вил торчало из мелкой воды почти вертикально, дрожа от сильного удара.

Иг соскочил с берега канавы с непринужденным изяществом змеи, проползающей между мокрых листьев, и схватил вилы еще до того, как Дейл сумел встать. Выхватив их из грязи, он ткнул трезубцем в сторону Дейла. Один из зубьев попал прямо в рака, и тот изгибался в предсмертных корчах.

— Хватит, набегались. Садитесь в машину. Нам нужно о многом поговорить.

Дейл сидел в грязи, пытаясь отдышаться. Он устался на древко вил, прищурился и взглянул Игу в лицо, приставил руку козырьком к глазам и всмотрелся получше.

— Ты куда-то дел свои волосы. — И как-то небрежно, почти между прочим добавил: — И оттрастил рога. Господи, да кто же ты такой?

— А на кого я похож? — спросил Иг. — Дьявол в голубенькой юбочке.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

— Я сразу узнал твою машину. — Дейл снова сидел за рулем и вел фургон. Теперь он был совершенно спокоен, в мире со своим личным дьяволом. — Как только я ее увидел, то сразу понял, что кто-то поджег ее и столкнул в реку. И я подумал, что, скорее всего, в этот момент ты сидел в машине, и я очень... я очень...

— Радовался?

— Сожалел. Я об этом сожалел.

— Действительно?

— Сожалел, что не я это сделал.

— А! — кивнул Иг и посмотрел в сторону.

Он держал вилы между коленями, зубья вил втыкались в обивку крыши, но Дейл, похоже, быстро о них забыл. Рога делали то же, что и всегда, играли свою тайную музыку, и, пока на Иге не было крестика, Дейл не мог под нее не плясать.

— Я боялся тебя убить. Ружье у меня было. Я купил его именно для того, чтобы тебя застрелить. Но единственный, кого я чуть не убил, — это я сам. Однажды вечером я засунул ствол в рот, посмотреть, какой он на вкус. — Дейл немного помолчал, вспоминая. — Вкус был плохой.

— Я рад, мистер Уильямс, что вы не застрелились.

— К тому же я боялся. Не того, что отправлюсь в ад за самоубийство, а того, что не отправлюсь в ад... Что нет никакого ада. И рая тоже нет. Просто ничего. В общем-то, я думаю, что после смерти нет ничего. Иногда мне кажется, что это будет облегчением. В другие моменты — что это самое жуткое, что можно себе представить. Я не верю, что милосердный Бог забрал обеих моих девочек. Одна умерла от рака, а другую убили в лесу, ты знаешь как. Я не думаю, что Бог, которому стоило бы молиться, подверг их тому, через что они прошли. Хейди все еще молится. Она молится, как ты не согласишься. Она молится, чтобы ты умер. Уже целый год. Увидев твою машину в реке, я подумал... я подумал... ладно. Что могу в конце концов заняться делом. Но нет. Мери ушла навсегда, а ты еще здесь. Ты все еще здесь. Ты... долбаный дьявол.

Дейл задохнулся от ненависти.

— У вас это звучит как что-то плохое, — сказал Иг. — Сверните налево. Давайте зайдем к вам.

Деревья, росшие вдоль дороги, вырисовывали полосу ярко-синего безоблачного неба. Самый подходящий день для поездок.

— Ты сказал, что нам с тобой нужно поговорить, — вспомнил Дейл. — Но что мы

будем с тобой обсуждать? Что ты хотел мне рассказать?

— Я хотел сказать вам, что не знаю, любил ли я Меррин так же сильно, как вы, но я любил ее так сильно, как только мог. И я ее не убивал. Я рассказал полицейским, что напился и выпал в осадок за пончиковой. И это чистая правда. Ли Турно подобрал Меррин у «Бездны», отвез ее к старой литейной и там убил. — Чуть помолчав, Иг добавил: — Хотя вряд ли вы мне поверите.

Поверит, очень поверит. Может, не сразу, но достаточно скоро. Рогатый Иг умел убеждать. Люди верили чему угодно, что нашептывал их личный дьявол. В данном случае это была правда, но Иг подозревал, что при желании он, пожалуй, мог бы убедить Дейла, что Меррин убили лилипуты, подобравшие ее возле «Бездны» в свою малюсенькую машину. Но это было бы нечестно, а старина Иг старался быть честным.

Однако Дейл удивил его, спросив:

— А с чего это я должен тебе верить? Назови мне хотя бы одну причину.

Иг на секунду дотронулся до голой руки Дейла и начал говорить:

— Я знаю, что после смерти отца вы навестили в Лоуэлле его любовницу и заплатили ей две тысячи долларов, чтобы убиралась. И еще вы ее предупредили, что, если она еще хоть раз назовет вашу мать пьянчужой, вы ее непременно найдете и выбьете все зубы. Я знаю, что за год до смерти Меррин, на Рождество, вы ровно на одну ночь спутались с секретаршей вашей фирмы. Я знаю, что однажды вы ударили Меррин по губам за то, что назвала свою мать сукой. Этого, пожалуй, вы так никогда себе и не простили. Я знаю, что вы уже десять лет не любите свою жену. Я знаю про бутылку, лежащую у вас на работе в левом нижнем ящике стола, и про журналы с голыми бабами, которые дома в гараже, и про брата, с которым вы не разговариваете, потому что для вас невыносимо, что его дети живы, а ваши умерли, и...

— Прекрати. Прекрати сейчас же.

— Я знаю про Ли точно так же, как и про вас, — сказал. Иг. — Когда я до кого-нибудь дотрагиваюсь, я узнаю то, чего раньше не знал, что мне неоткуда знать. И еще люди мне всякое рассказывают. Рассказывают про то, что им хотелось бы сделать. Они не могут себя удержать.

— Про всякое плохое, — сказал Дейл, поглаживая двумя пальцами свой правый висок. — Только глядя на тебя, оно уже не кажется плохим. Оно кажется, ну, вроде как... забавным. Вроде как, я сейчас подумал, когда Хейди сегодня встанет на колени, чтобы молиться, мне нужно сесть на кровать прямо перед ней и сказать, чтобы она у меня отсосала, пока у нее такая поза. Или в следующий раз, когда она мне скажет, что Господь не налагает ни на кого бремени, которое тот не сможет вынести, мне нужно ее шарахнуть, и посильнее. Бить снова и снова, пока в ее глазах не потухнет свет веры.

— Нет, вы этого не сделаете.

— Или как бы было хорошо прогулять сегодня вечером работу. Полежать часок-другой в темноте.

— Это уже лучше.

— Поспать, а потом приставить ружье ко рту и покончить с этими муками.

— Нет. Этого вы тоже не сделаете.

Дейл широко, с дрожью зевнул и свернул на подъездную дорожку. Дом Уильямсов стоял на улице, сплошь застроенной точно такими же унылыми домиками, одноэтажными коробочками с квадратными дворами на задах и другими, тоже квадратными, но поменьше, впереди. Их домик был тускло-зеленым, как красят иногда больничные палаты, и выглядел много хуже, чем помнилось Игу. В тех местах, где виниловая обшивка встречалась с бетонным фундаментом, на ней проступали пятна коричневой плесени. Окна заросли пылью, а газон уже неделю как надо бы подстричь. Улица прела в летней жаре, далекий собачий лай словно рассказывал о тепловом ударе, о мигренях, о ленивом, слишком жарком лете, близившемся к концу. У Ига была извращенная надежда встретиться с матерью Меррин, вызнать все ее секреты, но Хейди не было дома. Похоже, на всей улице никого не было дома.

— А как насчет того, если я прогуляю работу — просто чтобы посмотреть, выгонят или нет? Я за шесть недель не продал ни одной машины, так что им бы найти только повод. Они и сейчас-то держат меня из жалости.

— Тоже мысль, — согласился Иг.

Дейл провел его в дом. Вилы Иг с собой не взял, думая, что теперь они ему ни к чему.

— Игги, ты нальешь мне выпить из бара? Сам знаешь, где это. Вы с Мери таскали оттуда выпивку. А я хочу посидеть немного в темноте и отдохнуть, а то голова как ватная.

Хозяйская спальня располагалась в конце короткого коридора, устланного ковровой дорожкой шоколадного цвета. Прежде вдоль этого коридора были развешаны снимки Меррин, но теперь они исчезли, сменились изображениями Иисуса. Иг разозлился, впервые за целый день.

— Почему вы ее поснимали и заменили на Него?

— Это все Хейди, это она убрала снимки Мери. — Перед тем как войти в коридор, Дейл скинул свои черные туфли. — Три месяца назад она упаковала все книги Мери, всю ее одежду, письма, которые ты ей писал, и засунула на чердак. Теперь в бывшей спальне Мери ее кабинет, она заряжает там конверты по всякой христианской благотворительности. Она проводит с отцом Моулдом больше времени, чем со мной, ходит в церковь каждое утро, а в воскресенье так и вообще на весь день. У нее на столе стоит изображение Иисуса. Моего снимка у нее нет, нет ни одной из ее умерших дочерей, а вот Иисус есть. Мне хочется выгнать ее из дома, крича вслед их имена. Знаешь что? Слазай-ка на чердак и спусти эти коробки. Хочу достать оттуда все снимки Мери и Реган и буду швырять ей в лицо, пока не разревется. Скажу ей, что, если она хочет избавиться от снимков наших дочерей, ей придется их съесть. Поочередно, по штуке.

— Тяжелая работенка для такого жаркого дня.

— Зато будет весело. Вот уж позабавлюсь.

— Но все-таки джин с тоником будет поприятнее.

— Да, — согласился Дейл, стоявший уже на пороге своей спальни. — Налей мне, Иг, и сделай покрепче.

Иг вернулся к боковой комнатухе, бывшей когда-то картинной галереей детства Меррин Уильямс, увешанной ее фотографиями: Меррин в боевой раскраске и шкурах, Меррин на велосипеде, с улыбкой, полной хромированной проволоки, Меррин в купальном костюме на плечах у Ига, стоящего по пояс в Ноулз-ривер. Все это исчезло, и комнатуха выглядела так, словно агент по продаже недвижимости обставил ее для воскресного дня открытых дверей самым банальным из возможных способов. Словно никто здесь больше не жил.

Никто здесь больше не жил. Никто не жил здесь уже месяцами. Это было просто место, куда Дейл и Хейди Уильямс складывали всякие вещи, место столь же отстраненное от их внутренней жизни, как гостиничный номер.

Впрочем, спиртные напитки были по-прежнему здесь, в баре над телевизором. Иг смешал для Дейла джин с тоником, взяв тоник из кухонного холодильника, добавив ломтик апельсина, веточку мяты и, конечно же, лед. На обратном пути к спальне правый из Иговых рогов задел за какую-то веревку, свисавшую с потолка, и едва в ней не запутался. Иг взглянул вверх и...

...вот оно, в ветвях нависшего дерева днище древесной хижины, на люке еле заметны написанные белым слова: «Блаженны вы будете, сюда войдя». Иг покачнулся, но затем...

...стряхнул неожиданное головокружение. Помассировал свой лоб, выжидая, чтобы голова прояснилась, чтобы улегся приступ тошноты. На какую-то долю секунды вернулось то, что было в лесу, когда он, пьяный в дупель, подошел к старой литейной и стал все крушить, вернулось и тут же исчезло. Иг поставил стакан на ковер и потянул за веревку, люк распахнулся, взвизгнув пружинами.

Если на улице было просто жарко, то на низком, не обустроенном чердаке жара стояла воистину удушающая. Что-то вроде пола образовывали листы фанеры, уложенные на

потолочные брусья. Стоять под скошенной крышей было совершенно невозможно, но Игу это и не требовалось. Три большие картонные коробки со словом «Меррин», написанным красным, стояли чуть слева от открытого люка.

Иг отнес коробки одну за другой вниз, поставил в гостиной на кофейный столик и занялся их изучением. Копаясь в наследии Меррин, он отхлебывал джин с тоником, приготовленный для Дейла Уильямса.

Иг понюхал ее гарвардскую куртку с капюшоном и зад ее любимых джинсов, затем перебрал ее книги, пачки книг в бумажных обложках. Иг редко читал романы и всегда любил нонфикшн о голодании, ирригации, путешествиях, разбивке лагеря и строительстве из вторсырья. А вот Меррин предпочитала фикшн, книги, занимающие первые места в списках книжных клубов. Она любила то, что написали люди, прожившие короткую, неудалую, трагическую жизнь или хотя бы бывшие англичанами. Ей хотелось, чтобы роман был эмоциональным и философским путешествием, а также учил ее новым словам. Она читала Габриэля Гарсиа Маркеса и Майкла Чабона, Иэна Макьюэна и Джона Фаулза. Одна из книг раскрылась на подчеркнутой фразе: «Как вина облагораживает методы самоистязания, нанизывая бусинки подробностей так, что те образуют петлю, четки, перебирать которые можно до бесконечности». А в другой книге было подчеркнуто: «Для американского рассказа совершенно нетерпимо ставить человека в положение, из которого нет никакого выхода, но в жизни такое случается сплошь и рядом». Иг перестал листать ее книги, ему от них становилось неудобно.

Среди ее книг попадались и его собственные, книги, которых он не видел уже несколько лет. Статистический справочник «Походная кухня». «Рептилии Новой Англии». Иг допил остаток джина и пролистал «Рептилий». Странице примерно на сотой он увидел коричневую змею с гремушкой и оранжевой полосой вдоль хребта. Это был *crotalus horridus*, чернохвостый гремучник, обитающий в основном к югу от границы Нью-Гэмпшира, хотя и в Пенсильвании их было много — они встречаются даже севернее, в Белых горах. Очень пугливые, они редко нападают на людей. Больше людей погибает за год от молний, чем за сотню лет от этих змей, но при всем при том их яд считается самым опасным из ядов американских змей. Он принадлежит к нейро-токсинам и парализует легкие и сердце. Иг вернул справочник на прежнее место.

Медицинские учебники Меррин и пачки исписанных листов, скрепленные скоросшивателями, лежали на дне коробки. Иг начал их мельком просматривать. Меррин писала в основном карандашом, аккуратно выведенные буквы кое-где размазались и поблекли. Формулы химических соединений. Рисунок: грудь в разрезе. Список лондонских квартир, составленный ею для Ига при помощи интернета. На самом дне коробки лежал большой конверт из желтой бумаги. Сперва Иг его проигнорировал, но потом вдруг заметил в левом верхнем углу конверта карандашные пометки. Точки. И черточки.

Он открыл конверт, и оттуда выпала маммограмма, помеченная июнем прошлого года. Еще там была бумага, линованные листы. Иг увидел на них свое имя. Они были сплошь разрисованы черточками и точками. Он засунул листы и маммограмму обратно в конверт.

Вторично смешав джин с тоником, Иг снова отправился в спальню. Дейл уснул, разметавшись на покрывале, в черных носках, натянутых почти до коленей, и белых трусах с пятнышками от мочи. В остальном он был совершенно голый, его живот и грудь поросли темной курчавой шерстью. Иг тихо подошел к кровати и поставил выпивку на столик. Услышав звяканье кубиков льда, Дейл пошевелился.

— О, Иг, — сказал Дейл. — Привет. Вот ты можешь поверить, что я о тебе забыл?

Иг стоял около кровати с желтым конвертом в руках.

— У нее был рак? — спросил он вместо ответа.

— Я не хочу говорить о Мери, — сказал Дейл и отвернулся. — Я ее люблю, и мне невыносимо думать о ней и... и обо всем остальном. Мой брат, ты знаешь, мы с ним не разговаривали уже несколько лет. Но у него есть в Сарасоте торговля мотоциклами. Иногда мне хочется отправиться туда торговать для него мотоциклами, ходить на пляж и смотреть на

девушек. На каждое Рождество он посылает мне открытку, пишет, приезжай, мол Иногда мне очень хочется сбежать от Хейди, от этого города и от этого жуткого дома, и от всей моей засранной, задолбанной жизни и начать все сначала. Если нет Бога и нет причин для всех этих мук, может быть, мне еще не поздно начать все заново.

— Дейл, — негромко сказал Иг. — Так был у нее рак?

Дейл покачал головой, не поднимая ее с подушки.

— Понимаешь, это же наследственная штука. Прицепится к тебе, и все болеют. И мы ничего от нее не узнали, узнали только после того, как она умерла. Нам сказал патологоанатом.

— В газете про рак ничего не писали, — сказал Иг.

— Хейди хотела рассказать газетчикам. Она думала, это вызовет сочувствие и люди еще больше тебя возненавидят. Но я сказал, что Мери не хотела, чтобы об этом знали, и мы должны уважать ее желание. Нам она ничего не сказала, а тебе сказала?

— Нет, — качнул головой Иг. Вместо этого она сказала, что ему нужно встречаться с другими девушками. Правда, Иг не читал ее двухстраничную записку, лежавшую в этом конверте, но все уже было в основном понятно. — Ваша старшая дочь, Реган, — сказал он, — мы с вами никогда о ней не говорили, и мне не стоит совать нос в чужие дела. Но я знаю, как вам было тяжело, когда вы ее потеряли.

— Она очень мучилась, — сказал Дейл и всем телом передернулся. — Из-за этого она говорила жуткие вещи. Я знаю, что ничего такого она не думала. Она ведь была такая хорошая, такая прелестная девочка. Я стараюсь этого не забывать, но по большей части... по большей части я помню ее такой, какой она стала в конце. Она весила едва восемьдесят фунтов, и семьдесят фунтов из них была ненависть. Она говорила о Мери совершенно непростительные вещи. Думаю, ее бесило, что Мери такая хорошенькая и... Реган совершенно облысела, и ей сделали мастэктомию, а заодно удалили часть кишок, и она себя чувствовала... она себя чувствовала вроде Франкенштейна, чем-то из фильма ужасов. Она говорила, что, если бы мы ее любили, мы бы задушили ее подушкой и разом со всем покончили. Она говорила мне, что я, наверное, рад, что это она умирает, а не Меррин, потому что я всегда любил Меррин больше. Я стараюсь обо всем этом забыть, но иногда просыпаюсь ночью и думаю, думаю... Или думаю, как умирала Мери. Мне хотелось бы вспоминать, как они жили, но плохое вытесняет все остальное. Для этого, наверное, есть какая-нибудь серьезная психологическая причина Мери изучала психологию, она, наверное, знала, почему плохое запечатлется в памяти крепче, чем хорошее. Слышь, Иг, но ты можешь поверить, что моя младшенькая поступила в Гарвард?

— Да, — кивнул Иг, — чему тут не поверить. Она была умнее нас с вами, вместе взятых.

Дейл неопределенно фыркнул, все еще отвернувшись в сторону.

— Мне ли этого не знать. Я учился в двухгодичном колледже — все, что было по карману моему старику. Господи, мне очень хотелось быть лучшим отцом, чем он. Он указывал мне, какие брать курсы, где мне жить и где потом работать, чтобы с ним расплатиться. Я иногда говорил Хейди, мол, еще удивительно, что в свадебную ночь он не стоял в моей спальне, не инструктировал меня, что с ней делать и как. — Он мельком улыбнулся. — Это было еще в те времена, когда мы с Хейди могли шутить о подобных вещах. Это теперь у Хейди в голове один Христос, а прежде она любила в шутку попохабничать. Прежде — до того, как мир открыл на полную краны и спустил из нее всю кровь. Иногда мне очень хочется ее бросить, но у нее же нет никого другого. Она совершенно одинока... ну конечно, если не считать ее дружка Иисуса.

— Не знаю, не знаю, — сказал Иг и медленно, с шумом выдохнул, думая, как Хейди Уильямс снимала все снимки Меррин, пытаясь запихнуть память о дочери подальше, в пыль и темноту. — Вам бы стоило зайти к ней как-нибудь утром, когда она работает с отцом Моулдом в церкви. Устроить такой небольшой сюрприз. Думаю, вы увидите, что она состоит в куда более активных... *сношениях* с жизнью, чем вам думалось.

Дейл бросил на него вопросительный взгляд, но Иг хранил невозмутимость и больше не сказал ни слова. В конце концов Дейл вяло улыбнулся и сказал:

— Тебе, Иг, нужно было выбрить голову много лет назад. Прекрасно выглядит. Мне и самому когда-то хотелось побриться под ноль, но Хейди говорила, что, если я это сделаю, тут наш брак и закончится. Она даже не разрешила мне выбриться из солидарности с Реган, когда той делали химиотерапию. В некоторых семьях так и поступают — показать, что они все вместе. Но в нашей семье всё не так. — Он нахмурился и спросил: — Чего это мы вдруг об этом? О чем мы с тобой говорили?

— Мы остановились на том, когда вы пошли в колледж.

— Да. Верно. Отец не разрешил мне взять курс теологии, как я хотел, но не мог помешать ходить вольнослушателем. Я помню нашу преподавательницу, черную женщину по фамилии Танди, профессор Танди, так она говорила, что во многих других религиях Сатана — вполне симпатичный парень. Обычно он всякими хитростями заманивает к себе в постель богиню плодородия, и после всяких приключений они дают начало миру. Или урожаю. Чему-нибудь. Его роль состоит в том, чтобы обманывать недостойных, или соблазнять их на погибель, или хотя бы оставлять их без выпивки. Даже христиане не могут толком решить, что с ним делать. Ну вот подумай. Считается, что он и Бог воюют друг с другом. Но если Бог ненавидит грех, а Сатана наказывает грешников, не играют ли они в одной команде? Разве судья и палач не работают на пару? Романтики. Кажется, романтики любили Сатану, не помню уж почему. А может быть, потому, что у него красивая борода и он был спец по девочкам и умел устроить роскошную пьянку. Ведь правда, романтики любили Сатану?

— «Твой шепот звучит все ближе и ближе, — прошептал Иг. — Скажи мне все то, что мне хочется слышать».

— Нет, не эти романтики,¹ — рассмеялся Дейл.

— Других я не знаю, — сказал Иг.

Он тихо прикрыл дверь и вышел

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Иг сидел на дне дымовой трубы в жарком круге послеполуденного солнца и держал над головой блестящую маммограмму груди Меррин. Ее ткани, подсвеченные сзади августовским небом, были похожи на черное солнце за минуту до вспышки новой звезды, были похожи на День Последний, а небо казалось простой мешковиной. Дьявол обратился к своей Библии, не к Ветхому Завету, не к Новому, а к форзацу, на который он когда-то списал азбуку Морзе из позаимствованной у брата энциклопедии. Еще до того, как расшифровать лежащие в конверте записки, он знал, что это завет особого рода: предсмертный. Предсмертный завет Меррин.

Иг начал с точек и черточек, нарисованных прямо на конверте. Это была простейшая последовательность: «Иди ты на хрен, Иг».

Он рассмеялся — непристойным судорожным смехом.

Затем Иг вытряхнул из конверта два листа бумаги, густо исписанных с обеих сторон точками и черточками, труд нескольких месяцев, целого лета Иг принялся их расшифровывать, время от времени теребя висевший на шее крестик, крестик Меррин. Он снова надел этот крестик, как только ушел от Дейла, с ним казалось, что она рядом, настолько рядом, что может потрогать пальцами его затылок.

Работа была медленная и кропотливая — переводить точки и черточки в буквы и слова, но Ига это не пугало. Если чего у дьявола в достатке, так это времени.

Дорогой Иг!

¹ «You're whispering in my ear / Tell me all the things I want to hear» — из песни «What I Like about You» детроитской пауэр-поп-группы *The Romantics* с их дебютного альбома, так и называвшегося — «The Romantics» (1980).

Пока я жива, ты этого не прочитаешь. Я не уверена, что хочу, чтобы ты это читал даже после моей смерти.

Ух, как же медленно пишется, но меня это, пожалуй, даже не раздражает. Это помогает коротать время, когда я торчу в какой-нибудь приемной, ожидая результатов того или другого анализа. А также заставляет меня писать лишь необходимое и ничего больше.

У меня такой же рак, который убил мою сестру, такой же наследственный. Не буду утомлять тебя генетикой. Он еще на ранней стадии, и я уверена, что, узнай ты, ты бы хотел, чтобы я боролась. Я знаю, что надо бы, но не буду. Я твердо решила не стать такой, как моя сестра. Не ждать, пока я стану уродливой, не делать больно тем, кто меня любит, а это ты, Иг, и мои родители.

В Библии говорится, что самоубийцам уготован ад, но ад — это то, через что прошла моя сестра, когда она умирала. Ты этого не знаешь, но, когда моей сестре поставили диагноз, она была уже обручена. Жених оставил ее за пару месяцев до смерти. Реган совсем его извела. Она хотела знать, через сколько дней после ее похорон он будет трахаться с другими. Она хотела знать, будет ли он использовать ее трагедию, чтобы охмурять девиц. Она была совершенно ужасна, я бы тоже от нее ушла. Мне бы, может, лучше все это пропустить, но я же еще не умею умирать. Я только надеюсь, что Бог изыщет способ сделать мне это быстро, сразу, совершенно неожиданно. Посадить меня в лифт, и чтобы трос оборвался. Двадцать секунд полета, и конец. Может быть, в порядке бонуса я упаду на кого-нибудь мерзкого. На монтера-педофила или вроде того. Это будет нормально.

Я боюсь, что, если сказать тебе про мою болезнь, ты откажешься от своего будущего и предложишь мне выйти за тебя замуж, а я проявлю слабость и скажу «да», и ты будешь ко мне прикован, будешь смотреть, как от меня отрезают по кусочку, как я лысею и усыхаю, проводя тебя через все круги ада, а потом все равно умираю, убивая в процессе все, что было в тебе лучшего. Тебе же, Иг, так хочется верить в доброту мира и доброту людей, а я знаю, что, когда болезнь прижмет меня сильнее, я не смогу быть доброй. Я буду как моя сестра. Во мне это есть, я умею делать людям больно, и мне, возможно, будет себя не сдержать. Я хочу, чтобы тебе запомнилось то хорошее, что было во мне, а не самое ужасное. Людям, которых ты любишь, должно быть позволено держать все худшее про себя.

Ты себе не представляешь, как трудно не говорить обо всем этом с тобой, потому-то я, наверное, это и пишу. Потому что мне нужно с тобой поговорить, а больше никак. Какая-то малость односторонняя беседа, тебе не кажется?

Ты так рад ехать в Англию, нырнуть с головой в свой мир. Помнишь твой рассказ про тропу Ивела Нивела и магазинную тележку? У тебя это каждый день. Ты всегда готов голышом слететь с крутого склона своей жизни и чтобы тебя безжалостно швырнуло в людской поток. Не будем включать в него людей, тонущих в нечестности. Я могу сделать тебе больно не как-нибудь там невыносимо, а только чтобы, тебя оттолкнуть. Не очень привлекательная мысль, но все же это гуманнее, чем если все случится само собой. Я хочу, чтобы ты нашел какую-нибудь девицу-кокни с диким акцентом, привел бы ее к себе на хату и оттрахал до умопомрачения. Какую-нибудь симпатявую, аморальную и более-менее грамотную. Не такую хорошенькую, как я, я не настолько щедра, но ей совсем не обязательно быть страхолюдиной. Потом, я надеюсь, она самым черствым образом тебя бросит, и ты найдешь себе другую, крутую, получше. Такую серьезную, заботливую, без наследственного рака, а также сердечных заболеваний, Альцгеймера и прочих гадостей. И я надеюсь, что к тому времени я давно уже буду лежать в гробу и не узнаю о ней ничего.

Ты знаешь, каким образом мне хотелось бы умереть? На тропе Ивела Нивела, слетая по склону на тележке. Я могла бы зажмуриться и представить себе, что ты меня обнимаешь. И врезаться прямо в дерево. «Она не успела даже понять, что с ней случилось». Прямо по этой поговорке. Мне очень хочется поверить в Евангелие от Мика и Кита, согласно которому я никогда не получу того, что хочу, — тебя, Иг, и наших детей, и наши смешные мечты, — но хотя бы получу то, что мне необходимо, то есть быстрый неожиданный конец и знание, что ты чист.

И у тебя будет какая-нибудь крепкая добрая мать-жена, и она родит тебе детей, и ты будешь превосходным, радостным, энергичным отцом. Ты согласишься весь мир, каждый его уголок, и ты будешь видеть боль и сможешь отчасти ее облегчить. У тебя будут внуки и правнуки. Ты будешь учить. Ты будешь подолгу гулять в лесу. И во время одной из этих прогулок, уже в преклонные лета, ты окажешься около дерева с хижинкой на его ветвях. И там я буду тебя ждать. Я буду ждать тебя при свете свечей в нашей древесной Хижине Разума.

Это чертова уйма точек и тире. Здесь перед тобой два месяца работы. Когда я начала, рак был горошинкой в одной из грудей и меньше горошинки в левой подмышке. Теперь, подводя промежуточный итог, он... Ладно. Из малого, мама, является со временем большое.¹

Что-то я сомневаюсь, что нужно было так много писать. Возможно, я могла сэкономить тебе уйму усилий и просто повторить первое послание, которое я промигала тебе солнечными зайчиками. МЫ. Тут уже сказано главное. А вот и остальное: я люблю тебя, Игги Перриш.

Твоя девушка

Меррин Уильямс

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Прочитав последнее письмо Меррин и отложив его в сторону, снова прочитав и снова отложив, Иг выбрался из дымохода, желая хоть на время избавиться от запаха пепла и золы. Остановившись в соседнем помещении, он всей грудью вдыхал слепополуденный воздух и через какое-то время вдруг понял, что змеи вокруг него не собрались. Он был в литейной совсем один, вернее — почти один. Одна-единственная змея, тот самый чернохвостый гремучник, спала в тележке, свернувшись толстыми кольцами. Ига так и подмывало погладить ее по голове, он даже шагнул было к ней, но тут же остановился. Лучше не надо, решил он, покосившись на крестик, висевший на шее, а затем взглянул на свою тень, наползавшую на стену в последнем красноватом свете дня. Тень как тень, длинная и тощая. Он все так же чувствовал на висках рога, чувствовал их вес, чувствовал, как разрезают быстро стынувший воздух их кончики, но у тени рогов не было, только его фигура. Он опасался, что, если подойти к змее сейчас, с крестиком Меррин на шее, вполне вероятно, что она вопьется в него зубами.

Еще раз взглянув на черную тень, распластавшуюся по кирпичной стене, он понял, что может при желании вернуться домой. С крестиком на шее он вновь становился частью человечества. Он мог забыть про два последних дня, кошмарное время болезни и паники, и стать тем же самым, кем был всегда. Эта мысль принесла с собой почти болезненное облегчение, почти чувственное наслаждение: снова быть Игом Перришем, а не дьяволом, человеком, а не ходячей печкой.

Он все еще думал об этом, когда спавшая в тачке змея приподняла голову, по ней скользнул белый свет фар. Кто-то подъезжал по дороге. В первый момент Иг подумал, что это Ли, вернувшийся поискать свой крестик и прочие инкриминирующие улики, какие он мог забыть.

Но когда машина подъехала к литейной, он узнал потрепанный зеленый «сатурн», принадлежавший Гленне. Иг смотрел из дверного проема, выходившего на шестифутовый обрыв. Гленна вышла из машины, волоча за собой хвост дыма, она на ходу бросила в траву окурки и раздавила его носком туфли. За время, пока Иг был с ней, она бросала дважды — один раз аж на целую неделю.

Иг следил из окошка, как она огибает здание. На ней было слишком много косметики. На ней всегда было много косметики. Черешневая помада, кудрявый перманент, тени для глаз

¹ «From small things, Mama, big things one day come» — из песни Брюса Спрингстена «From Small Things (Big Things One Day Come)», записанной в 1979 г, но выпущенной только в 2003 г., на бонус-диске к сборнику «The Essential Bruce Springsteen». Также известна в кавер-версии Дейва Эдмундса (1982).

и розовые блески. Заходить Гленне не хотелось, это было написано у нее на лице. Под своей размазанной маской она выглядела жалкой, перепуганной и довольно симпатичной — но тоже какой-то жалкой симпатичностью. Она была в тесных низко-сидящих джинсах, чуть показывавших щель ее задницы, ремне с заклепками и белом лифе, обнажавшем ее мягкий живот, Иг знал, что на бедре у нее татуировка, голова плейбойного кролика. Ему было больно смотреть на нее и видеть, что все это, вместе взятое, буквально вопиет, ну захотите меня, хоть кто-нибудь, захотите.

— Иг? — крикнула она. — Игги! Ты здесь? Есть ты здесь где-нибудь?

Ее голос усиливали ладони, приставленные рупором ко рту.

Иг не ответил, и она опустила руки.

Иг шел от окна к окну, наблюдая, как она пробирается сквозь бурьян на задах литейной. Солнце было на другой стороне здания, красный уголек сигареты, прожегший бледный занавес неба. Когда Гленна пересекала тропу Ивела Нивела, Иг выскользнул из дверного проема и пошел за ней следом. Он крался сквозь траву и свет умирающего дня: одна багровая тень из многих. Гленна была к нему спиной и не видела, как он подкрадывается.

На верхней точке тропы она замедлила шаг, увидев на траве ожог, место, где почва выгорела добела. Красная бензиновая канистра все еще была здесь, валялась на боку в хилых кустах. Иг крался за ней справа от тропы, через лужайку, между деревьев и кустов. На полете вокруг литейной все еще был конец дня, но под деревьями уже темнело. Словно для полной уверенности.

Иг помусолил крестик между большим и указательным пальцами, он думал, как подойти к Гленне и что ей сказать. Что она заслужила?

Гленна снова взглянула на обожженную землю и на красную металлическую канистру из-под бензина, а затем на тропу, ведущую по склону к реке. Иг видел, что она сопоставляет одно с другим, хочет разобраться в случившемся. Ее дыхание заметно участилось. Ее правая рука нырнула в сумочку.

— О, Иг, — сказала она. — Да как же это, Иг?

Рука вынырнула с телефоном.

— Не надо, — сказал Иг.

Гленна вздрогнула и покачнулась. Ее телефон, розовый и гладкий, как кусок мыла, выскользнул у нее из руки, ударился о землю и отлетел в сторону.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — спросила Гленна, переходя от скорби к злости за то недолгое время, которое ей потребовалось, чтобы восстановить равновесие. Вглядевшись в заросли черники и залегшие под деревьями тени, она добавила, — Ты совсем меня, на хрен, перепугал.

И направилась к Игу.

— Стой, где стоишь, — сказал он ей.

— Почему ты не хочешь, чтобы я... — начала Гленна и резко умолкла. — Ты это что, в юбке?

Случайный луч розового света пробился сквозь листву и упал на юбочку Ига, на голый живот. Все, что выше груди, оставалось в тени. Злое взволнованное выражение сменилось на ее лице удивленной улыбкой, не столько, правда, веселой, сколько испуганной.

— Ох, Иг, — выдохнула она. — Ох, маленький ты мой.

Она еще раз шагнула вперед, но Иг предостерегающе поднял руку.

— Пожалуйста, не подходи. — (Гленна остановилась.) — Почему ты здесь?

— Ты разгромил нашу квартиру, — сказала Гленна. — Зачем ты это сделал?

Иг не ответил, не знал, что ответить.

Гленна опустила глаза и чуть прикусила губу.

— Наверное, кто-то тебе рассказал про меня и Ли, про то, что было прошлой ночью. — Естественно, она не помнила, что все рассказала ему сама. — Прости меня, Иг, — продолжила она, заставив себя взглянуть ему в глаза. — Ты можешь ненавидеть меня, сколько тебе хочется, я это вполне заслужила. Я только хочу быть уверенной, что с тобой все

в порядке. — И тихо-тихо добавила — Пожалуйста, позволь мне тебе помочь.

Иг поежился. Было почти невыносимо слышать человеческий голос, предлагающий ему помощь, голос, полный симпатии и заботы, однако ему уже казалось, что время, когда он знал, что такое быть любимым, существовало лишь в смутно вспоминаемом прошлом, осталось далеко позади. Было удивительно говорить с Гленной самым обыкновенным образом, это было обыкновенное чудо, простое и приятное, как стакан холодного лимонада в жаркий день. У Гленны не было позывов как-нибудь затушевать свои худшие, наиболее постыдные позывы, ее виноватые секреты были и оставались секретами. Он снова потрогал висевший на шее крест, крестик Меррин, отграничивавший небольшую, драгоценную зону человечности.

— Как ты догадалась искать меня здесь?

— Я смотрела по телевизору местные новости и увидела сгоревшую машину, которую нашли на косе. Камеры стояли слишком далеко, так что мне было не разобрать, что это именно «гремлин», да и ведущая сказала, что полиция не может еще установить марку и год выпуска. Но у меня сразу появилось ощущение, нечто вроде плохого предчувствия. И тогда я позвонила Уайатту Фармеру, помнишь Уайатта? Как-то раз, когда мы были детьми, он приклеил моему двоюродному брату бороду, чтобы попробовать затариться пивом.

— Помню. Так почему ты ему позвонила?

— Я видела, что сгоревшую машину вытащил из воды буксировщик Уайатта. Он теперь как раз этим и занимается, у него свой авторемонтный бизнес. Вот я и подумала, он сможет мне сказать, что это была за машина. Он сказал, что там настолько все обгорело, что еще и не разобрались, потому что не на что опереться, только рама и дверцы. Но ему кажется, что это был «хорнет» или «гремлин», причем скорее «гремлин», потому что они встречаются чаще. И я подумала, неужели кто-то сжег твою машину. А потом я подумала, а вдруг она загорелась, когда ты в ней сидел? Я знала, что если бы ты сделал это сам, так именно на этом самом месте, чтобы поближе к ней. — Она метнула на него еще один застенчивый испуганный взгляд. — Я могу понять, почему ты устроил погром в нашей квартире...

— В твоей квартире. Она никогда не была нашей.

— Я старалась сделать ее нашей.

— Я знаю. Ты старалась изо всех сил. А я не старался.

— Почему ты сжег свою машину? Почему ты ходишь тут в этом? — Она прижала кулаки к груди и через силу улыбнулась. — И вообще ты выглядишь, словно прошел через земной ад.

— Можно сказать и так.

— Пошли. Садись в мою машину. Мы вернемся в квартиру, вытащим тебя из этой юбки, отмоем, и ты снова будешь самим собой.

— И все опять будет по-прежнему?

— Да, все будет в точности, как было.

Вот тут-то и была проблема. С этим крестиком на шее он мог снова стать таким же, как прежде, мог, если бы захотел. Получить все назад, но оно, это все, не стоило того, чтобы его иметь. Если будешь жить в земном аду, есть самый прямой смысл быть одним из дьяволов. Иг закинул руку назад, отстегнул крестик Меррин, повесил его на какую-то ветку, а затем раздвинул кусты и вышел на свет, так и не взглянув, на что он теперь похож.

На какой-то момент Гленна вздрогнула и отшагнула назад. Ее каблук увяз в мягкой земле и подвернулся так, что она чуть не вывернула ногу. Ее рот широко раскрылся, чтобы издать вопль, настоящий, как в фильме ужасов, вопль такой, что волосы встают дыбом. Но вопль не прозвучал. Ее пухлое хорошенькое лицо почти тут же разгладилось.

— Ты ненавидела то, как было, — сказал Иг.

— Ненавидела, — согласилась она, и на лицо ее вновь набежала легкая тень улыбки.

— От начала и до конца.

— Нет, — сказала Гленна. — Кое-что я все-таки любила. Я любила, как мы занимались любовью. Ты закрывал глаза, и я понимала, что сейчас ты думаешь о ней, но это меня не

тревожило, потому что я могла доставить тебе удовольствие. Так что все было в порядке. И еще я любила, когда в субботу утром мы завтракали вместе, большой завтрак, яичница с беконом и сок, а потом мы смотрели дурацкий телевизор, и казалось, ты с радостью просидел бы со мной весь день. Но мне было больно понимать, что я никогда ничего не значила. Мне было больно понимать, что у нас нет будущего, и мне было больно слушать, как ты рассказываешь про ее забавные слова и умные поступки. Я не могла с ней соревноваться. У меня даже не было надежды, что когда-нибудь я смогу с ней соревноваться.

— Ты действительно хочешь, чтобы я вернулся в квартиру?

— Я даже сама не хочу туда возвращаться. Я ненавижу эту квартиру. Мне не хочется там жить. Я хочу уехать. Я хочу начать все заново в каком-нибудь другом месте.

— Куда ты можешь уехать? Где ты сможешь быть счастливой?

— В доме у Ли, — сказала Гленна. Ее лицо просветлело, она радостно, удивленно улыбнулась, как маленькая девочка, впервые попавшая в Диснейленд. — Приду к нему в дождевике без ничего под ним, и это будет вообще потрясно. Ли хочет, чтобы я как-нибудь к нему забежала. Сегодня он прислал мне эсэмэску, что, если ты не появишься, нам бы стоило...

— Нет! — отрезал Иг, из его ноздрей рванулся черный дым.

Гленна испуганно отшатнулась.

Иг вдохнул, засосав дым назад, а затем взял Гленну за руку и развернул ее к машине. Девушка и дьявол гуляли в свете умирающего дня, дьявол ее наставлял.

— Ты не должна иметь с ним никакого дела. Что он когда-нибудь для тебя сделал, не считая украденной куртки? Да он всегда обращался с тобой как со шлюхой. Скажи ему, чтобы сматывал на хрен. Тебе нужен кто-нибудь получше. Ты должна отдавать меньше и брать больше.

— Я люблю делать людям приятное, — сказала Гленна смущенным голосом.

— Людям? А ты сама не человек? Сделай что-нибудь приятное для себя. — Говоря, он вложил в рога всю свою волю и ощутил сладостный удар удовольствия. — И вообще посмотри, как с тобой обращаются. Я разгромил твою квартиру, ты не видела меня несколько дней, а затем приходишь сюда и видишь, как я педиком разгуливаю в юбке. Связаться с Ли Турно — не значит сравнивать счет. Нужно думать масштабнее. Тебе полагается какая-нибудь месть. Иди домой, возьми банковскую карточку, очисти счет и... устрой себе каникулы. Неужели тебе никогда не хотелось немного погулять?

— А что, и правда! — загорелась Гленна, но ее улыбка тут же увяла. — Я попаду в какие-нибудь неприятности. Я уже сидела в тюрьме, тридцать дней, и не хочу туда возвращаться.

— Никто тебя не побеспокоит. А после того как ты нашла меня в литейной, в этой кружевной пидорской юбочке, так и подавно. Мои родители не станут напускать на тебя адвоката, им вряд ли захочется, чтобы все обо всем этом узнали. Прихвати заодно и мою кредитку, зуб даю, родители не заблокируют ее еще несколько месяцев. Лучший способ посчитаться с кем-нибудь — это оставить его в зеркале заднего вида и умчаться к чему-нибудь лучшему. А ты, Гленна, заслуживаешь лучшего.

Они уже были возле ее машины. Иг открыл дверцу и придержал ее для Гленны. Она взглянула на его юбку, снова на его лицо и улыбнулась. Но, улыбаясь, она и плакала, большими черными от туши слезами.

— Так ты что, на этом торчишь? На юбках? И потому у нас было не так, чтобы очень здорово? Если бы я знала, то попыталась бы... ну, не знаю, попыталась бы, чтобы это работало.

— Нет, — сказал Иг. — Я одет во все это только потому, что у меня нет красного трико и накидки.

— Красного трико и накидки? — спросила она ошеломленным, немного замедленным голосом.

— Разве не в этом полагается разгуливать дьяволу? Вроде костюма супергероя. Мне

кажется, во многих отношениях Сатана был первым супергероем.

— То есть суперзлодеем?

— Нет, конечно же, героем. Вот ты подумай, в самом первом своем приключении он принял форму змеи, чтобы освободить двух пленников, которых голыми посадил в джунглях третьего мира в тюрьму некий всемогущий мегаломаньяк. Заодно расширил их диету и пробудил в них сексуальность. По мне, так нечто среднее между Человеком-зверем и доктором Филом.¹

Гленна рассмеялась диковатым, бессвязным, смущенным смехом, а затем вдруг икнула, и лицо ее снова стало серьезным.

— Так куда ты думаешь направиться? — спросил Иг.

— Не знаю, — сказала Гленна. — Мне всегда хотелось посмотреть Нью-Йорк. Ночной Нью-Йорк. Такси, пролетающие мимо, незнакомая иностранная музыка. Продавцы арахиса, сладкого арахиса, стоящие на углах. А там, в Нью-Йорке, все еще продают арахис?

— Не знаю, но раньше продавали. Последний раз я там был за день до смерти Меррин. Съезди и посмотри сама. Роскошная будет прогулка, лучшая в твоей жизни.

— Если сняться с места так интересно, — сказала Гленна, — если посчитаться с тобой такая отличная мысль, отчего мне сейчас так хреново?

— Потому что ты еще не там, ты еще здесь. И к моменту своего отъезда ты только и будешь помнить, что видела меня одетым в мою лучшую синюю юбочку. Все остальное ты забудешь.

Иг вложил в это наставление всю силу своих рогов, вбил эту мысль ей в голову как можно глубже — более интимное проникновение, чем все, что бывало у них в постели.

Гленна кивнула, глядя на него покрасневшими зачарованными глазами.

— Забуду. О'кей. — Она стала садиться в машину, но приостановилась и взглянула на него поверх дверцы. — В первый раз я с тобой говорила как раз на этом месте, помнишь? Наша компания жарила говешку, забавно ведь, верно?

— Забавно, — согласился Иг. — Это вроде того, что я планирую на этот месяц. Ладно, Гленна, поезжай. Зеркало заднего вида.

Гленна кивнула и снова стала садиться в машину, но затем распрямилась, перегнулась через дверцу и чмокнула Ига в лоб.

Он увидел про нее довольно много плохого, чего он прежде не знал, она часто грешила и всегда против себя. Он вздрогнул и отшагнул назад, унося на лбу холод ее губ, а в носу — запах сигарет и мяты.

— Эй! — сказал он ей вслед.

— Только не навись на неприятности, — улыбнулась Гленна. — Похоже, ты не можешь провести здесь день без того, чтобы тебя не попытались убить.

— Да, — согласился Иг. — Если подумать, это входит у них в привычку.

Иг вернулся к тропе Ивела Нивела, чтобы посмотреть, как солнце тонет в Ноулз-ривер и окончательно гаснет. Стоя в высокой траве, он слышал странные чирикающие звуки, издаваемые, похоже, каким-то насекомым, но насекомым, ему неизвестным. Он слышал эти звуки совершенно отчетливо — саранча в сумерках смолкла. Да и вообще они скоро передохнут, завод их трескучей похоти кончался вместе с летом. Звук послышался снова, слева, в бурьяне.

Иг присел на корточки, чтобы присмотреться, и увидел телефон Гленны в розовом полупрозрачном корпусе, лежавший на траве, там, где она его уронила. Он поднял и открыл. На экране было SMS от Ли Турно:

ЧТО НА ТЕБЕ НАДЕТО?

¹ Человек-зверь (Animal Man) — герой одноименного комикса компании «DC», выпускавшегося с 1965 г. Доктор Фил — психолог Фил Макгро (р. 1950), прославившийся в 1990-е гг. своими выступлениями в программе Опры Уинфри, с 2002 г. ведет собственную телепрограмму, так и называющуюся — «Доктор Фил».

Иг нервно подергал себя за бородку и задумался. Он все еще не выяснил, может ли делать все это по телефону, передается ли влияние рогов по радио, отражается ли от спутника. С другой стороны, хорошо известно, что мобильные телефоны — это орудия дьявола.

Он выбрал послание Ли и нажал на вызов.

Ли ответил уже на второй звонок.

— Просто скажи мне, что на тебе что-нибудь извратное. И совсем не надо, чтобы так оно и было. Я прекрасный притворщик.

Иг открыл рот и сказал мягким, задыхающимся голосом Гленны:

— *На мне надета целая масса грязи и всякой гадости, вот что на мне надето. Ли, я тут крупно влипла. Нужно, чтобы, мне кто-нибудь помог. Моя долбаная машина увязла.*

— Где это ты увязла, красавица? — спросил Ли, немного помедлив.

— *Около этой долбаной литейной,* — ответил Иг голосом Гленны.

— Около литейной? Да как ты туда попала?

— *Я приехала поискать Игги.*

— Да зачем тебе? Гленна, это совершенно неразумно. Ты же знаешь, что у него нестабильная психика.

— *Знаю, но все равно о нем беспокоюсь. Его семья тоже беспокоится. Никто не знает, куда он подевался, он не пришел на бабушкин день рождения и не подходит к телефону. Может быть, он и совсем умер. У меня прямо сердце разрывается от мысли, что он пошел вразнос, и в этом есть моя вина. И твоя, засранец.*

— Возможно, — рассмеялся Ли. — Но я все равно не понимаю, что занесло тебя к литейной?

— *В это время года он часто там ошибается, потому что именно там она умерла. Вот я и решила посмотреть, и поехала туда, и завязла, и, конечно же, Игги нигде здесь нет. Прошлой ночью ты был настолько мил, что подбросил меня домой. Поможешь девушке еще раз?*

— Ты звонила кому-нибудь еще? — спросил Ли после короткой паузы.

— *Ты первый, о ком я подумала,* — сказал Иг голосом Гленны. — *Да брось ты, не заставляй меня просить. Моя одежда вся в грязи, мне нужно ее снять и помыться.*

— Конечно, — сказал Ли. — Ну ладно, я подъеду. Только за это я должен на тебя поглядеть. В смысле, как ты моешься.

— *Это смотря как быстро ты приедешь. Я сижу в этой литейной и жду тебя. Ты лопнешь от хохота, когда увидишь, где я завязла, всеми колесами. Добравшись сюда, ты точно сдохнешь.*

— Мне не терпится посмотреть, — сказал Ли.

— *Тогда поторапливайся. Сидеть здесь одной малость жутковато.*

— Да уж, никакой компании, кроме призраков. Но ты держись, я сейчас подъеду.

Иг отключился, не прощаясь, и посидел немного на корточках рядом с пятном обожженной земли. Он даже не заметил, как село солнце. Небо стало темным, как спелая слива, на нем уже зажигались светлячки звезд. В конце концов он встал и пошел к литейной готовиться к приезду Ли. По пути он снял с ветки дуба висевший на ней крестик Меррин. Заодно прихватил красную металлическую канистру, она была на четверть полна.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

По его прикидкам, Ли будет добираться не менее получаса и даже больше, если он сейчас в Портсмуте. Не слишком-то долгое время, но Ига это даже радовало. Чем больше он обдумывал то, что требовалось сделать, тем меньше казались шансы, что он справится с задачей.

Иг подошел к фасаду литейной и уже собирался пролезть через дверной проем в главное помещение, когда сзади, с дороги, донеслись звуки машины, прыгавшей по ухабам.

Мгновенно нахлынувший адреналин наполнил его холодом и дрожью. События развивались очень быстро, этого просто не могло быть, разве что, когда Иг звонил, Ли уже сидел в машине и направлялся сюда. Только это не был красный «кадиллак» Ли, это был черный «мерседес» и почему-то за его рулем сидел Терри Перриш.

Иг нагнулся и прислонил не совсем еще пустую канистру к стене. Он был настолько не готов увидеть брата здесь и сейчас, что с трудом верил своим глазам. Терри не мог быть здесь, потому что его самолет уже приземлился в Калифорнии, и Терри уже вышел из него в субтропическую жару под тихоокеанское солнце Лос-Анджелеса. Иг сказал ему уезжать, сделать то, что ему и так больше всего хотелось сделать. Сбежать отсюда — и этого должно было быть достаточно.

Подъехав к зданию, машина свернула и медленно поползла сквозь заросли высокой и жесткой травы. Появление Терри взбесило и встревожило Ига. Тот был здесь совершенно ни к чему, и времени, чтобы от него избавиться, почти не оставалось.

Таясь в бурьяне, Иг проскользнул мимо бетонного фундамента, достиг угла литейной одновременно с «мерседесом», ускорил шаги и схватился за правую дверцу. Затем он рывком ее открыл и запрыгнул в машину. Терри взглянул на него, закричал и отпрянул, его рука, искавшая ручку двери, заметно дрожала. Затем он узнал Ига и сразу успокоился.

— Иг, — сказал Терри, задыхаясь. — Что это ты... — Его взгляд упал на грязную юбку и снова уперся в лицо Ига. — Какого хрена ты с собой сделал?

В первый момент Иг не понял вопроса, не понял, что потрясло брата. Затем он вспомнил про крестик, все еще зажатый в его правой руке, с цепочкой, обмотанной вокруг пальца. Крестик приглушал влияние рогов. Терри видел Ига в натуральном виде впервые со своего возвращения домой.

«Мерседес» продолжал ползти сквозь высокие заросли бурьяна.

— Ты бы не хотел затормозить? — спросил Иг. — Прежде чем мы ухнем по тропе Ивела Нивела прямо в реку?

Терри нащупал ногой тормоз и остановил машину.

Братья сидели рядом на переднем сиденье. Терри дышал открытым ртом, часто и глубоко, как усталая собака. Несколько секунд он с недоумением рассматривал Ига, а затем рассмеялся. Рассмеялся боязливо, неуверенно, и его губы скривил нервный тик, отчасти похожий на улыбку.

— Иг, что ты здесь делаешь... в таком виде?

— Это я хотел спросить. Что ты здесь делаешь? Ты же должен был сегодня улететь.

— Откуда ты...

— Терри, тебе нужно отсюда уматывать. Времени у нас в обрез.

Он все время поглядывал в зеркальце заднего вида, проверяя дорогу. Ли Турно мог подъехать с минуты на минуту.

— Времени до чего? Что тут должно случиться? — Терри немного помедлил и задал последний вопрос: — И зачем эта юбка?

— Уж тебе-то нужно бы понимать отсылку к Мотауну,¹ когда тебе суют ее под нос.

— Мотаун? Ты говоришь бессмыслицу.

— Еще какую смыслицу. Я говорю, что тебе нужно сматывать отсюда на хрен, ну что может быть осмысленнее? А ты, Терри, ненужный человек в ненужном месте в самое ненужное время.

— О чем это ты? Ты меня пугаешь? Что должно случиться? Почему ты все время смотришь в зеркало?

— Я кой-кого ожидаю.

— Кого?

— Ли Турно.

Терри побледнел.

¹ Мотаун — звукозаписывающая компания, основанная в 1959 г. в Детройте, специализируется на ритм-энд-блюзе и соуле.

— О! — сказал, он. — Почему?

— Ты знаешь почему.

— О! — повторил Терри. — Ты знаешь. Сколь-сколько ты знаешь?

— Все. Что ты был в машине. Что ты отключился. Что он устроил так, что ты не мог ничего рассказать.

Руки Терри лежали на баранке, его большие пальцы двигались вверх-вниз, их костяшки побелели.

— Все. Откуда ты знаешь, что он сейчас приедет?

— Знаю.

— Ты его убьешь, — сказал Терри. Это не было вопросом.

— Видимо.

Терри окинул взглядом Игову юбочку, грязные босые ноги и покрасневшую кожу, которая могла сойти за сильно обожженную солнцем.

— Слушай, Иг, — сказал он, — пошли-ка домой. Пошли домой и поговорим об этом спокойно. Мама с папой очень о тебе беспокоятся. Пошли домой, чтобы они увидели, что с тобой ничего не случилось. А потом все вместе поговорим. Примем разумное решение.

— Я сам уже все решил, — сказал Иг. — Ты должен был уехать. Я сказал тебе уехать.

Терри потряс головой, словно избавляясь от наваждения.

— Это когда ты сказал мне уехать? За все время, проведенное дома, я ни разу тебя не видел. Мы ни разу с тобой не говорили.

В зеркальце заднего вида блеснули фары. Иг развернулся на сиденье и стал смотреть в заднее стекло. По шоссе, по другую сторону от узкой полоски леса, между литейной и дорогой проехала машина. Ее фары промелькали между деревьев быстрым стаккато, заслонка поднималась и опускалась — взблеск, взблеск, взблеск, — передавая сообщение *поспеши, успеши*. Машина проехала мимо, не сворачивая к литейной. Но уже через несколько минут появится автомобиль, который не проедет мимо, а свернет на присыпанную гравием дорогу и направится к ним. Опустив глаза, Иг увидел на заднем сиденье чемодан и футляр с трубой.

— Ты собрался, — сказал Иг. — Видимо, ты думал уехать. Почему же ты не уехал?

— Я уехал, — сказал Терри.

Иг бросил на него недоуменный взгляд.

Терри покачал головой.

— В общем-то, это неважно. Забудь.

— Нет, ты все-таки расскажи.

— Когда-нибудь потом.

— Нет, расскажи мне сейчас. В каком это все смысле? Если ты уехал, как вышло, что ты вернулся?

Терри сверкнул на него пустыми глазами и еще через секунду заговорил, медленно и подбирая слова:

— Ничего, если в этом не будет видно никакого смысла?

— Ничего, я тоже не вижу ни в чем никакого смысла. Потому-то я и хочу, чтобы ты мне все рассказал.

Терри облизал пересохшие губы кончиком языка, а затем заговорил спокойным, но немного торопливым голосом:

— Я решил, что вернуться в Лос-Анджелес. Сбегу из этой психушки. Папаше на меня насрать, Вера в больнице, и никто не знает, куда ты подевался. К тому же я вбил себе в голову, что не делаю в Гидеоне ничего хорошего, что мне нужно уехать, вернуться в Лос-Анджелес и приступить к репетициям. Папаша сказал, он не может себе представить ничего более эгоистичного, чем если я сдернусь с места в нынешней ситуации. Я понимал, что он прав, но почему-то это не имело значения. Просто было приятно уехать. Но только чем дальше я отъезжал от Гидеона, тем сомнительнее была эта приятность. Я слушал радио и услышал песню, которая мне нравилась, и начал думать, как бы ее аранжировать для бенда. А

затем вспомнил, что бенда у меня уже нет, так что не с кем и репетировать.

— Это в каком же смысле тебе не с кем репетировать?

— У меня нет работы, — сказал Терри. — Я бросил. Ушел из «Хотхауса».

— Что ты там несешь?

При своем путешествии в голову Терри он не видел там ничего подобного.

— С этой недели, — сказал Терри. — Я уже больше не выдерживал. После того что случилось с Меррин, это перестало быть веселым. Это было что-то противоположное веселью. Это был ад. Истинный ад — смеяться, и улыбаться, и через силу играть заводные песни, когда хочется в голос завопить. Всякий раз, когда я играл на трубе, я вопил. Люди из «Фокса» советовали мне взять отпуск и получше все обдумать. Они не стали прямо угрожать мне судом за нарушение контракта, если я не выйду на той неделе, но это буквально витало в воздухе. Только мне это было по хрену. Мне от них ровно ничего не нужно.

— И когда ты вспомнил, что больше нигде не работаешь, то повернул назад?

— Не сразу. Это было что-то жуткое. Ну, вроде... вроде как быть двумя людьми одновременно. В одну минуту я думал, что мне нужно свернуть с шоссе и ехать обратно в Гидеон. Затем я снова ехал на воображаемые репетиции. В конце концов, когда я почти добрался до аэропорта... ты знаешь этот холм, где стоит гигантский крест? Ну, сразу за ипподромом «Суффолк-Даунс»?

Руки Ига похолодели и покрылись гусиной кожей.

— Высотой футов двенадцать. Знаю. Я считал, что он называется «Дон Орсиньо», но это неправильно.

— «Дон Орионе». Так называется приют, взявшийся ухаживать за этим крестом. Вот туда я и свернул. Там есть дорога, ведущая к этому кресту. Я не стал по ней подниматься, а только остановился в его тени.

— В тени креста?

Терри неопределенно кивнул.

— У меня был включен приемник. Ну эта, станция колледжа. Там, далеко на юге, прием становится плохим, сплошной треск. Но я как-то поленился менять частоту. И этот парень стал рассказывать местные новости, и он сказал, что Старый Ярмарочный мост в Гидеоне снова открыт, после того как в середине дня его закрывали на несколько часов, пока полиция вытаскивала с косы сожженную кем-то машину. Услышать про эту машину было как удар под дых. По вполне серьезной причине, потому что от тебя какой уже день не было ни слуху ни духу, а эта песчаная коса, она рядом с литейной, чуть ниже по течению. И это то самое время года, когда умерла Меррин. Все увязывалось. И вдруг я перестал понимать, почему так тороплюсь смыться из Гидеона. Я не понимал, почему мне так уж важно уехать. Я развернул машину и поехал назад. А когда я въезжал в город, то подумал, что стоит, пожалуй, проверить литейную. На случай, что ты поехал туда, чтобы быть поближе к Меррин и... и что-то с тобой случилось. Мне не хотелось ничего делать, пока я не узнаю, что с тобой все в порядке. И вот... и вот я здесь. И с тобой не все в порядке. — Он снова осмотрел Ига и спросил, испуганно запинаясь: — Как ты собирался... убить Ли?

— Быстро. Чего он никак не заслужил.

— И ты отпускаешь меня, зная, что я сделал? Почему не убить заодно и меня?

— Ты не один такой, кто сподличал с перепугу.

— О чем это ты?

Прежде чем ответить, Иг на секунду задумался.

— Меня бесило, как смотрела на тебя Меррин, когда ты давал концерты, играл на трубе. Я все время боялся, что она влюбится не в меня, а в тебя, мне бы этого не выдержать. Помнишь эти твои диаграммы, как ты издевался над сестрой Беннет? Это я настучал на тебя, написав ту записку, из-за которой ты получил двойку по этике и тебе не дали выступать на торжественном годовом концерте.

Терри недоуменно выпучил глаза, словно Иг говорил на каком-то непонятном языке. А затем рассмеялся — натянутым, визгливым, но вполне настоящим смехом.

— Помню, как же не помнить. Задница до сих пор ноет от трепки, которую задал мне отец Моулд. — Однако улыбка недолго держалась на его лице. Когда она исчезла, Терри сказал: — Но это совсем не то, что сделал тебе я. Ни по смыслу, ни по степени.

— Не то, — согласился Иг. — Я упомянул об этом, только чтобы проиллюстрировать принцип. С перепугу люди принимают самые хреновые решения.

Терри опять попытался улыбнуться, но это больше напоминало плач.

— Нам пора уже двигаться, — сказал он.

— Нет, — качнул головой Иг. — Не нам, а только тебе. И сейчас же.

Говоря, он опустил правое окошко, взял крестик с цепочкой в кулак и выбросил на траву, избавился от них. В тот же самый момент он вложил в рога всю силу своей воли, созывая в литейную всех окрестных змей. У Терри в горле родился удивленный прерывистый звук.

— *Prrp-рога*. У тебя... у тебя рога. На голове. Кто... Господи, Иг... да кто ты такой?

Глаза Терри горели возвышенным ужасом, ужасом, близким к благоговению.

— Не знаю, — сказал Иг. — То ли дьявол, то ли человек. Я еще не разобрался. И самый бред в том, что это, похоже, еще не определилось. Но одно я знаю: Меррин хотела, чтобы я был человеком. Люди прощают. Демоны — куда в меньшей степени. Если я тебя отпускаю, это не только для нас с тобой, но и для нее. Ведь она тебя тоже любила.

— Мне нужно ехать, — сказал Терри высоким испуганным голосом.

— Правильно. Тебе ни к чему находиться здесь, когда приедет Ли Турно. Если дело пойдет как-нибудь не так, ты можешь пострадать, и, даже если ты не пострадаешь, подумай об ущербе, который может быть причинен твоей репутации. К тебе все это не имеет никакого отношения. И никогда не имело. И вообще ты скоро забудешь этот разговор. Ты сюда не приезжал, сегодня ты меня не видел. Все это быстро исчезнет.

— Исчезнет, — повторил Терри, он вздрогнул и быстро замигал, словно кто-то плеснул ему в лицо горсть холодной воды. — Господи, мне нужно отсюда уезжать. Если я думаю когда-нибудь снова заняться работой, мне нужно убраться отсюда на хрен.

— Правильно. Этого разговора не было, и тебя здесь тоже. Двигай. Поезжай домой, скажи маме с папой, что не успел на самолет. Держись людей, которые тебя любят, и загляни в завтрашнюю газету. Есть поговорка, что хорошие новости никогда не печатают, но я думаю, ты сильно приободрись, когда увидишь завтрашнюю первую страницу. — Иг сдержал желание чмокнуть брата в щеку, опасаясь узнать о каком-нибудь тайном поступке, который заставит его передумать, не отпускать брата. — До свидания, Терри.

Он вышел из машины и отошел чуть в сторону. «Мерседес» медленно поехал, давя перед собою высокую траву, а потом заложил неспешный поворот, огибая здоровую кучу всякого мусора, битых кирпичей, старых досок и банок. Тут Иг отвернулся, не дожидаясь, когда «мерседес» появится из-за этой мусорной кучи. Времени на подготовку оставалось совсем немного. Он быстро прошел вдоль внешней стены литейной, настороженно поглядывая на цепочку деревьев, отделявшую здание от дороги. В любой момент там, за елками, мог появиться свет фар подъезжающего Ли Турно. Иг забрался в помещение сразу за топкой. Впечатление было такое, будто кто-то зашел сюда с полными ведрами змей, разбросал их и убежал. Змеи скользили из всех углов и падали с куч кирпича. Чернохвостый гремучник развернулся и звучно упал из тачки на пол. Змей было не так уж и много, порядка сотни. Ладно, на первый случай хватит.

Иг присел на корточки, поддел чернохвостого гремучника примерно за середину и поднял его в воздух, сейчас он не боялся укуса. Змея сонно прищурилась, мелькнул ее узкий черный язычок, и какое-то мгновение она шептала ему холодные беззвучные любовные слова. Иг нежно поцеловал ее в голову и отнес к топке. По дороге он понял, что не чувствует в ней ни вины, ни греха, что у нее нет воспоминаний о каких-нибудь дурных поступках. Она была невинна — как и все, конечно же, змеи. Проскользнуть по траве, укусить и ввести в ступор либо ядом, либо быстрым движением челюстей, глотнуть и почувствовать, как

полевая мышь гладким пушистым комком опускается по пищеводу, залезть в темную нору и свернуться на подстилке из прелых листьев — все это было благо, то, каким должен быть мир.

Иг наклонился в дымоход и уложил ее на вонючее одеяло, а потом нагнулся над ней и зажег по очереди свечи, создав интимную романтическую обстановку. Змея довольно свернулась.

— Ты знаешь, что нужно делать, если они минуют меня, — сказал Иг. — Что делать со следующим, кто откроет эту дверь. Кусай, и кусай, и кусай, ты меня понимаешь?

Язычок змеи вылетел изо рта и мелькнул в воздухе. Иг прикрыл ее углами одеяла, а затем положил сверху розовый, похожий на мыло, Гленнин телефон. Если вдруг как-нибудь получится, что не он убьет Ли, а Ли его убьет, он непременно зайдет сюда, чтобы задуть свечи, а когда увидит телефон, захочет его взять. Именно с этого телефона ему звонили, и кто же захочет оставлять такую улику.

Иг вылез из топки и почти полностью закрыл дверь. По краям двери пробивался свет свечей, и казалось, что в старой топке опять развели огонь, что литейная возвращается к жизни. Он взял свои вилы, стоявшие у стены, чуть правее дверцы топки.

— Иг, — прошептал сзади Терри.

Сердце Ига чуть не выскочило наружу, он резко развернулся и увидел брата, стоявшего снаружи на цыпочках и заглядывавшего в дверь.

— Почему ты не уехал? — спросил Иг, удивленный и раздосадованный появлением брата.

— Это змеи? — спросил Терри.

Иг спрыгнул из дверного проема, а Терри от него отступил. У Ига все еще была в руке коробок спичек, и он бросил его на бензиновую канистру. Затем повернулся и ткнул вилами в сторону Терри. И вытянул шею, глядя через него в сгущающийся мрак. «Мерседеса» не было видно.

— Где твоя машина?

— За этой кучей дерьма, — сказал Терри, указывая на особо высокий мусорный курган, подняв руку, он осторожно отодвинул зубья вил.

— Я сказал — уезжай.

Лицо Терри блестело в августовской ночи каплями пота.

— Нет, — сказал он.

Чтобы осмыслить такой неожиданный ответ, Игу потребовалось время.

— Да. — Иг вложил в рога такую силу, что мгновенно вспыхнули жар и давление, неприятное, почти болезненное, саднящее чувство. — Ты не хочешь быть здесь, я не хочу, чтобы ты был здесь.

Терри покачнулся, как будто Иг сильно его толкнул. Но тут же крепко уперся в землю ногами и остался на месте, на лице его появилась мрачная решимость.

— А я сказал — нет. И ты не можешь меня заставить. Что бы ты там ни делал с моей головой, оно имеет свои пределы. Ты только и можешь, что предложить мне, а уж я приму или не приму. И я не приму. Я не уеду отсюда, не оставляю тебя наедине с Ли. Именно это я сделал с Меррин и с тех пор живу как в аду. Если ты хочешь, чтобы я уехал, садись в мою машину и поехали вместе. Мы придумаем, что нам сделать с Ли, так чтобы никто не был убит.

Иг задохнулся от гнева и бросился на брата с вилами. Терри легко отпрыгнул в сторону. Ига приводило в бешенство, что ему никак не удастся подчинить брата своей воле. Каждый раз, когда Иг тыкал в него вилами, Терри ускользал с легкой, неопределенной улыбкой на лице.

Иг ощущал свою полную беспомощность, как десятилетний подросток, втянутый в малопонятные игрища старшеклассников.

По ту сторону от цепочки деревьев, отделявшей литейную от дороги, закачались лучи фар, они двигались все медленнее и медленнее, словно водитель выбирал место, где бы

лучше свернуть. Иг и Терри замерли, глядя на дорогу.

— Это Ли, — сказал Иг, устремив на Терри разъяренный взгляд. — Садись в машину и убирайся. Ты мне здесь не поможешь, а только все, на хрен, испортишь. Старайся быть незаметным, не лезть на рожон.

Одновременно Иг ткнул в сторону брата вилами и еще один, последний раз вложил всю свою волю в рога, стараясь *согнуть* Терри.

На этот раз тот не стал сопротивляться, а повернулся и побежал, раздвигая высокую траву, к мусорной куче. Иг следил за братом, пока тот не достиг угла здания, а потом повернулся и залез через дверной проем в литейную. За его спиной все приближались и приближались фары «кадиллака», вспарывавшие мрак, как разрезной нож — черный матовый конверт.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Как только он залез в помещение, по окнам и двери полоснул свет фар. Яркие белые прямоугольники бежали по разрисованным стенам, выхватывая старые надписи: «Терри Перришу труба», «Мир-79», «Бог умер». Иг отшагнул в темноту, в сторону от дверного проема. Сняв пальто, он бросил его на пол, пригнулся в углу и стал своими рогами призывать змей.

Змеи лезли из всех углов, падали из дырок в стенах, вылезали из-под груды кирпичей. Все они скользили к пальто, переползая в спешке одна через другую. Пальто корчилось, как живое, а затем попыталось сесть. Оно все поднималось и поднималось, его плечи наполнялись, рукава двигались и раздувались, словно в них засовывал руки человек-невидимка. Последней поднялась голова с взлохмаченными, беспорядочно рассыпанными волосами. Все это выглядело так, словно на полу сидит длинноволосый мужчина, а может быть, и женщина. Некто, непрерывно дрожащий. Ли коротко просигналил.

— Гленна! — крикнул он. — Что ты там делаешь, девочка?

— *Я здесь*, — откликнулся Иг голосом Гленны, он сидел на корточках чуть справа от двери. — *Ох, Ли, я подвернула эту чертову ногу*.

Дверца машины открылась и захлопнулась. Шуршала трава. К литейной кто-то приближался.

— Гленна, — сказал Ли, — что там происходит?

— *Ничего, я просто здесь сижу*, — сказал Иг голосом Гленны. — *Просто я здесь сижу*.

Ли оперся о бетонный порог и запрыгнул в дверь. С прошлого раза, когда Иг его видел, он прибавил добрую сотню фунтов и выбрил голову наголо — изменение почти такое же поразительное, как вырастить рога. И в первый момент Иг просто ничего не понял, не смог уместить в голову то, что он видел. Это был никакой не Ли. Это был Эрик Хеннити в его синих резиновых перчатках, державший в руке неразлучную дубинку, с головой сплошь в волдырях и ожогах. В свете фар его череп казался таким же красным, как и череп Ига. Волдыри на левой его щеке были выпуклыми и обширными и, похоже, полными гноя.

— Эй, дамочка! — негромко окликнул Эрик.

Его глаза стреляли по сторонам, по большому темному помещению. Он не видел Ига с вилами, да и не мог увидеть, ведь тот присел на корточки в самой глубокой тени. Глаза Эрика еще не привыкли к темноте, а со светом фар, льющим в дверь, и никогда не привыкнут. Ли был где-то снаружи. Он каким-то образом узнал, что здесь небезопасно, и приехал вместе с Эриком. Но откуда он это знал? Теперь же у него нет крестика, который его защищал. Это было совершенно непонятно.

Эрик мелкими, шаркающими шагами подошел к фигуре в пальто, его правая рука лениво покачивала дубинкой.

— Скажи мне что-нибудь, сука, — сказал Эрик.

Пальто передернулось, чуть махнуло рукой и покачало головой. Иг не двигался и даже

не дышал, он не понимал, что ему делать. Войти в дверь должен был Ли, а не кто-то другой. Но в этом, как в капле воды, отразилась его недолгая жизнь в образе демона. Он приложил все свои сатанинские усилия, чтобы осуществить изящное и простое убийство, и все его старания развеялись, как холодный пепел по ветру. Может быть, это всегда так. Может быть, все замыслы дьявола ничто по сравнению с тем, что могут придумать люди.

Эрик подкрался к тому, что находилось в пальто, занес обеими руками дубинку и резко опустил ее. Пальто опало, из него рванули змеи, как из большого лопнувшего мешка Эрик придушенно вскрикнул и шагнул в сторону, едва не споткнувшись о собственный ботинок.

— Что? — крикнул снаружи Ли. — Что там происходит?

Эрик опустил ботинок на голову ужа, извивавшегося у его ног, череп разлетелся с негромким хлопком, как бьющаяся лампочка. Затем Эрик с возгласом отворачивания отшвырнул ногой водяную змею и попятился к Игу. Он брел по бушующему морю змей и совсем уже было из него вышел, когда одна из них попала ему под ногу, и он поскользнулся. Сделав на удивление изящный пируэт, он упал на колено лицом к Игу и уставился на него маленькими свинячьими глазками, выглядевшими довольно странно на широкой обожженной роже. Иг держал вилы наготове.

— Черт меня подери, — сказал Эрик.

— И тебя, и меня, нас обоих, — ответил Иг.

— Ну и отправляйся в ад, придурок, — сказал Эрик, его левая рука стала подниматься, и только сейчас Иг заметил в ней кургузый револьвер.

Иг бросился вперед, не давая себе времени подумать, замахнулся вилами и вбил их в левое плечо Эрика. Это было как ударить в ствол дерева, древко вил содрогнулось у Ига в руках. Один из зубьев раздробил Эрику ключицу, другой пробил дельтовидную мышцу, а средний попал в верхнюю часть груди. Револьвер выстрелил куда попало, в небо, громкий хлопок, похожий на взрыв петарды, звук американского лета Иг продолжал двигаться вперед, выбивая Эрика из равновесия, пока тот не стукнулся задом о бетон. Левая рука Эрика дернулась, револьвер улетел в темноту и выстрелил, упав на бетонный пол, какой-то уж был разорван надвое.

Хеннити хрюкнул, глядя на него, можно было подумать, что он силится поднять огромный вес — стиснутые зубы, багровое лицо в пятнах больших белых волдырей. Он выпустил дубинку и взялся правой рукой за головку вил, словно хотел вырвать их из своего тела.

— Оставь их в покое, — сказал Иг. — Я не хочу тебя убивать. Пытаясь вытащить вилы, ты только больше себе навредишь.

— Я не, — выдохнул Хеннити. — Пытаюсь. Их. Вытащить.

И тут же бросил все тело направо, вытаскивая древко вил, а вместе с ним и Ига из темноты в яркий свет дверного проема. Иг не понимал, что сейчас произойдет, пока оно не произошло, пока он не потерял равновесия и не вывалился из тени. Он отпрянул назад, дернул вилы, иззубренные концы прорвали плоть Эрика, и тот завопил.

Иг понимал, что будет дальше, и хотел убраться из дверного проема, обрамлявшего его, как красную мишень на черной бумаге, но времени ему не хватило. Прогремел выстрел, и первой жертвой пал слух Ига. Дробовик выплюнул красное пламя, и у Ига заложило в ушах. Мир мгновенно окутался неестественной, слегка неполной тишиной. Казалось, что правое плечо Ига задел проезжающий автобус, Иг, качаясь, шагнул вперед и упал на Эрика, который издал влажный кашляющий звук, похожий на собачий лай.

Ли оперся о порог и прыжком втянул себя внутрь, ни на секунду не выпуская ружья. Затем он неспешно встал во весь рост. Иг видел, как двигается затвор, ясно видел, как из патронника вылетает использованная гильза и, описав параболу, исчезает в темноте. Иг хотел поступить аналогично, ускользнуть в темноту, стать если уж мишенью, то хотя бы движущейся, но что-то держало его — Эрик. Эрик вцепился ему в локоть и никак не отпускал, хотел использовать то ли как костыль, то ли как щит.

Ли снова выстрелил, и дробь ударила Ига по ногам, они тут же подломились. И все же

сперва он устоял: уперся вилами в пол и навалился на них всем своим весом. Но Эрик все еще держал его за руку и сам поймал часть дробы если не в ноги, то в грудь. Эрик рухнул на пол и дернул Ига следом за собой.

Там, где когда-то, столетие назад, был потолок, взвихрилось черное небо с люминесцентными облаками, а затем Иг ударился спиной о бетон, ударился так громко, что вздрогнули все его кости.

Он лежал рядом с Эриком, почти положив голову на Эриково бедро. Он не чувствовал больше своего правого плеча и всего, что было ниже коленей. Из головы его струилась кровь, небесная тьма опасно сгущалась, и он отчаянно старался не потерять сознание. Если сейчас он отключится, Ли его убьет. За этой мыслью последовала другая, что цепляться за сознание сейчас бессмысленно, что Ли убьет его безотносительно. И как-то издали он заметил, что все еще сжимает вилы.

— Ты попал в меня, мудила! — крикнул Эрик. Его голос доносился глухо, как сквозь мотоциклетный шлем.

— Могло быть и хуже, скажи спасибо, что ты жив, — сказал Ли Эрику, встал над Игом и направил ствол ему в лицо.

Иг, не глядя, ткнул вилами, поймал ствол между зубьев и рванул вверх и направо, дробовик выстрелил, и весь заряд угодил Эрику прямо в лицо. Бритый, с ожогами череп взорвался, как дыня, сброшенная с большой высоты. В лицо Игу плеснула горячая, почти обжигающая кровь, и он беспомощно подумал об индейке, разорванной взрывом. Змеи скользили в траве, поспешно расползаясь по дальним углам.

— Вот же мать твою! — сказал Ли. — Не «могло быть хуже», а и вправду стало хуже. Ты уж прости меня, Эрик, клянусь, я и вправду хотел убить Ига.

И он рассмеялся истерическим, совсем не веселым смехом.

Ли шагнул назад, высвобождая оружие. Затем он опустил ствол, Иг снова сделал выпад вилами, и ружье прогремело в четвертый раз. Дробь прошла чересчур высоко, попала в древко вил, и оно разлетелось в щепки. Трезубая головка вил улетела в темноту и звякнула по бетону, оставив Ига с расщепленной бесполезной палкой.

— Ты не мог бы полежать немного спокойно? — спросил Ли, передернув затвор.

Он отшагнул назад, направил ствол Игу в лицо с безопасного расстояния в четыре фута и нажал на спуск. Курок сухо щелкнул, но и только. Ли нахмурился, приподнял тяжелый, двенадцатого калибра дробовик и разочарованно его рассмотрел.

— Неужели эти штуки вмещают только четыре патрона? — сказал он. — Дробовик-то не мой, а Эрика. Я бы пристрелил тебя еще прошлой ночью, но всякие там эти судебно-медицинские экспертизы... А сейчас беспокоиться ровно не о чем. Ты убил Эрика, он убил тебя, а я ни при чем. И все вполне осмысленно. Жаль только, патроны у Эрика кончились, и ему пришлось забить тебя до смерти прикладом.

Ли развернул дробовик и вскинул его, держа обеими руками за ствол. Игу на секунду подумалось, что Ли наверняка проводит какое-то время на площадке для гольфа — он замахивался привычно и непринужденно, а затем приклад ударил Ига по голове. Удар пришелся по одному из рогов, раздался громкий треск, Иг отлетел от Эрика и покатился по гладкому полу.

Он остановился лицом вверх, задыхаясь, и начал ждать, пока мир перестанет вращаться. Небеса качались, звезды медленно падали, как хлопья в «снежном шаре», который хорошенько встряхнули. Рога гудели, как камертон. Впрочем, они приняли на себя удар, сохранили его череп.

Ли подошел поближе, занес дробовик и опустил приклад на правое колено Ига. Иг завопил и сел, хватаясь за ногу рукой. Было такое ощущение, что колено разбилось на три отдельных куска и края осколков цепляются друг за друга. Впрочем, вслушиваться в ощущения времени не было — Ли ударил Ига по макушке и вновь уронил его на спину. Щепастая палка, оставшаяся от древка вил, куда-то улетела. Небо продолжало свой тошнотворный хоровод.

Ли размахнулся и изо всех, сколько мог, сил ударил Ига прикладом между ног, по яйцам. Иг не смог закричать, у него не было для этого воздуха. Он дернулся, перевалился на бок и согнулся пополам. Твердый белый узел боли поднялся из паха к печени, почкам и кишкам, расширяясь, как отравленный воздух, заполняющий воздушный шар, затопляя весь мир всеохватным ощущением тошноты. Тело Ига до предела напряглось в старании побороть тошноту, сжалось, как кулак.

Ли отбросил дробовик, звякнувший на полу неподалеку от Эрика. Затем он начал бродить по помещению, явно что-то высматривая. Иг не мог говорить, его легкие почти не получали воздуха.

— Так куда же Эрик дел эту свою пукалку? — размышлял Ли. — Ты знаешь, Иг, ведь ты меня одурачил. Просто удивительно, что ты делаешь с людьми. Как ты заставляешь их все забывать. Стираешь их память. Заставляешь их слышать голоса. Я ведь правда думал, что это Гленна. Я уже ехал сюда, когда она позвонила мне из парикмахерской и велела отправляться на хрен. Ну, что-то в этом роде. Ну ты поверишь? Я сказал: «О'кей, я отправлюсь на хрен, но каким образом ты вытащила свою машину?» — а она сказала: «Чего ты там такое лепишь?» Можешь себе представить, что я тогда чувствовал. Словно я вообще сошел с ума. Словно весь мир сошел с ума. У меня уже было, что я так себя чувствовал. Совсем еще маленьким я упал с забора и повредил голову, а когда очнулся, луна дрожала, словно вот-вот упадет с неба. Я пытался однажды тебе рассказать, как я ее починил. Починил луну. Я навел с небесами порядок. А теперь наведу порядок с тобой.

Иг услышал визг железных петель открываемой топки и ощутил почти болезненный всплеск надежды. Чернохвостый гремучник расправится с Ли. Ли протянет руку в дымоход, и змея его укусит. Но затем он услышал, как Ли идет назад, шаркая подошвами по бетону. Он только открыл дверцу, возможно, чтобы было больше света, и продолжал искать револьвер.

— Я позвонил Эрику, сказал, что, по-моему, ты здесь, что ты задумал что-то непонятное, и нам нужно тебя прижать, не знаю уж, насколько круто. Я сказал, что ты был когда-то моим другом, а потому нам бы лучше разобраться с тобой неофициально. Ну, ты знаешь Эрика, мне не пришлось его долго уговаривать. Даже не потребовалось говорить ему, чтобы прихватил дробовик и револьвер, он сам догадался. Знаешь, я в жизни своей не стрелял из ружья. Даже не заряжал его. Мать всегда говорила, что ружья и пистолеты — это правая рука дьявола и она не потерпит их в доме... А-а, ну все-таки лучше, чем ничего.

Негромкий металлический скрежет, Ли подобрал что-то с пола. Волны тошноты накатывали все время, Иг уже мог дышать, хотя и крошечными глотками. Он подумал, что еще минута покоя, и он наберется сил, чтобы сесть, чтобы сделать последнюю попытку. А еще он думал, что за минуту получит в голову пять пуль тридцать восьмого калибра.

— У тебя, Игги, сплошные фокусы, — сказал Ли, возвращаясь назад. — Ну вот как это было пару минут назад? Когда ты кричал отсюда голосом Гленны. Какой-то частью я снова во все поверил, поверил, что это и вправду она, хотя при этом прекрасно знал, что она сейчас в парикмахерской. Голоса, Иг, — это высший класс, но не такой высший, как вылезти из сгоревшей машины без единой царапины на теле. — Ли стоял над Игом и держал в руке не револьвер, а головку вил. — Как это вышло? — спросил он. — Как ты стал таким рогатым?

— Меррин, — сказал Иг.

— Так что насчет Меррин?

Голос Ига дрожал, звучал еле слышно, едва ли громче обычного выдоха.

— Без Меррин в моей жизни... я был бы таким.

Ли опустил на одно колено и всмотрелся в Ига с искренним, похоже, сочувствием.

— Я ведь тоже ее любил, — сказал он. — Думаю, любовь превратила в дьяволов и тебя, и меня.

Иг открыл рот, чтобы что-то сказать, а Ли положил руку на его шею, и все зло, совершенное им когда-нибудь, хлынуло в Игово горло, как некая леденящая едкая жидкость.

— Нет, я думаю, было бы ошибкой позволить тебе говорить, — сказал Ли и занес над головой вилы, направив зубья Игу в грудь. — Да, впрочем, нам больше и не о чем

разговаривать.

Раздался трубный глас, резкий оглушительный вой, звук предстоящей автомобильной аварии. Ли дернул головой и взглянул на дверь, где стоял на одном колене, поднеся трубу к губам, Терри Перриш. За это мгновение Иг сел, оттолкнул в сторону руку Ли, схватил его за лацканы куртки и ударил головой ему в живот, вбил рога в желудок Ли. Удар отдался у Ига в позвоночнике. Ли хрюкнул — негромкий простейший звук выходящего из него воздуха.

Рога словно прилипли к влажным присоскам, их было никак не высвободить. Иг покрутил головой из стороны в сторону, все расширяя пробитые дыры. Ли обхватил руками голову Ига, пытаясь его оттолкнуть, а Иг его снова боднул, преодолевая упругое сопротивление. Он ощутил запах крови, мешавшийся с каким-то другим запахом, мерзкой вонью недельной помойки — наверное, от проколотых кишок.

Ли положил ладони Игу на плечи и толкнул, пытаясь снять себя с рогов. Они высвободились с хлопаньем, похожим на звук, издаваемый резиновым сапогом, когда его вытаскивают из глубокой грязи.

Ли сложился пополам и упал на бок, обхватив руками живот. Иг тоже не мог больше сидеть, упал и обмяк на бетоне. Он все еще смотрел на Ли, лежавшего почти что в позе зародыша, обнимая себя, с закрытыми глазами, распахнув рот до предела. Ли уже больше не кричал, не было для этого воздуха, а закрытыми глазами он не мог видеть скользящего мимо полоза. Полоз искал место, куда бы спрятаться, куда бы уползти из этого бедлама. Проползая мимо, он повернул голову и кинул на Ига отчаянный золотой взгляд.

Туда, мысленно посоветовал Иг, указывая подбородком на Ли. *Прячься. Спасайся.*

Полоз помедлил, взглянул на Ли и снова на Ига, во взгляде змеи ощущалась несомненная благодарность. Она отклонилась от прежнего пути, скользнула по пыли на гладкий бетон и начала заползать в до предела разверстый рот Ли.

Глаза Ли распахнулись, и здоровый и полуслепой, они сияли чем-то вроде экстатического ужаса. Ли попытался сомкнуть челюсти, но, укусив змею толщиной в три дюйма, он только ее испугал. Ее хвост яростно задергался туда-сюда, она стала еще быстрее заползать в горло Ли. Ли хрипло, придушенно застонал и отпустил свой пробитый живот, пытаясь схватить змею, но та без труда ускользала из мокрых от крови ладоней.

Подбежал, спотыкаясь Терри.

— Иг? Ты...

Но, увидев Ли, бьющегося на полу, он замер на месте. Ли лежал на спине и кричал, хотя трудно себе представить, как ему удавалось издавать какие-то звуки горлом, полным змеи. Его пятки колотили по полу, лицо настолько побагровело, что казалось черным, сосуды на лице едва не лопались. Плохой, поврежденный глаз все еще смотрел на Ига с чем-то близким к изумлению. Этот глаз казался бездонной черной дырой, в которую спускалась винтовая лестница из бледного дыма, ведущая в глубины, уйдя в которые душа никогда не вернется. Его руки вяло лежали по бокам, из открытого рта висели добрых восемь дюймов полоза, длинный черный запал, присоединенный к человековидной бомбе. Змея не шевелилась, попала на обман, сделала серьезнейшую ошибку, пытаясь спрятаться во влажном тесном туннеле плоти Ли Турно. Она не могла ползти дальше, но не могла и выскользнуть назад. Игу было ее жалко. Не лучший способ умереть: застряв внутри Ли Турно.

Боль возвращалась — из паха, расшибленного плеча и перебитых коленей, как из четырех притоков, вливающих в глубокий резервуар тошноты. Иг закрыл глаза, чтобы как-нибудь унять свою боль. Затем на некоторое время все смолкло в старой литейной, где бок о бок лежали человек и демон, хотя кто из них кто — это еще вопрос для серьезного богословского спора

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Тени плескались по стенам, вздымаясь и опадая, темнота приходила волнами. Мир тек вокруг Ига, и тот старался удержаться на поверхности. Какой-то своей частью он хотел

погрузиться, убежать от боли, прикрутить громкость в своем изуродованном теле. Он уже отплывал от себя, боль уравнивалась сонным растущим ощущением плавучести. Над головою медленно струились звезды, слева направо, словно он лежал на спине в Ноулз-ривер, отдавшись течению.

Над ним склонился встревоженный, озабоченный Терри.

— Все путем, Иг, все путем. Я сейчас тут кой-кому позвоню. Мне нужно сбегать к машине за телефоном.

Иг улыбнулся, пытаясь его успокоить, он хотел сказать Терри, что всего-то и надо, что его поджечь. Канистра стоит у стены, плеснуть на него бензином, кинуть спичку, и все будет в порядке. Но ему не хватало воздуха, чтобы вытолкнуть из себя слова. И горло его было слишком ободрано, чтобы что-либо говорить. Ли Турно проделал над ним серьезнейшую работу.

Терри сжал ему руку, и Иг случайно узнал, что его старший братишка в седьмом классе списал ответы на тест по географии у мальчика, сидевшего перед ним.

— Я сейчас вернусь, — сказал Терри. — Ты меня слышишь? Буквально через минуту.

Иг кивнул, благодарный, что Терри взял на себя все заботы.

Терри отпустил руку Ига, встал и исчез из виду.

Иг слегка откинул голову и посмотрел на красноватый свет свечей, колыхавшийся между старыми кирпичами. Непрерывное движение света убаюкивало, углубляло чувство зыбкого парения. Потом пришла мысль, что, если есть этот свет, дверца топки должна быть открыта. Правильно, ее открыл Ли, когда что-то искал на полу.

А затем Иг понял, что сейчас будет, и это понимание выбило его из сонного ступора. Терри сейчас увидит телефон, Гленнин телефон, аккуратно положенный в топке на одеяло. Нельзя, чтобы Терри совал туда руку. Терри, который в четырнадцать лет едва не умер из-за того, что его ужалила пчела, уж ему-то точно нужно держаться, на хрен, подальше от этой топки. Иг попытался крикнуть брату, предостеречь, но все, что у него получилось, — это какой-то надтреснутый свист.

— Минутку, Иг, — сказал Терри из другого конца помещения. Он говорил словно сам с собой. — Потерпи немного, Иг... Подожди! Эй, Иг, нам крупно повезло. Никуда ходить не надо, телефон здесь.

Иг повернул голову и вновь попытался его остеречь, даже сказал целое слово: «Терри». Но затем его горло снова мучительно сжалось, и больше он ничего не сказал, да к тому же Терри даже не оглянулся на звук своего имени.

Он просунул голову в дверцу и взял телефон с комкастого одеяла. При этом один из углов распрямился, и Терри замер, увидев петли лежавшей под одеялом змеи, чешуйки, похожие в свете свечей на отшлифованную медь. Послышался сухой, кастаньетный стук гремушек.

Змея развернулась и ударила Терри в запястье со звуком, который был слышен Игу даже на расстоянии двадцать пять футов, словно комком теста в стенку. Телефон отлетел в сторону. Терри закричал и резко выпрямился, врезавшись черепом в чугунную дверцу. От удара он рухнул на матрас, вскинув предварительно руки, его голова и плечи повисли внутри топки.

Змея так и не выпустила его запястья. Терри схватил ее и дернул. Зубы чернохвостого гремучника располосовали ему руку и высвободились, тогда он снова свернулся и снова ударил, вонзив зубы в левую щеку Терри. Терри схватил его за середину тела и дернул, змея его отпустила, подобралась в комок и ударила в третий раз, затем в четвертый. При каждом ударе раздавался звук, словно кто-то тренировался с боксерской грушей.

Терри выбрался из топки и упал на колени, теперь он держал змею почти за конец хвоста. Он оторвал ее от себя, вскинул вверх и ударил об пол, словно выбивая из нее пыль. По бетонному полу разлетелись кровь и змеиные мозги. Терри откинул ее от себя, она развернулась и упала на спину. Ее хвост бешено бил по полу. Затем это дерганье стало утихать, хвост уже мирно качался из стороны в сторону, а потом и совсем замер.

Терри стоял перед топкой на коленях, опустил голову, как человек углубленный в

молитву, преданный прихожанин церкви Святой Всеобъемлющей Топки. Его плечи поднимались и опускались, поднимались и опускались в такт дыханию.

— Терри, — сказал Иг почти разборчиво, но Терри не повернул голову и не посмотрел на него.

Если Терри его и слышал — Иг не был в этом уверен, — значит, он не мог ответить. Терри приходилось экономить каждый драгоценный плоток воздуха для непомерных усилий по заполнению легких новой порцией воздуха же. Если это анафилактический шок, то в ближайшие минуты ему потребуется адреналин, или его задушат, раздувшись, ткани его собственного горла.

Гленнин телефон был где-то в топке, не дальше тридцати футов, но Иг не знал, куда Терри его уронил, и не хотел ползать в его поисках, пока Терри будет задыхаться. Он чувствовал себя очень слабым и не был даже уверен, что залезет в дверцу топки, ведь это два с половиной фута от пола. А канистра стояла прямо у двери.

Иг знал, что начало будет самым трудным. Одна уже мысль о том, чтобы повернуться на бок, зажала огромную, непомерно сложную сеть боли в плече и в паху, в сотне горящих волокон. Чем больше он будет раздумывать, тем хуже все будет. Он повернулся на бок и почувствовал, словно иззубренное лезвие, воткнутое в его плечо, покрутили туда-сюда — изощренная пытка. Он закричал — хотя и не знал до этого, что может кричать, — и закрыл глаза.

Когда в голове у Ига прояснилось, он вытянул уцелевшую руку, вцепился в бетон и протянул себя примерно на фут. И снова закричал. Он попытался отталкиваться ногами, но не чувствовал их, не чувствовал ничего ниже этой резкой, неотвязной боли в коленях. Его юбка промокла от крови. Придется, наверное, выбросить.

— А ведь это была моя любимая, — прошептал он, прижимаясь носом к полу. — Я собирался надеть ее на танцы.

И рассмеялся — сухой грубый гогот, звучавший совершенно бредово. Правой рукой он подтащил себя еще на фут, и сотни ножей впились в его левое плечо, боль перекинулась на грудь. До двери не стало ближе. Иг едва снова не рассмеялся, настолько все это было тщетно. А затем рискнул посмотреть на брата Терри все еще стоял перед топкой на коленях, но голова его настолько опустилась, что лоб почти касался пола. С того места, где находился Иг, он уже не мог заглянуть через топку в дымоход. Вместо этого он смотрел на полуоткрытую железную дверь, вокруг которой колыхалось пламя свечей, и...

...там дверь, вокруг которой колебался свет.

Он был очень пьяный. Он не был таким пьяным с той ночи, когда убили Меррин, и хотел быть еще пьянее. Он нассал на Приснодеву. Он нассал на крест. Он обильно нассал на собственные ноги, и это было смешно. Он заталкивал свое хозяйство себе в штаны и как раз запрокинул голову, чтобы глотнуть из бутылки, когда увидел над собой в развилке старого мертвого дерева днище древесной хижины, расположенное не дальше пятнадцати футов от земли, и широкий прямоугольник люка, обрисованный неверным светом, пробивавшимся вокруг него. В темноте едва читались слова, написанные на люке: «Блаженны вы будете, сюда войдя».

— Хм, — сказал Иг, рассеянно затыкая бутылку пробкой и роняя ее на землю. — А вот и ты. Я тебя вижу.

Древесная Хижина Разума хорошо над ним пошутила — над ним и над Меррин, прячась от них все эти годы... Ее не было здесь никогда, в том числе и в те разы, когда он приходил на место, где была убита Меррин. Или, может быть, она была здесь всегда, но его мозг не был так настроен, чтобы, ее увидеть.

Застегнув рукой молнию, он покачнулся и продвинулся...

...еще на фут по гладкому бетонному полу. Он не хотел поднимать голову, чтобы посмотреть, как далеко он продвинулся, боялся, что находится не ближе к двери, чем несколько минут назад. Он вытянул правую руку и...

...схватился за нижнюю ветку и начал карабкаться. Его нога соскользнула, и, чтобы

не упасть, ему пришлось вцепиться в сук. Он закрыл глаза, чтобы переждать мгновенное головокружение, когда казалось, что дерево вот-вот вырвется из земли и упадет вместе с ним. Придя в себя, он полез дальше, двигаясь с предусмотрительным гибким изяществом дьявола. Вскоре он оказался на ветке, расположенной прямо под люком, и попытался этот люк открыть. Но люк был чем-то придавлен изнутри и только громко стукнул в своей раме. Изнутри донесся негромкий вскрик, очень знакомый ему голос.

— Что это? — испуганно спросила Меррин.

— Эй! — крикнул другой голос, еще больше ему знакомый, его собственный. Доносившийся изнутри древесной хижины, он звучал глухо и удаленно, но даже так Иг узнал его сразу. — Эй, есть там кто-нибудь?

Какой-то момент Иг не мог двигаться. Они были там, по ту сторону люка, Меррин и он сам, все еще молодые и здоровые и очень друг друга любящие. Они были там, и было еще не поздно спасти их от худшего, что придется на их долю, и он быстро поднялся и ударил плечами в створку люка...

...и открыл затуманенные глаза. И проморгался, на что ушло довольно много времени, может быть, целых десять минут. Его сердце билось редко и напряженно. Его левое плечо, бывшее прежде горячим, стало мокрым и холодным. Этот холод его беспокоил. Трупы всегда холодеют. Он поднял голову, чтобы разобраться в обстановке, и обнаружил себя в яре от дверного проема и шестифутового обрыва, о котором старался не думать. Жестянка с бензином была там, внизу, чуть справа. Все, что ему нужно, — это пролезть через дверь и...

...он может рассказать им, что будет дальше, может их предупредить. Он может сказать младшему себе, чтобы любил Меррин бережнее, доверял ей, все время держался с ней рядом, что времени у них мало, и он бил по люку еще и еще, но каждый раз крышка только приподнималась на дюйм или около и с грохотом ложилась на место.

— Кончай это, на хрен! — крикнул в древесной хижине младший Иг.

Иг помедлил, готовясь к новому заходу на люк, и сдержал себя, вспомнив, как он сам был по другую сторону этого люка.

Он боялся открыть люк, едва набрался мужества освободить его крышку, когда нечто, поджидавшее снаружи, перестало ломиться внутрь. И ничего там не было. Его там не было, вернее — их.

— Послушайте, если кто-то там есть, — сказал по ту сторону люка тот, кем он прежде был. — Ну ладно, вы вдосталь позабавились, у нас уже поджилки трясутся. Сейчас мы выйдем.

Скрипнули ножки отодвигаемого кресла, Иг толкнул люк, и в тот же самый момент младший Иг его распахнул. Игу показалось, что он на мгновение увидел, как мимо него проскользнули две тени, но, наверное, виной тому были его фантазия и свет свечей, оживлявший темноту.

Они забыли загасить свечи, и, когда Иг просунул в люк голову, те еще горели, так что...

...он просунул голову в люк, и все его тело кувыркнулось вслед за ней. Он ударился о землю плечами, и через его левую руку проскочил черный электрический разряд, взрыв такой сокрушительной силы, что должен был разнести его на куски. И развесить эти куски по деревьям. Он перекатился на спину и долго лежал с открытыми глазами.

Мир дрожал от силы удара, Иговы уши наполнились атональным гудением. Когда он взглянул на ночное небо, это было как конец немого кино: черный круг начал ужиматься, уничтожая мир, оставляя его...

...одного в темноте древесной хижины.

Свечи превратились в жалкие огарки. Толстые блестящие потеки воска почти полностью заслонили дьявола, примостившегося у основания меноры. Комната была освещена неверным мерцающим огнем. Слева от открытого люка стояло кресло с пятнами плесени. На стенах колебались тени фигурок, двух Божьих ангелов и инопланетянина. Дева Мария валялась на боку, в точности как он ее и оставил.

Иг окинул все это взглядом. Казалось, с того времени, как он здесь был, прошли не годы, а несколько часов.

— Так в чем же смысл? — спросил он. Сперва ему казалось, что он говорит сам с собой. — Если я не могу им помочь, так зачем же приводить меня сюда?

С каждым словом он все больше распалялся. Его грудь теснилась от жара, свечи были очень дымные, и комната насквозь ими пропахла.

Нет, должна быть какая-то причина, он должен что-то здесь найти. Возможно, что-нибудь такое, что они забыли. Он посмотрел на приставной столик с фарфоровыми фигурками и заметил, что его ящичек открыт примерно на четверть дюйма. Он вытащил ящик совсем, в надежде, что там что-то есть, что-то, что можно использовать, что-то, могущее чему-то научить. Но там не было ничего, за исключением спичечного коробка. На наклейке, откинув голову, заходился хохотом черный дьявол. И было название «Спички „Люцифер“», написанное витиеватым шрифтом под девятнадцатый век. Иг схватил коробок, посмотрел на него и сжал в кулаке, чтобы раздавить. Но не сделал этого. Он стоял с коробком в руке и глядел на маленькие фигурки, а затем обратил внимание на пергамент, лежавший под ними.

Когда он был в этой хижине последний раз, когда Меррин была жива, а мир благожелателен, текст был написан на иврите, и Иг его абсолютно не понимал. Он думал, что это филиakterия, отрывок из Писания, но в колеблющемся свете свечей черные буквы, похожие на живые тени, волшебным образом прикрепленные к пергаменту, таинственно сложились в обычные английские слова:

Древесная Хижина Разума
Дерево Добра и Зла
Старая Дорога к Литейной
Гидеон, НГ 03880
Правила и Условия:
Пока Ты Здесь Бери Все Что Хочешь
Когда Ты Будешь Уходить Получи То Что Тебе Нужно
Уходя Скажи Аминь
Курить Не Запрещается
Владелец Л. Морнингстар¹

Иг смотрел, совершенно не уверенный, что теперь, когда он знает, что там написано, он понимает текст хоть немного лучше. Ему нужна была только Меррин, а ее он никогда не получит, и ему хотелось сжечь это долбаное местечко на хрен, а курение не было запрещено, и не успев еще понять, что же это он делает, он взмахом руки смел со столика все, что на нем было, отшвырнул зажженную менору в дальний угол комнаты, пошибав маленькие фигурки. Инопланетянин скатился на пол. Ангел, похожий на Терри, державший трубу у губ, упал в полуоткрытый ящик. Второй ангел, тот, что высокомерно стоял над Марией, упал на столик и раскололся. Его высокомерная голова откатилась в сторону. Иг яростно повернулся...

...болезненно повернулся и увидел бензиновую канистру там, где он ее и оставлял, у каменной стены, ниже и направо от дверного проема. Он протиснулся сквозь бурьян и зацепил рукой канистру, раздались металлический звон и плеск. Найдя ручку канистры, он за нее потянул. Канистра была на удивление тяжелая, словно полная жидкого бетона. Иг пощупал канистру сверху, нашел коробку спичек «Люцифер» и отложил ее в сторону.

И немного полежал, набираясь сил для заключительного действия. Его правая рука непрерывно дрожала, и он не был уверен, что сможет сделать то, что нужно сделать. В конце концов он решил, что дальше будет только хуже, и попытался поднять канистру, вылить ее на себя.

Бензин хлынул на Ига остро пахнущим сверкающим дождем, он ощутил в

¹ Утренняя звезда(англ.) , то есть Люцифер («носитель света» по-латыни).

поврежденном плече неожиданный всплеск жгучей боли. Он непроизвольно закричал, из его рта рванулось облако серого дыма. Его глаза наполнились слезами. Ошеломляющая боль заставила его выпустить канистру и сложиться пополам. Его дрожь грозила превратиться в самые настоящие судороги. Он стал водить по земле правой рукой и даже не понимал, зачем это, пока не нащупал, спичечный коробок.

Еле слышно доносились треск сверчков и гул машин, пролетающих по шоссе. Иг открыл спичечный коробок, и спички посыпались из его дрожащей руки. Он подцепил одну из немногих оставшихся и провел ею по чиркалке. Над спичкой появился язычок белого пламени.

Свечи упали и разлетелись во все стороны. В большинстве своем они продолжали гореть. Серый резиновый инопланетянин подкатился к одной из них и начал быстро чернеть и плавиться. Один глаз проплавился насквозь, и стало видно, что фигурка пустая. Еще три свечи оказались у стенки, прямо под окном, августовский ветерок осторожно трепал белые занавески.

Иг схватил занавески в кулак, сорвал их с окна и бросил на горящие свечи. Пламя взлетело по дешевому нейлону и бросилось к его рукам. Иг отпустил занавески.

Что-то хрустнуло под ногой, словно он наступил на электрическую лампочку. Опустив глаза, Иг увидел фарфоровую статуэтку дьявола. Тело дьявола было раздавлено, уцелевшая голова качнулась пару раз на неровном полу и замерла. Она маниакально улыбалась, демонстрируя полный набор зубов.

Иг наклонился и подобрал фарфоровую голову с пола. Стоя в горячей древесной хижине, он рассматривал культурное, симпатичное лицо Сатаны, изящные иголки его рогов. По стене взбегали языки пламени, под потолком скапливался черный дым. Пламя пожирало все подряд, и кресло, и приставной столик. Похоже, маленький дьявол взирает на это с одобрением. Он не мог не одобрить человека, умеющего сжигать. Но Иг уже сделал все, что нужно было сделать, и пора было двигаться дальше. Мир полнился другими огнями, только и ждавшими, чтобы их зажгли.

Он секунду покатал фарфоровую головку между пальцами, а затем повернулся к приставному столику, взял Деву Марию, поцеловал в маленькое личико и сказал: «Прощай, Меррин». И аккуратно ее поставил.

Затем он взял ангела, стоявшего перед ней. Когда-то лицо у ангела было властное и высокомерное, типа не-смей-меня-трогать, но теперь голова отлетела и куда-то закатилась. Иг приставил на пустое место голову дьявола, решив, что Деве Марии будет веселее в компании того, кто умеет позабавиться.

Дым не давал Игу дышать, жег ему глаза. Его кожа туго натянулась от нестерпимого жара. Иг пробрался к люку, но прежде чем сквозь него пролезть, посмотрел, что на нем написано, он точно помнил, что изнутри тоже есть какая-то надпись, сделанная белилами. Надпись гласила: «Блаженны вы будете, когда уйдете». Иг хотел рассмеяться, но не рассмеялся. Вместо этого он погладил рукой крышку люка, сказал: «Аминь» — и опустил в отверстие.

Поставив ногу на толстый сук, расположенный прямо под люком, он последний раз огляделся, древесная хижина была в самом центре огненной бури. От жара из досок вылетали сучки. Горящее кресло ревело и шипело. За все про все он был собой доволен. Без Меррин это местечко только и годилось, что на растопку. То же самое и весь мир, насколько дело касалось Ига. Он захлопнул за собой люк и начал медленно, осторожно спускаться. Ему нужно было вернуться домой. Ему нужно было отдохнуть.

Нет. Больше всего ему было нужно добраться до горла человека, отнявшего у него Меррин. Что там было написано на пергаменте в Древесной Хижине Разума? Что по пути отсюда ты получишь то, что тебе нужно? Будем надеяться.

Он остановился только однажды, на полпути к земле, чтобы, прислониться к стволу и потереть ладонями виски. Там нарастала тупая, опасная боль, давление чего-то, с острыми кончиками вылезавшего из его головы. Господи! Если уже сейчас он так себя

чувствует, можно себе представить, какое похмелье разыграется утром.

Иг выдохнул — не заметив бледного дыма, рванувшегося из его ноздрей, — и продолжил спускаться с дерева, а небо над ним пылало.

Он смотрел на спичку, горевшую в руке ровно две секунды — *Миссисипи раз, Миссисипи два*, — а затем она догорела до пальцев, до бензина, и он запыхал с глухим ударом и шипением, взорвался, как петарда.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Иг стоял, горящий человек, дьявол, объятый пламенем. Добрых полминуты его лизали огненные языки, срывали с него плоть и уносили с ветром. А затем, столь же быстро, как и вспыхнуло, пламя стало угасать. Мгновение, и оно исчезло полностью, остался только черный маслянистый дым, окруживший его тело густым удушливым столбом. Вернее сказать, он был бы удушливым для любого человека, а демону, стоявшему в его центре, казался освежающим, как альпийский ветерок.

Иг сбросил сотканную из дыма мантию, вышел из нее совершенно нагой. Его старая кожа полностью сгорела, а новая имела более глубокий оттенок пунцового цвета. Левое плечо все еще было малоподвижным, хотя рана и превратилась в жутковатую массу белой рубцовой ткани. В голове у него прояснилось, он чувствовал себя так, словно только что пробежал милью и пора бы поплавать. Вся трава вокруг него обгорела. Полоска огня неспешно двигалась по зарослям бурьяна в сторону леса. Иг взглянул через нее на сухое вишневое дерево, казавшееся бледным на фоне зелени.

Он покинул Древесную Хижину Разума всю в огне, поджег небеса, но вишня так и осталась неповрежденной. Ветер дул горячими порывами, шелестели листья, но даже отсюда Игу было видно, что там нет никакой древесной хижины. Это было даже странно — казалось, что огонь *ищет* вишню, прожигая в бурьяне путь к ее стволу. Наверное, все дело в ветре, который гонит огонь через лужайку, к старым деревьям.

Иг пролез в литейную через дверной проем, перешагнув по дороге братнину трубу.

Терри так и стоял на коленях, опустив голову перед открытой дверцей топки. Иг увидел, что он не движется, холодную сосредоточенность его лица и подумал, что даже и в смерти брат выглядит вполне достойно. Его рубашка гладко облегла широкую спину, манжеты были аккуратно подвернуты. Иг опустился на колени рядом с Терри. Два брата на церковной скамейке. Он взял Терри за руку и узнал, что, когда тому было одиннадцать, он в школьном автобусе сунул Игу в волосы жевательную резинку.

— Вот на хрена ж! — возмутился Иг. — Мне же пришлось выстригать ее ножницами.

— Что? — спросил Терри.

— Жвачку, которую ты сунул мне в волосы, — объяснил Иг. — В девятнадцатом автобусе.

Терри со свистом вдохнул немного воздуха.

— Дышишь, — сказал Иг. — Как тебе дышится?

— У меня, — прошептал Терри, — очень сильные. Легкие. Я же. Играю на трубе. Время от времени. — Помолчав секунду, он добавил: — Это. Настоящее. Чудо. Что мы с тобой. Вышли из этого. Живыми.

— Еще не вышли, — сказал Иг.

Гленнин телефон валялся в топке, он ударился о стенку и треснул. Крышка аккумулятора так и совсем отлетела. Иг почти не надеялся, что телефон работает, но он загудел, как только был открыт. Дьявольское везение. Иг набрал «скорую помощь» и сообщил бесстрастному оператору, что его укусила змея, что он в старой литейной, рядом с семнадцатым шоссе, что тут валяются трупы и горит трава. Затем он прервал связь и сел на корточки рядом с Терри.

— Ты позвал, — сказал Терри. — На помощь.

— Нет, — сказал Иг. — Это ты позвал на помощь. Слушай внимательно, Терри.

Позволь мне сказать то, что тебе нужно запомнить, и то, что ты неизбежно забудешь. Тебе многое предстоит забыть. И то, что случилось сегодня, и то, что случалось раньше. — В его рогах ощутился толчок чистого животного удовольствия. — В этой истории нет места для двоих героев, а каждый знает, что дьявол не может быть положительным персонажем.

Иг тихим спокойным голосом рассказал ему историю, хорошую историю, а Терри слушал и кивал, словно в такт какой-то особо ему понравившейся песне.

Несколько минут, и рассказ закончился. Иг посидел с Терри еще немного, никто из них не говорил. Может, Терри уже и не знал, что брат находится здесь, ему было велено это забыть. Он стоял на коленях и словно бы спал. Иг сидел рядом, пока не услышал далекое завывание трубы, игравшей одиночную тревожную ноту, звук панической спешки: приближались пожарные машины. Взяв голову брата руками, он поцеловал его в висок. То, что он увидел, было менее важным, чем то, что он почувствовал.

— Ты хороший человек, Игнациус Перриш, — прошептал Терри, не открывая глаз.

— Не богохульствуй, — сказал Иг.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Он слез из дверного проема на землю, немного подумал, обернулся и прихватил братнину трубу. Затем взглянул на лужайку, по которой огонь стремился прямо к вишневому дереву. Какую-то секунду пламя поплясало вокруг ствола, а затем дерево буквально взорвалось, словно пропитанное керосином. Крона взревела — парашют красно-желтого пламени, — а ведь в его ветвях находилась Древесная Хижина Разума. В окнах вздувались полотнища пламени. Во всем лесу горела только эта вишня, остальные деревья огонь не трогал.

Иг шагал по тропе, проложенной огнем, юный лорд на красной ковровой дорожке, постеленной к его особняку. По какой-то причуде оптики свет все еще включенных фар «кадиллака», падавший прямо на него, отбрасывал на кипящую завесу дыма огромную, в четыре этажа, тень. Первая из пожарных машин медленно переваливала с кочки на кочку, и ее водитель, тридцатилетний ветеран по имени Рик Террапин, именно это и увидел — рогатого дьявола, высотой с трубу литейной, — и он закричал, дернул руль, съехал с дороги и ударился о какую-то березу. Через три недели Рик торопливо уволился. После дьявола в дыму и ужаса, который он увидел в литейной, он уже не слишком рвался тушить пожары. Хрен с ним, со шмотьем, пускай себе горит.

Неся в руках украденную трубу, Иг вступил наконец в желтое сияние и подошел к дереву. Не теряя ни секунды, он полез по пылающей лестнице его сучьев. Он вроде бы слышал сверху голоса, насмешливые голоса и смех — какой-то праздник. Слышалась и музыка, литавры и трубы. Люк был открыт, Иг влез в свой новый дом, свою огненную башню, в которой возвышался трон из пламени. Он не ошибся, праздник был в самом разгаре — свадьба, *его* свадьба. Его ждала невеста с пылающими волосами, совершенно нагая, если не считать развевающейся огненной накидки. Он обнял ее, и ее губы нашли его губы, и они запылали вместе.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Терри вернулся домой на третьей неделе октября и в первый же теплый день съездил к литейной взглянуть, что там и как.

Большое кирпичное здание стояло на выгоревшей лужайке среди мусорных куч, вспыхнувших тогда, как костры, и превратившихся в кучу головешек, закопченных бутылок и банок и горелой проволоки. Само здание было измазано сажей, над ним висел отчетливый запах гари.

Но если обернуться в другую сторону, в верхней части тропы Ивела Нивела все

выглядело прекрасно, косой свет пробивался сквозь кроны в их красно-золотом убранстве. Деревья пылали, как огромные факелы. Терявшаяся внизу река тихо журчала, вторя вздохам ветра. Терри подумал, что мог бы просидеть здесь весь день.

В последние недели он много гулял, много сидел, наблюдал и ждал. В конце сентября он выставил свой лос-анджелесский дом на продажу, переехал в Нью-Йорк и почти ежедневно ходил в Центральный парк. Программа рассыпалась, а без нее не было причин цепляться за город, где нет времен года и где никуда нельзя сходить пешком.

В «Фоксе» все еще надеялись, что он вернется, даже обнародовали заявление, что из-за смерти брата Терри взял творческий отпуск, словно не замечали, насколько это противоречит фактам, Терри же официально уволился за несколько недель до эпизода в литейной. Что бы там телевизионщики ни говорили, он не вернется. Через месяц или два он, возможно, будет появляться на людях, играть в клубах по разовым ангажементам. А впрочем, он не слишком рвался работать. Что бы с ним дальше ни произошло, оно произойдет согласно его личному графику. В конце концов он что-нибудь себе подберет, а пока что даже не купил новую трубу.

Никто не знал, что случилось той ночью в литейной, так как Терри отказывался что-то объяснять, а все остальные действующие лица умерли, появилась уйма досужих домыслов относительно вечера, когда были убиты Эрик и Ли. Самую бредовую версию представил канал Ти-эн-зет. По их сведениям, Терри поехал в литейную искать своего брата и застал там спорящих Эрика Хеннити и Ли Турно. Терри услышал достаточно, чтобы понять: они убили его брата, сожгли его заживо в машине, а теперь приехали искать улики, которые могли позабыть. Согласно Ти-эн-зет, Ли и Эрик поймали Терри, хотевшего потихоньку уйти, и затащили его в литейную. Они собирались его убить, но хотели сперва узнать, не звонил ли он кому-нибудь, не знает ли кто-нибудь, где он находится. Они закрыли его в дымоходе вместе с ядовитой змеей в надежде, что он испугается и все расскажет. Но пока он там сидел, они снова начали спорить. Терри услышал крики и выстрелы. К тому времени, как он вылез из дымохода, все вокруг горело, а оба эти были мертвые. Эрик Хеннити был убит из ружья, а Ли Турно — вилами. Все это смахивало на сюжет какой-нибудь трагедии шестнадцатого века про воздаяние, не хватало разве что явления дьявола в заключительной сцене. Терри не мог приложить ума, где ребята из Ти-эн-зет взяли свою информацию, не купили ли они ее у кого-нибудь из полиции, ну, скажем, у следователя Картера. Вся эта дичайшая фантастика почти в точности совпадала с показаниями Терри.

Следователь Картер навестил Терри на второй день его пребывания в больнице. Про первый день Терри почти ничего не помнил. Его воспоминания начинались с того, что кто-то вкатил его на каталке в палату и натянул ему на лицо кислородную маску, а еще дуновение холодного воздуха, немного пахнувшего лекарствами. Он помнил, что потом у него были галлюцинации, что он открыл глаза и увидел мертвого брата, сидевшего на краешке больничной койки. У Ига была та пропавшая труба Терри, и он сыграл на ней бибоповый рифф. Здесь же была и Меррин, танцевавшая босиком в коротеньком платье из алого шелка, крутившаяся под музыку так, что далеко разлетались ее темно-рыжие волосы. Потом звуки трубы превратились в прерывистый писк электрокардиографа, Иг и Меррин поблекли, а потом и совсем исчезли. Еще позднее, уже под утро, Терри поднял голову с подушки и увидел родителей, сидевших на стульях, приставленных к стене, они спали, причем голова отца лежала на плече у матери. А еще они держались за руки.

На второй день Терри чувствовал себя не хуже, чем выздоравливающий от тяжелого, но вполне рядового гриппа. Его суставы противно ныли, он никак не мог напиться и ощущал жуткую слабость, но во всех прочих отношениях был уже сам собой. Когда врачаха, симпатичная азиатка в старомодных очках, зашла в палату, чтобы взглянуть на его медицинскую карту, Терри спросил ее, насколько близок он был к смерти. Она сказала, что был один шанс из трех, что он оклемается. Терри спросил, откуда она взяла такую вероятность, и врачаха ответила, что это проще простого. Есть три разновидности чернохвостых гремучников, он попал на разновидность с самым слабым ядом. С двумя остальными разновидностями шансов не было бы вовсе. Один из трех.

Следователь Картер вошел в палату как раз тогда, когда врачах выходила. Картер записал показания Терри совершенно бесстрастно, иногда задавая дополнительные вопросы, но, в общем-то, позволяя Терри самому вести нить повествования, почти как если бы он был не офицер полиции, а секретарь, пишущий под диктовку. Записав показания, он зачитал их Терри, делая кое-где мелкие поправки. Затем, не поднимая глаз от желтого линованного блокнота, он сказал:

— Я не верю ни слову из этого дерьма. — Сказал спокойно, без всякого выражения. — Вы же и сами это понимаете, верно? Ни одному долбаному слову.

И только тогда вскинул на него скучные понимающие глаза.

— Правда? — спросил Терри, лежавший на больничной койке, одним этажом ниже своей бабушки с расшибленным лицом. — Ну и что же, по вашему мнению, было в действительности?

— У меня есть масса других объяснений, — сказал следователь, — но в них еще меньше смысла, чем в той куче дерьма, которую вы мне подсовываете. Будь я проклят, если я хоть немного понимаю, что у вас там случилось. Будь я проклят.

— Да мы все, в общем-то, прокляты, — сказал Терри.

Картер бросил на него жесткий, недружелюбный взгляд.

— Мне бы очень хотелось рассказать вам что-нибудь другое, — сказал Терри, — но ведь и правда все так и было.

И большую часть времени, во всяком случае днем, он действительно верил, что так все и было. Но когда небо темнело, когда он пытался уснуть... в темноте у него появлялись другие мысли. Плохие мысли.

Скрип покрышек по гравию вывел Терри из задумчивости, он вскинул голову и посмотрел в сторону литейной. Изумрудный «сатурн» выскочил из-за угла и запрыгал по кочкам обгоревшей лужайки. Увидев Терри, водитель остановил машину, не доехав до него футов десять.

— Привет, Терри, — сказала Гленна Николсон, вылезая из-за руля.

Увидев его, она ничуть не удивилась, словно они заранее договорились о встрече. Она выглядела прекрасно, фигуристая девушка в серых вареных джинсах, черной рубашке без рукавов и черном ремне с заклепками. Терри видел на ее оголенном бедре плеейбойного кролика, что было немного китчово, но кто же не делает ошибок, которые хочется потом исправить?

— Привет, Гленна, — сказал Терри. — Как это тебя сюда занесло?

— Случается, я здесь ланчую, — сказала Гленна, показывая пакет, завернутый в белую вошеную бумагу. — Тут спокойно. Хорошо думается. Об Иге... и о всяком.

Терри понимающе кивнул.

— А что у тебя там?

— Баклажан с пармезаном и «Доктор Пеппер» на запивку. Хочешь половину? Я всегда делаю большую порцию, не знаю уж почему. Большую я съесть не могу. Вернее, не должна бы, хотя иногда съедаю. — Гленна наморщила нос. — Я хочу скинуть десять фунтов.

— Зачем? — спросил Терри, еще раз окинув ее взглядом.

— Прекрати, — рассмеялась Гленна.

— Ну что ж, — пожал плечами Терри, — я съем половину твоего сэндвича, если так тебе надо. Но тебе не нужно беспокоиться, ты в полном порядке.

Они сели на какую-то корягу рядом с тропой Ивела Нивела. Вечерний свет разбросал по воде золотые блестки. До того как Гленна дала ему половину сэндвича и он вцепился в него зубами, Терри даже не подозревал, что проголодался. Вскоре сэндвич кончился, Терри облизал пальцы, и они по-братски разделили банку «Доктора Пеппера». Они ни о чем не говорили. Терри было хорошо и спокойно. Он не хотел поддерживать разговор для вежливости, и она, похоже, это понимала. Тишина не действовала ей на нервы. Это было забавно, в Лос-Анджелесе никто никогда не решался заткнуться, все панически боялись даже

секундной тишины.

— Спасибо, — сказал он наконец.

— Не за что, — ответила Гленна.

Терри провел пятерней по волосам. В последние недели он вдруг заметил, что они начинают редеть, и перестал стричься, так что его голова стала почти лохматой.

— Надо бы забежать к вам в парикмахерскую, чтобы ты меня подстригла. Совсем волосы от рук отбились.

— Я там больше не работаю, — сказала Гленна. — Подстригла вчера последнего клиента, и все.

— Бросила, значит.

— У-гу.

— Ну что ж. Можно заняться чем-нибудь другим.

Они сделали по глотку «Доктора Пеппера».

— А интересная была последняя стрижка? — спросил Терри. — Под конец тебе бы полагалось привести в порядок чью-нибудь особо жуткую башку.

— Я подстригла мужика под машинку. Старого мужика. Не так уж часто бывает, чтобы старые мужики выбривали свои головы — это больше по части молодых пижонов. Да ты его знаешь, папаша Меррин Уильямс. Дейл, что ли?

— Да, я его немного знаю, — сказал Терри и поморщился, смирив приливную волну не совсем понятной печали.

Конечно же, Ига убили из-за Меррин. Ли и Эрик сожгли его заживо из-за того, что он, по их мнению, с ней сделал. Последний год Ига выдался таким плохим, таким несчастным, что Терри не хотелось об этом думать. Он был уверен, что Иг этого не делал, не убивал Меррин. И теперь, наверное, никто никогда не узнает, кто же убил ее в действительности. Он содрогнулся, вспомнив ночь, когда умерла Меррин. Он был тогда с Ли Турно, мелким отвратным социопатом, и даже получал удовольствие от его общества. Пара стаканов, дешевая дурь на песчаной косе, а затем Терри отключился у Ли в машине и проснулся только на рассвете. Иногда ему начинало казаться, что той ночью он последний раз был действительно счастлив: играл в карты с Игом, а затем бесцельно катался по Гидеону сквозь августовский вечер, пахнувший рекой и петардами. Этот запах, пожалуй, не сравнить ни с чем на свете.

— С чего это он вдруг? — спросил Терри.

— Мистер Уильямс сказал, что переезжает в Сарасоту и хочет там чувствовать солнце всей голой головой. А кроме того, его жена ненавидит бритоголовых мужчин. Или, может быть, она ему уже не жена. Кажется, он едет в Сарасоту без нее. — Гленна разгладила на колене кленовый листик, взяла его за черешок и отпустила по ветру. — Я тоже уезжаю. Потому и бросила работу.

— Куда?

— В Нью-Йорк.

— Вот же черт! А ко мне там заглянешь? Я покажу тебе хорошие клубы.

Терри вытащил из кармана какой-то старый рецепт и уже писал на нем номер своего мобильного.

— Это в каком же смысле? Ведь ты же вроде в Лос-Анджелесе?

— Не-а. Без «Хотхауса» ошиваться там совершенно бессмысленно, и я всегда предпочту Нью-Йорк Лос-Анджелесу. Он, ну, ты знаешь... более настоящий.

Он отдал Гленне номер телефона.

Она сидела на земле с клочком бумаги в руке и улыбалась Терри, ее локти стояли на коряге, на лице играл пробивавшийся сквозь кроны деревьев свет. Она смотрелась потрясающе.

— Только я думаю, — сказала она, — мы будем жить в разных районах.

— Затем-то Бог и изобрел такси.

— Так это Он их изобрел?

— Нет. Их изобрели люди, чтобы безопасно добираться домой после ночи, проведенной в пьяном безобразии.

— Если подумать, — сказала Гленна, — большинство хороших мыслей направлено на то, чтобы сделать грех проще и безопаснее.

— Тоже верно, — согласился Терри.

Они встали, чтобы прогуляться, утрясти в желудке сэндвичи, и стали неспешно огибать литейную. Подойдя к ее фасаду, Терри приостановился и взглянул на широкую полосу обожженной земли. Было довольно странно, как это ветер понес огонь прямо к лесу, а затем поджег одно-единственное дерево. *Это* дерево. Оно все еще стояло, цепляясь за небо своими жуткими черными рогами. На Терри повеяло холодом, он содрогнулся.

— Смотри, — сказала Гленна, наклоняясь и что-то поднимая.

Это был золотой крестик на тоненькой цепочке, он качался у Гленны в руке, и на ее симпатичном лице играли солнечные зайчики.

— Красивый, — сказала она.

— Хочешь взять его себе?

— Я, пожалуй, загорюсь, если надену эту штуку, — сказала Гленна. — Бери лучше ты.

— Не, — покачал головой Терри. — Это девчачий. — Он отнес крестик к молоденькому деревцу, росшему у стены литейной, и повесил его на ветку. — Может быть, та, что его потеряла, когда-нибудь вернется.

Почти не разговаривая, только наслаждаясь тихим погожим днем, они обогнули литейную и вернулись к ее машине. Терри даже не заметил, как это произошло, но, подойдя к «сатурну», они держались за руки. Ее пальцы высвободились с явной неохотой.

Порывы ветра подметали лужайку, приносили запах пепла и осенний холод. Гленна обхватила себя руками и не без удовольствия передернулась. Откуда-то издали донеслись веселые задорные звуки трубы, Терри насторожился, но музыка, видимо, звучала из какой-то машины, пронесившейся по шоссе, потому что через секунду она умолкла.

— Ты знаешь, я ведь о нем скучаю, — сказала Гленна. — Прямо не знаю как.

— Я тоже, — сказал Терри. — Но тут есть одна такая странность. Иногда, иногда мне кажется, что он так близко, что вот повернусь и его увижу. Улыбается и чуть ли не подмигивает.

— Да, я такое тоже чувствую, — сказала Гленна и улыбнулась — жесткой, щедрой, настоящей улыбкой. — Слышь, мне пора ехать. Может быть, в Нью-Йорке увидимся.

— Никаких там «может быть». Точно увидимся.

— Хорошо. Точно.

Она села в машину, захлопнула дверцу, помахала ему рукой и только потом тронулась с места.

После ее отъезда Терри снова обвел глазами пустую литейную, выжженную лужайку. Он знал, что должен бы думать об Иге, разрываться от горя... но вместо этого он думал, как скоро после его приезда в Нью-Йорк позвонит Гленна и куда он ее поведет. Он знал кой-какие места.

Прилетел новый порыв ветра, не прохладный, а уже по-настоящему холодный, и Терри насторожился: ему опять послышался звук трубы. Прекрасно сыгранный маленький рифф, в этот момент, впервые за недели, его снова потянуло играть. Затем звук трубы исчез, улетел по ветру, да и ему пора было двигаться.

— Вот же чертовщина, — вздохнул Терри, сел в арендованную машину и уехал прочь.

БЛАГОДАРНОСТИ, ЗАМЕЧАНИЯ, ПРИЗНАНИЯ

Эксперты расходятся во мнениях относительно текста хита «Романтиков» «Что мне в тебе нравится». Иг поет «Твой шепот звучит все ближе и ближе», но многие слушатели утверждают, что Джим Маринос орет «Твой шепот звучит все тише и тише». Учитывая эту

неразбериху, я разрешил Игги петь, как ему хочется, однако извиняюсь перед пуристами, если мы с ним ошиблись. Как верно заметила корректор этой книги, саранча вымирает уже в июле, но автор притворился, что он этою не знает — по этим знаменитым художественным причинам, о которых мы столько наслышаны.

Я глубочайше благодарен доктору Энди Сингху за описание BRCA1 — разновидности рака, которая свела в могилу сестру Меррин и могла бы свести и ее, не потребуй мой сюжет иного развития событий. А любые ошибки в смысле медицины принадлежат автору и только ему. Я благодарен также Керри Сингх и всему остальному сингховскому клану за то, что в процессе создания этого романа много вечеров позволяли мне выворачивать им руки.

Я не могу не поблагодарить Даньелл и доктора Алана Эйдса, когда мне нужно было место, чтобы работать и чтобы никто меня не беспокоил, они мне его нашли.

Я благодарен также персоналу «Ли Мак» за то, что кормили меня целых четыре месяца. Я благодарен своим друзьям Джейсону Кьярамелле и Шону Леонарду, прочитавшим эту книгу в рукописи и обеспечившим мне весьма плодотворную обратную связь.

Спасибо Рею Свайману, просветившему меня относительно креста в Дон Орионе, и моей сестре, священнослужительнице Наоми Кинг, указавшей мне несколько полезных мест в Библии. Полезным источником была также книга Барта Эрмана «Проблема Бога, как вышло, что Библия не дает ответа на самый важный вопрос — почему мы страдаем». Я прочитал «Проблему Бога», работая над пятым черновиком. Сильно подозреваю, что, прочти я ее раньше, это был бы совершенно другой роман. Не лучше и не хуже, а просто другой.

За сценой над книгой работала увлеченная издательская бригада из «Уильям Морроу/Харпер Коллинс»: Мэри Шук, Бен Бартон, Тавия Ковальчук, Линн Грейди, Лиате Стехлик, Лори Янг, Ньямекайе Валия и корректор Морин Сагден. Благодарю их всех за то, что так много сделали для этой книги.

Нельзя не поблагодарить Джоди Хотчкисса и Шона Дейли, страстных книголюбов (а также страстных кинолюбов), бывших яростными сторонниками этого романа.

В какой-то момент мне самому стало казаться, что эта книга — дьявол, я благодарен своим редакторам Джен Брель, Джоу Флетчер и Питу Краутеру, а также литературному агенту Микки Чоату как за терпение, с которым они наблюдали мою борьбу с этой штукой, так и за их помощь, без которой мне бы и не обойтись. И в завершение я выражаю любовь моим родным, Леоноре и мальчишкам, — без них я черта бы с два закончил «Рога».

Дж. Х., август 2009